Министерство культуры Ростовской области

Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
«Донская государственная публичная библиотека»

Донской временник

Краеведческий альманах

Выпуск двадцать восьмой

Ростов-на-Дону
2019

К ЧИТАТЕЛЮ

Двадцать восьмой выпуск «Донского временника» представляет собой сборник краеведческих статей, не публиковавшихся ранее, и отражает новые исследования учёных и краеведов о донском крае, его истории и культуре.

Впервые наш ежегодник не привязан к юбилейным датам. Памятные даты года публикуются в электронном виде на сайте «Донской временник» (http://www.donvrem.dspl.ru.)

Самый большой раздел отведён статьям, посвящённым 270-летию Ростова-на-Дону, подготовленным по сообщениям на Пятых Коршиковских чтениях («Южный город в историческом и социально-культурном аспектах»).

Читателю откроются неизвестные факты биографии ростовского городского головы, почётного гражданина Николая Кузмина, предпринимателя Николая Парамонова, атамана Всевеликого Войска Донского Петра Краснова, банкира и музыканта Матвея Маврогордато, художника Егора Ознобишина, кинооператора Бориса Маневича, архитектора ростовского собора Рождества Пресвятой Богородицы Александра Кутепова, правозащитницы Елены Надтоки, краеведов Владимира Королёва, Николая Мининкова, Георгия Ефименко, Виктора Ващенко.

Интересен свежий взгляд на историческую печать Войска Донского (рубрика «Точка зрения»), а также информация о краеведческих мероприятиях всероссийского и областного масштаба. Тем, кто занимается генеалогическими исследованиями, поиском своих родственников за рубежом, будет полезно ознакомиться с работой исследователей Татьяны Пушкадии-Рыбкиной (Хорватия) и Инны Грубмайр (Австрия) «Жители Области войска Донского — эмигранты в Загребе» (раздел «Вестник Ростовского регионального отделения Союза краеведов России»).

Рассказывая о достопримечательностях нашего края, его уникальных уголках, мы по-прежнему обращаем внимание читателя на степные территории, требующие особого режима охраны (рубрика «Окно в природу»).

Библиографические ссылки в примечаниях к статьям альманаха выполнены в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008, сокращения — с ГОСТом — Р 7.0.12— 2011. Дополнительно принятые сокращения приведены в Списке сокращений.

Сборник снабжён вспомогательным Единым указателем, отражающим сведения об авторах и персонах, географических объектах и предметах.

РЕДАКЦИЯ

Составитель, редактор Л. А. Штавдакер
Ответственный за выпуск Е. М. Колесникова
Сборник подготовлен при участии Н. Н. Зайцевой и В. Ю. Храмова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. В. Венков
Л. Ф. Волошинова
Е. Д. Ломановская

© ГБУК РО «Донская государственная публичная библиотека», 2019
Перепечатка и воспроизведение материалов, а также их фрагментов возможны только с письменного разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО
АНТОНОВ О. М. Голод в Первом Донском округе (1921 — 1922 гг.) 5

ЛИЧНОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ
СЕМЁНОВА О.В. Семейная коллекция Мефодия Рубана 12
ГРИДАСОВА Ж. П. «Всего и надо, что вглядеться...». *Памяти Е. М. Надтоки* 17
НАДТОКА Е. М. Камни истории — на свалку?! *Публикация Ж. П. Гридасовой* 22

НАШИ КРАЕВЕДЫ
ТОДЫКА Р.А. Память в газетной строке *(Г. П. Ефименко)* 24
МИНИНКОВ Н. А. Историк казачества В. Н. Королёв 31
ПАШИНЬЯН К. Г. На волне щедрой памяти
(В. Л. Давыдов и его потомки; Е. Н. Беляева и Е. В. Переслени) 36
ПОНИДЕЛКОВА Т. И. Подвижник из слободы Никольской *(В. А. Ващенко)* 47
ЛАПТУРОВА Л. А. Статьи В. А. Ващенко в газете «Наш край» 49

ОКНО В ПРИРОДУ
МИНОРАНСКИЙ В. А. Степной заповедник «Ростовский» 50

МИР ИСКУССТВА
ШАДРИНА А. В. Класс иконописания в Донской духовной семинарии *(конец XIX века)* 61
ПАШИНЬЯН К. Г. К визиру как к прицелу. *Истории фронтового кинооператора Бориса Маневича* 64

ВЕСТНИК РОСТОВСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА КРАЕВЕДОВ РОССИИИ
СМИРНОВА А. Г. Всероссийские научные мероприятия Центра краеведения, москвоведения
и крымоведения Института Наследия и Союза краеведов России *(2019 год)* 68
ЛУБСКИЙ А. В., МИНИНКОВ Н. А. Региональная история и краеведение: точки соприкосновения 75
ШТАВДАКЕР Л. А. В Донской публичной библиотеке. *Хроника события [22 августа 2019 г.]* 80
ПУШКАДИЯ-РЫБКИНА Т. В.., ГРУБМАЙР И. И. Жители Области войска Донского — эмигранты в Загребе. *Список* 82

ПЯТЫЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
Южный город в историческом и социально-культурном аспектах *(Ростов-на-Дону, 19* сентября 2019 г.)
БОЙКО А. Л. Первый ящер 95
Почётный гражданин Николай Кузмин: *Высоцкая Е. П.* Ростовский городской голова Кузмин. — *Высоцкая Е. П., Цымбал А. А.* Атрибуция фотопортретов из коллекции де Боттари 100
ЦЫМБАЛ А А. Князь Матвей Маврогордато — банкир и музыкант 116
МАВРОГОРДАТО М. С. Виктория Маврогордато, урождённая Авьерино. *Из воспоминаний.*
Публикация А. А. Цымбал 122
ШАДРИНА А. В. Архитекторы Ростовского собора Рождества Богородицы 127
МАКСИМЕНКО Л. И. Альбом Е.А. Ознобишина. *Поиски. Находки. Загадки* 130
ВОЛОШИНОВА Л. Ф. Братское кладбище Ростова-на-Дону 134
МОРОЗОВА О. М. Арест Н. Е. Парамонова в 1918 году 141
КАЗАРОВА Н. А. Воспоминания о Ростове профессора А. М. Ладыженского 144
ЛАДЫЖЕНСКИЙ А. М. Ростов при белых. *Публикация Н. А. Казаровой* 145
СКОРИК А. П. Новочеркасск на рубеже 1920 — 1930-х годов 152
ВАЛУЙСКОВА О. В. Неутомимый Димитров 161

ТОЧКА ЗРЕНИЯ
ЧЕРНЯВСКИЙ К. Р. Вторая печать Войска Донского 165

ЕДИНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 169

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 174

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 175

Мой соплеменник, современник,
Читатель потаённых книг
Сидит безвыходно, как пленник,
И пишет новый временник.
<...>
О чём подумает потомок,
Вникая в этот временник?

Леонид Григорьян

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

О. М. АНТОНОВ

ГОЛОД В ПЕРВОМ ДОНСКОМ ОКРУГЕ
(1921—1922 гг.)

Одной из трагических вех 1920-х годов является голод на территории РСФСР, унёсший миллионы жизней. Эти события не обошли и Донскую область [1].

Возникновение голода здесь связывают с рядом причин.

Во-первых, с сокращением трудоспособного населения, прежде всего мужского, в результате его мобилизации в период Первой мировой и Гражданской войн и политики расказачивания [2]. В сравнении переписей населения 1897 и 1920 годов уменьшение числа мужчин в Первом Донском округе произошло на 20,4%, Сальском — на 12,2%, Черкасском — на 9,8%, Верхне-Донском — на 7%. Такое лидирующее положение убыли числа мужчин в Первом Донском округе обосновывается резким преобладанием казачьего населения над иногородним и участием преимущественно первых в Гражданской войне [3, с. 4243].

Во-вторых, сокращение посевных площадей, которые в сравнении 1920—1921 годов с 1917-м сократились в Первом Донском округе на 81%, Верхне-Донском — на 78,6%, Донецком — на 49,8%, Ростовском — на 18,7% [3, с. 107]. Этому способствовало два обстоятельства: убыль скота и проводимая продовольственная развёрстка. Методам продразвёрстки отводится главное значение [4; 5, с. 81—82; 6; 7, с. 110—112; 8; 9, с. 202—207; и др.].

Самое большое уменьшение количества скота из всех округов Донской области на 1922 год пришлось на Первый Донской, тем самым произошла замена тягловой силы, как правило, на молочный скот, что повлекло за собой не только снижение показателей производительности молока, но и плохую обработку земли, и в результате — сокращение площади засева и урожайности [3, с. 108, 131, 132]. Наряду с потерями огромного количества лошадей на фронтах войны, угоном скота частями Белой армии с территории области [10] новым бедствием в середине 1920 года стала чума крупного рогатого скота.

К сентябрю в Донской области почти все округа, за исключением Сальского и Хопёрского, были заражены чумой; наиболее пострадал Второй Донской [11, л. 84 об.]. Очагом эпидемии в Первом Донском округе оказались хутора Аксёнов и Бударин станицы Нижнекурмоярской. «Чума в двух пунктах Нижнекурмоярской станицы выразилась в следующем: из наличного числа животных в июне месяце заболело 20,5%, выздоровело 8%, из числа заболевших пало 14%; в июле заболело 21%, выздоровело 37% и пало 25%. Из таких данных видно, что как процент заболеваемости, так и напряжённость болезни (процент смертности) очень умеренная и не является сильно прогрессирующей. Докладчик объясняет это с одной стороны серьёзным отношением населения к эпизоотии, а с другой стороны энергичной деятельностью местных властей и ветеринарного состава.<...>Так как врачей нет, в командировании их Донземотделом отказано, по борьбе с чумой видимо будут работать только фельдшеры» [11, л. 50].

Хутора Аксёнов, Бударин, Ильинский были признаны чумными пунктами, юрты станиц Нижнекурмоярской, Ефремовской, Чертковской, Филипповской, Терновской, Цимлянской, Кумшацкой, Романовской, Каргальской и Баклановской — зачумлённым районом; юрты станиц Камышевской, Мариинской, Николаевской, Богоявленской, Константиновской и волости Зазерская, Мартыновская и Орловская — неблагополучными по чуме [11, л. 52].

16 июля в станице Константиновской при Окружном исполкоме учреждается Окружной противочумной комитет [11, л. 53], а в августе при Нижнекурмоярском станичном исполкоме — противочумная районная комиссия [11, л. 77]. Состав персонала в количестве пятидесяти человек из служащих Окружного земельного отдела и гражданского населения, окончивших ветеринарно-фельдшерские школы, институты или прошедших соответствующие курсы, утвердили в августе. В декабре добавился ещё один ветфельдшер [11, л. 4-а, 57, 67, 68,

Олег Михайлович Антонов, научный сотрудник Волгодонского эколого-исторического музея

79, 122]. С первых дней Окружной противочумной комитет столкнулся с отсутствием дезинфекционных средств в округе. Они поступили в распоряжение комитета лишь в октябре, и то в меньшем количестве, чем предполагалось [11, л. 84-а, 101 об.].

Особая проблема заключалась в том, что проводимая политика продовольственной развёрстки противоречила мероприятиям по предотвращению чумы.

Председатель исполкома станицы Филипповской Антон Михайлович Дьяченко вывозил зерновые хлеба из хутора Черкасов в зачумлённую станицу Цимлянскую. На общем собрании хутора 20 ноября участковый ветфельдшер Иван Николаевич Лапин заявил, что в хуторе чума. Дьяченко ответил: «это абсурд», «этим зачумлением тормозите выполнение госразвёрстки» [11, л. 125-а, 128].

Аналогичные ситуации происходили в хуторе Дубовой станицы Верхнекундрюченской, где заведующий сборным пунктом скота Антонов производил убой скота и отправлял сырое мясо в Ростов-на-Дону, а потроха — на колбасный завод, и в хуторе Севастьянов станицы Чертковской, в котором продовольственный агент Христенко отдал распоряжение провести ревизию скота и отправить его на скотоприёмники [11, л. 125-б, 134 об.].

Ситуация осложнялось и тем, что Продовольственный комитет Первого Донского округа организовал скотоприёмники, но не известил Окружной противочумной комитет об их количестве и местах нахождения. Последний высказался о прекращении проведения продовольственной развёрстки, пригрозив поставить вопрос о привлечении Окрпродкома к суду Революционного трибунала [11, л. 125-б, 135 об.].

Однако эти угрозы остались без внимания: над Донской областью висел дамоклов меч за срыв выполнения продовольственной развёрстки и занесение на чёрную доску [9, с. 203].

Все силы были направлены на исполнение государственного задания.

В сентябре 1920 года в области создаются дополнительные продовольственные отряды для успешного завершения продовольственной развёртки [9, с. 203]. На заседании президиума партийного комитета Первого Донского округа 8 ноября 1920 года принимается решение о создании Цимлянским районным комитетом продовольственного отряда в количестве ста человек [12; 13].

Продовольственная развёрстка опустошала индивидуальные и коллективные хозяйства, лишала их зерна, сельхозпродукции и семенного фонда. Хлеборобы не стремились расширять площадь засева из боязни потерять ещё больше [5, с. 81—82]. На плечи населения ложилось и бремя обеспечения фуражом, продовольствием частей Красной армии, отрядов повстанческого движения, уголовных банд.

Карпов Александр Иванович — продоармеец по изысканию хлеба и охране ссыпных пунктов в районе 1 Донокруга. Из фондов Цимлянского районного краеведческого музея.

За невыполнение норм продовольственной развёрстки в отношении населения принимались меры административного наказания — арест и конфискация имущества.

Из воспоминаний продовольственного агента: «В 1920 году я был... направлен в ст. Семикаракорскую..., где приходилось не спать по несколько ночей, разбирая вопросы не сдавших хлеб. Приходилось выезжать в хутора и проводить аресты. Были случаи арестов всех домохозяев, дабы добиться сдачи зерна и других продуктов» [14, с. 273—274].

За 1920 год в Первом Донском округе имущество конфисковали у 346 домохозяев. После продразвёрстки в станице Цимлянской не осталось запасов продовольствия. В станице Ефремовской арестовали 62 человека: из них у 32-х — конфисковали 50% имущества, у 20-ти — всё имущество; выявили сокрытие запасов хлеба (около 2000 пудов, из которых почти 1500 сгнило). В станице Кумшацкой арестовали 19 человек, конфискацию произвели у 22-х, и, как говорится в отчёте: «Скрытого хлеба не обнаружено. Ни один хутор развёрстку не выполнил, почему хлеб забирается дочиста» [9, с. 204]. В станице Екатерининской обнаружено сокры-

тие 1000 пудов хлеба и в Ермаковской — 78 000 пудов зерна [14, с. 274].

Формы и методы продовольственной развёрстки изначально были сопряжены с циничным, враждебным отношением к населению. На общем собрании членов РКП (б) станицы Константиновской 7 июля 1920 года утверждается следующая неприкрытая наивная пошлость: «забирая у крестьян хлеб, и не давая ему взамен ничего, у крестьянина создаётся впечатление, что у него забирают всё, это его эксплуатирует городской пролетариат» [15, л. 33]. На том же собрании 11 июля: «И то, что казаки, не протестуя, выполняют государственную развёрстку, не показывает, что они на нашей стороне, а показывает только то, что они стали умны» [15, л. 32].

На девятой Окружной партийной конференции 18 ноября 1923 года прозвучала достаточно взвешенная оценка произошедшего: «разразившая голодовка в 1921 году, главным образом в сильной форме отразилась на 1-[ом] Д[онском] о[круге], так как развёрстка предыдущего года до голода по прошлым данным, лишила крестьянское население окончательно всяких продпродуктов и тем самым усугубила вышеуказанную голодовку и, в 1922 г. результатом этого оказалось: среди крестьянства 1 Д. О. пошли сильные грабежи, а за ними как неизбежное следствие ... кровавые расправы, самосуды. Советский административный аппарат, того будучи молодым и не окрепшим, не имел возможности такое явление предупредить своевременно, наоборот, своим опрометным постановлением усугублял его...» [16].

21 ноября 1921 года на заседании членов Окружного комитета РКП (б) Первого Донского округа докладчик Дорошев сообщил о бедственном положении округа: отсутствует хлеб, зафиксированы случаи смерти от голода или употребления суррогатов. Первый Донской округ признали голодающим, в связи с чем комитет поручил провести учёт количества продукции и сокращение кадров в подведомственных организациях [17].

Сведения о голоде в округе фиксируются в сводках ещё до официального его признания. Так, в июне 1921 года «в связи с голодом ожидались разгромы ссыппунктов, некоторые станицы округа объявлены на осадном положении» [18, с. 459].

На январь 1922 года положение Первого Донского округа выглядит следующим образом: «левобережная часть населения положительно голодает, детдома находятся в критическом (положении) состоянии — есть смертные случаи среди детей на почве голодовки, такая же картина наблюдается и среди взрослого населения.... Почти то же можно наблюдать в правобережной части, где большинство населения, так же голодает за исключением 3-х станиц: Верхне-Кундрюческой, Нижне-Кундрюческой и Усть-Быстрянской, где продовольственное положение ещё сносно, но и там доедается последнее...» [19, с. 163].

Самой незащищённой социальной группой были дети. К марту 1922 года в округе закрыли 19 детских домов и 1020 детей остались без надзора. В оставшихся семнадцати детских домах находилось 947 детей. Особенно тяжёлым их положение было в Семикаракорской и Золотовской станицах.

На заседании пленума партийного комитета РКП (б) Первого Донского округа 3 марта 1922 года сообщалось: «дети гибнут в полном смысле этого слова, и если Облкомпомголом не будут приняты экстренные меры помощи, то ясно, что дети должны погибнуть, а также полное отсутствие материалов против вшей, нет мыла, купить не на что спирта, отчего быстро портится бельё, и технический персонал от щёлока растирает до крови руки, на постелях детей вши кишат». В завершение выступления, докладчик безнадёжно констатировал: «много детей уже погибло, точных цифр под руками не имею, и много сейчас лежит детей пухлых» [20, л. 22 об., 23].

9 марта отмечалось: «Детские дома за неимением средств расформированы, и некоторые дети прикреплены к зажиточным, а некоторые по родственникам, но некоторые дети из этих домов после расформирования уже погибли. В станице Кумшацкой имеется детдом с численностью 26 детей, все пухлые, а приток всё увеличивается, число нищенствующих дошло до неимоверных размеров, школы в станицах левобережной части все закрыты...» [20, л. 8]. Приведены цифры беспризорных детей — 5100 человек, и голодающих по округу — 26 650.

На фоне голода распространяются эпидемии сыпного и брюшного тифа [20, л. 8].

В станице и хуторах Цимлянской умерли от голода 173 человека, в Романовской — 65, Каргальской — 87, Кумшацкой — 127, Камышевской — 72, Мариинской — 130, Николаевской — 95, Богоявленской — 263. Всего от голода к марту 1922 года умерли 1012 человек [20, л. 7 об.].

В то же время согласно государственной сводке к началу мая 1922 года по Донской обла-

сти зарегистрировано всего 1043 случая голодной смерти [18, с. 614]. В источнике отсутствует полнота сведений или допущена ошибка. Эти данные, скорее всего, относятся к Первому Донскому округу, по динамике смертей самому пострадавшему в области.

Стратегия выживания населения была различна, но в основном сводилась к промыслу еды. Картины безысходности рисуют воспоминания очевидцев. Из рукописи Стефана Ивановича Мусатова, уроженца Богоявленской станицы: «Голод — это ужас ужасов. Человек абсолютно теряет своё человеческое обличье и становится диким, хищным зверем. Без преувеличения можно сказать, что ели тогда всё, что только разжёвывается и проглатывается» [21]. Так описывает 1922 год Г. С. Попов, казак хутора Мостовского Верхнекундрюченской станицы: «... голод небывалый, ели, что попало: калюку-перекатиху, древесную кору караичевую и тутовую и акациевую, скотину, кошек, собак и всякую падаль, народ умирал по улицам, и некому было предавать земле, потому что каждый был голоден и бессилен. Народ был опухший, каждый ожидал смерть, дерев(янные) дома отдавали за 1 пуд муки. Но в июле получили обильн(ый) урожай на все продукты, и стал народ постепенно поправляться. И власть не имела милосердия и опять всё забрала в налог» [22].

Председатель окружного исполнительного комитета Поляков сообщает 9 марта 1922 года на заседании бюро партийного комитета РКП (б) Первого Донского округа: «...были обследованы мельницы и ни на одной мельнице зерно не мелют — полное отсутствие хлебного зерна, а мелют солому и разные отбросы, собак и кошек поели, даже установлено воровство кошек и собак сосед у соседа. Воровство усиливается с каждым днём... Чуть ли ни в каждом станисполкоме и хутисполкоме сотрудники стремятся уйти из учреждений по сельскому хозяйству и за добычей продовольствия, сотрудники станицы Цимлянской употребляют в пищу кожу. Хлеба вовсе никакого даже не видят. Во всех милициях громадные недостатки, производятся конфискации неправильно, нет книг, по которым бы можно что-либо установить, масса заявлений от граждан о незаконных действиях милиции, но найти и проверить нет никакой возможности» [20, л. 8—8 об.].

Из информационного отчёта окружного Партийного комитета РКП (б) Первого Донского округа за март: «Целыми днями и ночами женщины возятся с приготовлением в пищу себе и детям: калюки, древесной коры и пр. Такие животные как кошки и собаки служат ещё лакомым куском — детям и матерям. Смертность детей с каждым днём увеличивается» [23, л. 19].

Жители округа, спасаясь, массово покидают нажитые места, бросают имущество и стремятся уйти туда, где по их ошибочным представлениям отсутствует голод — в Царицынскую губернию, Сальский округ Донской области, Ташкент, на Кубань [20, л. 6 об.]. Некоторые вступают в отряды повстанцев или в уголовные банды, участвуют в воровстве и грабежах [23, л. 20, 21].

Крайним (редким) способом выживания становится людоедство, которое различается в форме трупоедства (поедание умерших людей) и убийства лиц с целью их съедения [24]. Такие случаи были зафиксированы в Первом Донском округе [18, с. 592; 19, с. 164]. Документы не дают однозначного ответа на форму людоедства и указывают следующее: на февраль 1922 года выявлены случаи трупоедства (людоедства) в станицах Семикаракорской и Богоявленской [23, л. 12, 14], на март — случай «детоедства» в станице Семикаракорской [23, л. 19]. В станице Ермаковской наблюдались массовые случаи поедания умерших [25].

Со стороны властей принимались различные меры по стабилизации обстановки в Донской области. Попытка провести весеннюю посевную кампанию в 1921 году закончилась провалом в силу тех же принудительных методов, не учитывающих интересы населения, а достигнутый малый результат урожайности окончательно уничтожила засуха [5, с. 83; 26, с. 57—58]. В левобережной части Первого Донского округа погибло 3/4 хлебных культур, а в правобережной ещё больше [27].

К тому же изначально полученный семенной материал на область был распределён между Ростовским, Морозовским, Донецким и Черкасским округами [18, с. 614]. А в станице Ермаковской красноармейцы 3-й Кавбригады забрали все семена [18, с. 407].

Весенняя посевная кампания 1922 года изначально была обречена на крах.

Итоги налогово-заготовительной политики и достигший апогея голод почти не оставили посевного материала.

В левобережной части Первого Донского округа у населения оставалось всего 20—25% рабочего скота, а конфискованный при продовольственной развёрстке и возвращённый тем же хозяевам во временное пользование скот был уничтожен почти полностью.

У станицы Кумшацкой полностью отсутствовала возможность посева. Станицы Терновская,

Филипповская, Камышевская и Каргальская могли засеять всеми видами культур не более 10%.; правобережная часть Романовской — 7%, левобережная — 2%; правобережная часть Мариинской хлебными культурами — не более 5%, другими видами — не более 3%; правобережная часть Николаевской разными культурами — до 25%, левобережная хлебными — не более 5%, другими — 3%; Богоявленская — не более 2%. Только жители станицы Баклановской совместными усилиями сохраняли посевной материал [20, л. 6 об. — 7 об.].

Осознав последствия политики «военного коммунизма» и необходимость изменения экономического направления, руководство страны в марте 1921 года провозгласила переход к новой экономической политике с заменой продовольственной развёрстки на натуральный налог. Реальный переход к нэпу на Дону произошёл в 1922—1923 годах [26, с. 87], но по инерции применялись привычные методы экономического и политического прессинга [5, с. 84; 7, с. 114; 9, с. 207].

На секретном заседании ответственных работников Первого Донского округа 1 ноября 1921 года было отмечено, что продналоговая кампания «заставит население отнестись к нашей партии отрицательно. Прошедшая посевная кампания без надлежащей поддержки со стороны государства, также теряет авторитетное влияние нашей партии.<...> более обиженные на выполнение продналога с одной стороны, бедняки и середняки не имевшие возможности посеять озимый клин, с другой, при проявлении нашей слабости могут поддаться влиянию эсеровщины и меньшевиков, несомненно использующих тяжёлую обстановку... и в особенности в левобережной части Дона» [28].

Но отказаться на местах от старой модели общения с населением власти было сложно.

29 января 1923 года в окружной комитет общественной взаимопомощи Первого Донского округа поступает обращение Василия Сергеевича Краморенко, казака станицы Терновской. Он просит оставить в его или тестя собственности пару быков и корову, которые конфискованы у тестя Акима Маркина за невыполнение продразвёрстки в 1920 году и переданы обратно во временное пользование.

При продовольственной развёрстке в семье были конфискованы продовольствие, одежда и другие предметы. После демобилизации в 1922 году Краморенко с женой и сыном проживали у Маркина, так как за время Гражданской войны он потерял родителей и состояние. Те условия, которые ставит комитет крестьянской взаимопомощи, он считает невыполнимыми: за год пользования быками в пользу комитета обязаны засеять три десятины хлеба с полной уборкой и доставлением готового зерна по месту требования, а за корову сдать 7 пудов хлеба. Краморенко, участник Гражданской войны и ликвидации повстанческих отрядов Г. Маслака, Махно и других, завершает письмо с надеждой, что его просьбу удовлетворят: «я заслужил такого подарка» [29].

Насколько просьба была удовлетворена — неизвестно, но предлагаемые комитетом условия были кабальными. Помимо возложенных обязательств семье Краморенко требовалось обеспечить продовольствием себя и содержать скот, что обрекало её на нищенствующее голодное существование.

В рамках борьбы с голодом государством санкционировалась кампания по изъятию церковных ценностей, которая дополнительно преследовала и уничтожение института церкви, как чуждого элемента социального устройства.

Процесс изъятия церковных ценностей в Первом Донском округе с 1 мая по 20—21 августа 1922 года проходил без эксцессов, хотя имелись сокрытия ценностей в Цимлянской, Семикаракорской и Мариинской. Жители станицы Кумшацкой при неизвестных обстоятельствах вообще высказались о нежелании содержать церковь и её клир [см.: 19, с. 5—7, 33—36, 163—169].

Огромную роль в спасении жизней сыграла Американская администрация помощи, откликнувшаяся на призыв советской власти. 21 августа 1921 года стороны подписали соглашение в Риге. Первичный план включал питание детей, в последующем расширился до питания больных, кормящих матерей и голодающих взрослых, оказанием медицинской помощи и проведением вакцинации населения [30].

Донская область была отнесена к Царицынскому отделению Американской администрации помощи. Начало её деятельности на территории Донской области приходится на апрель-июнь 1922 года [31; 32, с. 38], в Первом Донском округе на май [20, л. 30 об.]. Открылись три пункта питания в станице Константиновской, два — в Цимлянской, по одному — в Нижнекудрюченской, Верхнекундрюченской и Семикаракорской [32, с. 40].

Завершение кампании по борьбе с голодом в РСФСР объявляется 15 октября 1922 года [30], но считать официальную дату днём фактического положительного разрешения ситуации на

Дону не следует. В государственной сводке на январь 1924 года по Донской области указано, что местами наблюдается отсутствие семян и 20% населения Первого Донского округа обречены на голод [33, с. 180]. А на 1 июля 1925 года в Цимлянском районе голодающих — 10 421 человек, из них остронуждающихся — 5992, что в среднем составляет 62% всего населения, количество голодающих детей приближается к 5000 [33, с. 333].

Итак, к моменту официального признания голода Первый Донской округ находился в худшем положении, чем другие округа Донской области по социальным и экономическим показателям. Приведшие к трагедии причины общие и характерны для всей территории области. Затянувшийся процесс перехода к новой экономической политике не мог не отразиться на динамике голода в округе, в связи с чем, окончание голода следует отнести не к 1922-му и не к 1923—1925 годам, а, возможно, к позднему времени, хотя он и был меньше по масштабам и уровню трагизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Донская область просуществовала с 1920 по 1924 гг. К 1920 г. в неё входило 10 округов. В первой половине 1920 г. в состав Украины переданы Таганрогский округ, части Донецкого и Черкасского округов. В 1921 г. в состав Царицынской губернии переданы территории Второго Донского, Усть-Медведицкого и Хопёрского округов. В 1920—1921 гг. часть территории Первого Донского округа передана Сальскому (Ильинская и Мартыновская волости) и Морозовскому округам (ст-цы Генерал-Ефремовская, Ермаковская, Зазерская и Чертковская), ст-ца Екатерининская отходит к Донецкой губернии. В 1923 г. вместо Первого Донского округа образован Донской округ, но в документах фигурирует первое название. 4 июля 1924 г. Донская область упразднена. (См.: Административно-территориальное деление Ростовской области. Ч. 1. (Донская область 1920—1924 гг.) : справ. / Гос. арх. Рост. обл. Ростов н/Д., 1989. С. 11—13, 89—92).

2. *Савицкая О. Н., Сатарова А. П.* Голод 1921—1923 гг. в Хопёрском и Усть-Медведицком округах Царицынской губернии и Американская администрация помощи (АРА) // Грамота. 2017. № 8 (82). С. 171—172.

3. Донской статистический ежегодник. 1922 г. Ростов н/Д. : Донполиграфтрест, 1922. (Тр. Дон. обл. стат. бюро).

4. *Кондрашин В. В.* Голод 1932—1933 годов : трагедия российской деревни. М. : РОССПЭН, 2008. С. 319.

5. *Тикиджьян Р. Г., Панкова-Козочкина Т. В.* Голод 1921—1922 гг. и 1932—1933 гг. на Юге России: сравнительно-исторический анализ // Историческая память населения Юга России о голоде 1932—1933 г. : материалы науч.-практ. конф. Краснодар, 2009.

6. *Багдасарян С. Д.* Продовольственный вопрос в повседневности аграриев Юга России в начале 1920-х гг. // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооружённых конфликтах : материалы всерос. науч. конф....22—25 июня 2016 г. Ростов н/Д., 2016.

7. *Рычнев Г.* Голод на Дону: свидетельствуют документы // Вёшенский вестник. № 4. Ростов н/Д., 2004.

8. *Бочаров А. Н.* Из истории сёл наших... 2-е изд., испр., перераб. и доп. Элиста : Джангар, 2017. С. 132—133.

9. *Чернопицкий П. Г.* Голод 1921—1922 годов на Дону // Исторические этюды. Вып. 4. Ростов н/Д., 2000.

10. Дон советский : ист.-экон. и соц.-полит. очерк. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1986. С. 51.

11. ГАРО. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 485.

12. 16 апреля 1920 г. коммунистические ячейки хуторов и станиц Первого Донского округа были прикреплены к четырём районам: Константиновскому, Семикаракорскому, Екатерининскому и Цимлянскому. К Цимлянскому районному подчинению отнесены станицы Цимлянская, Камышевская, Кумшацкая, Каргальская, Романовская, Нижнекурмоярская, Филипповская, Терновская, Ефремовская, Баклановская и Чертковская (ЦДНИРО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об.).

13. ЦДНИРО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

14. *Градобоев В. А.* Красный Дон. Ростов н/Д. : Альтаир, 2017.

15. ЦДНИРО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2.

16. Там же. Д. 27. Л. 1-б, 1-в.

17. Там же. Д. 8. Л. 14—14 об.

18. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939 : док. и материалы в 4 т. Т. 1. : 1918—1922. М., 2000.

19. *Шадрина А. В., Табунщикова Л. В.* Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год : сб. док. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013.

20. ЦДНИРО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 15.

21. *Мусатов С.* И. У плакучих курганов // Дон. временник. Год 2013-й. Вып. 21. Ростов н/Д., 2012. С. 148.

22. *Власкина Т. Ю.* Голод на Дону по устным свидетельствам // Историческая память населения Юга России о голоде 1932 — 1933 г. : материалы науч.-практ. конф. Краснодар, 2009. С. 155.

23. ЦДНИРО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 23.

24. *Багдасарян С. Д.* Ассоциальные стратегии выживания в условиях голода 1921 — 1922 гг. (на материалах Юга России) // Власть. 2016. № 5. С. 169 — 170.

25. *Скорик А. П.* Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции : моногр. / Юж.-рос. гос. политехн. ун-т (НПИ) имени М. И. Платова. НИИ истории казачества и развития казачьих регионов. Новочеркасск : Лик, 2015. С. 474.

26. *Скорик А. П. Тикиджьян Р. Г.* Донцы в 1920-х годах : очерки истории. Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010.

27. ЦДНИРО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 26, 26-а.

28. Там же. Д. 9. Л. 10 об. — 11.

29. ГАРО. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 211. Л. 47 — 48.

30. *Яковлева Л. Б.* Исторические факты // Вести из архивов. 2018. № 23 (208). [С. 2.]. (Прил. к газ. «Грани культуры». (Волгоград). 2018. Декабрь. № 23 (208).

31. Итоги борьбы с голодом в 1921 — 22 гг. : сб. ст. и отчётов / Изд. Ц.К. ПОМГОЛ. М., 1922. С. 335.

32. *Погромский В. А.* Деятельность Американской администрации помощи в Царицынской губернии и прилегающих территориях в период голода 1921 — 1923 гг. // Вестн. Марийского гос. ун-та. Сер.: Исторические науки. 2016. Т. 2, № 1 (5).

33. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918 — 1939...Т. 2. 1923 — 1929.

О. В. СЕМЁНОВА

СЕМЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МЕФОДИЯ РУБАНА

Работа с личными архивами граждан — важное направление в деятельности историков-краеведов. Документы дают уникальную возможность проанализировать события давних лет, найти в них недостающие нюансы научных гипотез для лучшего понимания исторической эпохи.

М. А. Рубан со своими сыновьями Вилениным (слева) и Геннадием (справа). 1935 год. Из архива семьи Рубан

Интереснейшим открытием для специалистов стал архив семьи Рубан, собиравшийся в 10—60-е годы XX века Мефодием Андреевичем Рубаном, а в дальнейшем его сыном Геннадием Мефодиевичем. Коллекция документов после их смерти хранится в семье, но до сих пор не разобрана.

Архив можно условно разделить на несколько групп документов — личные документы, переписка, мемуары. Интересны воспоминания М. А. Рубана, подготовленные к 50-летию Октябрьской революции, отправленные в газету «Известия», но не опубликованные. В настоящее время изданы в журнале «Русский архив» [1, с. 74—93].

Основатель архива Мефодий Андреевич Рубан 1894 года рождения, уроженец хутора Подкущёвский станицы Кущёвской, с детства познал голод и нищету. Безысходность, бесправие, несправедливость сделали его, как и других односельчан (всего около 300 человек) [2], убеждёнными сторонниками революции.

Бывшая конспиративная квартира «13-ти чертей». Разрушена

Призванный в Первую мировую войну в армию, он попал в Москву осенью 1917 года и стал свидетелем революционных событий. Активная жизненная позиция привела его вначале в подполь-

Ольга Валерьевна Семёнова, кандидат философских наук, научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Федерального исследовательского центра Южный научный центр Российской академии наук. Статья подготовлена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН на 2019 г. «Историко-культурное наследие народов Юга России: между традицией и модернизацией». (№ госрегистрации АААА-А19-119011190182-8)

ную группу «13 чертей» [1, с. 64—65, 81—84; 3], а позднее в Красную армию.

Воевал, был ранен, контужен; стал инвалидом. До самой смерти оставался убеждённым сторонником революции, искренне верил в светлое будущее. Документы собирал скрупулёзно, встречаются даже черновики отправленных писем. Бумаги, хранящиеся в личном архиве, во многом имеют повседневный характер (справки, запросы, жалобы и ходатайства). Однако сохранены и письма сыновей (довоенные и с фронта), списки красных партизан хутора Подкущёвский, переписка со школьным поисковым отрядом, вырезки из газет о героях-подкущёвцах. Информация о биографии М. А. Рубана подтверждается как бумагами, сохранившимися в семье [1, с. 67—92; 4; 5; 6; 7], так и документами Ростовской-на-Дону городской партизанской комиссии 1933—1935 годов [8].

Бывший кузнец, подпольщик, красноармеец, Мефодий Рубан устанавливал советскую власть в Донском округе, работал в сельсовете, организовывал колхозы. Тяжёлое ранение и инвалидность не позволили ему трудиться в деревне, и в 1929 году он с семьёй переехал в Ростов-на-Дону. Лечился, работал в артели инвалидов. С гордостью носил орден Красного Знамени [1, с. 69; 4].

Между тем в семье подрастали сыновья Геннадий и Виленин. Именно они должны были в полной мере продолжить дело отца — строить новую светлую жизнь.

Старший, бойкий и смышлёный Геннадий, родился в 1922 году в станице Кущёвской. Окончил в Ростове школу № 43 и работал на заводе «Красный Дон» грузчиком. Надо было помогать родителям — семья жила трудно, отец-инвалид страдал от полученной в Гражданскую войну контузии и часто болел [9]. Геннадий, как и многие его сверстники, увлекался спортом, кораблями, и поэтому с удовольствием занимался в морском учебном пункте Осоавиахима имени Ворошилова. Занятия проходили в рамках комсомольской инициативы за массовое овладение молодёжью военно-морским делом. Комсомольцы завода «Красный Дон» в 1935 году построили на территории завода военно-морскую базу для учебных занятий. С 1937 года Ростовский учебный пункт держал первенство по Советскому Союзу [10].

Геннадий Рубан — крайний слева
Фото из кн.: Семикин А. В. Молодёжь — на корабли! Ростов н/Д., 1939. С. 33.

С началом войны Геннадий на фронте. Воевал под Сталинградом, на Днепре, офицером дошёл до Германии. В боях получил два тяжёлых ранения и контузию, стал инвалидом. Был награждён орденами «Красной Звезды», «Отечественной войны» второй степени (двумя), медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За Победу над Германией» [11]. Последняя награда — орден «Отечественной войны» первой степени нашла героя уже в 1985 году.

Мефодий Андреевич Рубан бережно хранил письма сына с фронта. В них отражение семейных и патриотических ценностей обычных советских людей — история повседневности военных и послевоенных лет. Документы — это справки, письма и почтовые

карточки — оригиналы, хранящиеся в семейном архиве.

Состояние документов удовлетворительное. Бумага пожелтела. Текст чаще всего написан чернильной ручкой, но имеются письма, написанные карандашом. Чернила выцвели. Часть писем — обычные фронтовые треугольники. Но есть и просто листки бумаги с текстом, присланные, по-видимому, в конверте либо переданные с оказией. На некоторых письмах — штамп: «проверено цензурой».

Письма Геннадия Рубана[1] к родным полны любви и тревоги. А ещё в них — искренняя любовь к родине, родному краю, планы на будущее.

Текст писем незамысловатый. Большая часть — приветы многочисленным родственникам и односельчанам, любимой девушке. Стиль — простой, повествовательный, но эмоциональный: чувствуется тоска молодого человека по родным местам, родителям, младшему брату. Двадцатилетний Геннадий беспокоится о родителях, просит их беречь себя.

«Ведь для меня, родные мои, всё интересно, как вы живёте, как ваше хозяйство и всё остальное. Так что пишите обо всём...» [12].

В письмах — твёрдая уверенность, что фашисты будут разбиты и мир вернётся на родную землю. Геннадий пишет об этом немного пафосно, но искренне и убеждённо.

«...человек живёт и борется, и побеждать в силах только тот, кто силён волей, твёрд физически и душевно» [13].

Фронтовик поздравляет родных с годовщиной Октябрьской революции. Он делает это очень тепло, как с личным семейным праздником.

«Живу хорошо, так что обо мне не беспокойтесь. А теперь разрешите вас поздравить с 30 годовщиной Октября и пожелать вам ещё раз всего хорошего. Крепко-крепко целую вас» [14].

Геннадий пишет обоим родителям. Но есть одно деликатное письмо лично к матери (вложено в общий конверт). Мать, видимо из добрых побуждений, помогала его девушке писать письма на фронт.

«Прошу тебя, мама, не диктуй ей писем ко мне. Ведь я же чувствую, под чей голос она пишет мне письма» [15].

Из писем мы можем узнать, что фронтовики посылали родным справки о ранениях и полученных наградах.

«Батя, я выслал вам справки, которые ты просил, а в этом письме высылаю доверенность на получение в облвоенкомате» [16].

Вероятно, по данным справкам следовали выплаты, и необходимо было всё оформить должным образом.

Трогательна почтовая карточка, отправленная в феврале 1943 года из Сталинграда. Геннадий не знал об участи родных, но не переставал надеяться, что узнает о родителях хоть что-то.

«Привет с освобождённого Сталинграда.

Здравствуйте, дорогие мои, если кто остался. Я таю в себе надежду, что получу ответ, хотя бы от знакомых. После долгих и тяжёлых месяцев насилия и грабежа, опять легко и свободно вздохнули родные края, а с ним и вы дорогие.

Пишу я вам первое маленькое письмо с большой надеждой ещё раз получить ответ о вашей участи. А если адресата не будет, то я прошу почту передать моё письмо в сельсовет, чтобы они написали мне о постигшей адресатов участи» [17].

Родители Геннадия остались живы. Они смогли эвакуироваться из Ростова в Ереван, где работали в артели. Об этом сохранилась справка [18].

[1] Письма публикуются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации

О гибели своего младшего сына Виленина, 1926 года рождения родители узнали после эвакуации. В семье сохранилось командировочное удостоверение, выданное Кущёвским районо Мефодию Андреевичу для поездки в г. Грозный на похороны сына [19].

Н. К. П.
Командировочное удостоверение
Кущевское
РАЙОНО
Выдано Рубан Мефодию Андрееву
Кущевской Ростовской
командированному в г. Грозный
для похорон сына
Срок командировки 15 дней с 22
Июня 1944 г. по 7 Июля 1944 г.
Основание: Вызов от 20 Июня 1944 г.
Действительно по предъявлении паспорта серии РДН №643779
Секретарь

Удостоверение М. А. Рубана 1944 г.
Из архива семьи Рубан

Это факт сам по себе интересен: не каждая семья в военное время могла поехать на похороны к погибшему родственнику. Очевидно, сказался статус главы семейства — персонального пенсионера, героя и инвалида Гражданской войны.

После освобождения Ростовской области супруги Рубан вернулись в Ростов, но право на квартиру в городе утратили и долго мыкались без жилья: уезжали в Кущёвскую, жили у родственников и знакомых. Позднее они всё же получили квартиру в Ростове.

В текстах писем с фронта, разумеется, нет ничего о движении и расположении войск, военных операциях. Любопытно одно, написанное уже из Германии, где эмоции берут верх над запретами военной цензуры. В нём Геннадий подробно описывает немецкий дом, в котором молодой офицер остановился на постой. Он обращается к нравственным вопросам справедливости возмездия фашистам. Неизвестный дом как бы становится тоже виноват в зверствах гитлеровцев.

«...Сейчас я уже на месте, принял боевую единицу и с нею бью немецкую сволочь на её же собственной немецкой земле. Земля-то, батя, и здесь неплохая. Да опоганил этот гад её своими чёрными делами. И где бы, вы думали, я пишу вам это письмо? Сижу в одном из барских домов, на мягком кресле, за круглым столом в комфортабельно обставленном зале, где всё сияет зеркалами и позолотой. Но как-то жжёт и очень здорово жжёт глаза сознание, и всем своим существом чувствуешь это ощущение — именно здесь; что какая-то одна сволочь тешилась этим богатством, приобретённым им пожарами, пытками, кровью и слезами многих миллионов людей. А если бы вы знали, сколько здесь наших — русских вещей?» [20].

Исследование писем и документов, особенно военной эпохи, позволяет нам расширить представление о целом ряде вопросов: об уровне образования автора, его семье и отношениях в ней, об идейных убеждениях и патриотизме, о ранениях и смене воинского подразделения (без подробностей), о подготовке в тылу военнослужащих, о некоторых финансовых вопросах, выплатах военнослужащим и членам их семей, о планах фронтовиков на жизнь после войны, о возможностях передвижения по краю и пропускной системе, о географии плана эвакуации.

Таким образом, мы получаем бесценную информацию о суровых военных годах, повседневной жизни простых людей, их проблемах и чаяниях.

Не меньший интерес представляют письма Геннадия Рубана первого послевоенного периода (лето — осень 1945 года). В письме от 20 мая 1945 года — радость и гордость за победу над фашистами:

«...Поздравляю ещё раз с самым великим праздником — с победой.

Вот уж несколько дней, как не стало слышно воя снарядов и визга пуль и осколков. Только лишь изредка кое-где услышишь пистолетный или винтовочный выстрел, забавляющегося солдата или офицера, и только он лишь напомнит о далёком прошлом. А так всё остальное начинает переходить на мирную счастливую жизнь...» [21].

В письмах, написанных позднее, чувствуется растерянность и горечь фронтовика, столкнувшегося с бездушной военной бюрократией.

«...Ещё, батя, ты интересуешься, где я нахожусь. Так вот, если знаешь гор. Полоцк на Западной Двине, так от него примерно 20 км. В общем тут место, я больше чем уверен, тебе не знакомое и здесь ты никак не мог бывать, да и не советую. Кругом болота и лес, да песок и больше ни черта нет. ... как в песне поётся, Белоруссия родная.

В общем, батя, не о такой жизни я мечтал после войны. Не так нас — победителей должны были располагать. Я не за место и природу, а за сугубо искусственные штуки говорю. Ты знаешь, батя, что сколько я был на фронте и всё это время впереди. Скажи, не надоест ли такому человеку проклятая колючая проволока и всевозможные заборы. А что я здесь вижу?

Вот тоже, за что тебе пишу, эта проволока и т. д. Правда, когда-то здесь был лагерь наших русских в/пленных при немцах.

Ну и ладно, чёрт с ним. Вы не думайте, что я хнычу. А я просто пишу вам о том, чем вы интересуетесь. Потом вы спрашиваете, скоро ли я буду дома. На это не располагайте, а скорее всего даже и совсем не буду в этом году...» [22].

Будет справедливым рассказать о дальнейшей судьбе автора этих писем.

Геннадий Мефодиевич Рубан прошёл всю войну. Закончил её в Германии старшим лейтенантом. После войны учился в Краснодарском сельскохозяйственном институте; получил профессию агронома и направление на работу в садоводческий совхоз «Победа» в Закарпатье [23]. Здесь он отличился как передовик производства: за успехи в садоводстве в 1954 году принимал участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве и был награждён медалью ВДНХ [24].

Однако спустя два года у Геннадия Рубана случился конфликт с местными жителями (по словам сына Юрия, в отца даже стреляли) [9]; сфабриковали уголовное дело и в 1956 году Г. М. Рубана осудили на шесть лет. Находясь в заключении, Генадий Мефодьевич работал в заочной средней школе Сыктывкара учителем физики и математики [25]. За успешную работу был отмечен почётной грамотой [26].

Фронтовика и орденоносца от сфальсифицированного обвинения спасла семья. Отец, Мефодий Андреевич, писал во все инстанции и добился освобождения сына через три года. Вернувшись домой, Геннадий Мефодиевич осуществил свою довоенную мечту. Он окончил Ростовское мореходное училище и посвятил дальнейшую жизнь флоту и воспитанию моряков [27].

Все эти годы он сохранял и пополнял архив своего отца.

Умер Генадий Мефодьевич Рубан в 1998 году.

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА, ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Хотя бы раз ещё повидаться с тобою и многое рассказать тебе...» : лич. арх. старого большевика М. А. Рубана / Подготовка к публ., вступ. ст. и комментарии *О. В. Семёновой;* Ин-т соц.-экон. и гуманитар. исслед. ЮНЦ РАН // Русский арх. 2017. № 5 (1). С. 63 — 94.

2. Список красных партизан хутора Подкущёвский // Личный арх. семьи Рубан.

3. Подпольная группа, созданная М. А. Рубаном и его друзьями-односельчанами, поначалу называлась «13 чертей» по числу участников, в дальнейшем — «Группа 13».

4. Сопроводительное письмо 6-го отдела штаба Северо-Кавказского военного округа Народного комиссариата внутренних дел СССР, подтверждающее награждение орденами Красного Знамени № 6/12/244 от 24.04.1929 г. С прил. 5 орденов «Красное Знамя». 24 апр. 29 г. // Личный арх. семьи Рубан.

5. Справка из Подкущёвского сельсовета Кущёвского районного исполнительного комитета Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов Донского округа о советской и общественной работе Рубана М. А. № 59/31 от 3.08.1929 г. // Там же.

6. Удостоверение Ростовской-на-Дону городской комиссии по определению принадлежности к красным партизанам № 1457 от 5 сентября 1931 г. // Там же.

7. Справка Северо-Кавказского краевого музея революции г. Ростова-на-Дону. № 354 от 8.07.1934 г. // Там же.

8. ГАРО. Ф. Р-2992. Оп. 1. Д. 2639. Л. 1 — 2, 5 — 5 об., 6.

9. Интервью с Юрием Геннадиевичем Рубаном, сыном Г. М. Рубана. Интервьюер: О. В. Семёнова. 12.05.2017. Продолжительность 43 мин. Место проведения: квартира внучки Г. М. Рубана Савченко Е. Б., Ростов-на-Дону, ул. Горького, д. 202, кв. 38 // Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН.

10. *Семикин А. В.* Молодёжь — на корабли! : сб. материалов о мас. военно-морской подготовке без отрыва от пр-ва. Ростов н/ Д. : Обл. кн. изд-во, 1939. С. 32 — 42.

11. Справка Береговского районного военного комиссариата от 22.08.1956 г. № 3/22 // Личный арх. семьи Рубан.

12. Из письма Г. М. Рубана к М. А. Рубану. 1942 г. // Там же.

13. Из письма Г. М. Рубана к М. А. Рубану от 28.02.1942 г. // Там же.

14. Из письма Г. М. Рубана к М. А. Рубану от 5.11.1943 г. // Там же.

15. Из письма Г. М. Рубана к М. А. Рубану от 3.02.1945 г. // Там же.

16. Из письма Г. М. Рубана к М. А. Рубану от 3.05.1945 г. // Там же.

17. Из письма Г. М. Рубана к М. А. Рубану от 20.02.1943 г. // Там же.

18. Справка № 3-4 от 19.02.1943 г. [артели инвалидов «Стеклотара» г. Ереван] // Там же.

19. Командировочное удостоверение Рубана М. А. в г. Грозный, выданное на основании вызова от 20.06.1944 г. // Там же.

20. Из письма Г. М. Рубана к М. А. Рубану от 28.03.1945 г. // Там же.

21. Из письма Г. М. Рубана к М. А. Рубану от 20.05.1945 г. // Там же.

22. Из письма Г. М. Рубана к М. А. Рубану от 25.09. 1945 г. // Там же.

23. Приказ по Главному управлению винодельческой промышленности МПП УССР № 89/К от 30.05.1952 г. // Там же.

24. Свидетельство об участии во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1954 г. и награждении Г. М. Рубана медалью № 55026 // Там же.

25. Справка о работе Г. М. Рубана преподавателем в Республиканской заочной средней школе. г. Сыктывкар от 22.06.1959 г. // Там же.

26. Грамота политотдела п/я 400 № 226 от 26.06.1959 г. // Там же.

27. Диплом Л № 206364 [об окончании Ростовского-на-Дону мореходного училища имени Г. Я. Седова] 9.03.1965 г. (нотариально заверенная копия) // Там же.

В данной статье представлены ранее не опубликованные документы и отрывки из писем из архива М. А. Рубана. Мы благодарим Юрия Геннадиевича Рубана, сына Г. М Рубана, и Елену Юрьевну Савченко, внучку Г. М. Рубана, за сохранение документов и предоставление их для изучения.

Ж. П. ГРИДАСОВА

«ВСЕГО И НАДО, ЧТО ВГЛЯДЕТЬСЯ...»

Памяти Е. М. Надтоки

Потери бывают разные. Но то январское утреннее сообщение потрясло меня, ввело в оцепенение...

Казалось бы, звонок помощника редактора Елены Михайловны Надтоки не предвещал ничего серьёзного утром 4 января: следующий день был днём сдачи моего материала. Но поскольку работа с выпуском первого номера в новом году выпала на праздничный день, я решила, что редакция попросит прислать подготовленную полосу раньше. Газета «Частная лавочка» была стартовой площадкой моих краеведческих проектов. Елена Михайловна с радостью предоставляла место для материалов, рассказывающих о культурной жизни города, о его истории.

В ноябре 2018 года мы продолжили публикации нашего историко-краеведческого проекта «Вехи, ознаменованные десятилетиями». Читатели с нетерпением ждали продолжения летописи о Новочеркасске и в новом, 2019 году...

И вдруг: «Михална умерла! Вчера...»

Это был удар под дых! До меня не доходил смысл сказанного. Лена и смерть... Два несовместимых понятия! Она любила жизнь. Была неравнодушна ко всем её проявлениям: и положительным, и тем, что с иным окрасом. В ней был такой крепкий стержень, она стала примером Личности, в которой так гармонично сочетались человечность, патриотизм и гражданская ответственность. Не каждый из нас может вот так без остатка отдавать себя всего любимому делу. А журналистика была смыслом жизни Елены Михайловны. Она служила ей верно, всегда оставалась честной перед собой и читателями.

Елену Надтоку знал весь Новочеркасск. Она была добрым ангелом для многих, не оставляла

Женета Петровна Гридасова, член Союза журналистов России. Работает в Новочеркасске в городских электронных и печатных СМИ. Заместитель председателя городской журналисткой организации, член Большого жюри Ростовского областного отделения Союза журналистов России

людей наедине со своей бедой. Любила город, в котором прожила шестьдесят один с половиной год — всю свою жизнь!

Она родилась в семье учёных-химиков 1 мая 1957 года. Была единственным и горячо любимым ребёнком. Но не избалованным, как считали некоторые. От того, что Лена появилась у своих родителей после тридцати, меры её воспитания были ими взвешены и обдуманы: без наказаний и окриков. Всё строилось на доверии и уважении прав каждого члена семьи. Возможно, это и положило начало её свободолюбию, наличию своей точки зрения, умению её отстоять. В непростые 90-е годы один из чиновников даже назвал её пуленепробиваемой...

Откуда появилось это обострённое чувство справедливости? Думаю, тоже от родителей. Михаил Николаевич Тарасов, профессор Гидрохимического института, прошёл все испытания Великой Отечественной. Был удивительно добрым человеком с тонким чувством юмора. Всё это дочери передал по наследству. Да и Людмила Ивановна Номикос познала все «прелести» военного лихолетья. Вместе с бабушкой-учительницей и мамой 15-летняя Мила отправляла в эвакуацию ростовских детдомовцев и разделила вместе со всеми груз этих непростых лет в Карачаевской автономной области, была секретарём комсомольской организации. Повзрослевшие спасённые дети позднее и письма писали, и в гости приезжали...

Нас, работавших с Леной, немного удивляло, что у её родителей разные фамилии, Михаил Николаевич в разговоре не единожды с любовью произносил: «Моя Номикосиха...» За этой фразой пряталась трагедия. Дело в том, что отец Людмилы Ивановны Иван Леонидович Номикос пропал без вести в сентябре сорок первого, похоронка на него не пришла, и когда у её мамы через много лет после войны случился второй брак, девушка продолжала верить, что отец жив. И даже выйдя замуж, не стала менять фамилию, всё надеясь, что он её обязательно найдёт...

Семья была тем нравственным источником, который формировал девочку. Свою дочь Алёну Елена Михайловна воспитывала по тем же правилам. Любовь к театру тоже идёт из детства. Любовь к книгам — оттуда же. В доме была прекрасная библиотека и Елена рано выучилась читать. Среднюю школу № 1 закончила с отличием, отделение журналистики филфака Ростовского университета — с красным дипломом.

С 1979 года — в штате городской газеты «Знамя коммуны». Сначала — корреспондентом отдела писем, затем возглавила сделанный под неё тогдашним редактором Владимиром Николаевичем Михеевым молодёжный отдел. В городе на тот момент было три вуза и тринадцать техникумов.

Лена сразу же вошла в городской пионерский штаб «Алые галстуки». Жизнь новочеркасской детворы была очень насыщенной: слёты актива, артековцев, орлят, пионерские парады, лагерные сборы пионервожатых и отрядных вожатых — курсантов военного училища связи, выпуск газет, слёты редколлегий, походы, встречи с московским пионерским штабом... Когда в 2007-м на 70-летие Дома пионеров она начнёт собирать пионерский штаб, слетятся ребята со всех уголков страны. А встречать юбилей они будут под знаменем Новочеркасской городской пионерской организации, которое Лена умудрилась сохранить.

В 1984 году она вдруг уходит из городской газеты «Знамя коммуны» в вузовскую многотиражку «Кадры индустрии» и спустя некоторое время, на взлёте демократии, превращает её в островок свободы слова. Ядро коллектива — преподаватели и профессора Новочеркасского политехнического института — многолетние нештатники, с ними Елена участвует в захватывающих событиях. Результатом её блестящих организаторских способностей и гражданской смелости стал журнал «Крытый двор» [1]. В нём впервые было рассказано о событиях 1962 года. Так началась системная работа по сбору информации о Новочеркасской трагедии. Книги Ирины Мардарь и Татьяны Бочаровой появятся позже.

90-е годы насыщены важными вехами в жизни Елены Надтоки. Жажда перемен в обществе — это и выборы новой Думы Новочер-

касска. И сама Лена, и многие из энпеишной группы, став депутатами нового созыва, принялись создавать и новую систему управления городом. Содружество с НЭВЗом и вторым крупным вузом города Новочеркасским инженерно-мелиоративным институтом позволило им, как когда-то шестидесятникам, внести свежую струю в городское сообщество, в структуру власти.

Выходит первое демократическое издание в Новочеркасске — газета «Новочеркасские ведомости». Елена Михайловна не только была одним из её создателей, но и автором громких материалов, в числе которых и правовое просвещение. Позднее оно станет главным направлением её деятельности. До конца своих дней она будет верить в справедливость, бороться за неё, вступаться за обиженных, противостоять подлости и несправедливости. Не имея при этом ненависти к оппонентам, отстаивая свою точку зрения и апеллируя к фактам, всегда расположена была к диалогу. Благо города для неё было важнее её собственной карьеры.

Лена очень хорошо понимала значение гласности. Коллеги по депутатским делам, новые избранники поставили перед собой цель — доводить до людей правдивую информацию о деятельности власти. Надтока взялась за решение данного вопроса и взвалила на себя этот груз, создав в октябре 1991 года малое предприятие «Пресс-центр» и обеспечив его чёткую работу. Именно «Пресс-центр» по закону о СМИ стал весной 1994 года редакцией, а телецентр Военного училища связи — издателем нового городского телевидения «Новочеркасск-ТВ» (5-й канал). И хотя «21 канал» начал вещать в эфире несколькими месяцами раньше, первопроходцем в этом деле была всё же Елена Надтока! По-настоящему телевидение пришло в город с передачами о его жизни и ежедневными новостями. «События» стали настоящим событием, хоть и местного масштаба! Человеку всегда интереснее то, что происходит рядом с ним, на соседней улице, а не где-то далеко, за пределами его воображения. Информационная программа «События», создаваемая сотрудниками «Пресс-центра», в числе которых была и автор этой публикации, зрительский информационный голод утоляла много лет. Пока не было своего эфира, записывали программы на видеокассеты и развозили на «21 канал» и по кабельным сетям. И Новочеркасск жил нашими новостями, которых ждали!

В этот период проявились многие таланты Елены Михайловны. Один из них — управлять немаленьким творческим коллективом, где каждый — «гений»! Она со всеми была корректна, относилась с большим уважением, обладала внутренним чутьём на людей и на события. Была чутка, любую чужую семейную или личную проблему воспринимала как свою. Первой начинала помогать.

Помню, как у нашей коллеги неожиданно умерла мама. Человек в растерянности — впереди четыре ноябрьских праздничных выходных, когда многие учреждения не работают. Елена Михайловна решила все вопросы за два часа. Даже находясь в декрете, она не оставляла коллектив без своего внимания, подкидывала интересные идеи, исправляла сложную обстановку.

А организация поездки летом 1992 года в «Таёжный тупик» к Агафье Лыковой?

Елене попалась заметка в «Российской газете», что Агафья Лыкова не смогла вызвать вертолёт в непростой ситуации из-за того, что из строя вышли батарейки в радиобуе. В тот период, период экономического передела в СССР, их невозможно было достать. А одно из малых предприятий Новочеркасска эти зарядные устройства стало выпускать. Надтока собрала экспедицию из пяти человек (четверо из которых — члены туристического клуба), обеспечив её всем необходимым, подключив к организации её жизнедеятельности в походе администрацию города, коммерсантов, малые предприятия, финансовые организации, своих друзей... До выполнения задания ребята пробыли в пути целый месяц!

В декабре 1994 года договор о сотрудничестве с Военным училищем связи был расторгнут из-за желания его начальника контролировать всё! Лена такого допустить не могла. Она вообще не переносила никакого вмешательства в свою деятельность, в деятельность руководимого ею СМИ, особенно, когда люди, не владеющие профессией, начинали давать советы. Организаторских способностей Надтоки (с нуля создала пресс-центр, два телеканала и газету, которые при ней достигли расцвета!) хватило бы на несколько человек, а журналистским пером она владела как никто другой! Не зря же её постоянно приглашали в областные и региональные издания.

Так появилось в январе 1995 года новое телевидение с грозным названием «37-й канал». По поводу этого, второго имени (первое АОЗТ «Новочеркассктелерадио») были жаркие споры, сошлись на том, что канал должен быть верным свободе слова и беспощадно бороться с несправедливостью. Под крылом у Лены были собраны

лучшие журналистские и технические кадры города. На фоне развёрнутого информационного пространства с наличием более десяти СМИ, в том числе пяти телеканалов, вещавших для жителей, «37-й» выглядел ярко и мощно. Его украшали и делали действенным разнообразные программы для взрослых и детей, две трети которых освещали вопросы жизни Новочеркасска. Но у канала были учредители, которые через два года также стали диктовать свои правила. В ограниченном пространстве Елена жить не могла — не в этом она видела журналистское кредо, ей вновь стало тесно и некомфортно...

Днём рождения «Частной лавочки» считается 7 мая 1997 года. Это была собственная, независимая газета члена Союза журналистов России Елены Надтоки. Человека, который умеет совершать поступки и отвечать за них. Человека, который наравне со всеми переживал происходящие в стране потрясения, занимая при этом свою собственную, не всегда совпадающую с другими точку зрения на них. Как редактор она никогда не молчала, видя несправедливость, ложь, за что её многие уважали, но и многие ненавидели, боялись. А вот старые друзья-политехники даже окрестили «честной лапочкой». Газета выступала в защиту не только людей, но и была главным правозащитником самого города, его архитектурного и культурного наследия[1]. Никто больше Елены Михайловны не писал и не публиковал материалов на эти темы.

«Частная лавочка» была зачинателем различных гражданских инициатив. В рамках одной из них — «Новочеркасск — мой родной город» она выступала за сохранение исторического облика площади Ермака и как результат — с брусчатки убрали асфальтовое и фаловое покрытие [2]. Предметом сообщений было и правовое просвещение, разъясняющее правила выполнения работ на объектах культурного наследия [3]. Постоянно велась тема нарушения законодательства в отношении к историческим памятникам, к частично сохранившимся ансамблям, к бывшим казачьим усадьбам — памятникам архитектуры регионального значения [4]. Судьбы дома Фоминой [5], здания бывшего офицерского собрания (ныне Центральная библиотека имени А. С. Пушкина) [6], бывшей мужской гимназии (средняя школа № 3), многих других, их, так называемая, реконструкция была неизменным предметом постоянных публикаций [7].

Посредством печати и в судебном порядке именно Елене Михайловне, а не соответствующим структурам, ответственным за сохранность исторических памятников города, удалось отстоять целостность дворцово-паркового ансамбля «Атаманский дворец», куда входит и Александровский сад [8]. Её роль в приостановлении процесса его разрушения — деления на участки для застройки офисами, гостиницей, кафе и т. д. — значительна! По итогам многолетнего разбирательства за незаконную продажу администрацией города земель рекреационного назначения объект культурного наследия «Александровский парк, XIX в.» и территория, ограниченная улицами Атаманской, Александровской, Пушкинской и Платовским проспектом, стали заповедной зоной [9].

За такие бесстрашные дела, за честность и неравнодушие к тому, что происходит в своём родном городе, и отличали читатели газету, доверяя ей свои беды, заботы, писали душевные и благодарные письма.

Последний номер «Частной лавочки» вышел 27 декабря 2018 года. Информационное пространство Новочеркасска и Ростовской области сузилось ещё больше.

Елена Михайловна Надтока была уникальным человеком — это можно было понять и по той волне, что поднялась в городском сообществе в связи её смертью. Такие люди не рождаются часто и замены им нет! Выбранный путь ею пройден с достоинством.

В эти два с небольшим десятилетия Елена демонстрировала всем, как можно не испытывать страха, не бояться власти, оставаться самим собой. Доказывала, что нужно не смиряться, когда с тобой поступают несправедливо, когда нарушены твои права. Она даже обратилась в Европейский суд с жалобой, считая несправедливым привлечение к ответственности её как редактора за критические публикации о мэре Новочеркасска [10]. Отстаивая свои права писать и публиковать смелые статьи, она победила, показав беспрецедентный пример для журналистов не только России, но и всей Европы, которых за смелую критику привлекают к уголовной ответственности. В 2016 году эта молниеносная новость облетела все СМИ Европы: Елена Надтока выиграла в Европейском суде Страсбурга по правам человека [11].

В 2010 году к годовщине ухода Владимира Ивановича Кулишова, нашего общего друга, сохранением в городе памяти о котором занимались вместе два творческих союза — журналистов и художников, — Лена попросила меня написать заметки об этом уважаемом человеке. Но тогда я даже предположить не могла, что подобный материал спустя девять лет буду готовить и о ней...

[1] Ниже публикуется статья Е. М. Надтоки «Камни истории – на свалку?!»

Какое архисложное задание самой себе! Знал человека много лет, жил рядом, ходил с ним по одним и тем же улицам, участвовал в общих делах... А слова не находятся... Такие, что позволили бы дать точную оценку деятельности Личности во времени. Масштабности человека. Первопроходца. Патриота и Гражданина своего Отечества.

У Юрия Левитанского есть такие строки: «Всего и надо, что вглядеться, — боже мой! Всего и дела, что внимательно вглядеться...». Все сорок ярких журналистских лет, отведённых ей Судьбой, Елена Михайловна Надтока только и делала, что внимательно вглядывалась в Жизнь...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Крытый двор» — художественно-публицистический журнал, приложение к газете «Кадры индустрии». Издавался в 1990 годах, согласно решениям парткома Новочеркасского политехнического института (НПИ) и бюро Новочеркасского горкома КПСС. Издатель НПИ.

2. *Надтока Е.* Нашу память закатают в асфальт? // Част. лавочка. 2015. 3 сент. С. 2.

3. *Её же.* Что не удалось Платову у Волкова получится // Там же. 2004. 11 авг. С. 1.

4. *Её же.* Меняют Платова на Платова : О моде на переустановку памятников атаману Платову в Новочеркасске // Там же. 2015. 26 марта. С. 4.

5. *Её же.* Дом казнён по приговору суда : О сносе памятника регион. значения дома Фоминой на ул. Просвещения // Там же. 2015. 19 февр. С. 1.

6. *Её же.* Ломовая реставрация : о несоблюдении закона по охране памятника регион. значения центр. гор. б-ки им. А. С. Пушкина // Там же. 2005. 18 мая. С. 1; То же. // Наше время. 2005. 19 мая. С. 1.

7. *Её же.* Старинный особняк приговорён: в списках не значился // Там же. 2012. 6 сент. С. 1; *Её же.* Одним памятником больше // Там же. 2014. 27 марта. С. 2; *Её же.* Не экскаватор, так кран... // Там же. 2014. 10 апр. С. 1.

8. *Её же.* Александровский сад: деревьев всё меньше : о предстоящем стр-ве в гор. парке культуры и отдыха гостиницы // Там же. 2004. 7 апр. С. 4; «Частная лавочка» выиграла дело у Ары Арсеняна : «Почётный гражданин» Новочеркасска подал в суд на газету «за клевету» // Там же. 2010. 1 июля. С. 1—2; *Её же.* Александровский парк сожрут «крутые» коттеджи? : О продаже адм. города рекреац. земель Александр. сада под част. застройку // Там же. 2010. 16 дек. С. 1—2; *Её же.* Дети разных народов, или почему казаки не защищают Александровский сад // Там же. 2011. 27 янв. С. 1.

9. О включении в список выявленных объектов культурного наследия объекта «Александровский сад» в г. Новочеркасске, представляющего историко-культурную значимость <...> : приказ м-ва культуры Рост. обл. № 317.1 от 15.08.08 г. URL: https://www.donland.ru/activity/2184/; *Надтока Е.* Александровскому саду — государственную охрану // Там же. 2008. 6 нояб. С. 1—2.

10. «Красота, чистота, образцовый порядок!» : заметки с пресс-конф. мэра города с нелирическими отступлениями, показательными выступлениями и решительными наступлениями // Част. лавочка. 2001. 7 июня. С. 1—2; *Надтока Е.* Теракт школе угрожает ... мэр?!! : [рассуждения по поводу постановления мэра № 869 от 10.04.2001 «О запрещении остановки автотранспорта по ул. Московской»] // Там же. 2001. 7 июня. С. 2; *Её же.* Я памятник купил себе нерукотворный! : [о продаже водонапорной башни на ул. Александровской и здания по ул. Московской, 7] // Там же. 2001. 27 дек. С. 2; *Её же.* Лошадей прочь от товарища Гришанова, или как поделят добро супруги Волковы // Там же. 2002. 17 янв. С. 1; Криминальное чтиво для прокуроров : [заявление прокурору Рост. обл. Харьковскому А. И. о грубых нарушениях мэром А. П. Волковым и адм. Новочеркасска, подписанное в т. ч. Е. М. Надтокой] // Там же. 2002. 7 февр. С. 1; *Надтока Е.* Себя бы не обделить // Наше время. 2002. 15 февр. С. 1—2; *Её же.* Мэр вышел на жилплощадь // Новая газ. 2005.7—9 нояб. С. 12—13; *Её же.* Е. Что у мэра в кошельке // Част. лавочка. 2006. 12 апр. С. 1; *Её же.* Как охраняют мэра Новочеркасска и нажитое им добро : [о расходовании мэром на охранные услуги денег из гор. бюджета] // Моск. комсомолец на Дону. 2007. 18—25 июля. С. 12

11. *Надтока Е.* Елена Надтока выиграла в европейском суде // Част. лавочка. 2016. 9 июня. С. 1—2; *Её же.* Оправданы 12 лет спустя // Там же. 2017. 12 окт. С. 1.

Примечания подготовлены при участии И. И. Кондратюк, заведующей центром краеведческой и муниципальной информации Новочеркасской центральной городской библиотеки имени А. С. Пушкина

Е. М. НАДТОКА

КАМНИ ИСТОРИИ — НА СВАЛКУ?!

«Многие сравнивают "кровавую субботу" 1962 года в Новочеркасске с "кровавым воскресеньем" 1905 года в Петербурге, — писала в своей книге президент Фонда Новочеркасской трагедии Т. Бочарова. — Действительно, похоже. Города-столицы, место действия — Дворцовая площадь, массы — простые люди, рабочие, шли с верой, за правдой, несли изображения тех, кому верили. И так же власть расстреляла. Схоже. Только подлее и изощреннее сработали в Новочеркасске палачи...».

Вывоз брусчатки с площади Ермака летом 2009 года, г. Новочеркасск. Фото Е. М. Надтоки

В Петербурге Дворцовая площадь цела-целёхонька. В Новочеркасске на днях уничтожена. Здесь, по мысли городской администрации, будет цветник и фонтан — сквер, в котором стоит памятник атаману Платову, продлят до Атаманского дворца. И кто его знает, чего больше хотелось власти — убить память о трагедии 1962-го, о принимающем здесь казачий парад императоре Николае II, о последнем жильце дворца — атамане Каледине? Или, по официально распространяемой версии, просто мечталось, чтобы перед дворцом ... не было стоянки автомашин?!!

... В разных документах разных лет она зовётся Дворцовая площадь, площадь Карла Маркса или ещё: площадь перед горкомом КПСС. Сути это не меняет.

Вот старая фотография: Император Всероссийский Николай II, царь Польский, Великий князь Финляндский и прочая, и прочая и прочая перед Атаманским дворцом в Новочеркасске. Его рука — у головного убора, а в развёрнутом строю перед ним идут казаки: печатают шаг по вымощенной диким камнем Дворцовой площади.

А вот воспоминания более поздних времён. Ими поделился искусствовед В. И. Кулишов:

— В 1986-м или 87-м году сюда приезжала Мария Акимовна Асеева, отец которой был дружен с известным донским писателем Крюковым. Она вспоминала 1918 год, когда была ещё маленькой. Здесь, на площади, она увидела автомобиль, принадлежавший атаману Каледину. Каледин заметил любопытство девочки, взял её на руки и посадил в свою машину.

А это — свидетельства очевидца Новочеркасской трагедии 2 июня 1962 года М. М. Лося:

«... Пробравшись через сквер имени Ленина, оказался в массе людей, плотным кольцом окруживших площадь перед горкомом КПСС. Стиснув зубы, все подавленно молчали... Да, прошло много лет, а перед моим взором стоит всё та же немеркнущая десятилетиями страшная картина: площадь залита свежей кровью, на фоне которой особенно контрастировали многочисленные белые детские панамки, втоптанные в грязно-кровавое месиво».

Но и это ещё не вся история площади!

Три года назад при прокладке трубопровода здесь были обнаружены фрагменты ... античной амфоры! Возраст находки — III—IV век до нашей эры. Новочеркасск расположен на значительном курганном могильнике, материалы из раскопанных курганов позволяют учёным говорить о существовании на территории города некрополя сарматской знати — Царских курганов. Древние погребальные сооружения до настоящего времени можно видеть в центре Новочеркасска. Два из них — в Александровском саду: один превращён в Курган Славы, где зажжён Вечный огонь, другой — любимое место лазания детворы — высится рядом с Колесом обозрения. Третий — во дворе Атаманского дворца. Все они — в двух шагах от Дворцовой площади! И под ногами тех, кто по ней ходит.

— Здесь находится погребение, — утверждает археолог М. И. Крайсветный, тот самый, что нашёл амфору, — мы ходим по могиле и не одной. Если становиться на букву закона, то все строительные работы здесь требуют обязательного согласования с государственными органами охраны памятников. Причём это касается не только самих курганов, но и их охранных зон. При сплошной городской застройке минимальное расстояние от границы застройки до памятника — охранная зона — 250 метров. То есть всё

в центре Новочеркасска — межкурганное пространство! Это зона особого внимания, требующая согласования при ведении любых работ и присутствия здесь специалистов.

Асфальтирование площади Ермака летом 2015 года, г. Новочеркасск. Фото Е. М. Надтоки

Я позвонила в областную инспекцию по охране и эксплуатации памятников истории и культуры. Мне ответили: согласования не было.

Мы стояли на перекопанной площади: В. И. Кулишов, переживающий за исторический облик казачьей столицы, М. И. Крайсветный, «болеющий» археологией, и я. За нашими спинами у входа в музей Новочеркасской трагедии 1962 года пригорюнилась на корточках его сотрудница, участница тех событий В. Е. Водяницкая. Она молчала, но, видимо, думала, что ей теперь рассказывать посетителям музея: «Там, где фонтан, была площадь, которую залили кровью...».

Приняв нашу группку за граждан, причастных к «реконструкции», пожилой прохожий спросил:

— А что здесь будет?

— Безобразие! — ответили мы ему.

Прохожий ушёл, а В. И. Кулишов развил тему:

— Генеральный план города, разработанный Деволаном, признан историческим достоянием, подлежит охране. Перепланировать, придумывать что-то, а тем более в центре — я считаю, это дикость, варварство. Перед всяким дворцом — это исторически сложилось в архитектурных ансамблях — должна быть площадь. Атаманский дворец строился как парадное здание, а не парковое. У него должен быть открыт фасад. Недавно это и сделали: спилили, как ни было жалко, красавицы-ели, закрывающие здание. А теперь решили продолжить сквер, и снова закрыть дворец? Где логика?!!

На Атаманский дворец наступают нынче не только с фасада. Как мы уже писали, местные власти настойчиво «пробивают» идею строительства в примыкающем к нему сзади Александровском саду пятизвёздочного отеля. Также — между курганами. Разрешения областной инспекции на него пока нет, но с Колеса обозрения прекрасно видна плешь между густыми деревьями: уже расчищенная площадка под котлован для фундамента.

Часто мы говорим: камни родного города. Для кого-то это абстрактно. А конкретные камни — брусчатку с Дворцовой площади Новочеркасска — выбросили, как ненужный мусор. Брусчатку укладывали — камешек к камешку — в 80-х годах XIX века. И кстати, приезжающих в те годы в Новочеркасск просили привозить с собой камень — нужный, вечный строительный материал. Чьи только руки тех камней не касались, чьи ноги по ним не ходили...

В чьи только головы пришла мысль отвезти кусок истории на городскую свалку?

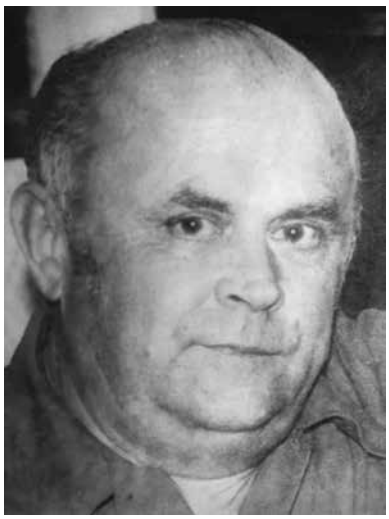
Частная лавочка. 2005 13 июля. С. 1.

Публикация Ж. П. Гридасовой

НАШИ КРАЕВЕДЫ

Р. А. ТОДЫКА

ПАМЯТЬ В ГАЗЕТНОЙ СТРОКЕ



С Георгием Прокофьевичем Ефименко я познакомилась на одной из августовских конференций учителей. Он выступал по злободневной на тот момент теме (впрочем, таковой она остается и сейчас) — воспитание детей в семье.

До этого дня я много слышала о нём как о талантливом учителе и известном в районе краеведе. В то время как раз в районной газете публиковалась его статья об истории села Синявское [1]. Георгий Прокофьевич для педагогического сообщества был непререкаемым авторитетом. И по некоторым вопросам хотелось знать его мнение. В помощи он никогда и никому не отказывал.

Позже, работая в газете, я обращалась к нему за консультацией по истории района, по военной тематике.

Коренастый, крепкого телосложения, неторопливый в движениях, с негромким, но убедительным голосом, Георгий Прокофьевич располагал к общению. Умел слушать и слышать. Неслучайно люди доверяли ему и делились даже тем, о чём молчали долгие годы.

Родился Георгий Прокофьевич 28 октября 1921 года в украинском сельце Днепропетровской области. Позже в кругу семьи с большой теплотой вспоминал он о своём детстве, друзьях-товарищах. Обучение было тогда раздельное. В классе учились только мальчики. Они любили читать книги, играть в футбол. Любовь к футболу осталась у Ефименко на всю жизнь. Он не пропускал ни одного матча с участием синявской футбольной команды.

Окончил школу в 16 лет. На службу в армию был призван в 1939 году со второго курса Ростовского педагогического института. Службу проходил в городе Гродно. А перед самой войной был командирован в Харьков, где и встретил войну.

Уже после войны хотел найти товарищей, с которыми начинал службу. В 60—70-е годы упорно рассылал запросы в разные инстанции. И никого не нашёл: все погибли летом 1941-го.

Судьба хранила его на дорогах войны. Георгий Прокофьевич в прямом смысле «прошагал пол-Европы» в рядах Горловской дважды Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии, в роте автоматчиков-пехотинцев. Воевал в Сталинграде, Ростовской области, на Донбассе, форсировал Сиваш, участвовал в освобождении Крыма и взятии Севастополя, Кёнигсберга.

На войне всем приходилось несладко, особенно пехоте. В дождь и зной, иногда по несколько дней без сна и еды приходилось шагать сначала на восток, теряя товарищей, с горечью оставляя города и сёла, затем на запад — с потерями и болью, но уже с неугасимой верой в победу. Кто просчитал, сколько дорог прошагал, сколько рек форсировал простой русский солдат Георгий Ефименко!

У Георгия Прокофьевича множество наград. Как вспоминает его сын Юрий Георгиевич, «орденские планки были у папы в пять рядов, и парадный пиджак с орденами и медалями весил тяжелей современного бронежилета». Здесь и орден Красной Звезды, и два ордена Славы, орден Отечественной войны II степени, и пятнадцать медалей. Но особо гордился он двумя медалями «За отвагу». У фронтовиков эта награда — в особом почёте. Неслучайно Твардовский устами Василия Тёркина говорит: «Так скажу: зачем мне орден? Я согласен на медаль».

Раиса Артёмовна Тодыка, главный редактор газеты «Приазовская степь», с. Покровское Неклиновского района

Первую медаль получил за обеспечение связи наступающих частей при переходе через озеро Сиваш.

Тяжёлые кровопролитные бои 1943 года. Перед частями Красной армии поставлена задача: удержать позиции во что бы то ни стало. И нужно скорректировать между частями общие задачи. А связи нет. Шквальный огонь с обеих сторон. Как найти повреждения в этом аду? И под шквальным огнём, по горло в воде, с катушкой на спине Георгий вместе со своими товарищами восстанавливал ежеминутно перебиваемые осколками провода. Так что в освобождении Крыма есть и частичка солдатского труда Георгия Ефименко.

А вторую медаль он получил за спасение тяжело раненого офицера.

Трижды был ранен, два раза — тяжело. Очередное тяжёлое ранение Ефименко получил при форсировании Днепра. Переплавляясь через реку на плотике, солдаты попали под артобстрел, и раненый Георгий начал тонуть. Его вытащил из воды грузин, и Георгий Прокофьевич разыскивал его всю жизнь. А в санбате сказали, что родился в рубашке: пуля прошла в миллиметре от сердца.

После войны Ефименко переписывался со многими однополчанами, ездил на встречи с ними, принимал их у себя. В гости к своему сержанту Ефименко приезжал и командир полка, под командованием которого он воевал в Белоруссии.

«Этот рассказ папы врезался мне в память, — говорил его сын Юрий. — Его я всегда вспоминаю, когда слышу или читаю о злобных, лживых рассуждениях о жестоких и бездарных советских командирах, о доносах и заградотрядах. Папа рассказывал, причём не как о чём-то необычном, а просто вспоминая, как в Белоруссии их полк получил приказ взять небольшую деревню. Перед деревней было открытое поле. Дела у гитлеровцев были плохи, и командир полка докладывал в штаб дивизии, что он ведёт бой за деревню. Но бойцов через поле не посылал до глубокой ночи. Ночью разведчики вошли в деревню, проследили отступление фашистов, утром деревня было взята. Ни один боец не получил и царапины, ни одного доноса на командира полка в дивизию не поступило, в том числе от полкового "особиста"».

Демобилизовавшись летом 45-го, Георгий Прокофьевич приехал преподавать русский язык и литературу в Синявскую среднюю школу. С тех пор ни разу не менял место работы. Прикипел настолько к селу, его людям, к ребятишкам, что уже считал его своей второй родиной.

Тогда же решил воссоздать историю села, рассказать о людях, прославивших свой родной край.

Начал с Ростовского областного архива: с головой окунулся в изучение документов, переписывал их от руки, чертил схемы. Поздними вечерами, как вспоминает его сын, проверив тетради и подготовившись к урокам, отец разбирал записанное наспех. Материал использовался им на уроках, лёг в основу школьного музея, посылался в районную газету «Приазовская степь».

И история Синявки становится достоянием всего района. Мы узнаём, что «основанию села Синявка положили события русско-турецкой войны 1768—1774 годов. В начале этой войны указом Екатерины II от 7 января 1769 года русский адмирал Алексей Наумович Сенявин, один из основателей Черноморского флота, был назначен создать Донскую (Азовскую) флотилию, которой он и командовал в течение всей войны. Руководил укреплением крепостей Таганрог и Азов» [2].

Статья публиковалась в трёх номерах районной газеты [1] и вызвала многочисленные отклики читателей. Здесь и дореволюцинное село, и становление советской власти, и организация колхозов. Особое место уделено Великой Отечественной войне, её участникам, а также партизанам и подпольщикам.

Георгий Прокофьевич встречался со старожилами села (нашёл даже бывших учеников церковно-приходской школы Синявки), записывал их рассказы о прошлом, по крупицам собирая ценную информацию.

Его же стараниями воссоздана история Всехсвятской церкви села. Благодаря хранящимся в школьном музее материалам мы узнаем, что первая церковь в селе была построена в 1793 году богатым жителем села Василием Ивановичем Маньковым. Освящена 22 января 1794 года. Из «Клировых ведомостей» 1801 года, которые разыскал наш краевед, известно также, что первым священником был Иван Покотилов. Кстати, Всехсвятская церковь в Синявском находится под защитой ЮНЕСКО.

Конечно, всех документов, найденных, восстановленных, описанных Г. П. Ефименко, даже не перечислишь, как и не назовёшь всех, о ком собрал он материалы для музея и для публикаций в районке. Но остановлюсь хотя бы на некоторых.

В селе родился и жил известный донской писатель Г. Ф. Шолохов-Синявский, автор книг

«Крутии», «Суровая путина», «Волгины», «Горький мёд» и других. Эти книги дороги синявцам, поскольку в них отражены судьбы их земляков, история села. И одно из достопримечательных мест — могила писателя-земляка, о котором не раз рассказывал Ефименко.

«Люди и природа приазовских степей сначала робко, а затем и уверенно пришли на страницы его произведений...» — пишет Ефименко. Заканчивает заметки о Шолохове-Синявском наш автор такими словами: «На синявском кладбище — скромный барельеф с профилем писателя и плита с высеченным на ней автографом Г. Шолохова-Синявского. Так он завещал похоронить себя» [3].

С Иваном Григорьевичем Шнейдером (1918—1996), уроженцем села, прославившим его на весь мир, Георгий Прокофьевич неоднократно встречался, вёл обширную переписку, рассказывая на страницах «Приазовской степи» о нём самом и о его путешествиях на крупнейшем в мире учебном парусном судне «Крузенштерн». В 1974 году капитан барка Шнейдер стал первым призёром регаты парусников в честь 300-летия Российского флота, в котором участвовали представители 37 государств. «За мастерство в управлении барком» он получил переходящий кубок «Катти Сарк».

А в 1988 году в заметке «Не свернул паруса» наш автор писал: «Интересна, романтична и завидна судьба нашего односельчанина, капитана одного из крупнейших парусников мира — барка "Крузенштерн" — Ивана Григорьевича Шнейдера...» Далее он рассказал и о самом капитане, и о его знаменитых походах: «Бермуды и Ямайка, Гибралтар и Марсель, Галифакс и Касабланка... Многие тысячи миль прошёл "Крузенштерн". Но во всех далёких походах всегда вспоминал Иван Григорьевич Шнейдер родное Азовское море...» [4].

Для учителя Ефименко литература никогда не была абстрактным понятием. И произведения, изучаемые в школе от «Слова о полку Игореве» до современных писателей, он старался увязать с окружающей действительностью. К примеру, когда на уроках изучался памятник русского эпоса «Слово...», Георгий Прокофьевич обязательно сообщал школьникам, что на горе Караул у города Белая Калитва, в месте, где сливаются с Северским Донцом реки Лихая и Белая Калитва, в 1970 году был установлен памятник с надписью «Воинам Игоревой рати — храбрым русичам. 1185 г.». Об этом он рассказал и в районной газете в заметке «Памятник древнерусскому эпосу». Внимательный взор краеведа замечает все особенности памятника, не только когда, где и на какие средства (общественные) построен памятник, но и то, что «...в подножии кургана зацементированы в стальных капсулах горсти земли из всех древнерусских городов, выславших своих ратников в южные степи на борьбу с кочевниками» [5].

Ранее в статье «Шли в бой солдаты» Георгий Прокофьевич рассказывает о памятниках воинам и событиям Великой Отечественной войны — от мемориала на Самбекских высотах до величественного памятника на Саур-могиле: «Застыл на Волковой горе памятник "Якорь" морякам, штурмовавшим эту высоту. На запад устремился ствол пулемёта памятника на горе Чёрный ворон, бои за овладение которой вела 248-я стрелковая дивизия. Памятник танкистам-победителям — дань уважения этому славному роду войск, внёсшему большой вклад в победу на Миусских высотах» [6].

Особая его тема и боль — война. Кстати, и школьный музей начинался с того, что мальчишки, а иногда и взрослые несли в школу найденные в степи или возле речки гильзы, патроны, осколки мин и снарядов, каски времён Великой Отечественной. В конце 60 — начале 70-х годов занялись расчисткой и углублением русла реки Донской Чулек. И вот тогда количество таких находок увеличилось многократно. Из них и составлялись экспозиции ко Дню Победы. А поскольку Георгий Прокофьевич был фронтовиком, то, естественно, он и занимался этим. Помогал ему оформлять экспозиции музея художник колхоза «Заветы Ильича» Валерий Ивашинин.

Юрий Георгиевич Ефименко вспоминает, что большую работу при создании многих экспозиций музея отец проделал вместе с директором Ростовской станции юных туристов Марком Куприцем, тогда учителем истории в школе; в сборе информации и ценных документов ему помогали жители села Юрий Галкин и Александр Пудов и, конечно, Мария Фёдоровна Ефименко — жена и преемница.

Как уже говорилось, особая тема — это война. И особый раздел в школьном музее. Не сразу, спустя годы, Георгий Прокофьевич почувствовал себя готовым рассказать о военных буднях, о товарищах по оружию, о том, что пришлось пережить людям не только на фронте, но и в тылу.

Для него, пожалуй, одно из самых тяжких воспоминаний — это дети военных лет.

В заметке «Встречи на дорогах войны» автор рассказывает о первых месяцах войны. Июль

41-го. Белые хатки небольшого украинского села. Яростный налёт «юнкерсов» на батарею за селом. А одно звено высыпало бомбы прямо на белые хатки. «До сих пор в тревожных снах слышится отчаянный крик девочки 10—11 лет. Почти до самого плеча ей оторвало ручку осколком. Льётся кровь, страшно белеет косточка. Наскоро перевязали, ушли. "За что же тебя, маленькая?" — мучительно сидит в голове» [7].

В небольшой заметке «Как это было» Ефименко пишет о жизни тыла: «Молодой читатель! Задумайся над прочитанным. Не в прошлом веке, не при крепостном праве происходило то, о чём я рассказываю, а всего четыре десятилетия тому назад (май-июнь 1944 года. — *Р. Т.*). Вот что несли фашистские захватчики нашему народу. Это село без мужчин, дети, два старика и один солдат с пустым рукавом. Это "хлеб", главная составляющая часть которого — картофельные очистки. Это женщины, по 6—8 человек впрягшиеся в лямки и тянущие на себе плуг. Это сынишка хозяйки, не знавший, что сахар, которым мы его угостили, — сладкий, что его едят...» [8].

Георгий Прокофьевич писал и стихи, но, не считая их совершенными (ведь идеалы — Пушкин, Лермонтов, Твардовский, Симонов), никогда не публиковал. Лишь иногда, рассказывая о друзьях-товарищах или вспоминая военные будни, цитировал сам себя:

Но навсегда нам памятью дано
Их видеть сквозь разрывы, в отдаленье,
Мои друзья, которых нет давно,
Они и нынче — наше поколенье.

Краевед Ефименко считал своим долгом собрать материалы обо всех жителях Синявки, воевавших на фронтах Великой Отечественной, а также о тех воинах, что защищали или освобождали село — на суше и в небе.

Вместе со школьниками он разыскивал родных, близких, друзей — всех, кто может рассказать хоть что-то. Хоть какой-то штрих добавить к портрету фронтовика.

Так шла работа и над материалом об односельчанине А. П. Кириченко, Герое Советского Союза, повторившем подвиг Александра Матросова. Так почему-то принято считать. На самом же деле Матросов геройски погиб 27 февраля 1943 года, а Александр Кириченко — 9 ноября 1942 года. Просто о том, как и когда погиб Кириченко, узнали уже после войны.

И снова и снова — встречи, архивы, письма...

Пришло письмо от С. Г. Цыпленкова, командира 256-го стрелкового полка 55-й гвардейской стрелковой дивизии, в составе которой воевал Кириченко. А 23 февраля 1982 года газета публикует статью своего селькора о подвиге жителя Синявки «Повторил подвиг Матросова».

«Дождливым утром 9 ноября 1942 года 3-я рота 256-й гвардейской стрелковой дивизии вела бой у высоты 249, 6... Вражеский дзот приостановил наступление роты. Тогда гвардии политрук Кириченко выбрал момент... прыжком преодолел расстояние до дзота и своим телом накрыл его амбразуру... Президиум Верховного Совета СССР указом от 17 апреля 1943 года посмертно присвоил А. П. Кириченко звание Героя Советского Союза» [9].

В результате поиска появляются новые факты, детали. В небольшой информации «Поиск продолжается» Георгий Прокофьевич сообщает: «В канун сорокового Дня Победы мы получили из военкомата города Горячий Ключ фотографии обелиска на месте гибели нашего односельчанина А. П. Кириченко. Пишут нам и следопыты Дома пионеров этого города. Материалы о Кириченко мы посылали в одну из школ Ростова, где создаётся музей о донских Матросовых» [10].

Не мог не рассказать Георгий Прокофьевич и ещё об одном земляке — Герое Советского Союза Николае Митрофановиче Щербакове. Материал для школьного музея собирали в течение нескольких лет. Беседовали с его земляками (он родился в хуторе Мелизовка, недалеко от Синявки). Школьники под руководством учителя написали письмо в музей города Николаева с просьбой рассказать о знаменитом десанте, участником которого был Щербаков. Приезжал и Николай Митрофанович на встречу с земляками. В результате музей пополнился новыми материалами, а в районной газете за подписью Г. Ефименко, учителя Синявской средней школы, появилась статья «Николай Щербаков» [11].

Рассказывая о боевом пути героя, Георгий Прокофьевич более подробно останавливается на высадке десанта в 1944 году в порту города Николаева, в тылу врага, чтобы облегчить наступление наших войск на Николаев.

«Двое суток вёл отряд беспрерывные бои, отбил восемнадцать ожесточённых атак противника. Против горстки героев были брошены три батальона пехоты, артиллерия, шестиствольные миномёты, танки... Фашисты пустили в ход огнемёты и удушающие дымовые шашки... Моряки продолжали сражаться с невиданным упорством ... Когда 28 марта в город ворвались наши войска, в живых осталось двенадцать израненных десантников, среди которых был Н. М. Щербаков...»» [11].

Неклиновцы знают об отважном командире моряков-десантников, Герое Советского Союза Цезаре Львовиче Куникове, который начинал войну в наших местах и геройски погиб на Малой земле. Знают, прежде всего, благодаря тому, что сельский учитель Г. П. Ефименко провёл со своими школьниками большую поисковую работу.

«Пути поиска новых материалов о Куникове, — рассказывал в своё время Георгий Прокофьевич, — привели нас к московскому писателю Л. В. Давыдову. Он знал Куникова ещё до войны по совместной работе в редакции газеты «Машиностроение». Давыдов присылал нам письмо и свою книгу "Верность" о генерале Карбышеве. В книге рассказывается и о встречах Карбышева с Куниковым».

16 января 1986 года в районной газете «Приазовская степь» была опубликована статья Г. П. Ефименко о Цезаре Куникове [12]. Предыдущие публикации о Куникове здесь были дополнены новыми фактами из жизни героя. Мы узнаём, что Куников добровольцем уходит на фронт в начале войны. Назначается командиром отряда водных заграждений. При отходе от Днепра к Дону моряки Куникова прикрывали речные переправы, в том числе и на Миусском лимане осенью 1941 года. А в декабре 1941 года принимал участие в освобождении Ростова, в котором родился. Затем — Малая земля. «Ночью 12 февраля 1943 года на Суджукской косе при определении места приёмки судов с танками Цезарь Львович был тяжело ранен и 14 февраля в военно-полевом госпитале в Геленджике скончался от ран» [12].

О неутомимом поисковике-исследователе узнают далеко за пределами района. Ведь Георгий Прокофьевич поддерживает связь и с участниками войны, однополчанами, и с родными погибших воинов.

И вот в музей Синявской средней школы приезжают рабочие Ростовского электровозостроительного завода. Их бригада ввела в свой состав Героя Советского Союза Ц. Л. Куникова. Его заработок перечисляет в Фонд мира. Завязывается переписка между школьными краеведами и рабочими завода. Когда на заводе узнают, что в Синявке проживает куниковец Е. В. Ющенко, участник десанта на Малой земле, его приглашают на завод на встречу с коллективом. Об этом и о боевом пути Ющенко рассказывает Г. П. Ефименко в заметке «Он воевал в отряде Куникова» [13].

Казалось бы, известны основные вехи жизни Куникова, досконально изучен его боевой путь и обстоятельства гибели, но неугомонный краевед-исследователь Ефименко не упускает ни одной возможности узнать что-то новое, добавить хотя бы штрих к портрету героя. И в 1987 году в районной газете появляется обстоятельный очерк «Путь героя», который заканчивается такими словами: «Наталья Васильевна, жена и друг Ц. Л. Куникова, пишет о нём: "Цезарь Львович погиб, как и жил, верным сыном своей Родины, бесстрашным бойцом непобедимого русского народа. Все его родные, товарищи и друзья, с которыми ему приходилось жить, работать, воевать во время Великой Отечественной войны, помнят о нем и вспоминают как настоящего, большой души и сердца, многогранного, талантливого и обаятельного человека"» [14].

22 сентября 1984 года в районной газете была опубликована статья «Из племени крылатых» о лётчиках 8-й воздушной армии, воевавших в небе над Ростовской областью и Азовским морем (памятник этим летчикам установлен в селе Синявка), а также о командующем армии Т. Т. Хрюнине [15]. Мы узнаем, что Хрюнин воевал в Испании, в годы Великой Отечественной войны защищал Киев, участвовал в воздушных боях на Карельском фронте, в Сталинградской битве. Громил врага в небе над городом-крепостью Кёнигсберг. Дважды Герой Советского Союза.

Особенно большая работа была проведена по изучению действий партизанских отрядов «Отважный-1» и «Отважный-2», воевавших сначала в Синявских плавнях, затем — в Краснодарском крае. Назывались имена партизан, уточнялись сведения об их действиях, вспоминались погибшие. И пополняется музей новыми материалами, а в газете печатаются новые статьи за подписью нашего селькора.

Георгий Прокофьевич скрупулёзно изучает историю освобождения нашего края от немецко-фашистских захватчиков. В заметке «Как это было» пишет: «Линия вражеской обороны представляла систему долговременных сооружений, инженерных заграждений. Населённые пункты были превращены в мощные узлы сопротивления. Но ничто не помогло гитлеровцам. "Отмщение" за Сталинград не состоялось. Под несокрушимым напором воинов 2-й гвардейской, 5-й ударной, 28-й и 44-й армий при поддержке артиллерии, авиации, танковых соединений хрустнули и сломались укрепления врага на Миусе» [16]. И далее приводится текст сообщения Совинформбюро от 30 августа 1943 года: «Войска Южного фронта в ходе ожесточенных боев разгромили Таганрогскую груп-

пировку немцев и 30 августа овладели городом Таганрогом. Нашими войсками занято свыше 150 населенных пунктов...».

В честь этого события Москва салютовала двенадцатью артиллерийскими залпами из 124 орудий. 130-й и 416-й дивизиям присвоили наименование Таганрогских. В память об их подвиге воздвигнут мемориал на высотах Самбека. Здесь же рассказывается о вкладе партизан в дело освобождения района и области от врагов и приводится текст одной из листовок «Отважного-2», которая хранится в музее: «Товарищ! Если ты патриот русской земли, своего Отечества и Родины, сделай славное дело для Родины, для Красной Армии в момент борьбы и бегства фашистов. Бей их ... . Все как один на борьбу с фашистами за наше правое дело!».

«Много славных дел, дерзких операций совершило боевое братство партизан и моряков, — читаем мы в статье "Отважные". — Геройски сражались верные сыны Родины. Не все уцелели в борьбе с врагами...» [17]. Вот строки указа о награждении отважных мстителей: «Президиум Верховного Совета СССР Указом от 10 мая 1965 года за мужество и отвагу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками наградил орденом Отечественной войны II степени Ляшенко Клавдию Мелентьевну (посмертно), Панасенко Владимира Яковлевича (посметно), Рымаря Александра Васильевича (посмертно)... Летом 1942 года «Отважный-1» прорвал вражеское кольцо, ночью на баркасах ушёл в море, держа путь на Тамань... Впереди были сражения на легендарной Малой земле» [17].

И были ещё рассказы об уроженце Синявки командире «Отважного-2» А. В. Гуде, о комиссаре А. П. Даниловском, об участнике парада Победы П. В. Гончаре и других партизанах, а также о жителе села С. М. Воскобойникове, сражавшемся на подступах к Сталинграду в составе легендарной 62-й армии под командованием Чуйкова. Воскобойников освобождал Литву и Латвию, Крым, после войны работал дежурным, затем начальником железнодорожной станции Синявская [18; 19].

Кстати, в школьном музее хранится копия приказа № 1 по Таганрогскому военному гарнизону от 30 августа 1943 года за подписью начальника гарнизона, командира партизанского отряда «Отважный-2» капитана А. В. Гуды.

В июле 1979 года редакция газеты «Приазовская степь» Неклиновского района учредила премию имени писателя-земляка Валентина Овечкина. И в 1981 году лауреатом этой премии стал учитель Синявской средней школы Георгий Прокофьевич Ефименко.

С каким удовлетворением рассказывал учитель-краевед о результатах поисковой работы, проделанной синявскими школьниками к 40-летию Победы: «Нам пишут участники боёв за Синявку: бывшая медсестра Н. Т. Гончарова из Таганрога, М. П. Роднин — ветеран 3-го гвардейского Краснознаменного Ростово-Донского истребительного полка, лётчикам которого у нас в селе воздвигнут памятник. Роднин проживает сейчас в городе Ивано-Франковске... Проживающая в Челябинске Н. К. Ковалевская написала нам, как поздней осенью 1941 года их семья, находившаяся в то время в Сухо-Сарматке, помогла укрыться неизвестному офицеру, бежавшему из плена. В результате поиска установлено, что это был А. И. Пономарёв, работавший до войны бухгалтером в Синявке» [20].

Иногда к Ефименко попадали потрясающие документы. Однажды он получил бандероль из Калмыкии. В ней письма Дорджи Лиджнева, отправленные им с фронта своей матери. В заметке «Сто писем с фронта» Ефименко прослеживает путь бойца, цитируя отрывки из его писем: «9 декабря 1941 года. Остановились в Синявке. Это между Ростовом и Таганрогом. Село ежедневно по несколько раз подвергается воздушным нападениям. ... До Синявки прошагали 15 километров, но усталости не почувствовал никто — так велико желание громить врага...» [21].

«1 августа 1943 года. Как хочется узнать о судьбе матери, вашей жизни. ... Обо мне не беспокойтесь. Писем пока не пишите — опять меняю адрес». Это письмо с фронта мать получила последним. Сто первым было извещение: «Ваш сын, проявив геройство и мужество, 19 августа 1943 года погиб во время боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны». Он был убит под деревней Буймар Сумской области...» [21].

Сколько писем написал Ефименко в поиске новых фактов, имён, сейчас уже, конечно, не восстановить. А сколько он их получил! Некоторые люди, зная о том, что Георгий Прокофьевич воевал, обращались к нему за помощью: может, он хоть что-то скажет о его однополчанине, пропавшем без вести. И не всегда удавалось дать положительный ответ, как в случае с письмом сына Приходько Кирилла Антоновича, воевавшего в той же дивизии, что и Ефименко. «Очень жаль, что просьбу Виктора Кирилловича мы не можем выполнить, — пишет наш автор в статье "Пока бьются сердца ветеранов". — Пока

о судьбе его отца нам ничего неизвестно. Ведь очень часто война уничтожала всё, не оставляя даже следов человека...» [22].

В апреле 1983 года наш селькор рассказывал: «Пишу в газету 30 лет. Вначале посылал короткие заметки о школьных делах. Затем тематика стала шире. К 200-летию Синявки собран был большой краеведческий материал, который был опубликован в нескольких номерах газеты. Синявка — родина многих замечательных людей. Об их жизненном пути, труде, участии в сражениях с врагами в годы Великой Отечественной войны неоднократно писал в газету...» [23].

Нельзя не сказать о том, как любили его ученики. Он считал важным привить детям жажду познания, поиска. С удовольствием ездил с учениками на туристические слёты. И эти ночи у костра, и высокое чистое небо с мерцающими звёздами, и необыкновенные рассказы остались в их душах навсегда.

Свои воспоминания об учителе, воспитателе, исследователе оставили в книге отзывов его бывшие ученики. Эта тетрадь хранится сегодня в школьном музее.

Головатенко Михаил, выпускник 1955 года: «Это настоящий русский интеллигент, эрудит, знаток русской и зарубежной литературы, любитель истории, человек, обладающий широченным кругозором. До самозабвения он любил свой край и рассказывал на своих уроках о нём, о людях, живущих здесь. Мудрый, он умел увлечь литературой даже тех, кого невозможно было чем-либо заинтересовать».

Максименко Александра Фадеевна, выпускница 1954 года: «На уроках он никогда не повышал голоса. Мы, учащиеся, слушали его внимательно, так как уроки всегда были интересными и поучительными. Мне запомнились литературные постановки под его руководством "Сказание о земле Сибирской", "Без вины виноватые"... Я горжусь, что в моей жизни был такой учитель».

Уважение среди товарищей-учителей, учеников, односельчан Георгий Прокофьевич Ефименко заслуживал благодаря многим своим качествам — эрудицией, блестящим владением русским языком, своим отношением к людям. Он всегда всех выслушивал, был в курсе всех дел и забот односельчан, больших и маленьких. Сопереживал и помогал. Как вспоминал его сын Юрий, «меня всегда поражало огромное количество открыток и писем, которое получал и отправлял мой папа. Причём, ни в одной поздравительной открытке (я смотрел специально) он не повторялся! Папа не писал стандартных фраз, каждая открытка была поздравлением и пожеланиями конкретному человеку и написана была от души. Так же с душою он относился и к другой своей страсти — краеведению. Именно поэтому школьный музей, который он создал, никогда не был чем-то официальным и скучным. В каждом документе, за каждым экспонатом он видел живого человека. Подвиги героев, подвижничество тружеников села, достижения уроженцев Синявки — всё это было для папы личным, пропущенным через сердце. И этим отношением к музею он заразил и мою маму Марию Фёдоровну».

Татьяна Александровна Димитрова, нынешний смотритель музея, рассказывала мне о своём старшем коллеге: «Будучи в Синявке человеком новым, Георгий Прокофьевич сразу стал знакомиться с людьми, прошедшими войну. И прежде всего — с бывшими партизанами, которые организовали молодёжную группу «Комсомолец»: Л. Карпеченко, В. Белянским, Н. Белянским и другими. Собирал материал о партизанских отрядах, беседовал со старшим братом Володи Панасенко, самого молодого подпольщика, погибшего от рук врагов».

В 50—60-е годы интенсивно шли раскопки Танаиса. И Ефименко часто ходил в соседний хутор Недвиговка, разговаривал с археологами, историками, написал несколько статей о раскопках, об античном городе.

Георгий Прокофьевич также узнал, что в 1869 году при строительстве железной дороги рабочие, добывая камень, наткнулись на подземный ход, выстланный камнем. Там же обнаружили кусок мрамора в пять пудов, в виде гробницы. А ещё были найдены золотые монеты (около 1,5 кг) и золотой венец. В районе моста через реку нашли человеческие скелеты, золотые вещи и предметы конской упряжи. Вероятно, здесь располагался передовой греческий пост, охранявший подступы к Танаису.

Обо всём, что узнавал нового, учитель рассказывал своим ученикам, прививая им любовь к родному краю, желание лучше узнать его историю. Материалы школьного музея об истории села, его основателе А. Н. Сенявине, о его людях — всё, что оставил нам в наследство Георгий Прокофьевич, и сейчас используется в работе музея, на школьных уроках...».

Война не проходит бесследно. Два инфаркта — её последствия. Умер Георгий Прокофьевич в 1992 году. Но он живёт в школьном музее, в газетных подшивках, в памяти людей...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ефименко Г. П.* Синявка // Приаз. степь. 1972. 11 марта. С. 4; 18 марта. С. 4; 23 марта. С. 4.
2. *Его же.* Синявка // Там же. 1972. 11 марта. С. 4.
3. *Его же.* Творческий путь земляка // Там же. 1986. 4 нояб. С. 2.
4. *Его же.* Не свернул паруса // Там же. 1988.10 дек. С. 4.
5. *Его же.* Памятник древнерусскому эпосу // Там же. 1981. 22 сент. С. 4.
6. *Его же.* Шли в бой солдаты // Там же. 1981. 29 авг. С. 2.
7. *Его же.* Встречи на дорогах войны // Там же. 1981. 9 мая. С. 2.
8. *Его же.* Как это было // Там же. 1984. 21 июля. С. 2.
9. *Его же.* Повторил подвиг Матросова // Там же. 1982. 23 февр. С. 2.
10. *Его же.* Поиск продолжается // Там же. 1985. 20 июля. С. 2.
11. *Его же.* Николай Щербаков // Там же. 1986. 9 мая. С. 2.
12. *Его же.* Путь героя // Там же. 1986. 16 янв. С. 2.
13. *Его же.* Он воевал в отряде Куникова // Там же. 1988. 23 апр. С. 4.
14. *Его же.* Путь героя // Там же. 1987. 23 апр. С. 4.
15. *Его же.* Из племени крылатых // Там же. 1984. 22 сент. С. 2.
16. *Его же.* Как это было // Там же. 1984. 3 авг. С. 2.
17. *Его же.* Отважные // Там же. 1985. 26 янв. С. 2.
18. *Его же.* Солдатская доблесть // Там же. 1983. 9 мая. С. 2.
19. *Его же.* Командир «Отважного-2» // Там же. 1985. 29 авг. С. 2.
20. *Его же.* Поиск продолжается // Там же. 1985. 20 июля. С. 2.
21. *Его же.* Сто писем с фронта // Там же. 1986. 23 сент. С. 2.
22. *Его же.* Пока бьются сердца ветеранов // Там же. 1986. 25 окт. С. 2.
23. *Его же.* Считаю своим долгом // Там же. 1983. 5 апр. С. 2.

Н. А. МИНИНКОВ

ИСТОРИК КАЗАЧЕСТВА В. Н. КОРОЛЁВ

В январе 2020 года исполнилось 80 лет со дня рождения Владимира Николаевича Королёва, крупнейшего отечественного специалиста по истории морских походов донских и запорожских казаков, донских казачьих поселений, разных сторон истории и культуры Дона. Обстоятельный очерк, посвящённый его преподавательской, административной и научной деятельности, написал коллега по кафедре профессор А. И. Агафонов [1]. Вместе с тем для будущего исследователя историографии изучения донского казачества, казачества в России и в Украине, представляет интерес всякое свидетельство об учёном и замечательном человеке, каким был Владимир Николаевич.

С Королёвым мне довелось познакомиться, когда он уже был солидным учёным, побывал на посту проректора Ростовского государственного педагогического института и работал в Ростовском университете в должности доцента кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Знакомство произошло в рамках работы большого научного проекта ростовских историков и археологов, поддержанного коллегами из других научных центров Северного Кавказа, — ежегодной конференции на базе Ростовского пединститута «Междуна-

Николай Александрович Мининков, доктор исторических наук, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений ЮФУ

родные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века».

Замысел конференции принадлежал Владимиру Николаевичу Королёву и наглядно свидетельствовал о глубине его исторического мышления. Совершенно очевидно, что Королёв выступал как советский историк. Но в то же время ему близка была мысль великого историка XIX века С. М. Соловьёва: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии» [2].

Такой принципиальный исследовательский подход В. Н. Королёв считал возможным и необходимым применить к изучению не только истории России, но и истории того макрорегиона, который его особо интересовал. Это был Черноморский бассейн, охватывавший разные страны и культуры со своим укладом и взаимоотношениями; его органичной частью было казачество как культурно-историческое сообщество.

Казачество особо привлекало В. Н. Королёва тем, что служило связующим звеном между сообществами Черноморского бассейна и примыкавшим к нему с севера Польско-Литовскому и Московскому государствам. Это позже позволило учёному обосновывать выводы о значении казачества, выходившем за узкие региональные рамки на уровень европейских и ближневосточных отношений.

Конечно, в то время мне как исследователю молодому трудно было уяснить всю глубину замысла историка, значимость его не только как учёного, специалиста по истории казачества и международных отношений, но и как организатора науки. Однако сама по себе идея конференции показалась очень привлекательной. Хорошо помню, как Владимир Николаевич обосновывал возможность и необходимость объединения в рамках одной конференции древности и средневековья, исследовательских усилий археологов и историков. По его мнению, Черноморский бассейн, составной частью которого были Нижний Днепр и Нижний Дон, в эти исторические эпохи представлял собой единый географический и исторический комплекс с глубокими и устойчивыми общественными и политическими традициями.

Отдельные темы докладов на конференции выходили за рамки средневековья и по существу относились к раннему новому времени.

В. Н. Королёв в этой связи подчёркивал, что понятие средневековья в значительной мере зависит от особенностей культуры определённого общества и государства. И если в высокоразвитых странах Запада проявлялись все сущностные признаки раннего нового времени, то для более застойных сообществ была характерна задержка и значительная устойчивость традиций в общественных отношениях и в культуре, которые уходили своими корнями в прошлое. Поэтому доклады, относившиеся, к примеру, к донской истории конца XVII века, им с полным на то основанием на конференции принимались.

Более глубокое знакомство с Владимиром Николаевичем состоялось у меня после того, как я перешёл на работу на кафедру источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин РГУ. По принятой на кафедре традиции, во время её заседаний делались научные доклады. Помню доклад его, посвящённый одному из вопросов исторической географии Булавинского восстания, который касался уточнения места столкновения у речки Лисковатки 9 апреля 1708 года. Тогда восставшие одержали полную победу над войском старшин, что и предопределило дальнейшее вхождение булавинцев в Черкасск и избрание Кондратия Булавина войсковым атаманом. Как показал В. Н. Королёв, событие состоялось в верховьях этой речки [3, с. 154].

Вообще вопросам исторической географии учёный уделял особое внимание. Привлекает сделанный им комплексный анализ географического положения Стамбула, поскольку столица Османской империи была одним из важнейших направлений военно-морской активности запорожского и донского казачества. С этим описанием связана характеристика гидрологических условий Босфора и особенностей плавания вблизи пролива и в самом знаменитом проливе, где действовали казаки при своих нападениях на османскую столицу [4, с. 107—119]. Такое же внимание В. Н. Королёв уделял исторической географии Войска Донского и расположению казачьих городков по Дону и его притокам.

Среди его докладов, посвящённых вопросам исторической географии Дона, запомнились некоторые. Один из них касался низового донского городка, называемого в источниках Стыдное Имя, или, как правильно подчёркивал Королёв, чаще назывался Ебок с некоторыми незначительными вариациями: Эпок, Эбок, Явок, причём Ебок он считал подлинным названием [3, с. 64]. В конце XVI века, — писал Королёв, —

этот городок был центром низового войска Донского [5]. Впрочем, он не делал окончательного вывода об этимологии названия казачьего городка, но допускал предположение, что для такого наименования была первоначальная тюркская основа, несколько переделанная казаками [3, с. 65].

Ещё один доклад относился к анализу упоминаний о донских казачьих городках у Эвлии Челеби. К тексту книги турецкого путешественника и к расшифровке содержащихся в ней названий казачьих городков В. Н. Королёв подошёл с принципиально иных позиций, чем это было в предшествовавших исследованиях. Владимир Николаевич увидел в них строго определённую систему, связанную с тем, что Эвлия ехал вниз по Дону от Волго-Донской Переволоки до Азова. Поэтому каждый новый городок, упоминавшийся им, лежал по Дону ниже предыдущего. И, следовательно, — утверждал В. Н. Королёв, необычные, встречающиеся только у Эвлии названия казачьих городков соответствуют известным донским городкам под своими традиционными названиями, знакомыми по документальным источникам на русском языке [6, с. 96, 106].

Таким образом, благодаря анализу текста сочинения турецкого путешественника, сделанному В. Н. Королёвым, в его перечислении городков появился смысл, а само сочинение приобрело значение важного и доступного для понимания источника по исторической географии Дона XVII века.

Уже после кончины Владимира Николаевича вышла в свет его книга «Донские казачьи городки» — итог многолетних изысканий учёного о поселениях донских казаков начиная с XVI века [3]. По насыщенности эмпирическим материалом, по уровню его анализа она не имеет аналогов во всей литературе по исторической географии Дона. По каждому из казачьих городков, как тех, которые в XVIII веке превратились в станицы, так и тех, которые исчезли, им созданы обстоятельные очерки. При этом В. Н. Королёв тактично подходил к положениям и выводам, делавшимся предшественниками, приводил и анализировал их точки зрения. И если впоследствии возникнет идея создания полноценной «Донской энциклопедии», то вклад в неё В. Н. Королёва с его книгой о казачьих городках был бы очень значимым.

В качестве главного итога научной деятельности Владимира Николаевича можно назвать книгу «Босфорская война» [4]. На основании её положений и выводов он защитил в 2002 году докторскую диссертацию. Темой книги стали морские военные действия казаков. Учёный при этом совершенно правомерно не отделял казаков запорожских и донских и показывал эти походы как их совместные боевые действия. Кроме того, фундаментальный труд не завершал, но лишь открывал общее и углублённое исследование темы морских походов казаков, поскольку содержанием книги стало только одно направление этих походов, хотя и очень существенное — походы к проливу Босфор на Стамбул. В. Н. Королёв заявлял и о других направлениях казачьих морских походов против Османской империи и Крымского ханства. Но тем самым он только обозначал темы для дальнейших исследователей этих крупных событий европейской и ближневосточной военной и политической истории, в которых казачьи войска проявляли себя как значительная боевая сила и как субъект политической структуры большого региона. Не случайно книга была отмечена как крупный вклад в изучение истории казачества и переиздавалась [7].

Книга о Босфорской войне — это не только исследование по военной и военно-морской истории донского казачества. Она имеет самое существенное значение для понимания места донского казачества, казачьих войск XVI—XVII веков как субъекта политических международных отношений в раннее новое время. Вместе с тем она также вносит вклад в дискуссию о происхождении донского казачества, которая ведётся ещё с начала изучения донской истории, или с эпохи Просвещения. Известно, что среди российских историков была популярна теория «разбойного» происхождения донского казачества, и взгляд на казачество как на антиобщественный элемент. Казак был человеком, который, по словам С. М. Соловьёва, «выделился из толпы, ушёл из общества в степь в сознании своей силы, своего преимущества или изгнанный из общества, которое не могло позволить ему среди себя расправлять плечо богатырское» [8].

Решительным критиком этой теории в начале прошлого века выступил донской историк П. П. Сахаров, выдвинувший теорию трудового и промыслового происхождения казачества на Дону, когда ещё на заре Московского государства уходившие на Дон из русских земель артели промысловиков постепенно превращались в воинов-казаков и основывали свои укреплённые военизированные городки [9]. Его труд о ранней истории донского казачества с обоснованием теории его трудового и промыслового про-

исхождения публиковался в 1909—1912 годах в газете «Донские областные ведомости» [10]. Выводы П. П. Сахарова были построены на значительном фактическом материале. Однако П. П. Сахаров не затрагивал вопросов, связанных с международным положением донского качества. Он подчёркивал, что донские казаки не имели своей самостоятельной внешней политики и действовали только на царской службе.

В отличие от П. П. Сахарова и других историков, В. Н. Королёв обосновал роль донского казачества не как орудия внешней политики самодержавия при Иване Грозном и первых царях из династии Романовых, но как самостоятельного субъекта международных отношений. Он указывал, что Босфорскую войну казаков «невозможно объяснить с «зипунной» или «государственной» (польской или московской) точек зрения». Они заключались «не в разгуле стихии и не далеко за пределами казачьих сообществ, а в них самих, в их «местных» интересах и политике» [4, с. 70]. Он сделал вывод, что хозяйство казачьих сообществ, войска Донского и войска Запорожского, «первоначально основывалось на водных промыслах». Но, оказавшись в результате турецких завоеваний «отрезанными от устьев Днепра и Дона и прилегающих морей», казаки «не могли смириться с османским господством и начали борьбу за низовья своих рек и свободный выход в море» [4, с. 100]. Таким образом, оба казачьих войска, которые совместно действовали против турок на Чёрном море, в том числе и вблизи Босфора, имели в этой борьбе собственные интересы. Впрочем, ещё историк-эмигрант полковник И. Ф. Быкадоров указывал на политическую цель войны донских казаков на море и на суше [11, с. 1, 23, 64]. Однако по насыщенности эмпирическим материалом, по доказательности основных положений его книга значительно уступает «Босфорской войне» В. Н. Королёва, а отдельные утверждения полковника выглядят декларативными. Например, утверждение, согласно которому «уничтожением» донскими казаками турецких войск во время Азовского осадного сидения «была спасена не только возможность самого образования Русской империи, но и само бытие Московского государства» [11, с. 118].

Между тем, В. Н. Королёв затрагивал ещё один острый вопрос, относящийся к истории происхождения казачества на Дону. Речь идёт о возможности выживания на Дону к XVI веку славянского населения, поселившегося в Белой Веже и в ряде других поселений после разгрома князем Святославом Хазарии.

К концу прошлого века в сознании историков преобладало представление о возникновении казачества на Дону не ранее XVI века, которое хорошо обосновывалось П. П. Сахаровым. Что касается представлений о казачестве до этого времени, то серьёзно ставить этот вопрос было затруднительно, поскольку вокруг него образовалось много мифологических наслоений. Исторические корни донского казачества находили то в глубокой древности, среди амазонок и ираноязычных народов, то в раннем средневековье, среди хазар или славян на хазарской службе. Тем более, что в начале XX века под теорией древнего происхождения казачества, которую высказывал донской историк Е. П. Савельев, имелся идеологический подтекст с обоснованием особых прав казачества на Дону. Эта идея носила в условиях нарастания социальных противоречий между казаками и крестьянами ярко выраженный консервативный характер [12]. Не случайно движение за возрождение донского казачества, развернувшееся с конца 1980 годов в Ростовской области, приняло положения и выводы Е. П. Савельева, а некоторые из деятелей этого движения поддерживали взгляд на казачество как на особый народ древнего происхождения.

Конечно же, В. Н. Королёв не разделял такого примитивного подхода. Запомнилось, как однажды на кафедру к нему пришёл один из представителей этого движения, заявил о происхождении донских казаков от сармат и сказал, что этой идее нужна «общественная поддержка». Помню, как Владимир Николаевич терпеливо объяснял гостю, что в науке общественная поддержка ровно никакого значения не имеет, а исторические концепции выстраиваются другим путём. Тем не менее, сам Королёв допускал, что когда в XVI веке на Дону стало появляться население из южных русских княжеств, из числа которых формировались ряды казачества, там уже имелось немногочисленное славянское по происхождению население, которое составило основу казачества. Но он решительно отказывался от мифотворчества, от попыток напрямую вывести предков донских казаков из раннего средневековья при недостатке источниковой базы. Он подходил к этому вопросу очень осторожно и стремился строго опираться на источники. Так у него появилась статья о славянском населении турецкого Азова [13], где он на основании данных османских государственных переписей населения Крыма и Приазовья, опубликованных известным французским исследователем истории Осман-

ской империи Ж. Вейнстейном делал вывод о принадлежности «к славянской общине» «около 20% свободных азовцев» [13, № 1, с. 3].

Особенностью исследовательского почерка В. Н. Королёва было то, что он всегда думал о своём читателе, о том, насколько тот сможет воспринять научный текст. Труды Королёва доступны не только профессиональному цеху историков, но и всякому заинтересованному читателю, знающему историю России и казачества. Но он был не чужд исследованиям краеведческого характера. Результатом его краеведческого поиска стала книга о родной его станице Вёшенской и соседней станице Еланской [14], в которой земляки узнают своих далёких и близких предков.

Всем знавшим его Владимир Николаевич запомнился не только как глубокий знаток истории и учёный, но и как интересный собеседник со своей ярко выраженной демократической точкой зрения по целому ряду вопросов. В частности, когда высказывалась точка зрения о необходимости реставрации монархии, он подчёркивал, что для казаков вообще должны быть с исторической точки зрения характерны не монархические, а республиканские идеалы и устремления.

Когда в начале девяностых годов распространились разоблачения руководителей массовых народных движений, особенно Емельяна Пугачёва, и самих этих движений как традиционалистской реакции на европеизацию, он решительно предостерегал против увлечения этой идеей, хотя и признавал, что действия восставших были не менее жестокими, чем их противников. Во всяком массовом движении, справедливо подчёркивал В. Н. Королёв, виновата прежде всего власть, создавшая предпосылки для народного недовольства. В нынешних условиях, совершенно ясно, насколько Владимир Николаевич был прав. Он осторожно выражал надежды на возможность демократизации в стране. Не его вина, что эти надежды не оправдались.

Безвременный уход Владимира Николаевича был тяжёлым ударом для исторической науки, для нашей кафедры. Ушёл он в расцвете творческих сил, полный новых идей. В год его восьмидесятилетия лучшим памятником ему будет дальнейшее комплексное и углубленное исследование проблематики истории донского казачества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Агафонов А. И.* Королёв Владимир Николаевич (1940—2005) // Историки Ростовского университета. Ростов н/Д. ; Таганрог, 2017. С. 160—170.

2. *Соловьёв С. М.* Сочинения в 18 кн. Кн. 1 : История России с древнейших времен. М. : Мысль, 1988. С. 51.

3. *Королёв В. Н.* Донские казачьи городки. Новочеркасск : Дончак, 2007.

4. *Его же.* Босфорская война. Ростов н/Д. : Изд-во РГУ, 2002.

5. *Его же.* Роспись донских городков конца XVI века // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Вып. 11. Азов, 1993. С. 242.

6. *Его же.* Донские казачьи городки у Эвлии Челеби // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д. , 1992. С. 94—106.

7. *Его же.* Босфорская война. М. : Вече, 2007. 608 с. : ил. (История казачества); То же. 2013. 637, [1] с., [8] л. ил.

8. *Соловьёв С. М.* Указ. соч. Кн. 7 : История России с древнейших времен. М. : Мысль, 1991. С. 134.

9. *Сахаров П. П.* Происхождение донского казачества // Зап. Ростовского-на-Дону о-ва истории, древностей и природы. Т. 2. Ростов н/Д., 1914. С. 12—25.

10. *Сахаров П. П.* К вопросу о происхождении донского казачества и о первых подвигах донцов в защиту родины и веры на службе у первого русского царя Ивана Васильевича Грозного // Дон. обл. вед. 1909. № 164, 167, 170, 173, 174, 177, 179, 181, 183, 186, 192, 195, 200, 202, 204, 208, 214, 217, 223, 225; 1911. № 6, 8, 134, 137, 142, 150, 156, 162, 164, 184, 192, 198; 1912. № 59, 62, 66.

11. *Быкадоров И. Ф.* Донское войско в борьбе за выход в море (1546—1646 гг.). Париж, 1937.

12. *Корниенко Б. С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2013. С. 135—141.

13. *Королёв В. Н.* Славянское население Азова // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 1999. № 1. С. 3—7; № 2. С. 16—20.

14. *Королёв В. Н.* Старые Вёшки : Повествование о казаках. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1991.

К. Г. ПАШИНЬЯН

НА ВОЛНЕ ЩЕДРОЙ ПАМЯТИ

У меня были хорошие учителя по краеведению: Аркадий Александрович Айрумян, Борис Владимирович Чеботарёв. Я рассказал о них на страницах «Донского временника» в своей серии «Мои великие старики» [1].

Занимаясь фотографией, её историей на Дону, старался «расшифровать» старые снимки. Если в кадре есть название улицы, банка или магазина, если у портретируемого в руках газета или книга с текстом, который можно прочесть, — это повод начать поиск, краеведческое исследование. И здесь неоценима роль донских музеев, нашей публичной библиотеки, в которых работают мои товарищи, мои давние друзья.

За годы журналистской работы и преподавания в Ростовском художественном училище имени М. Б. Грекова мне посчастливилось познакомиться со многими замечательными людьми, истинными подвижниками нашей истории и культуры.

«О МИЛЫХ СПУТНИКАХ...»

26 декабря 1984 года. Первая встреча с Елизаветой Николаевной Беляевой.

... Она стояла на пороге своей квартиры. И сразу, с первого взгляда, невозможно было не ощутить во всей небольшой фигуре простоту и благородство.

Прошли в комнату. Сели у большого обеденного стола с заранее приготовленными папками, стопкой чистых листов и ручкой.

— Это для вас, — указала на бумагу хозяйка. — На случай, если мои листы удобней вашего блокнота.

Сказала это с лёгкой улыбкой и тем сразу сняла напряжение первых минут.

В дом под номером 37 «Б» по улице Аксайской меня привела подруга Елизаветы Николаевны Лидия Николаевна Шамшурина, автор письма в редакцию «Вечернего Ростова», с которого вся эта история и началась.

Письмо сообщало, что живёт в Ростове вдова внука декабриста Василия Львовича Давыдова Елизавета Николаевна Беляева. Она безвозмездно передала в музеи Москвы, Каменки, Клина все хранившиеся в семье вещи и документы рода Давыдовых. Удивительно скромный и обаятельный человек, и рассказчица отменная...

— Тема, тебе близкая, — сказал заместитель редактора «Вечёрки» Борис Петрович Агуренко, передавая мне письмо. Первым ты не будешь, о внуке декабриста писали и прежде [2], но тема большая, интересная — возможно, на долгие годы...

Прав оказался Борис Петрович, светлая о нём память. После первых публикаций и телевизионной передачи последовали мои поездки в Москву и Клин [3]. Не отпускает эта тема и теперь.

* * *

В каком году встретились ростовчанка (точнее, тогда ещё нахичеванка) Елизавета Николаевна Беляева и приехавший из Полтавы Евгений Владимирович Переслени, я, к сожалению, не знаю. Скорее всего, дата их знакомства — приблизительно 1920 год. Сужу об этом по словам Елизаветы Николаевны («Мы счастливо прожили двадцать лет; Евгения Владимировича не стало в 1942-м») и по краткой автобиографии, написанной Переслени в феврале 1940 года [4] и хранившейся в домашнем архиве Елизаветы Николаевны:

Е. Н. Беляева и Е. В. Переслени во дворе своего дома. 1939 г.

Карп Григорьевич Пашиньян, фотограф-консультант Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова, преподаватель Ростовского художественного училища имени М. Б. Грекова, Заслуженный работник культуры РФ.

К 70-летию К. Г. Пашиньяна, фотохудожника и краеведа.

«Я, Евгений Владимирович Переслени, проживающий по 1-й Советской в д. № 46 [5], состою персональным пенсионером республиканского значения, как внук декабриста Василия Львовича Давыдова, проживавшего в имении Каменка бывшей Киевской губернии. <...>

Когда мне минуло 8 лет, вся наша семья оставила Каменку и мы, на долгих, переехали в Москву, где я прожил до 20-ти лет. С 17-ти лет я уже был на военной службе и участвовал в Ахал-Текинской экспедиции [6] ... после которой, пробыв на военной службе до 1887 г., оставил её и работал поверенным по делам П. А. Базилевского [7]., сначала в Рязанской губ., а потом с 1898 г. в Полтавской губ. Последние 10 лет моего пребывания в Полтаве, я, кроме того, работал в Полтавском городском общественном банке. Приехав в Ростов в 1919 году для лечения глаз у профессора Орлова [8]., я здесь похоронил жену и остался на жительство в Ростове, где проживаю по настоящее время».

Они встретились и прожили счастливо, несмотря на значительную разницу в возрасте: Евгений Владимирович был старше Елизаветы Николаевны почти на тридцать лет. Родилась Елизавета Николаевна в 1889 году, умерла в 1986-м.

Евгений Владимирович был рождён в 1860 году, не стало его в 1942-м.

Они венчались в Никольской церкви Ростова-на-Дону, находившейся на пересечении Никольской улицы (ныне Социалистической) и Никольского переулка (теперь Халтуринский). В ЗАГСе не регистрировались, что вызвало необходимость устанавливать факт брачных отношений через суд. Это произошло в 1975—1976 годах, когда по совету друзей Елизавета Николаевна подала прошение о назначении персональной пенсии.

У меня хранится копия официального письма Ростовского областного комитета защиты мира в облисполком с поддержкой этого прошения. Его подписали известные люди: писатель М. Д. Соколов, учёные Ю. А. Жданов и Н. Н. Архангельский, композиторы А. П. Артамонов и П. Э. Гутин, а также ответственный секретарь Комитета Л. Н. Шамшурина.

14 июля 1976 года Елизавете Николаевне утвердили персональную пенсию местного значения. Евгений Владимирович, как сказано в автобиографии, был персональным пенсионером республиканского значения (удостоверение № 418 от 8 марта 1937 года).

Теперь — строки из автобиографии о родовом имении Давыдовых.

«Каменка известна ещё по стихотворениям и письмам А. С. Пушкина к Давыдовым, с которыми тот был дружен, почему часто посещал Каменку. Там, в небольшом домике, приютившемся в тени старого сада, где был закончен Пушкиным "Кавказский пленник", написана элегия "Я пережил свои желанья" и другие его вещи...»

Полнее о пребывании поэта в имении Давыдовых и о печальной участи его автографов в связи с арестом декабриста Давыдова Евгений Владимирович рассказал в своих «Воспоминаниях». Мне довелось слышать фрагменты из них в чтении Елизаветы Николаевны.

Живо комментируя едва не каждую строчку, она старалась передать эмоции, переживания, что хранило сердце внука декабриста.

Вот небольшой фрагмент «Воспоминаний» с комментариями Елизаветы Николаевны.

— Надо сказать, что с давних пор до наших дней в Каменке сохранилось лишь несколько строений бывшего поместья Давыдовых. Среди них — «серенький домик»: флигель, в котором любил работать Александр Сергеевич Пушкин. Стеллажи с книгами да большой бильярд составляли обстановку домика. Пушкину славно работалось здесь! Он завершил поэму «Кавказский пленник», был полон новых замыслов и планов. Надо было ехать в Кишинёв — ведь он был в ссылке, но Каменка, друзья не отпускали, притягивали.

Его покой в «сереньком домике» ревностно оберегал старый слуга. А в отсутствии Пушкина дверь на замок самолично запирал Василий Львович Давыдов — ведь по всей большой комнате, особенно на зелёном сукне бильярда, оставались исписанные стремительным почерком листы...

Многие пушкинские автографы из «серенького домика» бережно хранились в кабинете владельца Каменки, в его личном архиве. Вместе с бумагами Южного тайного общества, вместе с секретными списками декабристов.

Сохранилось в Каменке и ещё одно старое строение — водяная мельница на берегу речки Тясмины.

Незадолго перед восстанием мельница остановилась: требовался ремонт. Знакомый полковник порекомендовал Давыдовым знающего устройство мельниц унтер-офицера по фамилии Шервуд. Этот англичанин поселился на время ремонта в имении и, случайно услышав о Тайном обществе, решил устроить на доносе свою карьеру. Выслеживая и подслушивая, он узнал немало важных тайн. Его донос оказался роковым для Давыдова.

Предчувствуя арест, Василий Львович послал в Каменку посыльного с письмом, в котором просил жену уничтожить документы Тайного общества. Охваченная страхом, Александра Ивановна тем не менее никак не выдала своего волнения домашним и гостям. Она прошла в кабинет мужа, заперла дверь и затопила камин. А потом, не разбирая, сожгла в нём все бумаги. Среди них ... листки с записями и черновиками Пушкина.

— «Знаете, — рассказывала Елизавета Николаевна, — вся моя жизнь с Евгением Владимировичем прошла, можно сказать, под знаком декабристов. Мы были очень увлечены этой славной страницей русской истории. Муж обладал отличной памятью. Стараясь быть сугубо достоверным, он нередко воспроизводил рассказы своей бабушки — жены Василия Львовича Давыдова — о жизни в сибирской ссылке, о времени и людях».

Рассказ о старинной Каменке, пушкинских автографах, декабристах Южного общества и доносчике Шервуде можно найти в книге литератора-пушкиниста Арнольда Ильича Гессена «Любовь к родному пепелищу...», одна из глав которой называется «Каменка. О чём рассказал внук декабриста».

Речь идёт о Евгении Владимировиче Переслени, а его рассказ передала автору Елизавета Николаевна Беляева. «Передо мною маленькая пожилая женщина в скромном чёрном платье. На груди небольшая старинная брошь. Голову её украшают белые, как серебро, волосы. От всего её облика веет благородной простотой...», — такой она запомнилась Гессену.

Читая его книгу, словно вновь слышу голос Елизаветы Николаевны, вспоминаю подробности, колоритные детали, которые не упустил писатель:

...что, помимо подслушивания разговоров Василия Львовича Давыдова и его соратников, Шервуд просто выкрал у декабриста Фёдора Фёдоровича Вадковского (1800—1844) список членов Тайного общества, который хранился в футляре от скрипки (Вадковский был музыкантом и поэтом, автором написанного позднее стихотворения «Желание», содержащим программу декабристов);

...что, возможно, одно из последних сообщений доносчика Шервуда было передано Александру I в Таганроге незадолго до его кончины;

...что верный слуга семьи Давыдовых, оберегавший покой Пушкина в «сереньком домике», был трогательно простодушным и наивно отвечал, когда его посылали посмотреть показания наружного термометра: «Нема градуса» (если столбик ртути показывал ноль), чем тешил всех окружающих.

В более ранней книге Арнольда Гессена «Во глубине сибирских руд...» также можно обнаружить участие Елизаветы Николаевны Беляевой. Среди десяти изображений женщин-декабристок опубликована фотокопия акварельного портрета Александры Ивановны Давыдовой работы Николая Александровича Бестужева, художника-декабриста [9]. Фотокопию предоставила Елизавета Николаевна, о чём с её слов я записал в блокнот во время встречи зимой 1984 года.

Александра Ивановна Давыдова (1802—1895) была единственной из славных женщин-декабристок, проживших долгую жизнь: девяносто три года. Вернувшись из Сибири в Каменку на берега любимой Тясмины, она, мать тринадцати детей, жила в окружении многочисленных родственников. Воспоминания её внука Евгения Владимировича содержат сведения, хранившиеся в её уникальной памяти. Написал он их в 1925 году, к столетию восстания декабристов, когда ростовское отделение Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев пригласило его выступить с воспоминаниями о Василии Львовиче Давыдове. Евгений Владимирович тщательно готовился, написал объёмный доклад, который перерос потом в «Воспоминания».

Где ныне находится рукопись и раритеты семьи Давыдовых, что хранили Евгений Владимирович и Елизавета Николаевна?

Только по одному акту от 6 мая 1981 года в Каменский литературно-мемориальный музей А. С. Пушкина и П. И. Чайковского Елизавета Николаевна передала восемьдесят шесть наименований предметов и документов! Среди них — оригинальный фотографический портрет П. И. Чайковского (автор — М. Канарский); альбом снимков семьи Давыдовых-Переслени; альбом видов Каменки; «Воспоминания» Е. В. Переслени на сорока листах, его автобиография, семейные и родовые документы; стереоскоп и оригинальные стереоскопические снимки, сделанные Е. В. Переслени в годы молодости в Каменке и окрестностях...

Примечательны перипетии передачи Елизаветой Николаевной семейных реликвий мужа в Государственный исторический музей. Дело происходило в 1960-х годах. Судя по переписке, Елизавета Николаевна предварительно составила опись из тридцати трёх наименований: тридцать один документ и два предмета. Предметы — институтский именной нагрудный

бронзовый знак (выпуск 1885 года), выданный первой жене Е. В. Переслени Ольге Фёдоровне (урождённой фон Бергхольц) и кружка в память коронации последнего Романова (1896 г.). Документы — подлинники и копии свидетельств рода Давыдовых-Переслени: об утверждении в дворянстве, рождении детей, продвижений по службе; портрет Александры Ивановны, жены декабриста Василия Львовича Давыдова; фотоснимки её могилы, фотографии детей В. Л. и А. И. Давыдовых.

Единственный раз (учитывая небольшую пенсию) Елизавета Николаевна попросила оценить то, с чем решилась расстаться. Закупочная комиссия оценила. За тридцать три наименования... 20 — 30 рублей.

Об этом ей сообщили в письме (без даты и номера) за подписью ответственного секретаря закупочной комиссии Государственного исторического музея А. В. Гусаркиной. В ответном письме от 9 марта 1973 года Елизавета Николаевна вежливо отказалась от оплаты и предложила принять всё в дар. Последовало благодарственное письмо и сообщение, что материалы записаны в Главную инвентарную книгу под № 101293/I-33 и переданы на хранение в отдел письменных источников и изобразительных материалов.

Позднее она уточнила учётные номера по книге поступлений раритетов семьи декабриста В. Л. Давыдова в отделы металла, нумизматики, письменных источников и изобразительных материалов. Ей было важно это знать, быть уверенной в надёжности передачи того, что хранила долгие годы. Да как хранила! В дни войны, в дни фашистских бомбёжек, главным сокровищем для неё был большой портфель, доверху заполненный бумагами, рисунками, фотоснимками.

С этим портфелем Елизавета Николаевна сбегала по земляным ступеням в печально памятную всем, кто пережил войну, «щель» — убежище от бомб и снарядов.

И реликвии пережили войну.

Елизавета Николаевна обращалась к ним в дни радостные и горестные. Своеобразным девизом её жизни стали строки Жуковского, любимые строки мужа:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет
Но с благодарностию: были.

Вспоминая зимние дни 1985 года, встречи с Елизаветой Николаевной Беляевой, с огорчением понимаю, что о многом не спросил её, упустил уникальную возможность записать её рассказы на диктофон. Да и страниц блокнота заполнил меньше, чем мог, и фотоснимков сделал немного.

Лишь слабым пунктиром в наших беседах намечалась линия её собственной судьбы, её семьи. В роду Елизаветы Николаевны были гимназические учителя и офицеры русской армии, юристы и врачи. Она сама, человек отзывчивый и сердобольный, непременная участница многочисленных благотворительных акций, добровольно стала сестрой милосердия в годы Первой мировой войны. Но о себе Елизавета Николаевна рассказывала мало, скупо.

Не стала исключением и тема её армянских корней по линии матери. В их отношениях жила горечь какого-то непонимания, которая вылилась в строчки, написанные Елизаветой Николаевной в марте 1924 года на обороте её фотокарточки, так, видимо, и не отправленной: «Дорогой моей любимой маме. Боюсь очень не забыла ли ты меня окончательно? Твоя, всей душой любящая Лиза. ...Как далеко мы друг от друга. А почему?! для чего?!»

Ещё большей загадкой представляется девичья фамилия Елизаветы Николаевны. На одной из фотографий (бравого офицера с Георгиевским крестом: дата — 15 февраля 1915 года и поздравление — «Христос Воскресе»), посланной ей в Киев до востребования, значится: «Ея Высокоблагородию Елизавете Николаевне г-же Беляевой (урожд. Жони)».

Выходит, что Беляева — её фамилия в первом браке.

Другой адресат явно шутя именует её Черняевой. На снимке молодых лет Елизавета Николаевна брюнетка с характерными армянскими чертами лица.

Большая, интересная жизнь была позади у Елизаветы Николаевны Беляевой. Всегда, во все времена она и её муж Евгений Владимирович были открыты людям. Их порядочность, высокую культуру, бескорыстие ценили окружающие.

Оставшись одна, Елизавета Николаевна не была одинокой. К ней наведывались друзья, знакомые. Лекарствами и медицинскими советами помогали сотрудницы расположенной неподалеку от её дома аптеки. Многие годы в часы радостей и горестей рядом с Е. Н. Беляевой была добрая приятельница, бывшая сослуживица по Советскому комитету защиты мира Лидия Николаевна Шамшурина. Она же стала душеприказчицей Елизаветы Николаевны.

«НАША ДЕТСКАЯ С ТРЕПЕТНОЙ ЛАМПАДОЙ...»

Много лет Евгений Владимирович вёл «исторические тетради». Тренируя память, чернильной ручкой вписывал имена, изречения и даты от древней истории до современности. Впечатляют аккуратные строки:

«Бирон (царство Анны Иоанновны): поболее блеска и шума для дураков, потяжелее ярмо для умных, — всё будет хорошо».

«1812 год. Наполеон сказал о русском воине: "его мало убить, его убитого надо повалить". Повторил слова Фридриха II (Семилетняя война)».

«"Родная речь" Серебрянник = 86 коп. Иуда продал Христа за 25 р. 80 к. (30 серебр.)»

«Тайная милостыня (распространена на Волге) ночью приходят к избе бедняка и кладут на подоконник съестное, крестятся и уходят».

Выбрать, что выписать, было трудно. Хотелось переписать всё.

В 1937-м, пушкинском году, Евгений Владимирович внёс в тетради свои собственные строки:

Русская культура — это наша детская
С трепетной лампадой, с мамой дорогой...
Русская культура — это то, чем славится
Со времён Владимира наш народ большой...
Русская культура — это очень многое,
Чего никак не сыщешь ты в стране другой...

— «Последние строки особенно примечательны, — вспоминала Елизавета Николаевна, — потому что сам он ни при каких обстоятельствах не мыслил покинуть родину. Возможность обосноваться, скажем, во Франции у него была. В июле 1899 года Российское императорское генеральное консульство в Париже по поручению Петра Александровича Базилевского, мужа родной сестры Евгения Владимировича Александры, уведомило, что скончавшийся во Франции Базилевский-старший, Александр Петрович, оставил некое наследство. Обращаясь к «Милостивому Государю Евгению Владимировичу», чиновник приводил инвентарную опись имущества Базилевского, перечислял документы, которые следовало предоставить в Департамент, дабы исключить возможность участия в наследстве иных лиц. Евгений Владимирович, верный своей семье, распорядился завещанием по справедливости и за рубеж не уехал».

Служа поверенным по делам Базилевского, он собрал материал и написал занимательную историю сотника Ивана Базилевского, жившего во времена Екатерины II.

Свой труд Евгений Переслени назвал «Старина о Базилевских (из народных уст)». В 1941 году он предлагал его Ростовскому книжному издательству, но рукопись оказалась не ко времени.

Возвращаясь к «историческим тетрадям» (простым ученическим; одна из них, распавшись, была скреплена двумя булавками, которые в народе называют «от сглаза»), Елизавета Николаевна подчёркивала, что Евгений Владимирович обладал отличной памятью и порой делал записи, не открывая книг, которые читал в разные годы жизни.

Не менее замечательной была память Елизаветы Николаевны. И хранила она, конечно, не только сведения из семейной хроники Давыдовых, которые постоянно всплывали в её общении с мужем. Она много читала, была знакома с воспоминаниями декабристов, научными исследованиями по этой теме.

Обратимся к «Запискам» Елизаветы Николаевны, в которых содержатся впечатляющие откровения о семье Давыдовых, их родственных связях. Отдельно рассказано о Екатерине, одной из старших дочерей Василия Львовича и Александры Ивановны, ставшей матерью Евгения Владимировича Переслени.

Екатерина родилась до их официального брака в 1825 году. К моменту ареста декабриста Давыдова у Василия Львовича и Александры Ивановны родилось шестеро детей, а в Сибири — ещё семеро.

К написанию «Записок» Елизавету Николаевну подвигло обращение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, поступившее в декабре 1969 года, с просьбой поделиться сведениями по истории рода Давыдовых. Несмотря на болезнь, она незамедлительно принялась за работу, выверяя каждое имя, каждую дату по воспоминаниям мужа, своим дневниковым записям и сохранившимся документам. Написав восемь машинописных страниц, отправила свои записки в Москву, сопроводив письмом, в котором указывала, что большинство сведений сохранились в семейных преданиях Давыдовых благодаря подробным рассказам бабушки её мужа Александры Ивановны, жены декабриста Давыдова.

Записки Е. Н. Беляевой — интересный свод генеалогических сведений рода Давыдовых. Они написаны человеком искренним, неравнодушным, знающим цену тех самых «незначительных деталей», которые делают наше знание о прошлом более конкретным, образным, зримым.

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ О ДЕКАБРИСТЕ ДАВЫДОВЕ И НЕКОТОРЫХ ЕГО ПОТОМКАХ

Василий Львович Давыдов был сыном Льва Денисовича и Екатерины Николаевны Давыдовых. Екатерина Николаевна, рождённая Самойлова, называлась племянницей светлейшего князя Потёмкина, но это была не племянница, а дочь его от Екатерины II, как и ещё две дочери, Энгельгардт и Браницкая. Екатерина Николаевна была пристроена к семье Самойлова, генерального прокурора Российской империи, в первом браке была замужем за генералом Раевским, во втором — за Давыдовым. Таким образом, декабрист Василий Львович Давыдов — внук Екатерины II.

В восстании Василий Львович Давыдов не участвовал. Он был старостой Каменской управы южного общества. Арестован был в Каменке 6.01.1826 года и состоял в списке 30-ти декабристов, приговорённых к отсечению головы, что было заменено политической казнью — ссылкой на вечную каторгу.

Василий Львович Давыдов в обществе, на каторге и на поселении отличался прямотой, бодростью и остроумием, чем всегда поддерживал своих товарищей по несчастью. Всю каторгу Давыдов и Якубович были неразлучны.

Отбыв каторжные работы, Василий Львович Давыдов был поселен в Красноярск, где прожил с семьёй до 1855 года, в этом году он скончался, не дожив двух лет до амнистии. Там же в Красноярске похоронен.

В историческом музее в Москве имеется фотография кабинета Василия Львовича Давыдова в Красноярске, снятая из альбома зарисовок декабристов, называвшегося «Сибирь».

Немногие из осуждённых возвратились на родину. Останавливает внимание эпизод, касающийся декабриста М. Муравьёва, который вернулся в Москву и поселился на Подновинском бульваре. Ему было около 90 лет. В 1883 году в Москве освящали храм Христа Спасителя, строившийся 50 лет, в память войны 1812 года. По окончании освящения был парад войскам, на котором присутствовало по взводу от полков, участвовавших в войне 1812 года. На левых флангах некоторых взводов стояли старики-инвалиды. На левом фланге взвода Семёновского полка стоял старик декабрист М. Муравьёв. Император Александр III, обходя фронт, подошёл к Муравьёву и сказал ему: «Я счастлив, что могу вернуть Вам то, что заслужили Вы в Бородинском сражении». Сказав это, он приколол к груди Муравьёва Георгиевский крест.

Жена Василия Львовича Давыдова покинула Каменку в декабре 1827 года и прибыла в Читу в феврале 1828 года. Она последовала за мужем, устроив детей — два сына остались в Каменке на попечении опекуна, впоследствии были определены в Петербургский кадетский корпус, две дочери были взяты на воспитание их родственницей графиней Чернышовой-Кругликовой.

Жизнь в этой семье протекала больше за границей — в Риме. Уже взрослыми девушками их отправили к родителям в Красноярск.

Когда Александра Ивановна Давыдова уезжала со всей семьёй — детьми Василия Львовича Давыдова из Красноярска, одна из старших дочерей Екатерина Васильевна была уже замужем за есаулом Енисейского казачьего конного полка В. М. Переслени. Отец его был выходцем из Венгрии, поступил в России на военную службу и дослужился до генеральского чина. Фамилия Переслени — венгерская. Екатерина Васильевна совершила это громадное путешествие с грудным ребёнком — Софией.

Рассказывая о своей жизни в Риме в семье Чернышовых-Кругликовых, Екатерина Васильевна говорила о встречах с Н. В. Гоголем, он в то время тоже жил в Риме и часто бывал у Чернышовых-Кругликовых, слабый, болезненный, вечно зябнувший, так что ему давали муфту, чтобы он согрел руки. Н. В. Гоголь просил Екатерину Васильевну сыграть и спеть какую-нибудь украинскую песню — его любимая была «У сусида хата била, у сусида жинка мила» и говорил при этом, что если бы он думал когда-нибудь жениться, то женился бы только на ней. Екатерина Васильевна встречала также А. С. Пушкина в Яропольцах — имении Чернышовых-Кругликовых, куда семья приезжала на лето, но воспоминания о Пушкине очень смутны, мала была тогда Екатерина Васильевна.

Муж Екатерины Васильевны оставил семью и уехал обратно в Сибирь, где командовал полком Забайкальского казачьего войска и в 1874 году умер в Кяхте. Покинул он семью, будучи плац-адъютантом Киевского комендантского управления. С женой он переписывался, интересовался детьми, тосковал по семье. По словам Екатерины Васильевны, он был очень благородный человек. Причиной, что он оставил семью, была его страсть к игре в карты и он боялся разорить семью.

Умерла Екатерина Васильевна в 1910 году в Каменке и похоронена там же, где её мать А. И. Давыдова.

Как святыня хранился в семье Василия Львовича Давыдова, у его дочери Елизаветы Васильевны, альбом рисунков декабристов за время их каторги. Когда Елизавета Васильевна умерла, альбом перешёл к старшей дочери Екатерины Васильевны — Софии и во время пожара в имении Юраково сгорел. Сохранились фотоснимки с рисунков, которые сданы в Эрмитаж.

Семья Екатерины Васильевны Переслени, урождённой Давыдовой, была большая — 4 сына и 2 дочери — внуки декабриста Василия Львовича Давыдова. Михаил рожд. 19 февраля 1856 г., Николай рожд. 8 ноября 1858 г., Евгений рожд. 6 сентября 1860 г., Вадим рожд. 15 октября 1862 г., София рожд. 19 февраля 1855 г., Александра рожд. 19 сентября 1857 г.

Михаил был моряком, бывал в кругосветных плаваниях, имел от французского правительства орден Chevalier de l,Ordre National de la Legion d,Honneur. Николай окончил юридический факультет Московского университета, работал по специальности. Евгений окончил юнкерское пехотное училище, потом участвовал в Скобелевской Ахал-Текинской экспедиции 1880—1881 года. Вадим окончил филологический факультет Московского университета, преподавал французский язык.

София в турецкую кампанию 1877 года была сестрой милосердия. В замужестве она Дращусова. Предки её мужа были выходцы из Франции, служили в России на военной службе. Фамилия их Suchard. Когда было подано прошение о присвоении им русской фамилии — им предложили читать свою фамилию с конца и прибавлять русское окончание — Дращусов.

Александра в замужестве Базилевская — жена последнего предводителя дворянства Московской губернии. По просьбе дворянства Пётр Александрович Базилевский ездил к Николаю II с просьбой дать конституцию. Государь выслушал просьбу, но не пожелал на неё ответить, а спросил каковы урожаи на юге России. Умер П. А. Базилевский после Октябрьской революции в Москве в своём бывшем доме в Гранатном переулке.

Сын Екатерины Васильевны — Евгений, по окончании покорения Ахал-Текинского оазиса еще некоторое время был на военной службе, так что с 18-летнего возраста он не жил в семье. Бабушка очень любила и жалела его, как рано оторвавшегося от семьи, слала ему письма, а иногда письма с пятью печатями — денежные, кроме того она подарила ему шесть серебряных столовых ложек, которые служили ей и дедушке в Сибири на каторге и в ссылке, а от брата матери Василия к нему перешёл перстень, сделанный Бестужевым-Рюминым из кандалов, в память снятия их в Чите с заключённых. В перстень был вделан большой уральский александрит и на перстне были вырезаны два голубя, несущие в клювах миртовые ветки. К сожалению, как ложки, так и перстень пропали.

Характером Евгений был похож на деда-декабриста. После военной службы он жил в Полтаве, был директором банка и пользовался большим уважением в городе. Клиенты не говорили, что кладут деньги в банк, а говорили, что дают их Евгению Владимировичу. Потом он жил в Ростове-на-Дону, где был утверждён персональным пенсионером республиканского значения.

Евгений Владимирович женат был в первом браке на О. Ф. фон Бергхольц, мать которой была рождённая Энгельгардт, по линии второй дочери светлейшего князя Потёмкина от Екатерины II. Она была пристроена к семье Энгельгардт. Во втором браке на Е. Н. Беляевой. От первого брака у него были 4 сына и дочь — правнуки декабриста Василия Львовича Давыдова. Дочь умерла в младенчестве, сыновья Владимир и Михаил, также как их мать, умерли от сыпного тифа в 1920 году. У третьего сына Александра были необыкновенные музыкальные способности. Когда чествовали в торжественном заседании столетний юбилей восстания декабристов, он выступал во втором отделении, литературно-музыкальном, играл на рояле и привёл слушателей в восторг, а через 8 дней после этого выступления был убит на улице с целью ограбления, он был тогда кассиром одного крупного предприятия. Четвёртый сын Дмитрий эмигрировал, живёт в Париже. Также эмигрировала жена Михаила с сыном Алексеем, уже правнуком Василия Львовича Давыдова и находится с ним в Африке.

Заканчивая краткое изложение печальных событий надо сказать, что в семье декабриста Василия Львовича Давыдова и среди потомков всегда было глубочайшее уважение к нему и его жене Александре Ивановне. Впрочем, едва ли найдётся среди русских людей кто-либо, кто имя декабристов не произносит с благоговением.

«ОБЕДАТЬ ХОЖУ К СТАРУШКЕ АЛЕКСАНДРЕ ИВАНОВНЕ ДАВЫДОВОЙ...»

Елизавета Николаевна Беляева много и интересно рассказывала о Петре Ильиче Чайковском. На её столе всегда стояла фотография композитора. Она страстно любила его музыку.

Евгений Владимирович Переслени доводился Чайковскому племянником: сестра композитора Александра Ильинична была женой Льва Васильевича Давыдова, сына декабриста и родного брата Екатерины Васильевны — матери нашего героя.

Евгений Владимирович встречал Чайковского в Каменке и в Москве. В его воспоминаниях много редких подробностей жизни и творчества Петра Ильича.

Читая во время наших встреч фрагменты воспоминаний мужа о Чайковском, Елизавета Николаевна дополняла их собственными разысканиями о композиторе, его связях в Доном. В её архиве хранились интересные письма из Клина от внучатых племянниц Чайковского Ксении Юрьевны Давыдовой и Ирины Юрьевны Давыдовой-Соколинской.

Как свидетельство высокой требовательности Петра Ильича Чайковского к своему творчеству, она приводила такие строки из воспоминаний мужа:

«В последний раз я встретился с Петром Ильичём в 1883 году. Это было в Москве, в Большой московской гостинице, где остановился Пётр Ильич. Я принёс ему случайно забытую у нас тетрадь с нотами. Пётр Ильич посмотрел на тетрадь, вскочил и выхватил её у меня из рук. "Как я тебе благодарен, — сказал он, — я давно искал её". И тут же на моих глазах изорвал тетрадь в клочья. "Я давно написал всё заново," — сказал он».

Елизавета Николаевна настоятельно советовала мне побывать в Клину. Поехать удалось через два года, много записывал в дневник, и теперь решил опубликовать некоторые страницы.

«16 сентября 1986 года.

Дом в Клину.

90 километров к северо-западу от Москвы. Государственный дом-музей Петра Ильича Чайковского. 1986 г.

Директор музея Галина Ивановна Белонович встретила радушно, передала меня главному хранителю, она предоставила сопровождающую. Снимал в интерьерах. Ходил с экскурсией. Под дождём снимал на улице: дом, сад, скамейки, аллеи. Старый парк словно хранит звуки былого.

Дом не был собственностью Чайковского. Композитор арендовал его у клинского мирового судьи Сахарова. Прожить в нём ему было суждено менее полутора лет: с мая 1892 года по начало октября 1893-го.

Первый шаг к созданию мемориального музея был сделан вскорости после смерти Чайковского его братом Модестом Ильичём и слугой

Государственный дом-музей П. И. Чайковского. 1986 г. Фото К. Г. Пашиньяна

Алексеем Ивановичем Софроновым, которому по завещанию осталось всё имущество композитора.

Софронов выкупил дом у владельца, бережно сохранил все предметы обстановки и был фактическим хранителем музея вплоть до окончательного переезда в Клин Модеста Ильича Чайковского.

Готовясь к поездке в Клин, надеялся на встречу с внучатыми племянницами композитора Ксенией Юрьевной Давыдовой и Ириной Юрьевной Соколинской. По прямому родству они — правнучки декабриста В. Л. Давыдова. Родная сестра П. И. Чайковского Александра Ильинична была замужем за сыном декабриста. Через неё композитор был дружен, близок со многими представителями рода Давыдовых.

После телефонного звонка пошёл в гости к сёстрам Давыдовым.

Дождь усилился. Дом недалеко, на проезде Танеева (Сергей Иванович Танеев — ученик Чайковского в Московской консерватории).

Хозяйки приветливы и доброжелательны.

Каждая из них более тридцати лет работала в музее П. И. Чайковского.

В 1941 году их отец Юрий Львович вывез ценности Клинского музея подальше от фронта, в город Воткинск.

В помощь отцу в Удмуртию, на конечную станцию железнодорожной ветки от Ижевска, отправилась Ксения Юрьевна, выпускница киевского хореографического училища.

В Воткинске (прежде селении Вятской губернии) в 1840 году родился Пётр Ильич Чайковский.

До 1980 года Ксения Юрьевна заведовала рукописным отделом музея, потом работала заместителем директора по научной работе.

Ирина Юрьевна руководила иконографическим отделом.

Их отец Юрий Львович, внук В. Л. Давыдова, с 1945 года служил главным хранителем музея. Он умер в 1965 году в возрасте восьмидесяти девяти лет.

Юрий Львович Давыдов и Евгений Владимирович Переслени были двоюродными братьями.

В Москве перед поездкой встретился с фотокорреспондентом Евгением Ананьевичем Халдеем, рассказал о командировке. Он загадочно улыбнулся и, порывшись в архиве, извлёк негативы тридцатилетней давности.

Групповой снимок: в музее концерт И. С. Козловского.

А ещё — интерьеры дома Чайковского, какими они были в 1959 году: рабочий кабинет, жилые комнаты, гостиная с роялем.

У Халдея всегда готовы к работе увеличители и кюветы с растворами.

Отпечатали фотографии.

— Возьми с собой, — сказал Евгений Ананьевич, — они пригодятся. Ещё тебе на память пара негативов.

Поистине — дар бесценный.

В Клину принялись рассматривать фотографии, переданные в Москве Е. А. Халдеем.

С особым интересом — снимок, запечатлевший выступление Ивана Сёменовича Козловского, чей "несравненный голос до сих пор живой в памяти" (Ксения Юрьевна).

Она и сама на снимке, в правом верхнем углу, среди стоящих слушателей.

Указала на себя, чуть смущаясь, словно оправдываясь, что оказалась на одной фотографии с великими — композитором Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем, дирижёром и педагогом Александром Васильевичем Гауком, композитором Юрием Александровичем Шапориным, жившим в 1930-е годы в Клину, автором оперы "Декабристы".

Фотографировал обеих сестёр.

Подписали мне музейный буклет. Хорошо вспоминали ростовскую линию — Евгения Владимировича Переслени и Елизавету Николаевну Беляеву.

Ксения Юрьевна на память цитирует письма П. И. Чайковского. Обе отлично знают время, среду, родословную.

Разговор о визитных карточках: удобно, правильно. Раньше: нанёс визит, загнул уголок визитки, — значит, был сам.

Сёстры приглашали остаться обедать.

Дождь прошёл, и я отправился на вокзал.

Дорогой вспоминал музей, коллекцию фотографий.

П. И. Чайковский любил фотографию. Нередко фотографировался (отпечатки заказывал по шесть дюжин), собирал снимки друзей. Коллекция (нынешняя) составлена, в основном, им самим.

К. Ю. Давыдова (сидит) и И. Ю. Соколинская. 1986 г. Фото К. Г. Пашиньяна

Обратил внимание, что Пётр Ильич в 1893 году фотографировался в Харькове у знаменитого светописца Альфреда Федецкого (к тому же одного из российских кинодеятелей). В том же "фотографическом ателье Альфреда Федецкого" в 1898 году побывал Евгений Владимирович Переслени (снимок на фирменном паспарту хранился у Елизаветы Николаевны Беляевой; она же вспоминала, что муж консультировался с мастером по поводу стереоскопических фотографий).

Обратная электричка забита до отказа. В основном грибники с лукошками, корзинами, рюкзаками, сумками на колёсах. Несколько шумных компаний: карты и хохот на весь вагон. Большинство же мгновенно уснули и просыпались чётко возле своих станций».

«27 ноября 1986 года. Ростов-на-Дону.

Вернувшись из Клина, отправил в музей снятые в сентябре фотографии.

Помимо благодарственных писем директора Г. И. Белонович, получил акты приёма в фонды каждого снимка.

Удивительно, такое бывает нечасто.

Фотографию сестёр Давыдовых опубликовала газета "Советская культура" 13 ноября 1986 года.

От сестёр Давыдовых несколько писем и открыток с видами музея П. И. Чайковского.

Пишут, что смущены публикацией в "СК".

Теперь у них просят фотографии.

"Не могли бы Вы оказать такую любезность — отпечатать несколько штук размером

13х18 см? И прислать, конечно, наложенным платежом. Дело в том, что вместе нас никто не фотографировал. А хотели бы иметь наши физиономии наши родные, живущие за рубежом".

С удовольствием исполнил просьбу и отправил, разумеется, не наложенным платежом.

Надо было сделать 6 дюжин, как некогда заказывал П. И. Чайковский».

Уезжая из Клина, давал себе обещание вернуться, вновь побывать в этих удивительных местах.

Прошло более тридцати лет.

Вновь страницы дневника.

«11 июля 2017 года.

Мы продолжаем путешествие по музеям Подмосковья. Сегодня в Больших Вязёмах, государственном историко-литературном музее-заповеднике А. С. Пушкина. Директор, наш давний друг Александр Михайлович Рязанов, встретил радушно и, поселяя в музейной гостиничке, решил сразить мою жену Нину (я уже здесь бывал и его приёмы знаю). Завёл нас в гостиничку через парадный вход, показал жилище, и вывел на крыльцо внутреннего дворика через другую дверь. Дух захватило! Совсем близко, как на ладони, сказочной красоты церковь Спаса Преображения. XVI век. Времена Бориса Годунова. "По преданию построен в один год с колокольней Ивана Великого в Москве. Рядом двухъярусная звонница — истинный шедевр московской архитектуры" (Александр Михайлович Рязанов). Обошли храм кругом, постояли возле могилы Николеньки, брата Александра Сергеевича Пушкина.

А. М. Рязанов: "По соседству в селе Захарово, в доме бабушки Марии Алексеевны Ганнибал, Пушкины жили, а сюда, в Вязёмы, Саша и Николенька вместе с воспитателем-французом графом де Монфор часто ходили в церковь или на базар. Николенька заболел и, как сказано, в три дня умер".

На закате сидели на крыльце. Говорили о Пушкине в связи с Давыдовым. Получается, что не так далёк золотой век русской литературы, если время сплетено из человеческих судеб. Мне довелось знать Елизавету Николаевну Беляеву, она была женой Евгения Владимировича Переслени, внука декабриста Давыдова, а его бабушка и дедушка хорошо знали Пушкина. Видела Пушкина даже его мама — правда, мала была, плохо помнила, зато уж Гоголя и тем более Чайковского...

— Его-то хорошо знал и сам Евгений Владимирович, и Клин здесь недалеко, — начал было я издалека...

— Завтра и поедем, — с улыбкой перебил меня Рязанов, — с утра созвонюсь с Галиной Ивановной Белонович.

Знакомое имя.. Боже, прошло ли тридцать лет?»

12 июля 2017 года.

«Клин. Те же дорожки, тот же вид на усадебный дом через круглую клумбу с цветами. Почему не поднимается то самое волнение? Сам я другой? Осень тогда была и дождь... Плёнка чёрно-белая, и было её мало — экономил. Теперь снимаю, не жалея кадров, а всё кажется — не сделал ничего путного.

Впрочем, Галина Ивановна Белонович встретила тепло. Масса воспоминаний. Чай и обед. Предложение сделать выставку. Замечательная экскурсия и возможность снимать в интерьерах.

Дело поменялось окончательно, когда сели и заговорили о тех удивительных людях, память о которых и привела меня вновь в эти места: о сёстрах Давыдовых — Ксении Юрьевне и Ирине Юрьевне. О Елизавете Николаевне Беляевой. Их помнят, чтут.

Главное, к ним обращаются. Всё, что они оставили, о чём рассказали, востребовано.

Ещё Елизавета Николаевна Беляева в Ростове и сёстры Давыдовы в Клину рассказывали мне, что Пётр Ильич бывал в Каменке и с искренней теплотой вспоминал об этом. По их совету обратился к опубликованным письмам композитора и Надежды Филаретовне фон Мекк из имения Давыдовых».

23 апреля 1878 года:

"Вся прелесть здешней жизни заключается в высоком нравственном достоинстве людей, живущих в Каменке, т. е. в семействе Давыдовых вообще. Глава этого семейства, старушка Александра Ивановна Давыдова, представляет одно из тех редких появлений человеческого совершенства, которые с лихвой вознаграждают за многие разочарования, которые приходится испытывать в столкновении с людьми. Между прочим, это единственная оставшаяся в живых из тех жён декабристов, которые последовали за мужьями в Сибирь. Она была и в Чите, и в Петровском заводе и всю остальную жизнь до 1856 года провела в различных местах Сибири. Всё, что она перенесла и вытерпела там в первые годы своего пребывания в разных местах заключения вместе с мужем, — поистине ужасно. Но зато она принесла с собой туда утешение и даже счастье для своего мужа. Теперь это уже слабе-

ющая и близкая к концу старушка, доживающая последние дни среди семейства, которое глубоко чтит её. Я питаю глубокую привязанность и уважение к этой почтенной личности" [10].

И позднее, в письме от 13 апреля 1884 года:

"Обедать хожу к старушке Александре Ивановне Давыдовой. Не нарадуешься, когда смотришь на эту 80-летнюю старушку, добрую, живую, полную сил. Память её необыкновенно свежа, и рассказы о старине так и льются, а в молодости своей она здесь видела много интересных, исторических людей. Не далее как сегодня она мне подробно рассказывала про жизнь Пушкина в Каменке..." [11].

Особенно впечатлили слова из письма от 15 октября 1879 года о бабушке Евгения Владимировича Переслени Александре Ивановне:

"Всё многочисленное семейство Давыдовых питает к главе семейства обожание, которого вполне достойна эта поистине святая женщина. Она — последняя, оставшаяся в живых жена декабриста из последовавших за мужьями на каторгу. Вообще много горя пришлось ей перенести в молодости. Зато старость её была полна тихого семейного счастия. И какое чудное это семейство! Я считаю себя счастливым, что судьба столкнула меня с ними и так часто дает мне случай видеть в лице их душевное совершенство человека"» [12].

Через многие годы живая нить воспоминаний Елизаветы Николаевны Беляевой, жены внука декабриста Давыдова Евгения Владимировича Переслени, дала мне счастливую возможность прикоснуться к истории этого славного рода.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Пашиньян К. Г.* Мои великие старики // Дон. временник. Год 2018-й. Ростов н/Д.,2017. С. 166—171.

2. *Миронов Е.* Внук декабриста //Дон. 1969. № 6. С. 138—139; *Гурвич С.* Всё осталось людям // Молот. 1965. 7 мая. С. 4; *Гессен А.* Каменка : О чём рассказал внук декабриста // Неделя. 1965. 21—27 нояб. (№ 48). С. 16—17.

3. *Пашиньян К. Г.* На волне щедрой памяти // Веч. Ростов. 1985. 11 февр. С. 3; *Его же.* Листы на зелёном сукне бильярда // Веч. Ростов. 1987. 4 февр. С. 3; *Его же.* По долгу памяти живя // Комсомолец. 1989. 30 мая. С. 3; 10 июня. С. 3; 13 июня. С. 3; 21 июня. С. 3.

4. Копии автобиографии Е. В. Переслени, его воспоминаний и «Записок» Е. Н. Беляевой переданы автору Е. Н. Беляевой и хранятся в его личном архиве.

5. 1-я Советская, 46 — бывшая —1-я Соборная — дореволюционный нахичеванский адрес Е. Н. Беляевой.

6. «Ахал-текинская экспедиция 1880—1881 годов имела цель покорить племена текинцев, живших в Туркмении (закаспийских владениях Российской империи). Ею командовал генерал Михаил Дмитриевич Скобелев, с 1876 года — военный губернатор Ферганской области. Все военные экспедиции против текинцев потерпели неудачу. Генералу Скобелеву и его войскам удалось усмирить воинственные племена и добиться умиротворения Ахал-текинского оазиса». *(Выписки автора из «исторических тетрадей» Е. В. Переслени*)

7. «Пётр Александрович Базилевский (1855—1920) был шталмейстером Императорского двора, имея ранг действительного статского советника, а также являлся предводителем дворянства Московской губернии». *(Выписки автора из «исторических тетрадей» Е. В. Переслени)*

8. Орлов Константин Хрисанфович (1875—1952) офтальмолог, заслуженный деятель науки, доктор медицинских наук, профессор.

9. *Гессен А. И.* Во глубине сибирских руд... : Декабристы на каторге и в ссылке : докум. повесть. М. Дет. лит.,1976. С. 80—81 : ил. [Л. 16 — вклейка между с. 80—81].

10. *Чайковский П. И.* Полное собрание сочинений : лит. произведения и переписка М., 1962. С. 335.

11. *Его же.* Указ. соч. Т. 12. М., 1970. С. 353.

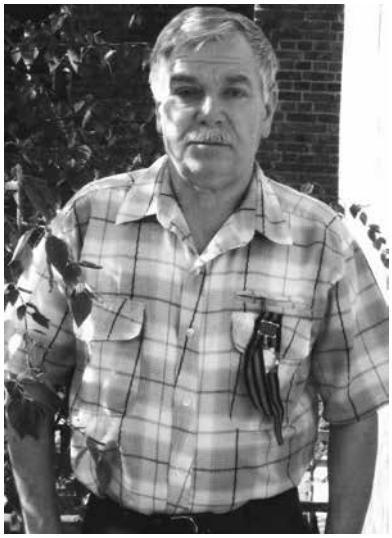
12. *Его же.* Указ. соч. Т. 8. М., 1963. С. 393.

Т. И. ПОНЕДЕЛКОВА

ПОДВИЖНИК ИЗ СЛОБОДЫ НИКОЛЬСКОЙ

Член Союза краеведов России, один из организаторов, первый председатель и почётный член Миллеровского общества краеведов, образованного в 2004 году, неутомимый и скрупулёзный исследователь истории малой родины, эксперт в вопросах прошлого района, человек глубоких знаний и отличной памяти, которого за активную общественную деятельность и большой вклад в патриотическое воспитание подрастающего поколения указом губернатора Ростовской области в 2014 году наградили медалью «За доблестный труд на благо донского края».

Инвалид первой группы по зрению, свет для которого полностью померк девять лет назад. В возрасте шести десятков лет ему как ребёнку пришлось заново осваивать мир: учиться ходить на ощупь, брать нужные предметы не путая, ориентироваться в пространстве дома и двора. И всё это — в кромешной темноте, опираясь лишь на память и силу воли.



Казалось бы — какие противоположные характеристики! А ведь речь идёт об одном человеке — Викторе Алексеевиче Ващенко

По происхождению он из самых что ни на есть местных: родился в 1949 году в хуторе Новопокровка Криворожского района в крестьянской семье. День рождения, как всегда утверждал Виктор Алексеевич, — 30 июня, хотя согласно паспорту — 1 августа. По рассказам дедов и бабушек, бывшие жители Полтавской губернии Ващенко начали обживаться в нашем крае почти два века назад. Свою фамилию встретит Виктор Алексеевич потом в архивах — в списках крестьян помещицы Меланьи Кутейниковой за 1848 год.

Семьи были многодетными и трудолюбивыми. А ещё пытливыми. Несмотря на то, что война не дала отцу Виктора Алексеевича выучиться дальше сельского учётчика, он всю жизнь тянулся к знаниям и сына своего впервые отвёл записаться в библиотеку, когда тому исполнилось всего семь лет.

Дорога к знаниям была для сельского парня непростой. Начальную школу окончил в хуторе Иллиодоровка, куда семья переехала в 1956 году, восьмилетку — в слободе Никольской, а 9—10 классы — уже в миллеровской школе № 5. Ещё в школьные годы, испытывая особый интерес к литературе, русскому языку и истории и абсолютное равнодушие к наукам точным, понял, что он — чистый гуманитарий. Поэтому, окончив в 1966 году десятилетку, подал документы на истфак Ростовского университета.

Путь к высшему образованию и, как следствие, выбранной профессии тоже оказался для него с препятствиями: в университет повезло поступить только на четвёртый раз. За эти годы успел он поработать и на Миллеровском механическом заводе, и в цехах Сельмаша, и на стройке в Никольской, и отслужить в Прибалтийском военном округе (войска правительственной связи КГБ СССР). Был комсоргом в совхозе «Курский» и секретарём сельсовета в Никольской.

И всё же он стал студентом столь желанного им исторического факультета РГУ. Учился заочно, так как уже был к тому времени человеком женатым, росла маленькая дочь. Работал в Никольской школе — сначала воспитателем пришкольного интерната, а со старших курсов начал вести уроки истории. Получив в 1981 году специальность преподавателя истории, обществоведения и права, с того же года и до августа 1986-го Виктор Алексеевич занимал должность директора школы в слободе Дёгтево, более десятка лет проработал вместе с женой (тоже педагогом) в школе станицы Нижнекундрюченской Усть-Донецкого района. Именно там, глядя, как казаки знают и помнят историю своих родов и станицы, окончательно оформилось

Татьяна Ивановна Понеделкова, корреспондент газеты «Наш край», г. Миллерово

у него понимание, насколько это важно. И хотя оттуда его не хотели отпускать, предложили даже принять в казаки, Виктор Алексеевич понимал, что это — не для него. Тянуло домой, в слободу Никольскую.

Формальным поводом для возвращения стала просьба тёщи: мол, тесть умер, возраст, болезни, одной трудно. А подспудно, конечно, звала родная земля, хотелось заняться изучением её истории. Но удалось это не сразу, а только когда вышел на заслуженный отдых и появилось свободное время. То есть в 2000 году.

С этого момента он активно занимается краеведением. Начал со сбора материалов о прошлом населённых пунктов, где довелось жить самому, и судеб хуторян-земляков. Как учителя-историка, односельчане часто спрашивали его о том или ином событии, многие старожилы делились воспоминаниями.

Первое его исследование касалось слобод Никольской и Покровской (раньше это были два соседних населённых пункта), времени когда там появились церкви. Тогда же занялся сбором материалов о дореволюционной истории района.

Работал прежде всего с людьми (для этого Виктор Алексеевич даже составил список пожилых местных жителей), опрашивая каждого и занося в свои списки всё более-менее значимое. Но для того, чтобы изыскания были не просто рассказами дедушек и бабушек, а имели степень исторической достоверности, необходима скрупулёзная архивная работа. Частым гостем стал Ващенко в Миллеровском архиве и в краеведческом отделе Донской публичной библиотеки. Впереди было много планов и задумок: только работай. Но...

Беда, как известно, приходит неожиданно. Был май 2002 года, солнечный весенний денёк. Виктор Алексеевич смотрел на купола Покровской церкви, и вдруг всё поплыло и померкло. Как потом объяснили врачи, в одном глазу лопнул сосуд, зрение в нём оказалось полностью потерянным. Всю нагрузку на себя взял здоровый глаз. Но Ващенко по-прежнему интенсивно продолжал заниматься краеведением, — правда, теперь старался больше тренировать память.

Зрение продолжало садиться. В 2009 году Виктору Алексеевичу сделали операцию по замене хрусталика, но начала развиваться глаукома. Через год он полностью ослеп и получил первую группу инвалидности. Так, в шестьдесят один год ему пришлось начинать жизнь — в полной темноте.

Некоторые в такой ситуации просто бы сломались. С Ващенко такого, к счастью, не произошло. Не впасть в уныние и оставаться человеком активным, быть в гуще жизни ему помогло как раз краеведение и коллеги-краеведы.

О чём только не писал Виктор Алексеевич на страницах газеты «Наш край»[1], став для редакции не только автором и другом, но и настоящим экспертом! В монографии «История Миллеровского района» (Луганск, 2014) Ващенко — автор нескольких глав. Вышла и его единственная книга — «Родины малой дорогие черты» (Миллерово, 2016), в которую он собрал очерки о забытых страницах прошлого хуторов и слобод Миллеровского района, о церквях, бывших когда-то почти в каждом крупном населённом пункте, о топонимике наших мест, об истории колхозов, о тяжелейшем периоде Великой Отечественной войны. Он собирал материалы об острогожском следе на территории района, о покинутых хуторах, о самсоновской трагедии, о земляках, угнанных в годы войны в Германию, о многом другом...

Конечно, сделать это слепому человеку непросто. Надо сказать, что ему очень повезло с семьёй. Жена Тамара Григорьевна стала не только надёжной опорой в бытовом и моральном плане, но и его «глазами», настоящим творческим помощником. И дочь, которая пошла по стопам родителей и стала учителем.

Некоторое время назад благодаря сотрудникам районного общества слепых (с ними у Виктора Алексеевича был налажен постоянный контакт) появилась коробочка с удобными кнопками — тифлофлешплеер. Это умное устройство, проговаривающее все свои действия при нажатии клавиш и не только. Оно ориентировано на слабовидящих или слепых, которые с помощью него могут слушать то, что читают другие. Тифлофлешплеер ещё называют электронной книгой для слабовидящих: устройство воспроизводит текстовые файлы, проигрывает аудиокниги, служит диктофоном; говоря проще, это электронная библиотека с сотней томов оцифрованной и адаптированной для прослушивания литературы. Только в минувшем году миллеровские инвалиды по зрению подучили двадцать таких устройств. В ближайших планах у Виктора Алексеевича было узнать, где и как можно скачивать на эту портативную «библиотеку» книги по истории и краеведению.

— Только бы здоровье не подводило, — говорил Ващенко, и не без оснований: ведь кроме

[1] Ниже публикуется список статей В. А. Ващенко, подготовленный Л. А. Лаптуровой, заведующей краеведческим отделом межпоселенческой центральной библиотеки г. Миллерово.

слепоты, у него был ещё и диабет. — Всё, о чём можно сохранить память, хочу успеть сделать.

Он очень спешил: возможно, предчувствовал, что осталось ему недолго. 22 августа 2019 года Виктора Алексеевича не стало.

Статьи В. А. Ващенко в газете «Наш край»

Золотые руки : [*о В. И. Ващенко*] ***2002.*** 21 мая. С. 2.

Проклинаю войну : [об *А. В. Ващенко (Канцуровой),* узнице трудовых лагерей в Германии. 1942 — 1945]. ***2002.*** 21 дек. С. 5.

Пришла пора объединиться : [о необходимости создания в Миллер. р-не краевед. об-ния]. ***2004.*** 16 июня. С. 2; 23 июня. С. 3.

Учитель: [Никольской шк. *Н. В. Борисенко* (1905 — 1990)]. ***2006***.14 янв. С. 3.

За датами и цифрами — история Миллерово : [об адм.-территор. изменениях в р-не]. ***2007***. 3 — 9 янв. С. 1.

Несостоявшееся переименование: [Донецкого окр. в Ворошиловский и г. Миллерово в Ворошиловск. 1926 г.]. ***2007***. 20 янв. С. 3.

Не забывайте рода своего : [о г. Миллерово в 1931 г. и необходимости работы по исслед. истории Миллер. р-на]. ***2007.*** 31 янв. С. 2.

Из истории православных храмов земли Миллеровской. ***2007.*** 27 февр.С. 2.

Райцентр из Криворожья — в Миллерово : [об адм.-территор. изменениях в р-не. 23 марта 1959 г.]. ***2009.*** 12 июня. С. 2.

Памяти ветерана : [об учителе Криворож. шк., краеведе *И. А. Боханове*]. ***2010.*** 2 февр. С. 3.

Первая всеобщая перепись населения : [Миллер. земля в переписи 1897 г.]. ***2010.*** 13 нояб. С. 6 — 7.

Подарок от краеведа : [к 130-летию Никол. шк. краевед *П. А. Пономарёв* разыскал сведения о тех, кто работал в шк. в 1885 — 1915 гг.] ***2011.***11 июня. С. 6.

Список крепостных крестьян 1848 года — бесценный документ Никольско-Покровской истории: [к истории слобод Никольской и Покровской, пос. Свиновского и Свиновского-Покровского]. ***2012.*** 29 марта. С. 3.

Они на нашей земле были : [к истории хутора Кавказский]. ***2014.*** 28 июня. С. 7.

Православные храмы земли Миллеровской. ***2016.*** 14 янв. С. 5; 21 янв. С. 5; 28 янв. С. 5.

Давшие имена слободам : [о Николаев. и Покров. православ. храмах]. ***2016.*** 30 июня С. 5.

Никольско-Покровский топонимический словарь. ***2017.*** 1 апр. С. 9; 15 апр. С. 10; 19 апр.

С. 9; 26 апр. С. 9.

Кто-то скажет недавно, кто-то скажет — давно... : [о переписи населения 1959 г. по Криворож. р-ну, переименовании р-на и съёмках фильма «Поднятая целина» в сл. Ольховый Рог]. ***2019.*** 23 марта. С. 6; 27 марта. С. 7.

Трудовая доблесть страны : [списки жителей Миллер. р-на, награждён. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов»; в соавт. *с Т. Ващенко*]. ***2019***. 1 мая. С. 6

Сведения о хуторе Ново-Никольский (Чуянка) : [в соавт. *с Бандуриным*]. ***2019.***11 сент. С. 5.

Составитель Л. А. ЛАПТУРОВА

ОКНО В ПРИРОДУ

В. А. МИНОРАНСКИЙ

СТЕПНОЙ ЗАПОВЕДНИК «РОСТОВСКИЙ»

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Впервые в район озера Маныч-Гудило я попал в 1959 году, будучи студентом третьего курса кафедры зоологии Ростовского университета. При определении места производственной практики меня привлекали наиболее интересные для зоолога в Ростовской области и наименее затронутые хозяйственной деятельностью территории. Рассматривая карту области с моим руководителем, доцентом В. С. Петровым, мы выбрали озеро Маныч-Гудило и посёлок Маныч на границе с Калмыкией.

8 июля с однокурсником Аликом Сурвилло поездом Ростов — Поворино мы доехали до станицы Пролетарской (ныне город Пролетарск), на её окраине нашли хозяйственную базу санатория «Маныч» и на следующей день верхом на матрасах, занимавших весь кузов грузовой машины, по степной дороге поехали в Маныч. В Пролетарской удивило отсутствие деревьев, кустарников и огородов около домов, грунтовые дороги, одноэтажность домов, повсеместная пыль. По дороге мы наблюдали естественную растительность с полынно-типчаково-ковыльной и типчаково-ковыльно-полынной пустынной степью с пятнами солонцов, солёные озера, редкие степные, пересыхающие летом речки. На более чем стокилометровом пути мы не встретили ни одного поля, огорода, дерева. В санатории узнали о брошенном глинобитном сооружении гидрометеостанции на берегу озера Маныч-Гудило в пяти километрах к югу от санатория. В этом строении мы и жили по два месяца в этом и следующем году. Спали, ели, вели камеральную работу с животными, заполняли дневники.

Нас окружала естественная степь, огромная водная поверхность озера с заливами. Фермы с животными были редкими, далеко отстояли друг от друга. Раз в неделю мы ходили в санаторий за продуктами. Людей заменяли животные: в озере обитало большое количество сазана, леща и другой рыбы, на островах и по берегам — чайки, крачки, кулики, утиные и иные птицы, в степи встречались хомяки, суслики, тушканчики, масса различных жаворонков, гнёзда степных орлов... Ежедневно наблюдали стада сайгаков (до 1000—2000 голов), пасущихся в степи или идущих мимо нас на водопой в залив. Их добывали государство, браконьеры, и в те годы эти антилопы являлись основным поставщиком мяса для населения Калмыкии и прилегающих районов.

Хижина, в которой мы существовали и мечтали о «хлебе насущном». Производственная практика, озеро Маныч-Гудило, 1959 г. Фото В. А. Миноранского

В. А. Миноранский около гнезда степного орла с 27-дневным птенцом на берегу озеро Грузское. 19.06.1960 г. Фото А. В. Сурвилло

С животными мы встречались повсеместно, даже в нашей землянке, где под полом жили крысы и удоды, в помещении — деревенские ласточки и насекомые, а под крышей сыч и воробьи. Для натуралиста это был рай на земле!

Виктор Аркадьевич Миноранский, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Южного федерального университета, президент ассоциации «Живая природа степи»

ОСОБЕННОСТИ ЗАПОВЕДНОЙ ТЕРРИТОРИИ

По агроклиматическому районированию эта территория отличалась жарким, засушливым климатом, суммой осадков 300—400 мм в год, тёмнокаштановыми и каштановыми почвами [1]. Основной причиной слабой освоенности района был дефицит пресной воды. Приход кубанской воды в Пролетарское водохранилище через Невинномысский канал и Большой Егорлык с 1948 года и заполнение современного ложа озера Маныч-Гудило к 1953—1954 годам снизил солёность с 23 г/л до 16 г/л [2, с. 29]. Это положительно отразилось на рыбных ресурсах, водных и околоводных организмах. В 1963 году в водохранилище было отмечено 28 видов рыб, а уловы сазана, тарани, судака и леща в среднем в 1954—1963 годах составляли 15 000 ц [2, с. 67—68].

Однако степь в 1950—60-х годах оставалась засушливой. Овцы, крупный рогатый скот и лошади воду из озера не пили; она оставалась дефицитной (пили сайгаки). Пресных прудов по балкам было немного. Воду население получало из редких в населённых пунктах скважин, а животноводы привозили её из колодцев на Лысой горе, порой за десятки километров.

Несколько раз мне приходилось ездить с живущими недалеко от нас чабанами за водой на Лысую гору. Поездки проходили на телегах с деревянной бочкой для воды, запряжённых волами, и по времени занимали почти весь день. Вот по этим причинам освоение степей для животноводства не отличалось интенсивностью, но способствовало благоприятным условиям для живой природы степей. Читая дневники своих наблюдений на Маныче за 1959—1960 годы, которые веду в течение всей жизни, я сравниваю то время с современным состоянием этих районов и не узнаю их: совершенно другие условия в озере, резко отличается растительность и животный мир.

Глубокие изменения в экосистеме региона произошли в ходе дальнейшей реализации постановления Совета министров СССР и ЦК ВКП (б) от 20 октября 1948 года [3]. Переброс в Маныч пресной воды из Дона, магистральные и распределительные каналы, новые водохранилища и пруды изменили здешнюю гидрографию. В Ростовской области орошаемые земли уже в 1972 году составили 332,4 тысячи гектаров или 3,3% всей территории (в дореволюционное время — 3 400 гектаров) [4]. Появились сеть лесополос, древесно-кустарниковая растительность в посёлках, поля, засеянные сельскохозяйственными культурами, огороды, цветники в населённых пунктах. Приход пресной воды, облесение степи положительно сказались на развитии сельского хозяйства и быстром увеличении поголовья скота.

Механизм опустынивания земель интенсивно заработал с 1960-х годов. В Орловском районе в 1986 году поголовье овец достигло 403 000 [5, с. 68], в Ремонтненском — слабо нарушенных степных сообществ оставалось всего 4,7%, а сбоев, средне и сильно нарушенных было 11,3, 49,0 и 34,5% соответственно. В 80-х годах в юго-восточных районах области, в Калмыкии и на соседних территориях это привело к перевыпасу овец в степи, появлению антропогенных пустынь на больших площадях [6].

Во время частых поездок в 1980—90-е годы в Калмыкию и юго-восточные районы области мне и моим студентам приходилось часто наблюдать стада овец пасущихся на полностью стравленных участках и пытавшихся выдергивать оставшиеся на поверхности пеньки растений вместе с землёй. Они представляли скелеты, обтянутые шкурой; нередко встречались одиночные понуро бредущие или мёртвые животные. Неудивительно, что по подсчётам учёных, в Калмыкии до войны овец было на порядок меньше, чем в эти годы, а мяса и шерсти от них получали больше. Перевыпас отрицательно повлиял на степную биоту, самих овец и жизнь населения. В 1999 году в Орловском районе сохранилось 37 500 овец.

Произошли серьёзные изменения в озере Маныч-Гудило. Уже в 1960-х годах объём подаваемой из Кубани воды снизился до 300 млн. м^3 (вместо 700), в 1966-м всю кубанскую воду в период вегетации направили в Весёловское водохранилище, а позднее полностью перекрыли подачу пресной воды в Маныч-Гудило, что вызвало повышение минерализации воды в озере и привело к потере рыбных ресурсов, к глубокой перестройке в водных и околоводных биоценозах. Повышение минерализации воды в озере продолжается, и в последние годы она достигает 40—45‰ и выше. Однако Маныч-Гудило продолжало оставаться важным водоёмом для водоплавающих и околоводных птиц во время размножения, кочёвок и миграций. В сентябре 1994 года озеро было включено в список тридцати пяти международных водно-болотных угодий России, нуждающихся в особой охране [7].

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Начатые в 1950-х годах исследования зоологов РГУ в районе будущего заповедника «Ростовский» продолжились в последующие годы А. Д. Липковичем, И. М. Языковой, Б. А. Казаковым, Н. Х. Ломадзе, В. П. Беликом, другими.

В 1970—90-х годах экспедиционные группы студентов ежегодно обследовали состояние природных экосистем в области. В состав экспедиций входило десять — пятнадцать человек, включавших ботаников, специалистов по водным животным, наземным насекомым, птицам, млекопитающим, что позволяло всесторонне обследовать ту или иную территорию.

В них участвовали романтики и фанатики, которые весной, жарким летом, в морозную снежную погоду, попадая в степь, находили, видели, открывали для себя что-то новое, интересное, неизвестное. Для них эти экспедиции и «прогулки в природу» были важной частью жизни: о них они мечтали, их ждали, к ним были постоянно готовыми. Экскурсии выполнялись за собственные средства, бытовые вопросы играли второстепенное значение, передвижения происходило в пешем порядке, что позволяло замечать мелкие, но очень важные детали и явления.

Мне вспоминаются А. В. Шкуратов, М. Е. Данелия, Н. О. Морозова, В. В. Саяпин, Е. П. Евсюков, Д. Д. Хисаметдинова и другие зоологи, которые в июле с берегов озера Маныч-Гудило уходили пешком на Лысую гору и возвращались обратно, проходя под жарким солнцем по открытой степи десятки километров!

Вспоминается и недельная поездка А. В. Тихонова, Я. Ю. Подгорной и других студентов в декабре на Стариковский участок заповедника. Их застала многодневная снежная вьюга, покрывшая степь толстым слоем снега и засыпавшая балки настолько, что ни автомашины, ни трактора сюда пробиться не могли. За ними следили и общались по телефону работники заповедника, сотрудники университета, Орловской администрации. В конечном итоге аспиранты и студенты по заснеженной степи прошли пешком более десяти километров до посёлка Волочаевский и успели встретить Новой год в Ростове.

В июле 1996 года более десяти дней экспедиция из девяти человек жила в брошенном доме с одной комнатой в хуторе Рунный. Весь день проводили в степи, а вечером обрабатывали собранный биологический материал. Немногочисленные оставшиеся в посёлке жители смотрели на нас, как на чудаков, и приходилось отвечать им на самые различные биологические, политические, экономические и другие вопросы. Единственной связью хутора с крупным поселением Волочаевский была машина «ГАЗ» с цистерной, которой из-за дефицита бензина разрешалось выезжать только раз в день (расстояние — около 10 километров) — за водой, за продуктами, перевозить людей. Наиболее сложным временем для нас была ночь. Ежедневно вечером в 19—20 часов к нам приходило три — пять местных девушек четырнадцати — пятнадцати лет: они выстраивались в линию около двери и молча наблюдали за нашей работой. Не реагируя на реплики студентов и не проронив ни одного слова, они в одиннадцать вечера уходили домой, не попрощавшись.

Слева направо: сидят Морозова Н. О., Миноранский В. А., Евсюков А. П., Хисаметдинова Д. Д.; стоят: Тихонов А. В. и студенты истфака РГУ. 23 июля 2004 г.

Спальным ложем для всех был пол, покрытый сеном. Укладывались в двенадцать — в час, но сон был недолгим. Уже в четыре нас будили мухи, которые обитали здесь в огромном количестве, и местный «абориген» (бывший пастух), приходивший с бутылкой самогона и пытавшийся уговорить нас его попробовать. Час-другой мы пытались избавиться от назойливого гостя. Эти мелкие неприятности многократно окупались походами, встречами с розовыми скворцами, большими тушканчиками, тарбаганчиками и другими редкими для ростовчан животными.

В следующий раз экспедиция разместилась на брошенной ферме в полуразрушенном чабанском домике с выбитыми стёклами, поломанными дверьми на берегу озера Маныч-Гудило. Опять, кроме постеленного на полу сена и массы насекомых, ничего не было, кровати заменяли спальные мешки, а рабочий и кухонный столы — сложенные кирпичи.

Неподалёку располагался брошенный пионерлагерь для детей восточных районов об-

ласти. Лагерь недавно построили, он выглядел совершенно новым: деревянные корпуса, клуб, песчаные аллеи с молодыми кустарниками и деревьями, колодец, пляж с привезённым песком, моторные и гребные лодки. Детям довелось отдыхать в нём только один или два года: с 1995-го эту территорию включили в Островной участок заповедника, а у заповедника и государства в эти трудные годы на содержание пионерлагеря денег не было. В течение нескольких лет здания и оборудование лагеря были разобраны населением. Позднее, уже при втором директоре заповедника, кандидате сельскохозяйственных наук Людмиле Владимировне Клец, здесь появились наблюдательная вышка, стоянка для автомашин, беседка, красочные аншлаги, каменная баба, информационные щиты, причал, перевозивший на остров Водный паром: там жили мустанги.

Пешком и на лодках мы исследовали животный мир и растительность, собирая гербарий, проводя учёты птиц и млекопитающих, делая почвенные раскопки для выявления живущих в земле и на её поверхности членистоногих, совершая укосы сачками для сбора насекомых, отлавливая млекопитающих с помощью цилиндров, давилок и капканов, используя другие методы для сбора информации.

Неоднократно посещали остров с мустангами, которые сейчас — бренд заповедника обросшего множеством легенд. Эти лошади в количестве пять — семь голов остались на острове в период его образования в 1953 году при затоплении озера водой. От них и пошёл современный табун, а ведь его численность до создания заповедника не поднималась выше нескольких десятков особей [8] Поголовье табуна регулировали браконьеры, волки и погодные условия.

В те годы, найдя этот табун, члены экспедиции подходили к нему на расстояние 400—500 метров, после чего гаремный самец Барон шёл к нам навстречу и, не доходя 100—200 метров, останавливался. Это противостояние продолжалось непродолжительное время, после чего мы обычно уходили в сторону, а жеребец возвращался к табуну. В настоящее время количество мустангов и их поведение изменились.

Подобные примеры были нередкими. Биологи не только познавали природу, но и учились целеустремлённости, умению преодолевать трудности.

Благодаря этим экспедициям были выявлены уникальные природные территории донской земли, созданы заказники и памятники природы, которые позднее получили освещение в монографиях и сводке Ростоблкомприроды Ростовской области [9].

Зоологи университета дали подробную характеристику водно-болотных угодий международного значения «Озеро Маныч-Гудило» и «Весёловское водохранилище», вошедших во всероссийские и международные сводки ценных угодий, подготовили сводки по редким и ценным живым организмам, Красную книгу Ростовской области, описали ценные в отношении птиц территории, включённые в отечественные и международные сводки по Ключевым орнитологическим территориям России. Многие участники экспедиций стали известными учителями, работниками музеев, кандидатами и докторами наук, профессорами, ведущими специалистами научных центров и высших учебных заведений, административных и иных структур в нашей стране и за рубежом.

ЧУВСТВО СВОБОДЫ

В конце 90-х я привёз в заповедник внучку Катю, которая училась в четвёртом классе, и одиннадцать студентов и аспирантов. После длительного переезда на автобусе Ростов — Подгорная до Волочаевского, а оттуда на берег озера Маныч-Гудило мы остановились в брошенном домике чабанов. Молодёжь начала переносить рюкзаки и оборудование в дом, выстилать сено для постелей, готовить ужин. Катя, выйдя из машины, осмотрелась, как принято в Ростове попросилась пройти к берегу. Я разрешил, — чему она удивилась. После этого она спросила разрешения погулять по степи, на что также получила разрешение. Нагулявшись,

На озере Маныч-Гудило. Слева направо: главный егерь Калмыцкого участка заповедника «Чёрные земли», пострадавший от пеликана, зав. кафедрой зоологии Калмыцкого университета В. Позняк и Катя Малиновская, внучка автора. Конец 1990-х годов. Фото В. А. Минорского

проголодалась. Я посоветовал порыться в рюкзаках и съесть всё, что захочется.

Её изумлению не было предела. А моё согласие объяснялось просто: в открытой степи, где видимость на многие километры, потеряться очень трудно. У нас было принято, что весь багаж — общий, им могли все пользоваться. Ели, спали, ходили на экскурсии все вместе. Ограниченная в своих действиях и поведении в городе, внучка, получив полную свободу, была крайне удивлена, но скоро привыкла.

РОЖДЕНИЕ ЗАПОВЕДНИКА

Вопрос об организации степного заповедника на Дону обсуждался в течение всего XX века. О необходимости его создания писали известные отечественные учёные В. В. Докучаев, Е. М. Лавренко, И. В. Новопокровский, К. М. Залесский, А. Ф. Флёров, В. Ф. Хмелевский, В. Н. Вершковский, А. П. Балаш, Г. М. Зозулин и другие [10].

Они неоднократно исследовали экосистемы донской земли, оценивали их природную значимость, предлагали проекты создания степного заповедника.

Особенно интенсивно данный вопрос поднимался во второй половине XX века. Его неоднократно обсуждали на учёных советах Ростовского государственного университета и Северо-Кавказского научного центра высшей школы, в ростовском отделении Всероссийского общества охраны природы, комиссии по охране природы при АН СССР, ростовском облисполкоме, Главохоте РСФСР, Минприроде России.

Один из проектов организации государственного заповедника в Ростовской области был подготовлен ботаниками и зоологами Ростовского университета в 1979 году, обсуждён на Учёном совете, поддержан президиумом Северо-Кавказского научного центра высшей школы под председательством член-корреспондента АН СССР Ю. А. Жданова и передан в облисполком. Однако начальство его не поддержало, посчитав, что слишком дорогую и ценную в Ростовской области землю нельзя отдавать под заповедник: земли сельскохозяйственного назначения составляют 87,8% от общей площади области [11].

Ухудшение экологической ситуации в стране в 1980—90-х годах обеспокоило население и органы власти. Главохоте РСФСР поручили разработать программу создания в стране системы особо охраняемых природных территорий с доведением общей площади заповедников и национальных парков до 2% территории страны к 1995 году и до 3% — к 2000-му [12]. Был подготовлен «Проект рациональной сети государственных заповедников и государственных природных национальных парков на территории РСФСР на период до 2000 г.», в который вошёл и степной заповедник в Ростовской области.

Учёные и специалисты по охране природы проанализировали ранее подготовленные проекты по созданию степных заповедников на Дону, оценили состояние экосистем на разных территориях, перспективы влияния на них заповедного режима и передали свои предложения в Госкомэкологии области. В дальнейшем эти рекомендации обсуждались в районных советах народных депутатов и исполкомах, рассматривались в региональных и федеральных структурах. После длительных переговоров и убеждений в различных административных и научных инстанциях, рекомендации Совета биолого-почвенного факультета Ростовского университета (19 мая 1993 года, протокол № 8) о создании заповедника в районе озера Маныч-Гудило поддержали в Госкомэкологии. Снова приглашались сотрудники Центральной проектно-изыскательской экспедиции для определения границ заповедника и составления проекта. Активное участие в его реализации приняли профессор РГУ В. А. Миноранский, председатель Ростоблкомприроды В. Н. Агеев и глава администрации Орловского района А. В. Чекин. В 1995 году весь пакет документов подготовили, по представлению администрации области передали в Правительство РФ, и в том же году заповедник «Ростовский» был создан [13].

НАЛАЖИВАНИЕ РАБОТЫ

Природоохранное законодательство обросло многочисленными дополнениями, нормативно-правовыми и другими поправками. В ряде случаев они имеют противоречивый для охраны природы характер и создают условия для вседозволенности и коррупции.

Работавшие в охране биоразнообразия специалисты ушли из этого направления: одни из-за преклонного возраста, другие — из-за недостаточного материально-финансового обеспечения. В природоохранных структурах место биологов заняли юристы, экономисты, инженеры. Снизилось качество подготовки специалистов. Эти и другие причины и, прежде всего, финансовые трудности, осложняли нала-

живания природоохранной деятельности в Ростовской области.

Большую активность в формировании заповедника проявил первый его директор Алексей Валентинович Чекин. Он приобрёл и отремонтировал офисное помещение в посёлке Орловском, построил визит-центр в посёлке Волочаевский, на отдельных участках заповедника организовал инспекторские кордоны, подобрал коллектив сотрудников, провёл работы по обозначению границ участков заповедника, по разъяснению населению его задач.

Уже в первые годы Чекин начал налаживать связи по охране природы в заповеднике с различными структурами области. Прежде всего, заключил договор о совместной научной деятельности в заповеднике с зоологами университета, работавшими прежде на этой территории.

На рубеже веков в Ростовской области родилась ассоциация «Живая природа степи», основным направлением работы которой является объединение разных структур и координация их природоохранной деятельности, охрана и восстановление биоразнообразия, сохранение ценных пород домашних животных, экопросвещение и экотуризм [14].

Ассоциация разработала «План мероприятий по устойчивому развитию природного комплекса "Маныч", включая водно-болотные угодья международного значения "Веселовское водохранилище" и "Озеро Маныч-Гудило" (ВБУ), Государственный природный заповедник "Ростовский" и его охранную зону», утверждённый губернатором области.

Работая в тесном контакте с заповедником, Ассоциация помогает ему организационно и материально, участвует в развитии научных исследований, проведении различных экологических акций для населения. Благодаря содействию Ассоциации были сооружены скважины и причал для переправы на остров, обеспечены в зимнюю пору сеном и зерном мустанги. В охранной зоне организован стационар ассоциации с полувольным выпасом бизона, лошади Пржевальского, антилопы канны и прочих животных, в хуторе Кундрюченском — вольерный Центр редких животных европейских степей с сайгаком, дрофой и прочими представители степного животного царства.

В посёлке Маныч при её поддержке создан научно-экспедиционный стационар «Маныч» Южного научного центра Российской академии наук.

Заповедник и Ассоциация заключили договора с Министерством природных ресурсов и экологии Ростовской области, администрациями Орловского, Пролетарского, Ремонтненского и других районов, коммерческими и общественными структурами, вузами, заповедниками, зоопарками со специалистами по сохранению и восстановлению животного мира, способными оказать помощь.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРИРОДНЫХ ЭКОСИСТЕМ

Деятельность заповедника при поддержке Ассоциации, государственных и общественных структур позволила за десять — пятнадцать лет на месте антропогенно опустыненных степей восстановить природные экосистемы. Здесь выявлено более 500 видов сосудистых растений (то есть имеющих сосуды или трубки, по которым внутри них переносится вода и питательные вещества: споровые, хвойные, цветковые), большие площади занимают полыни, катраны, касатики, ковыли, тюльпаны и другие растения. Из них девять видов — со статусом охраняемых на территории РФ и двадцать два — на территории Ростовской области.

Степной травостой восстановился, хотя в несколько ином качественном и количественном составе, чем несколько десятилетий назад. В нём преобладают растения, приспособленные к жизни на умеренно увлажнённой почве, имеется значительное количество сорных, довольно высока травянистая растительность на кормовых угодьях.

В заповеднике отмечено более 2, 5 тысяч видов членистоногих, 267 видов птиц, 34 вида млекопитающих и многих других животных [15, 16]. По мере восстановления растительности росла численность гнездящихся особей серой куропатки, перепела, степного жаворонка, зайца, лисицы и других животных. Регулярно в массовом количестве появляется полёвка общественная, встречается ондатра и другие грызуны, обитают енотовидная собака, ласка, каменная куница, проникают шакал, барсук, кабан, косуля...

Уже в первое десятилетие существования заповедника на водоёмах с тростниковой растительностью размножались серый гусь, лебедь-шипун, кряква, нырки, поганки, лысухи, цапли, и численность их возросла. Во время послегнездовых и предотлётных концентраций увеличилось количество огаря, пеганки и иных утиных, ряда чаек, крачек, куликов, серого журавля, журавля-красавки, стрепета, а в период миграций — серого и белолобого гусей, краснозобой казарки, пискульки и других видов.

Возросло количество многих редких и ценных видов. Здесь размножаются аскалаф пёстрый, боливария короткокрылая, богомол пятнистокрылый, дыбка степная, скакун элегантный, венгерская и бессарабская жужелицы, гигантский тафоксенус, тёмный диксус, рогатая жужелица, элегантный корнегрыз, волнистый брахицерус, бородавчатый омиас, острокрылый слоник, степной граптус, четырёхпятнистый стефаноклеонус, леукомигус, степной стильбум, пчела-плотник, степная сколия, компсосколия, юго-восточная пестрянка, красноточечная медведица, шпорниковая совка, гигантский ктырь, разноцветная ящурка, желтобрюхий, четырёхполосый и узорчатый полозы, обыкновенная медянка, степная гадюка, кудрявый и розовый пеликаны, колпица, серая утка, дрофа, ходулочник, шилоклювка, орлан-белохвост, филин, ушастый ёж, тарбаганчик, емуранчик, корсак, южнорусская перевязка и другие редкие виды, включенные в Красные книги РФ и Ростовской области [17]. Снова загнездились курганник, черноголовый хохотун, чеграва, начала размножаться дрофа.

Сохраняющиеся и размножающиеся на территории заповедника организмы, расселяясь в другие районы, увеличивают на юге численность редких и охотничьих животных, опылителей растений (например, дикие пчёлы, шмели), перепончатокрылых, двукрылых, жужелиц, пауков, насекомоядных птиц, уничтожающих вредителей культурных растений, почвообразователей.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Важная задача заповедника — не только восстановление и сохранение природных экосистем, но и выяснение происходящих в ней изменений под влиянием деятельности людей и природных факторов, разработка мероприятий по сохранению биоразнообразия, определение роли заповедника в антропогенном ландшафте.

Природа его территории исследовалась биологами Ростовского государственного университета с середины XX века. Их деятельность активизировалась в 1990-е, когда заповедник «Ростовский» проектировался и создавался, а преподаватели и студенты кафедры зоологии вели исследования по изучению его фауны.

Экспедиции кафедры, включающие сотрудников, аспирантов и студентов несколько раз в году обследовали животных. К работам на территории самого заповедника и его охранной зоны,называемых Манычский природный комплекс, привлекли специалистов и учёных из университета, Южного научного центра, Ассоциации.

Здесь вели наблюдения академики Российской академии наук Г. Г. Матишов, В. В. Рожнов и А. А. Чибилёв, профессора Б. Д. Абатуров, Н. Н. Дроздов, В. М. Неронов, Ю. Н. Арылов, Т. Н. Бабкина, специалисты Санкт-Петербургского, Ставропольского, Волгоградского, Нижегородского, Тамбовского, Калмыцкого и Кубанского университетов, Мичуринского педагогического института, Российского государственного аграрного университета им. К. А. Тимирязева и других научных центров.

Заповедник поддерживает связи со специалистами в области охраны природы из США, Нидерландов, Израиля и других стран. Приезжали учёные Армении, Польши, Германии, Испании, Канады. В 2003—2011 годах ежегодно вела наблюдения за птицами профессор Гавайского университета в Маноа Вирджиния Беннетт.

Японские (2001) и немецкие (2012) специалисты — исследователи мустангов, сняли о них кинофильмы. А в 2012-м к нам пожаловал президент Географического общества Аргентины Дарио Сесар Санчес, сравнивший пампасы с нашей степью по растительности и животному миру, климату, хозяйственной деятельности.

К настоящему времени заповедник исследован достаточно хорошо. Научные сотрудники заповедника, Ассоциации, ЮФУ, ЮНЦ РАН, АзНИИРХа и других научных центров выяснили состав и относительную численность растений, рыб, пресмыкающихся, птиц, млекопитающих. Большой материал собран по беспозвоночным. Обследованы гидробионты озера Маныч-Гудило и других водоёмов. Полные сведения собраны по паукам.

При поддержке Ассоциации, Южного научного центра, администрации области заповедник организовал и провёл несколько международных совещаний и научно-практических природоохранных конференций.

Собираемый материал по природным явлениям и биоразнообразию после обработки и анализа входит в ежегодную летопись природы заповедника, в научные публикации, монографии, диссертационные работы. С 2002 года заповедник издаёт сборники своих научных трудов.

Базой для производственной практики студентов ЮФУ, МГУ, РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева и других вузов страны являются посёлки Маныч и Волочаевский. К 2010 году в заповеднике производственную практику прошли 342 студента, более двухсот подготовили курсовые, дипломные и магистерские работы, 12 — защитили диссертации.

В последнее десятилетие количество студентов и соискателей разных степеней, собираю-

щих здесь материалы для своих дипломных, магистерских, кандидатских и докторских работ значительно возросло.

ЗАЩИТА ЗАПОВЕДНИКА

Формирующемуся в эти трудные годы заповеднику повезло с директором.

Алексей Валентинович Чекин родился в посёлке Орловский и всю свою жизнь связал с юго-восточными районами области. Работал водителем, служил в армии, учился в Азово-Чер-

А. В. Чекин с птенцом серой цапли и Катя Малиновская на острове Прибрежный (Заливной). Охранная зона заповедника. 25.06.1997 г.

номорском институте механизации сельского хозяйства. Главный инженер колхоза «XXII партсъезда» и районной сельхозтехники, директор совхоза «Ленинец», начальник Орловского экспериментального сельского строительного комбината — вехи трудовой биографии А. В. Чекина. В 1986 году его избрали председателем исполкома Орловского районного Совета депутатов, в 1991-м — главой администрации Орловского района, в 1993-м — атаманом Орловского юрта Сальского округа, а с декабря 1996 года назначили директором заповедника.

Подполковник в отставке А. В. Чекин награждён правительственными наградами различных уровней, в том числе медалью «За трудовую доблесть».

Первыми сотрудниками стали участковый инспектор-водитель Н. А. Дреев, старший инспектор Г. В. Иноземцев, главный бухгалтер О. Г. Кирнос и другие. В 1998 году в штат зачислили первого научного сотрудника И. И. Гизатулина, в 2002-м — В. В. Стахеева. Уже в 1996 году на Островном и Стариковском участках создали кордоны для егерей, приобрели автомашину и гребную лодку, организовали охрану. В следующем году в Орловском приобрели офисное здание. В 1999-м в Волочаевском построили двухэтажное здание визит-центра с помещениями для организационной и научной работы, проживания. В последние годы иногда приходится слышать, что здание требует ремонта и обвиняют в этом первого директора. Обвинители забыли или не знают, что оно строилось в годы разрушения и разорения страны, когда заповедники не финансировались государством в необходимом объёме: им выделяли деньги только на зарплату, да и те иногда задерживали. Визит-центр строился на энтузиазме, настойчивости, упорстве и связях Чекина и первых сотрудников. Здание стоит до сих пор — и благодаря директору заповедника Л В. Клец и сотрудникам реконструируется, облагораживается. В 2017-м здесь устроили прекрасный информационно-туристический центр, и он уже успел познакомить с историей, красотой, природными богатствами донской земли, включая заповедник, тысячи экотуристов и других гостей заповедника.

Алексей Валентинович приложил много усилий для привлечения к нормальной работе заповедника специалистов из вузов, академических организаций. Создавая возможности работы для своих и приглашённых, он строго контролировал их деятельность.

Вот пример. Один из сотрудников заповедника проводил большую часть времени в Орловском, а на участках заповедника бывал не часто. Директор периодически брал его с собой, довозил на машине до дальних участков и оставлял возмущающегося на кордоне на неделю. Транспорт в степи встречается редко, и приходилось работнику заниматься наблюдениями в природе до приезда начальства. В конце концов, этого сотрудника уволили.

Экспедиции зоологов, работающих в заповеднике, Чекин посещал регулярно: К нам относился хорошо, оказывал помощь с транспортом, оборудованием, питанием. В разговорах был прямолинеен, доброжелателен, в спорах иногда повышал голос, не всегда следил за выражением эмоций, чем смущал молодых девушек.

С 50-х годов XX века браконьеры регулярно отстреливали одичавших лошадей на острове Водный. После того как остров вошёл в состав заповедника инспекторам пришлось в течение нескольких лет приложить много усилий для защиты мустангов. Большим резонансом закончилась попытка коллективной охоты браконьеров на джипах и моторных лодках из соседней республики и высокопоставленных чинов из Саратовской области. Коллектив инспекторов задержал браконьеров, несмотря на наличие у них оружия, документов и не пугаясь угроз. Ружья и катера отобрали, составили протоколы, о чём сооб-

щили в административные органы и СМИ, узнал об этом губернатор Ростовской области. Больше с подобным браконьерством на мустангов сталкиваться заповеднику не приходилось.

Много сил и времени заняло налаживание взаимоотношений с охотниками.

Усилиями А. В. Чекина и зоологов была создана буферная зона с площадью 74 350 га, принято постановление губернатора, согласно которому охота и хозяйственная деятельность на этой территории ограничивалась [18]. Вместо бывших охотничьих угодий охотникам выделили земли за пределами заповедника. К сожалению, эти договорённости в дальнейшем не выполнялись и природоохранный режим регулярно нарушался. Результатом усилий Ассоциации и заповедника стало запрещение охоты сроком на пять лет [19].

По мере восстановления природных экосистем в заповеднике и его охранной зоне увеличивалась численность куропаток, перепелов, зайцев, лисиц, уток, гусей и других охотничьих животных, возрастало количество редких и ценных видов. За пределами охранной зоны заповедника разрешили охоту. Однако охотников больше интересовала охранная зона. Сторонники охоты использовали все дозволенные и недозволенные приёмы, откровенную ложь.

Межрегиональная конференция по оптимизации сохранения и использования гусеобразных Кумо-Манычской миграционной остановки (15 июня 2010 года, Элиста) постановила «рекомендовать Администрации РО продлить запрет охоты на территории охранной зоны ГПБЗ "Ростовский"». В защиту охранной зоны в адрес администрации области поступили письма от многих учёных и специалистов [20].

Несмотря на все эти протесты, без согласования с заповедником председатель Правления Орловского общества охотников и рыболовов М. Н. Легусов с 18 сентября 2010 года выдал охотникам путёвки для открытия охоты на пернатую дичь в охранной зоне.

Накануне, 15—17 сентября, сотрудники заповедника и Ассоциации вместе с биологами Южного федерального университета обследовали богатый птицами пруд Докторский и отметили здесь 50 пеганок, 15 огарей, 40 лысух, 12 серых гусей, 6 лебедей-шипунов, 30 нырков, 140 крякв и других пернатых. На этом пруду регулярно выставлялись искусственные гнёзда, велась подкормка и строгая охрана птиц, что позволяло им концентрироваться здесь в большом количестве.

20 сентября провели обследование пруда вместе с инспекторами заповедника. На берегу нашли пепел кострищ, разбитые бутылки, мусор, лежащего на земле убитого лебедя (не хватило ума его хотя бы закопать в землю), а на воде семь серых цапель. Пруд был пустой; в следующем году на нём уже было значительно меньше птиц, чем обычно.

Попытались охотники проникнуть и на территорию Ассоциации, где благодаря строгой охране, регулярной подкормке животных, прудам с укрытиями, обилием водных видов и достатку различного корма держалось множество птиц. Однако их сюда не пустили, после чего они, возмутившись, разбросали стреляные гильзы около шлагбаума и стали говорить об этой территории, как месте для охоты больших начальников и вип-персон

Ложную информацию они распространили в региональных СМИ.

На защиту природы встали сотрудники заповедника и Ассоциации.

12 октября 2010 года прокурор Ростовской области выдал представление главе администрации области об устранении нарушений при открытии охоты в охранной зоне заповедника «Ростовский». Началась служебная проверка по фактам нарушения. Состоялись суды по лжесвидетельству работников Орловских СМИ и была признана их виновность.

Суд наложил на председателя Правления Орловского общества охотников и рыболовов большой штраф, а работников районных СМИ заставил извиниться перед населением за ложную информацию.

По инициативе Ассоциации и поддержке специалистов появилось распоряжение администрации Ростовской области от 11.11.2010 г. № 276 «Об установлении запрета охоты на части территории охранной зоны государственного природного заповедника "Ростовский" в Орловском районе».

К сожалению, с подобными проблемами и сложностями при решении природоохранных вопросов специалисты сталкиваются часто.

Большое внимание борьбе с нарушениями природоохранного законодательства в заповеднике уделяется директором Людмилой Владимировной Клец.

Современное успешное состояние заповедника — заслуга Л. В. Клец и её сотрудников.

Уже много лет не наблюдается отстрела мустангов.

Часть хозяйственников оградило пастбища электропастухами и всячески избегает выпаса овец в заповеднике и их перевыпаса в охранной зоне, в посёлке Маныч убрано большое стадо овец, что позволило защитить от деградации

Заседание общественного совета государственного заповедника «Ростовский»: директор Л. В. Клец (справа), зам. директора по научной работе А. Д. Липкович отчитывается о научной работе заповедника за 2017 год

большую территорию и сохранить на ней естественный травостой, стрепета и ряд других ценных животных.

Строго охраняются гнездовые колонии пеликанов, колпиц, черноголового хохотуна, чегравы и других птиц на острове Прибрежный.

Охранную зону ежегодно посещают тысячи экотуристов, во время экологических фестивалей и других крупных акций формируются инспекторские посты, контролирующие наиболее посещаемые экотуристами участки. В последнее десятилетие трудно встретить сорванные людьми тюльпаны, ирисы, ковыли и другие растения.

3 февраля 2008 года заповедник «Ростовский», созданный на антропогенно опустыненных землях, получил статус природного резервата ЮНЕСКО и был включён во Всемирную сеть биосферных резерватов.

Учитывая успешную деятельность заповедника, Министерство природных ресурсов и экологии РФ в 2011 году передало в его подчинение государственный природный заказник федерального значения «Цимлянский» и возложило на него соблюдение режима особо охраняемых природных территорий [15, с. 7—8]. В 90-е годы этот заказник пришёл в упадок и стал местом массового браконьерства. Мелководья по берегам полуострова являются важным местом концентрации и нереста рыбы в Цимлянском водохранилище. Сотрудники заповедника в течение относительно короткого периода времени восстановили режим охраны наземного животного мира в заказнике, организовали проведение биотехнических мероприятий.

В 2012 году на его территории был реализован проект «Браконьерские сети — угроза редким видам пресных вод Государственного природного заказника федерального значения «Цимлянский», поддержанный грантом Всемирного фонда дикой природы (WWF). Были выбраны многие километры брошенных сетей с погибшей рыбой, проведена большая работа с рыбаками и другими нарушителями незаконной рыбной ловли, с администрациями районов, государственными и общественными инспекторами.

Сегодня заповедник — основной природоохранный центр на Дону.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Агроклиматический справочник по Ростовской области. Л. : Гидрометеоиздат, 1961. С. 26.

2. *Круглова В. М.* Пролетарское водохранилище. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1972.

3. О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоёмов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР : постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20.10.1948 № 3960. URL: https ru.wikisource.org/wiki/

4. *Федин А. Е.* Антропогенные изменения и охрана природы Северного Кавказа // Природные условия и естественные ресурсы. Ростов н/Д., 1986. С. 341.

5. *Гизатулин И. И.* Журавли долины Западного Маныча // Птицы Южной России. Ростов н/Д,, 2002. С. 68.

6. *Миноранский В. А., Габунщина Э. Г.* Уникальные экосистемы: озеро Маныч-Гудило. Элиста, 2001. 239 с.; *Зонн И. С.* Республика Калмыкия — Хальмг-Тангч — европейский регион экологической напряжённости // Биота и природная среда Калмыкии. М. ; Элиста, 1995. С. 164—168.

7. О мерах по обеспечению выполнения обязательств Российской стороны, вытекающих из конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитания водоплавающих птиц от 2 февраля 1971 г. : постановление правительства Российской Федерации от 13.09.1994 №1050 URL: https://base.garant.ru/2108458/

8. *Миноранский В. А., Узденов А. М.* Одичавшие лошади острова Водный (озеро Маныч-Гудило, Рост. обл., Россия) // Вісті Біосферного заповідника «Асканія-Нова». (Біосферный заповідник «Асканія-Нова», Україна). Т. 13. [Киев], 2011. С. 135—145.

9. *Миноранский В. А., Тихонов А. В.* Особо охраняемые природные территории Ростовской области и обоснование создания их системы

для сохранения биоразнообразия. Ростов н/Д., 2002. 183 *с; Миноранский В. А., Дёмина О. Н.* Особо охраняемые природные территории Ростовской области. Ростов н/Д., 2002. 372 с.

10. *Докучаев В. В.* Русский чернозём : Отчёт Вольному экон. о-ву. СПб., 1883. *Бородин И. П.* Охрана памятников природы, СПб., 1914; *Залесский К. М.* Материалы к познанию растительности донских степей. Ростов н/Д., 1918; *Арциховский В. М.* Об организации на Дону степных заповедников и научной станции при них : (докл. общ. собр. Новочеркас. отд-ния Рус. ботан. о-ва, 18 дек. 1918 г.). Новочеркасск, 1919; *Новопокровский И. В.* Краткий отчёт о деятельности Новочеркасского отделения Русского ботанического общества по организации на Дону степных заповедников // Журн. Новочеркас. отд-ния Рус. ботан. о-ва. Т. 1., вып. 1. Новочеркасск, 1919. С. 12—18; *Его же.* К вопросу об устройстве степных заповедников на Дону и Северном Кавказе // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 3-4. С. 13—17; *Новопокровский И. В., Богданов И. М.* К организации степного заповедника в Донецком округе // Издания Донецкого о-ва краеведения при окружном плане и Государственного института по изучению засушливых областей. Новочеркасск, 1928. Вып. 2. С. 1—8; *Новопокровский И. В.* Растительность Сало-Манычского водораздела и Приманычской низменной степи. М., 1931; *Балаш А. П.* Приазовские степи правого берега Дона. Ростов н/Д., 1961; *Лавренко Е. М., Гептнер В. Г., Кириков С. В., Формозов А. Н.* Перспективный план географической сети заповедников СССР : (проект) // Охрана природы и заповедное дело в СССР : бюл. № 3 М., 1958. С. 3—92.; *Зозулин Г. М.* О создании Донского степного государственного заповедника // Ботан. журн. АН СССР. 1961. Т. 46. № 12. С. 1729—1733: *Зозулин Г. М., Балаш А. П., Горбачёв Б. Н.* Наиболее ценные для охраны объекты растительности Ростовской области // Интродукция растений. Ростов н/Д., 1970. С. 41—50; *Зозулин Г. М.* Научные и практические аспекты создания Донского степного государственного заповедника // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Естеств. науки. 1973. № 1. С. 99—102; *Миноранский В. А., Чекин А. В.* Государственный степной заповедник «Ростовский». Ростов н/Д., 2003; *Миноранский В. А., Узденов А. М., Даньков В. И., Малиновская Ю. В.* К истории организации и развития заповедника «Ростовский» // Экосистемный мониторинг долины Зап. Маныча: итоги и перспективы.: Тр. гос. природ. биосфер. заповедника «Ростовский». Вып. 6. Ростов н/Д., 2016. С. 12—40. и др.

11. Экологический вестник Дона «О состоянии окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области в 2017 году». Ростов н/Д. : Ростоблкомприрода, 2018. С. 130.

12. О неотложных мерах экологического оздоровления страны : постановление Верховного Совета СССР от 27 нояб. 1989 г. // Изв. 1989. 3 дек.

13. Об учреждении в Ростовской области государственного природного заповедника «Ростовский» Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации : постановление правительства РФ от 27 дек. 1995 г. N 1292. URL: https://www.lawmix.ru/expertlaw/244351

14. *Миноранский В. А., Даньков В. И., Толчеева С. В., Малиновская Ю. В., Безуглова Е. А.* Ассоциация «Живая природа степи» и её роль в охране биоресурсов Дона. Ростов н/Д. : Foundation. 2015. 104 с.

15. *Клец Л. В.* Итоги 20-летней деятельности Государственного природного заповедника «Ростовский» // Экосистемный мониторинг долины Западного Маныча: итоги и перспективы : Тр. гос. природ. биосфер. заповедника «Ростовский». Вып. 6. Ростов н/Д., 2016. С. 5—12.

16. *Миноранский В. А., Даньков В. И.* Трансформации в орнитофауне заповедных территорий на примере заповедника «Ростовский» // Биологическое разнообразие азиатских степей : материалы III междунар. науч. конф. (г. Костанай, Казахстан, 24—27 апр. 2017 г.). Костанай, 2017. С. 247—250.

17. Красная книга Российской Федерации : (Животные). М., 2001. 864 с.; Красная книга Ростовской области. Т. I. : Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения животные. Ростов н/Д., 2004. 364 с.; Красная книга Ростовской области. Т. I. Животные. Изд. 2-е. Ростов н/Д., 2014. 280 с.

18. Об охранной зоне государственного природного заповедника «Ростовский» на территории Орловского района Ростовской области» : постановление Гл. адм. Рост. обл. от 04.11.2000 №417 URL: http://docs.cntd.ru/document/804914782

19. О запрещении охоты на территории Западного Маныча l : распоряжение Гл. адм. Рост. обл. 01 авг. 2005 г. № 88. В ред. от 06.10.2009 № 294. URL: http://infocourt.ru/d/a_rostovskaya-oblast/c_glavoy-administracii-rostovskoy-obl/25376787/o-zapreschenii-ohoty-na-territorii-zapadnogo-manycha.htmlhttp://infocourt.ru/d/a_rostovskaya-oblast/c_glavoy-administracii-rostovskoy-obl/25376787/o-zapreschenii-ohoty-na-territorii-zapadnogo-manycha.html

20. *Миноранский В. А., Абдурахманов Г. М.* Десять лет природоохранной деятельности ассоциации «Живая природа степи» // Юг России: экология, развитие. 2014. № 1. С. 6—16.

А. В. ШАДРИНА

КЛАСС ИКОНОПИСАНИЯ В ДОНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

(конец XIX века)

Донская духовная семинария, Новочеркасск. Конец XIX в. Из фонда ГАРО

Донская духовная семинария, учреждённая в 1868 году, к концу XIX века стала крупнейшим духовным учебным заведением Юга России. В ней воспитывались выдающиеся богословы, миссионеры, иерархи Русской православной церкви. В качестве преподавателей здесь трудились видные учёные и общественные деятели. Среди них особенно выделяются протоиерей Евграф Михайлович Овсянников — кандидат богословия, преподаватель обличительного богословия, автор исследований по истории Русской православной церкви и духовного образования на Дону; священник Михаил Дмитриевич Ерхан — преподаватель церковного пения, регент Архиерейского хора Донской и Новочеркасской епархии, известный донской церковный композитор; Андрей Александрович Кириллов — кандидат богословия, статский советник, инспектор и преподаватель греческого языка, автор значительного числа исследований, посвящённых истории Дона; Александр Лукич Крылов — магистр богословия, преподаватель основного, догматического богословия и калмыцкого языка, автор работ по истории Дона и истории донских калмыков; протоиерей Николай Петрович Кутепов — магистр богословия, преподаватель обличения русского раскола и ересей, выдающийся миссионер, основавший на Дону Миссионерскую школу; Николай Васильевич Лысогорский — магистр богословия, статский советник, преподаватель латинского языка, автор книг «Митрополит Платон Левшин как противораскольнический деятель» и «Единоверие на Дону в XVIII и XIX в (по 1883 г.)»; Николай Петрович Снесарёв — кандидат богословия, преподаватель церковной истории, истории Российской церкви и практического руководства для пастырей, автор не потерявшей и сегодня своего значения книги «Донская епархия и десятилетнее управление ею архиепископа Платона».

Выдающиеся преподаватели Донской духовной семинарии, преуспевшие в преподавании богословских наук, не могли не оказать благотворного влияния на воспитанников. Однако помимо богословских дисциплин руководство духовного учебного заведения, начиная с его ректора протоиерея Митрофана (Симашкевича), большое внимание уделяло и другой стороне образовательного процесса — эстетическому воспитанию. Так, в 1885 году по инициативе протоиерея Митрофана (Симашкевича) в ка-

Архимандрит Митрофан (Симашкевич). 1904—1906 гг. Опубликовано: Чибисова С.П. История православных храмов Новочеркасска. Ростов н/Д., 2013. С. 277.

честве дополнительной дисциплины по выбору учащихся в Донской духовной семинарии было введено иконописание.

В начале 1880-х годов в духовных семинариях Русской православной церкви началось движение за обучение иконописи. Иконописание не предполагалось уставом духовных семинарий, поэтому такие классы в семинарских отчётах всегда числились со статусом «сверх программы», т. е. занимались в них воспитанники семинарий исключительно по желанию. Открытие класса иконописания предполагало местное финансирование, которое обеспечивалось решением епархиальных съездов духовенства.

В духовных семинариях Юга России классы иконописания начали открываться с 1883 года. Так, 24 ноября 1883 года последовало определение Св. Синода об открытии такого класса в Воронежской духовной семинарии [1, л. 4]. В декабре 1888 года класс иконописания был открыт в Екатеринославской духовной семинарии [1, л. 12].

Вопрос об обучении воспитанников Донской духовной семинарии иконописному мастерству стали обсуждать зимой 1885 года. В прошении на имя архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана (Вицинского) Правление семинарии обосновывало желательность открытия класса иконописания не только «изысканием мер к наилучшей постановке дела воспитания учащихся» и «потребностью ознакомить воспитанников с характерными особенностями православного иконописания» [1, л. 6], но, главным образом, миссионерскими целями. По мысли членов Правления, знание воспитанниками основ православного иконописания будет служить «фактическим и осмысленным противодействием» распространению между населением Области войска Донского раскольнической иконописи [1, л. 6], что было для того времени весьма актуальной и насущной проблемой.

14 марта 1885 года Правление семинарии представило архиепископу Митрофану в должности учителя иконописания бывшего воспитанника «рисовальной школы» Киево-Печерской лавры Маркиана Давыдовича Розанова [1, л. 6]. Получив благословение Преосвященного, он приступил к исполнению обязанностей с 19 августа 1885 года [2].

15 апреля 1885 года на утверждение архиепископа также была представлена смета на открытие иконописного класса. Она составила 157 руб. 13 к. единовременно на покупку необходимых пособий, 200 руб. ежегодно на жалованье учителю и 50 руб. в год «на поддержание школы иконописания» [1, л. 6].

8 июня 1885 года архиепископ Митрофан подал представление в Учебный комитет, а 31 июля Св. Синод вынес определение о разрешении открыть при Донской духовной семинарии класс иконописания [1, л. 8].

Класс иконописания начал свою работу с 1885 — 1886 учебного года и неизменно вызывал интерес у воспитанников. В 1897 — 1898 учебном году в нём занималось 36 учеников [3, л. 15]. Уроки, которых полагалось по два в неделю, проходили в послеобеденное время. Они представляли собой практические занятия под руководством и наблюдением учителя. Как сообщалось в отчёте за этот год, «на уроках иконописания ученики, после подготовительных упражнений в черчении разных фигур и ознакомления с анатомией человеческого тела по <неразб.> рисункам и гипсовым моделям, упражнялись в контурном черчении карандашом разных частей человеческого тела по гравюрам, а также с гипсовых моделей; затем переходили к копированию полных человеческих фигур в разных позах с гравюрных оригиналов карандашом и углём. Более успевающие ученики, которых в отчётном году было 5, упражнялись в писании масляными красками на картоне, полотне и дереве. Означенными учениками за отчётный год написано свыше 20 изображений Божией Матери и святых. Оригиналы для священных изображений заимствовались из «лицевых святцев» (на полотне), изданных Санкт-Петербургским товариществом <неразб.> и из «иконописного альбома» [3, л. 15 об.].

В 1898 году для класса иконописания по прошению преподавателя М. Д. Розанова были закуплены коллекция геометрических тел; рисунки (головы, руки, ноги и проч.); анатомические рисунки [4]. В 1891 — 1892 годах иконописи обучалось 28 воспитанников [5]. В 1893 году М. Розанов к празднованию 25-летия семинарии написал «большую икону Богоматери с Предвечным Младенцем (копия с картины Сорокина)» [6].

В 1899 году в классе иконописи поменялся преподаватель. Вместо М. Д. Розанова эту должность занял Иван Евсигнеевич Соломонов [7, л. 6 об.]. В 1872 году он окончил Московское Строгановское училище технического рисования. С 15 августа 1881-го по 1 сентября 1893 года преподавал чистописание, рисование и черчение в Луганском техническом железнодорожном училище. С 5 октября 1896 года преподавал чистописание и рисование в Донском епархиальном женском училище. В Донской духовной семинарии преподавал с 8 февраля 1899 года [7, л. 6 об.].

Методика преподавания И. Е. Соломонова была следующей: в начале учебного года учащиеся делились на три группы. В первой обучались рисованию с оригиналов свинцовым карандашом. Во второй группе воспитанники рисовали с гипсовых моделей. В третьей учились писать иконы масляными красками. Оригиналами служили: для первой группы литографированные изображения частей человеческого тела школы Жюлиана,[1] для второй — гипсовые модели частей человеческого тела и для третьей — иконы, писанные масляными красками «и отчасти хромолитографированные» [8, л. 2—2 об.]. На уроках иконописания объяснялись «пропорции человеческого тела, способы тушёвки карандашом и графитным соусом; говорилось об освещении, рефлексе, полутени, тени собственной и падающей, и о некоторых приёмах в живописи масляными красками» [8, л. 2—2 об.; 9, л. 4].

Во время руководства классом иконописания И. Е. Соломонова наметилась следующая тенденция: в начале года желающих обучаться иконописи набиралось около 50 человек, а в конце года их количество снижалось до 10—18 человек. Так, в первой половине учебного 1902—1903 года иконописанию обучалось 44 воспитанника, во второй половине — только 12. В 1903—1904 учебном году желание обучаться иконописи изъявили 57 воспитанников, но в продолжение учебного года по разным причинам выбыл 41 человек, в конце учебного года в классе осталось 16 воспитанников [8, л. 2—2 об.].

В 1904 году класс иконописания отчитался следующими написанными иконами:

Свщмч. Дорофея, работа воспитанника III класса Критского Бориса;

Свт. Николая Чудотворца, работа воспитанника III класса Критского Бориса;

Св. ап. и евангелиста Иоанна Богослова, работа воспитанника IV класса Автономова Сергея;

Св. евангелиста Матфея, работа воспитанника V класса Жикича Симеона;

Владимирская икона Божией Матери, работа воспитанника V класса Спевакова Петра;

Преп. Серафима Саровского, работа воспитанника V класса Спевакова Петра [8, л. 2—2 об.].

С 12 февраля 1907 года по 1912 год преподавателем иконописи был Василий Иванович Дмитриев [9, л. 2; 10].

В 1893 году после окончания Донской духовной семинарии он получил свидетельство Императорской академии художеств на право преподавания рисования в низших учебных заведениях, а в 1899-м — на право преподавания рисования в средних учебных заведениях [9, л. 2; 11]. К концу 1907—1908 учебного года в классе иконописания было 18 учеников. Они были разделены на три группы по степени умения в рисовании. В первой группе занимались рисованием с таблиц и оригиналов, во второй — с натуры (гипсовые модели), в третьей — живописью (копирование с олеографических изображений икон) [9, л. 4].

С 1912 по 1916 год класс иконописания возглавлял потомственный почётный гражданин Евгений Алексеевич Козаков [12, л. 7; 13; 14]. Он окончил училище живописи, ваяния и зодчества Московского художественного общества [12, л. 7]. При Е. А. Козакове, также как и при его предшественниках, семинаристы были разделены на три группы, по степени умения в рисовании [12, л. 10 об.].

Определить степень влияния, которое класс иконописания оказал на воспитание семинаристов и тем более на ведение миссионерского дела в Донской и Новочеркасской епархии, сегодня не представляется возможным. Однако существование этого класса вполне оправдывает тот факт, что один из выпускников семинарии продолжил путь, начатый в иконописном классе, и впоследствии стал его преподавателем.

В Донской духовной семинарии обучению иконописанию уделялось большое внимание. Руководство семинарии справедливо считало, что причастность к искусству не только отвлекает учащихся «от праздности и грубых удовольствий», но и уберегает от еще большей проблемы — от участия в революционном движении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1883 г. Д. 31.
2. ГАРО. Ф 352. Оп. 1. Д. 941. Л. 10 об. — 17 об.
3.Там же. Д. 1077.
4. Там же. Д. 1088. Л. 10.
5. Там же. Д. 926. Л. 46—46 об.
6. *Кириллов А. А.* Празднование двадцатипятилетия Донской духовной семинарии : 1 октября 1893 г. Новочеркасск : Дон. тип., 1893. С. 46.
7. ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1264.
8. Там же. Д. 1257.
9. Там же. Д. 1436.

[1] Родольф Жюлиан (*Жулиан*; фр. *Rodolphe Julian*; 1839—1907) — французский художник и педагог, основатель Академии Жюлиана

10. Памятная книжка Области войска Донского на 1912 год / Изд. Обл. войска Дон. стат. ком. Новочеркасск : Обл. войска Дон. тип., 1912. С. 305.

11. ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1498. 1 об. — 5 об.

12. РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 1126.

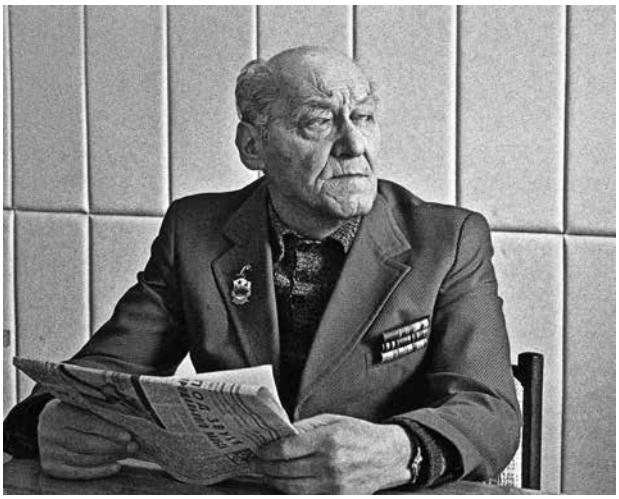
13. Памятная книжка Области войска Донского на 1914 г. Новочеркасск : Электро-тип. Ф. Туникова, 1914. С. 370.

14. Памятная книжка Области войска Донского на 1916 г. Новочеркасск : Обл. войска Дон. тип., 1916. С. 227 — 228.

К. Г. ПАШИНЬЯН

К ВИЗИРУ КАК К ПРИЦЕЛУ

Истории фронтового кинооператора Бориса Маневича



Б. И. Маневич. 1981 год. Ростов-на-Дону. Фото К. Г. Пашиньяна

Передо мной два отпечатка, сделанные с фронтовых кинолент нашего земляка — оператора, ветерана Краснознамённого Северного флота Бориса Исааковича Маневича. На первом — участники знаменитого десанта в Петсамо (ныне Печенга), 1944 год. На втором — эпизод из фильма «69-я параллель»: сопровождение конвоя транспортов с грузами наших союзников, которые направлялись в порты Мурманска и Архангельска.

Два кадра из многих тысяч, снятых в годы Великой Отечественной в панфиловской дивизии и на Северном флоте, на дорогах Польши и в поверженной фашистской Германии.

Его оружие — кинокамера «КС» с пружинным заводом тоже имела боевой «магазин»: кассету на 30 метров плёнки — на одну съёмочную минуту. Минуты эти и составили драгоценную кинолетопись минувшей войны. Кинолетопись, во имя которой каждый пятый фронтовой оператор не вернулся в студию.

Сколько же их погонных метров этой необыкновенной эпопеи? Подсчитано, что почти четыре миллиона. Среди них — метры, добытые во фронтовые годы оператором Борисом Маневичем. Они вошли в фильмы «Десятый удар» и «Победа на Севере», «69-я параллель» и «В логове зверя». Ныне они находятся в киноархивах. А дома у их автора хранился пятиминутный ролик о самом главном в его жизни, в жизни его поколения, — о боях за Родину, о друзьях-товарищах, о Победе.

В памяти фронтового кинооператора жили имена и лица, названия боевых кораблей и освобождённых городов, целые эпизоды — словно написанные самой жизнью сценарии неснятых фильмов. Теперь, через многие годы, истории эти можно воплотить только в игровом кино. Да ещё в устных рассказах, замешивая их на колорите тех лет, щедро пересыпая деталями фронтового быта, лихими морскими побасенками и степенным юмором пехотинцев.

Являясь признанным мастером документального кино, Борис Исаакович высоко ценил искусство фотографии и тепло относился к нам, молодым фотолюбителям, собиравшимся на свои выставки и творческие вечера в Ростовском доме кино. С тех пор, с начала 1980-х, мне посчастливилось знать Бориса Исааковича, одного из великих моих стариков, нередко общаться с ним, записывать его истории. Рассказчиком он был замечательным.

Вспоминаю, как пытался представить фронтового оператора Бориса Маневича в деле, в первые недели после его прибытия на Северный флот.

1942 год. Не успев сменить армейскую форму на морскую, он получает назначение на гвардейский миноносец «Гремящий» для участия в конвое транспортов.

К 100-летию со дня рождения Б. И. Маневича

Слева направо К. Г. Пашиньян и Б. И. Маневич на выставке фотографий Е. А. Халдея. Ростов-на-Дону 18 декабря 1984 г. Фото Е. А. Халдея

«Не пыли сапогами, пехота!» — смеются моряки, исподволь оценивая, не струсит ли новенький в серьезной операции. А действительно, было ли страшно?

«Я снимал все эпизоды нашего похода — и спокойные, и тревожные, — рассказывал Борис Исаакович. В момент съёмки не испытывал ничего, кроме беспокойства: успеть бы снять побольше и поинтересней. Но в те минуты, когда мне приходилось перезаряжать свой киноаппарат и я видел и слышал всё, что творилось вокруг, становилось по-настоящему страшно. А стоило вновь припасть к визиру, — вся муть страха куда-то исчезала и оставалось только возбуждение боя. Одним словом, в первом серьёзном деле вроде бы не подкачал...».

Припасть к визиру.... Не правда ли, словно припасть к прицелу? И вновь невольно просится давно ставшее привычным сравнение: кинокамера фронтового оператора была его оружием.

В рассказах бывшего фронтового кинооператора Б. И. Маневича нет деления на сюжеты серьёзные и смешные, боевые и те, что случались в передышках. Разве возможно такое деление, если устные киносценарии (фильмов снятых и неснятых), — из самой жизни? Из фронтового быта бойцов, который складывался из героического, трагического, смешного.

О Михаиле Иваныче, попросту Мишке, медвежонке, он рассказывал со всей возможной серьёзностью.

«В одном из боевых походов эсминца "Гремящий" на Новую Землю зимовщики подарили команде маленького белого медвежонка. С разрешения командования его оставили на корабле и он прижился, доставляя морякам много радости.

Перво-наперво Мишка освоил сигналы боцманской дудки. С особым удовольствием — "обеденную", матросы называли ее "бочковой тревогой". Как только играли эту "дудку", медвежонок галопом мчался на камбуз. Впрочем, и от построений не увиливал. Когда звучал сигнал "захождение", спешил к трапу, где вахтенный офицер по команде "смирно" встречал флотское начальство. Мишка становился на задние лапы, тоже "отдавая честь".

Одной из забав команды была борьба с Михаилом Иванычем. На корме собирались все, кто был свободен от вахты. И начиналось... Борец он был азартный! Упорно шёл к победе, не гнушаясь даже "запрещёнными приёмами": выпускал когти. Правда, делал это крайне редко, лишь оказавшись прижатым к палубе.

Вскоре, однако, выяснилось, что особым геройством Михаил Иваныч не отличается.

Было это при первой же настоящей тревоге. Команда по сигналу разбежалась по своим боевым местам. Мишке очень понравилась эта суета. Он тоже побежал и устроился на прожекторном мостике, поблизости от спаренной пулемётной установки.

Появились самолёты противника. Установка "заговорила". И я увидел, как перепугался медведь: закружился на месте, шерсть поднялась дыбом, и он помчался по направлению к каюте, к спасительной боцманской каюте, где под койкой (по-флотски — банкой) было оборудовано его место.

После отбоя Мишку никак не могли вытащить на палубу. Он был перепуган и взъерошен. Не помогали сахар и ласковые уговоры. И всё же команде удалось помочь Михаилу Иванычу перебороть страх. Он вышел на палубу и старательно обследовал её, убеждаясь, что ничего страшного не произошло. Однако с тех пор твёрдо знал "дудку" боевой тревоги и всякий раз стремглав бросался в каюту.

Мишка вырос в крупного и сильного зверя. На корабле стали задумываться о том, куда бы его определить.

...Той полярной ночью наш корабль стоял у стенки в порту. Михаила Иваныча свели на берег — чтобы почувствовал землю, отдохнул от палубы. Привязали к швартовой тумбе. Да привязали плохо. Медведь отвязался и пошёл от причала к посёлку. Случилось так, что вышел на военные склады, охраняемые часовым. Часовой окликнул: "Стой! Кто идёт?". Медведь услышал человеческий голос и пошёл на него, став на задние лапы. Часовой выстрелил....

Такой грустный конец весёлой истории о белом медвежонке. С тех пор с болью читаю и слышу рассказы о том, как люди приручают ди-

ких зверей. Их место на воле, а не в квартире, не на корабле».

О Михаиле Иваныче осталась память. Да метры кинопленки, которые вошли в фильм «69-я параллель».

Среди наград фронтового кинооператора Бориса Исааковича Маневича есть орден Отечественной войны II степени. Дата в орденской книжке — 1944 год.

Орден и кинокадры в фильме «Десятый удар» — документальные свидетельства его участия в знаменитой торпедной атаке.

Вот какой запомнилась эта атака оператору Борису Маневичу, снимавшему её с капитанского мостика одного из катеров.

«10 августа 1944 года меня вызвал начальник штаба Северного флота Василий Иванович Платонов и сказал, что есть возможность снять торпедные катера в серьёзном деле.

Проверил кинокамеру, зарядил кассеты и вскоре был на корабле старшего лейтенанта Домысловского.

У полуострова Средний собралось четырнадцать катеров — все участники предстоящей операции. Её цель — разгром фашистского конвоя, который, по данным разведки, имел в своём составе несколько транспортёров, тральщиков и миноносцев охранения.

19 августа началось...

Для съёмок я устроился на капитанском мостике — небольшой открытой площадке, защищённой броневым листом высотой до плеча человека.

Шли с приглушёнными двигателями, на малых оборотах, стараясь не оставлять за кормой заметной струи, которая выдаёт катер больше, чем шум.

Радиотелефонная связь — открытым текстом на одной волне. У каждого катера — свой кодовый номер.

Многие подробности пришли и запомнились уже потом. А тогда был приказ командования. И впереди — бой...

Когда с кораблей противника мы были обнаружены и скрываться, выигрывая время и расстояние, отпала необходимость, командир отдал приказ снять глушители и катер понёсся на предельной скорости.

Командиром нашего катера был Виктор Домысловский. Впереди шёл катер Василия Быкова. Мы ставили дальнюю дымовую завесу — бледно-жёлтую клубящуюся пелену. Команда Быкова ставила ближнюю завесу.

Катера, которые ставят дымовые завесы, дольше других оказываются на виду противника. Для меня это было очень важно. Снимая, я только успевал поворачиваться направо и налево, отчаянно стараясь сохранить равновесие: скорость — 45 узлов, нос катера высоко над водой, а за кормой почти четырёхметровый кипящий бурун...

Промчались вдоль всего конвоя. В конце его оказался тральщик, который пошёл на нас и открыл огонь, но наш командир дал резкий разворот и послал в его борт сразу две торпеды. Отдача после выброса торпед была такой сильной, что все, кто находился на борту непривязанными, повалились на палубу. Оказался на палубе и я. А когда поднялся, едва успел поймать в видоискатель взрыв атакованного нами тральщика.

Наконец-то и у меня на пленке уникальные кадры настоящего взрыва фашистского корабля...

Да, бой был на редкость успешным. Благодаря стремительности, точному расчёту и мастерски поставленным дымовым завесам, наши катерники потопили четырнадцать кораблей противника. Мы потеряли один.

Первыми, кто нас поздравил, были лётчики:

"Молодцы, ребята! Молодцы, морячки! Хорошо поработали. Идите смело, мы вас прикроем".

Они же, лётчики, вывели нас к двум другим катерам, и втроём мы пошли к берегу, сопровождаемые двумя истребителями. Вскоре собрались все тринадцать судов. Катера, имевшего кодовый номер 11, не было...

Нас ждали приветствия, объятия, слёзы. Были даже полевые цветы — эти редкие дары суровой заполярной природы. Ими усыпали весь путь от причала. Моряки шли рядом с этой дорожкой, боясь их примять. Тогда все встречающие стали просить пройти именно по цветам, ведь их собирали для торжественного шествия.

А назавтра газеты и радио передали сообщение Совинформбюро о разгроме фашистского конвоя в Варангер-фьорде».

Вот такой рассказ. В дополнение к драгоценным метрам кинопленки, которая через годы способна поведать нам о времени и о людях, ставших победителями.

Остаётся добавить, что четверо участников операции — Быков, Домысловский, Алексеев и Коршунович были удостоены звания Героя Советского Союза. Все остальные моряки получили ордена и медали. Среди них — кинооператор Борис Маневич.

Виктор Александрович Домысловский и Василий Иванович Быков после войны стали контр-адмиралами.

Ещё из воспоминаний Бориса Исааковича:

«Было это на территории Восточной Пруссии, во время ожесточённых боев за Эльбинг. С окраин города фашисты были выбиты, но в центре всё ещё отчаянно сопротивлялись.

Мы с напарником Алексеем Сёминым бежали в первой шеренге автоматчиков и снимали как бойцы выбивают фашистов из домов. На одной из улиц наша атака затормозилась: из удобной позиции бил вражеский пулемёт. Ловкими манёврами, прижимаясь к домам, просачиваясь по одному, наши бойцы скопились вблизи пулемётного гнезда. Потом, по сигналу ракеты, молниеносно пересекли неширокий переулок и залегли у стен дома в недосягаемой для пулемётных очередей зоне.

Мы удачно сняли эту часть операции. Наступала "финальная сцена". Один из бойцов приподнялся, размахнулся и бросил в дом связку гранат. Все припали к земле. Раздался оглушительный взрыв. Автоматчики бросились в провал.

Я подскочил к двери и крикнул: "Есть там фрицы? Давай их сюда!"

В проёме показался немец. Он был заросший, закопчёный. Я направил на него свой аппарат и стал снимать. Он же, выйдя на свет из темноты, решил, что на него направлен ствол автомата, а не объектив кинокамеры, испуганно поднял трясущиеся руки... За ним показался второй, третий, четвёртый. И все с той же реакцией.

Кадры получились впечатляющие. Они вошли в фильм "Десятый удар"».

Среди неснятых кадров, которые остались в памяти, вспоминается сюжет, рассказанный Маневичем, условно названный мной «обида». Случай прост, но запомнился своей выразительностью.

«Шёл апрель 1942 года. В 8-ю гвардейскую дивизию я добирался вместе с членами делегации Казахстана, где дивизия в июле-августе сорок первого формировалась. Мы везли подарки бойцам и офицерам. Путь в артиллерийскую часть лежал по бездорожью. Под ногами хлюпало, они разъезжались на мокрой глинистой почве, ветки ещё оголённых деревьев хлестали по лицам.

Дивизия вместе с соседями держала в окружении крупное соединение противника. Активных боёв в эти дни не было, но артиллерия вела беглый бесприцельный огонь, напоминая фрицам, что они крепко зажаты.

Не только члены делегации с подарками и я с кинокамерой, но и бойцы со снарядами топали не менее пяти километров от дороги-лежнёвки до артиллерийских расчётов.

У одного из расчётов я был свидетелем такого эпизода.

Группа бойцов доставила очередную порцию снарядов — каждый по два, увязанных ремнями и перекинутых через плечо. Один из бойцов расположился передохнуть и перемотать обмотки (они были ещё в ходу), да тут и услышал грохот выстрела из того самого орудия, к которому только что поднёс снаряды. Он встрепенулся, кинулся к артиллеристам: "Ну что, попали?"

И столько надежды было в его голосе...

"Кабы все снаряды попадали, так и войне бы давно конец»", — сердито буркнул артиллерист.

Солдат растерянно посмотрел на него, взгляд его потух и было в нём столько горечи, осуждающей обиды! Как ему хотелось, чтобы попали...

Махнув рукой, он не стал перематывать обмотки, завязал конец и пошёл назад, в свой нелёгкий путь».

Не знаю, насколько кинематографично воспринимается этот сюжет на журнальной полосе, но в живом рассказе это поистине фильм, снятый без камеры.

И напоследок — ещё один сюжет от Бориса Исааковича.

«Территория Восточной Пруссии, бои за Эльбинг. И вновь мы с Сёминым снимали удачно: бои велись открыто, на улицах, отчётливо были видны попадания в цель наших снарядов. Одно мешало — частая перезарядка кассет. Мы приспособились делать это в полутёмных подъездах и подвалах. Конечно, верхние витки плёнки засвечивались, но мы выигрывали в скорости.

И вот — передышка. Захожу в очередное парадное и, когда глаза привыкли к полутьме, вижу нашего бойца, отдыхающего и перехватывающего что-то из своего сухого пайка. Безмятежно так устроился возле какой-то скульптуры. Пригляделся я — мраморный бюст Вильгельма II.

"Знаешь ли, — говорю, — кто такой? Последний император Германии, который развязал первую империалистическую войну".

Солдат посмотрел на бюст, помолчал и сказал спокойно: "Это значит, батя мой его воевал. Я ведь из казаков"».

ВЕСТНИК РОСТОВСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА КРАЕВЕДОВ РОССИИ

А. Г. СМИРНОВА

ВСЕРОССИЙСКИЕ НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ЦЕНТРА КРАЕВЕДЕНИЯ, МОСКВОВЕДЕНИЯ И КРЫМОВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ И СОЮЗА КРАЕВЕДОВ РОССИИ

(2019 год)

С 2017 года Союз краеведов России (СКР) перешёл на новый формат всероссийских научно-практических мероприятий, заменив ежегодные широкие по тематике Всероссийские краеведческие чтения тематическими конференциями и семинарами. В 2017–2018 годах успешно прошли такие конференции по организационным вопросам современного краеведческого движения и по проблемам современной городской исторической топонимики России [1]. Эта новая традиция была продолжена и в 2019 году.

С начала 2018 года СКР стал работать на базе Центра краеведения, москвоведения и крымоведения (ЦКМК) РНИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Института Наследия). После очередной отчётно-выборной конференции (июнь 2018 года) СКР сменил адрес, и местом его фактического базирования стала редакция «Московского журнала» (председателем СКР избрали главного редактора журнала А. Ф. Грушину), при этом тесные партнёрские связи между Союзом краеведов и ЦКМК сохранились. В 2019 году СКР стал одним из основных соорганизаторов сразу двух всероссийских научных мероприятий, инициированных ЦКМК.

1 марта 2019 года ЦКМК, СКР и «Московский журнал» организовали Всероссийский научно-практический семинар «Современная краеведческая периодика России. Опыт и перспективы развития».

Надо сказать, что у СКР и ЦКМК интерес к краеведческой периодике сформировался уже давно. На кафедре региональной истории и краеведения и кафедре москвоведения в Историко-архивном институте (ИАИ) РГГУ, где до 2016 года (до ликвидации этих кафедр) находил-

ся научно-общественный центр всероссийского краеведческого движения, ещё с 1990-х годов велась целенаправленная работа по выявлению, собиранию, изучению краеведческой периодики России [2]. Именно в контексте этой работы в 2009 году руководителем Отделения краеведения и историко-культурного туризма, заведующим кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ В. Ф. Козловым, председателем СКР (с 2018 года — почётный председатель СКР) была высказана мысль о необходимости поддержать тему краеведческой периодики на всероссийском уровне. В 2010 году эту мысль успешно реализовал в форме всероссийского конкурса Фонд имени Д. С. Лихачёва (Санкт-Петербург; исполнительный директор Фонда А. В. Кобак в тот период был заместителем председателя СКР) совместно с СКР.

Краеведческие периодические издания попадают и в поле зрения Всероссийского конкур-

Александра Геннадьевна Смирнова, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

са региональной и краеведческой литературы «Малая Родина», который ежегодно уже 15 лет организует Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям.

Благодаря этим конкурсам краеведческое сообщество знакомится с лучшими изданиями, информация об участниках, номинантах, лауреатах вводится в общероссийское информационное пространство. Однако любой конкурс выявляет достижения (в этом его основная цель) — проблемы и трудности по определению не могут здесь быть предметом внимания. А у современных издателей краеведческой периодики проблем и трудностей хватает.

Краеведческие журналы, альманахи, ежегодники, реже газеты выходят сегодня в регионах России в непростых условиях. Нередко они финансируются самими краеведами-издателями, иногда существуют на частные пожертвования. Есть проблемы с распространением периодических изданий, когда традиционному бумажному формату приходится предпочитать электронную версию.

Однако значение этих изданий велико — они отражают и современный уровень местных краеведческих исследований, и развитие регионального краеведческого движения, и в целом историко-культурный потенциал города, региона, его культурное наследие. Нередко редакции таких изданий являются центрами местной краеведческой работы, а сами издания играют исключительно важную роль в популяризации культурного наследия края, в сохранении местных традиций, в приобщении населения к истории своей малой родины.

Очевидно, что обсуждение общих проблем, совместный поиск путей их решения, обмен опытом (как положительным, так и отрицательным), налаживание связей между издателями краеведческой периодики могли бы принести немалую пользу. Именно поэтому ЦКМК, в качестве научно-общественного краеведческого центра ставший фактическим преемником краеведческих кафедр ИАИ РГГУ и продолживший работу по изучению краеведческих периодических изданий, обратился к председателю СКР А. Ф. Грушиной с предложением провести совместно научно-практический семинар всероссийского масштаба.

В Москву в средневековые палаты думного дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневке, где ныне располагается Институт Наследия, на однодневный семинар приехали 29 участников (главные и ответственные редакторы, издатели местных краеведческих журналов, альманахов, газет), они представляли 15 регионов России (21 город): от Омска до Новгородского края и от Архангельска до Воронежа.

Учитывая практическую значимость семинара, организаторы приняли решение включить в программу заочные выступления представителей известных краеведческих изданий, не смогших по объективным причинам приехать в Москву: из Пскова, Опочки (Псковская область), Ростова-на-Дону, Самары, Симферополя (Республика Крым) Ялуторовска (Тюменская область).

Семинар прошёл в форме двух рабочих заседаний на темы «Опыт издания краеведческой периодики» и «Краеведческие периодические издания как центры объединения краеведческого сообщества. Опыт сотрудничества», а также круглого стола, на который были вынесены наиболее злободневные проблемы журнальных и газетных краеведческих изданий, подчас связанные напрямую с их выживанием в непростых экономических условиях, без поддержки муниципальной власти.

Открывая семинар, с приветствием к его участникам обратился директор Института Наследия В. В. Аристархов, подчеркнувший важность современных краеведческих изданий, пропагандирующих культурное наследие края.

Во вступительном слове руководитель ЦКМК, почётный председатель СКР В. Ф. Козлов сказал об организационном и научно-просветительном значении современной краеведческой периодики в краеведческом движении.

От имени СКР участников приветствовала председатель Союза А. Ф. Грушина, бессменный редактор (в течение почти 30 лет) «Московского журнала», одного из лучших историко-культурных краеведческих журналов России.

Первым прозвучал программный доклад В. Ф. Козлова «Отечественная краеведческая периодика. История, опыт и современные проблемы».

О проблемах подготовки и издания краеведческой периодики рассказали представители Москвы (А. Ф. Грушина, С. Ю. Шокарев, главный редактор «Подмосковного летописца», А. Г. Смирнова, ведущий научный сотрудник ЦКМК, В. Е. Романов, председатель Совета межприходского православного историко-краеведческого общества (МПИКО) — газета «Вестник МПИКО», К. А. Смирнова, научный сотрудник ЦКМК, учёный секретарь Московского краеведческого общества), Архангельска (С. Ю. Клочев, главный редактор «Известий Русского Севера»), Владимира (Л. С. Смета-

Слева направо: В. Ф. Козлов, В. В. Аристархов, А. Ф. Грушина. Москва, 1 марта 2019 г.

нина, заведующая отделом краеведческих исследований центральной городской библиотеки — альманах «Старая столица»), Воронежа (А. Н. Акиньшин, доцент Воронежского государственного университета, председатель Воронежского историко-культурного общества, член Бюро Совета СКР), Нижнего Новгорода (Ф. А. Селезнёв, заведующий Центром краеведческих исследований ННГУ имени Н. И. Лобачевского, член Совета СКР и А. А. Сорокин, ассистент кафедры университета — сборники «Нижегородский краевед»), Омска (П. П. Вибе, директор Омского государственного историко-краеведческого музея, председатель Омского регионального отделения СКР, член Бюро Совета СКР, и О. Г. Беляева, помощник директора музея — «Омский краевед», «Известия ОГИК музея»).

Выступили также Н. В. Шептяков, председатель Котласского историко-просветительского общественного движения краеведов «Северное трёхречье», член Совета СКР (газета «Двинской летописец», сборники «Двинская земля», Архангельская область), Ю. А. Карякин, директор школы, главный редактор альманаха «Гуслицы» (Ликино-Дулёво Московской обл.), А. А. Ходяков, директор Чудовского краеведческого музея, главный редактор «Чудовского краеведа» (Новгородская обл.), А. М. Васильков, председатель краеведческого объединения «Руса» (альманах «Руса», Старая Руса Псковской обл.), Д. А. Белюков, декан Великолукской государственной академии физической культуры и спорта, член Совета СКР («Великолукский вестник», Великие Луки), А. И. Фёдоров, член Совета СКР (альманах «Наш край», Струги Красные Псковской обл.), Е. И. Ступкин, издатель «Вышневолоцкого историко-краеведческого альманаха», Тверская обл.); из Ярославской области: Я. Е. Смирнов, заведующий отделом Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» (газета «Ростовская старина», Ростов Великий), А. Ю. Суслов, генеральный директор ООО «Редакция Угличская газета», В. И. Ерохин, научный сотрудник Угличского государственного историко-архитектурного и художественного музея (журнал «Углече поле») .

Тексты выступлений заочных участников были озвучены тезисно: ответственного редактора альманаха «Донской временник», председателя Ростовского регионального отделения СКР, члена Совета СКР Л. А. Штавдакер (Ростов-на-Дону), издателя, главного редактора «Псковского летописца», председателя Псковского регионального отделения СКР, члена Совета СКР Т. В. Вересовой (Псков), главного редактора журнала «Самарская Лука» Г. В. Маевской (Самара), главного редактора журнала «Полуостров сокровищ» Л. С. Грант (Симферополь, Республика Крым), главного редактора альманаха «Явлутур-городок» П. К. Белоглазова (Ялуторовск, Тюменская обл.), главного редактора, инициатора проекта издания газеты «Голос былого» А. В. Кондратени (Опочка, Псковская обл.).

Выступавшие затронули вопросы тематического наполнения изданий, отражения в них проблем изучения и сохранения памятников, местной истории, культуры, традиций, взаимоотношений издателей и местной власти, издателей и краеведческого сообщества, тиражности и распространения, «плюсов» и «минусов» электронных краеведческих журналов и альманахов и проч.

В некоторых выступлениях присутствовала ретроспективная обзорная информация по истории развития отечественной краеведческой периодики в разные периоды (доклады В. Ф. Козлова, А. Г. Смирновой, А. Н. Акиньшина, Ф. А. Селезнёва, П. П. Вибе).

Одним из важнейших итогов семинара, помимо обмена опытом и обсуждения общих проблем, стала презентация самих краеведческих изданий, ведь далеко не всегда их издатели, составители, члены местного краеведческого сообщества знают о подобных изданиях в других регионах и городах. В основном на семинаре были представлены краеведческие альманахи и журналы, и только 4 доклада были посвящены краеведческим газетам: А. В. Кондратени, Н. В. Шептякова, Я. Е. Смирнова, В. Е. Романова.

В совместном выступлении на круглом столе В. Ф. Козлова и К. А. Смирновой («О задачах составления перечня современных краеведческих

журналов и альманахов») был предложен опыт предварительного выявления изданий и составления актуального перечня краеведческой периодики по результатам уже упоминавшейся многолетней работы на кафедрах в ИАИ РГГУ, в ЦКМК. При составлении перечня, конечно, следует учесть работу Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) и Фонда имени Д. С. Лихачёва, издавших материалы к библиографии краеведческих периодических и продолжающихся изданий России [3], однако по сравнению с 2010 годом ситуация сильно изменилась, и требуется большая работа, которую мог бы провести ЦКМК при содействии СКР.

Сотрудниками ЦКМК В. Ф. Козловым, А. Г. Смирновой, К. А. Смирновой была подготовлена и презентована выставка краеведческой периодики России (со специальным разделом по Москве и Подмосковью) из тех изданий, которые были собраны ими, начиная с 1990-х годов, и собираются до сих пор, пополняя методический кабинет и библиотеку ЦКМК.

По окончании круглого стола участники семинара обсудили проект резолюции. В одобренном и принятом за основу тексте, среди прочего, есть пункты, касающиеся необходимости поддержки краеведческой периодики местной и федеральной властью.

Внесены предложения о введении специальной номинации во Всероссийский конкурс региональной краеведческой литературы «Малая Родина» Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, о регулярном обмене опытом между издателями, о создании профессионального объединения издателей краеведческой периодики в форме ассоциации для целенаправленных совместных усилий по поддержанию этого вида изданий. К обсуждению этого и других высказанных предложений, по мнению участников семинара, вероятно, ещё потребуется вернуться в рамках следующего проблемного семинара или круглого стола.

Прозвучавшие на семинаре выступления в ближайшее время будут введены в научный оборот — по итогам семинара готовится к печати сборник.

Вторым научно-краеведческим форумом 2019 года стала IV Всероссийская научно-практическая конференция «Исторический некрополь России как часть отечественного культурного наследия: проблемы изучения и охраны», приуроченная к 100-летию со дня гибели великого князя Николая Михайловича (1859—1919), которая прошла 24—25 мая 2019 года в Москве.

Великий князь — председатель Российского исторического и Российского географического обществ — стал одним из главных проводников идеи изучения некрополя как памятника, благодаря ему были предприняты фундаментальные работы по описанию некрополя Москвы, Санкт-Петербурга и российской провинции [4].

Исторический некрополь — неотъемлемая часть культурного наследия России, нуждается в изучении и охране. Утрата исторических некрополей, особенно в XX веке, неудовлетворительное современное состояние многих исторических кладбищ обусловливают необходимость их комплексного изучения, возрождения памяти об утраченной части наследия, сохранения, реставрации и музеефикации того, что уцелело.

Тема исторического некрополя, в отличие от проблем краеведческой периодики, уже привлекала к себе активное внимание современного научно-краеведческого сообщества. Однако со времени последней некрополеведческой конференции прошло без малого 17 лет.

Впервые же подобная инициатива возникла в 1990 году. Однодневная конференция «Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана» была организована Московским фондом культуры (МФК), Центральным музеем древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва и НИИ культуры [5]. Организаторами второй конференции (двухдневной) «Исторический некрополь Москвы» стали в 1994 году Мосгорархив, Музей имени Андрея Рублёва, Институт российской истории РАН [6].

Третья конференция (однодневная) «Некрополь Москвы и России. История. Изучение. Охрана» в 2001 году была организована по ини-

циативе кафедры региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ, МФК, МКО, СКР (тогда впервые работала секция, посвященная некрополю России). Внеся большой вклад в развитие некрополеведческих исследований, эти конференции, конечно, требовали продолжения и одновременно расширения тематики и регионального представительства участников.

Институт Наследия не случайно стал местом проведения четвёртой конференции: и в связи со значимостью исторического некрополя как части отечественного наследия, и потому, что, так же как в случае с краеведческой периодикой, ЦКМК рассматривает историко-культурное некрополеведение в качестве одного из важнейших направлений своей научно-исследовательской работы (тем более что руководитель Центра В. Ф. Козлов был одним из главных инициаторов и непосредственных участников трёх предыдущих конференций).

На инициативу ЦКМК откликнулись СКР, МКО, фонд «История Отечества», Московская митрополия Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ).

У ЦКМК и СКР партнёрские взаимоотношения с Фондом складываются с 2018 года: это уже вторая совместная тематическая всероссийская конференция, а исполнительный директор Фонда К. И. Могилевский в 2018 году был избран в состав Совета СКР. Различные мероприятия российских и московских краеведов уже не один год поддерживает РПСЦ.

Основной целью конференции, по мысли организаторов, было привлечение внимания научно-краеведческой общественности к современным проблемам исторического некрополя, обсуждение ряда наиболее острых вопросов, касающихся изучения и сохранения исторических кладбищ, обмен опытом в этой области.

Среди предложенных к обсуждению тем важнейшие — исторический некрополь в истории и культуре края; некрополеведение как научное направление в историческом краеведении; опыт и методика комплексного изучения, описания, охраны, музеефикации отечественного некрополя в России и за рубежом; практика изучения исторического некрополя краеведческими и иными общественными объединениями, в том числе интернет-сообществами.

Двухдневный формат конференции объединил три пленарных заседания в палатах на Берсеневке — 24 мая; круглый стол в Московской митрополии РПСЦ в Рогожском посёлке и научно-ознакомительную экскурсионную программу — 25 мая.

В программу организаторы включили 39 докладов специалистов из 12 регионов России (из 17 городов). Ближнее зарубежье было представлено участником из Республики Казахстан.

На пленарных заседаниях прозвучало 29 выступлений, на круглом столе — 6.

24 мая конференция открылась приветственными словами: от Института Наследия выступил советник директора С. Ю. Житенёв, от ЦКМК и МКО — В. Ф. Козлов, от СКР — А. Ф. Грушина.

Темами трёх пленарных заседаний были: «Некрополеведение как научная дисциплина: методика и направления изучения. Опыт комплексных исследований, сохранения и реставрации исторического некрополя», «Исторический некрополь в регионах России и странах СНГ. Опыт изучения, сохранения и возрождения», «Исторический некрополь Московского региона. История, современное состояние, проблемы изучения, сохранения, возрождения».

Утреннее пленарное заседание открылось докладом В. Ф. Козлова «Краеведение и исторический некрополь: опыт, задачи и основные направления изучения (1980—2010-е гг.)», в котором прозвучал общий обзор основных направлений изучения исторического некрополя в контексте современного краеведения, были рассмотрены основные научно-практические мероприятия, организованные краеведческим сообществом в связи с темой некрополя за последние 30 лет, и наиболее значимые региональные проекты, реализованные за эти годы (в Москве, Туле, Владимире, Калуге и т. д.).

О необходимости комплексного изучения некрополя краеведов говорила А. Г. Смирнова («Московский некрополь краеведов: к проблеме сохранения и изучения»), отметив, что эта проблема имеет и научный, и нравственный аспекты. И слова А. С. Пушкина о том, что «неуважение к предкам есть первый признак безнравственности» вполне справедливы не только в отношении родовой памяти, но и в отношении памяти ныне живущих краеведов к своим коллегам, современникам и предшественникам. В силу известных причин некрополь краеведов прошлого сохранился далеко не лучшим образом, многие места захоронений неизвестны, или могилы утрачены, да и в отношении наших современников мы не всегда обладаем необходимой информацией. Некоторые попытки систематизировать сведения о местах захоронений краеведов-москвоведов предпринимались и ранее [7], однако эта работа требует продолжения и целенаправленных комплексных усилий. Современное краеведческое сообщество, в

том числе и москвоведческое, в числе важнейших своих задач должно числить и задачу сохранения памяти и популяризации наследия своих ушедших сочленов.

В нескольких выступлениях был обобщён опыт больших некрополеведческих проектов: И. Г. Ковшарь, М. С. Андреевой, представителей Тульского историко-архитектурного музея («Опыт изучения и музеефикации исторического некрополя: Всехсвятское кладбище г. Тулы»), Л. С. Сметаниной, В. И. Титовой, В. Г. Толкуновой сотрудников отдела центральной городской библиотеки г. Владимира («Владимирская программа «Некрополь»: разработка, реализация и общественная значимость. Опыт издания справочника-путеводителя «Исторические кладбища Владимира»»).

О музейных некрополях Санкт-Петербурга, консервации и реставрации их памятников говорила хранитель памятников музейных некрополей, начальник отдела Государственного музея городской скульптуры Д. И. Залешина.

О многолетнем опыте изучения русского некрополя за рубежом рассказал заместитель начальника управления Мосгорнаследия В. Ю. Пирогов.

Завершили программу утреннего заседания выступления московских специалистов в области изучения надписей: доцента Государственного института русского языка И. Б. Томан («Из опыта изучения исторического некрополя в Германии: проект «Немецкие надписи»...») и доцента Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета А. Г. Авдеева и сооснователя Лаборатории RSSDA Ю. М. Свойского («Свод русских надписей (CIR) как инструмент документирования,сохранения и исследования надгробных памятников Московской Руси»).

Дневное пленарное заседание было посвящено теме изучении и возрождения исторических некрополей в регионах России и странах СНГ.

Врач Казахского НИИ онкологии и радиологии Г. А. Афонин поделился своим опытом детального изучения центрального кладбища г. Алма-Ата и сведениями, собранными за многие годы.

О методике и практике комплексного изучения исторических некрополей России, о попытках их возрождения говорили краеведы из Старицы и Весьегонска (Тверская обл.) — преподаватель колледжа, председатель Старицкого районного клуба «Краевед» А. В. Шитков и главный специалист Государственного архива РФ Н. С. Зелов, из Черноголовки (Московская обл.) — ст. научный сотрудник Института энергетических проблем химической физики РАН М. С. Дроздов (о некрополе г. Старая Руса Новгородской обл.), из Великих Лук (Псковская обл. — Д. А. Белюков.

Архивным изысканиям по истории утраченного Братского кладбища Первой мировой войны в Смоленске был посвящён доклад Л. Л. Степченкова, представителя Государственного архива Смоленской области.

О значении архивных документов при изучении архангельского некрополя говорила начальник отдела Государственного архива Архангельской области Т. А. Санакина. С архангельским историческим некрополем было связано и выступление преподавателя Северного государственного медицинского университета, члена Совета СКР М. А. Смирновой.

Главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН И. Н. Юркин рассказал о проблемах изучения и о современном состоянии некрополя Демидовых в России и в Туле. Интересным опытом нескольких десятилетий полевых исследований кладбищ Омской области поделились учёные омского Сибирского филиала Института Наследия М. Л. Бережнова, И. В. Межевикин, К. Ю. Смирных.

Доклад члена Совета СКР В. И. Вегерина. г. Константиновск, Ростовская область

Преподаватель колледжа, член Совета СКР В. И. Вегерин из г. Константиновска Ростовской области рассказал о работе по изучению и сохранению местного некрополя.

Вечернее заседание 24 мая объединило доклады по некрополю Москвы и Подмосковья. О многолетнем опыте описания, изучения кладбищ присутствующие узнали из выступлений В. Ю. Пирогова, москвоведа А. П. Соловьёва, члена оргкомитета конференции, священника Сергия Матюшина (Ваганьковское кладбище). Утраченному некрополю бывшего Скорбя-

щенского монастыря было посвящено выступление старосты храма Всемилостивого Спаса В. А. Простова и преподавателя исторического факультета МГУ Д. И. Жеребятьева.

К. А. Смирнова в своём выступлении обобщила сведения сразу о четырёх некрополях (существующих и разрушенных) на территории бывших исторических сёл Преображенского, Семёновского, Черкизово и Богородского (ныне в черте Москвы).

Об источниках по истории мусульманского некрополя столицы говорили научный сотрудник Института востоковедения РАН И. А. Зарипов и доцент Института экономики и управления в промышленности М. А. Сафаров.

Три доклада затрагивали различные аспекты, формы и методы изучения подмосковных исторических кладбищ: С. Ю. Шокарева («Археологическое изучение подмосковных некрополей XV—XVII вв.»), М. С. Дроздова («Проект "Богородский некрополь"») и В. М. Шлёнскова, представителя общественной организации «Домодедовский краевед» (Домодедово, Московская обл.; «Проект "Домодедовский некрополь": от идеи к практическому воплощению»).

Помимо пленарных заседаний 24 мая прошли и ознакомительные мероприятия: была открыта выставка, посвященная российской некрополеведческой литературе, изданной за несколько последних десятилетий, подготовленная сотрудниками ЦКМК. Участников и гостей конференции в рамках небольшой экскурсии по зданию познакомили с историей древних московских палат и с историко-краеведческой экспозицией только что открытого на базе ЦКМК Музейно-выставочного центра «В Палатах на Берсеневке», который разместился в древнем (XVI в.) подклете здания (экспозицию подготовили А. Г. Смирнова, К. А. Смирнова и В. Ф. Козлов).

25 мая круглый стол «Старообрядческий исторический некрополь и проблемы его изучения и сохранения» открылся приветственным словом предстоятеля РПСЦ митрополита Московского и Всея Руси Корнилия (зачитал зав. библиотекой Московской митрополии РПСЦ В. В. Волков, член оргкомитета конференции).

Для российских староверов, доныне сохранивших высокую культуру памяти и почитания своих предков, тема некрополя имеет особое историческое значение. Крупнейшие ныне существующие центры старообрядчества сформировались в Москве в конце XVIII века вокруг двух кладбищ Преображенского (беспоповцы) и Рогожского (поповцы). Однако старообрядческий некрополь, как и вообще отечественные исторические некрополи, в XX веке понёс большие утраты. Его особый уклад и традиции были нарушены. Обсуждению всех этих проблем и были посвящены выступления на круглом столе.

О московском старообрядческом некрополе (в Преображенском и Рогожском) говорил В. Ф. Козлов, историк московского старообрядчества, автор работ на эту тему [8].

Об утраченных захоронениях на Рогожском кладбище рассказал завуч Московского старообрядческого духовного училища М. Г. Николаев, о возрождении под юрисдикцией Тураевской старообрядческой общины исторического родового некрополя этой общины в подмосковном Лыткарино — директор музея Тураевских староверов Н. С. Юкин.

О старообрядческих некрополях в разных городах повествовали В. В. Волков (о ржевском некрополе в Тверской обл.), В. В. Осипов и А. В. Осипова, представители древнего Боровска Калужской области — о боровском некрополе, заведующий архивом Московской митрополии РПСЦ В. В. Боченков — о калужском некрополе в связи с захоронениями старообрядческих епископов Смоленской епархии РПСЦ.

Участники круглого стола подчеркнули важность научно-практических исследований старообрядческих некрополей, высказались за возрождение памяти об утраченных кладбищах и за установление памятных знаков на местах (или вблизи) уничтоженных захоронений известных деятелей старообрядчества, был положительно оценён опыт Тураевской общины.

Большая научно-экскурсионная программа 25 мая, предварившая работу круглого стола, включала обзорную автобусную (В. Ф. Козлов и А. Г. Смирнова) и пешеходные экскурсии по четырём историческим кладбищам: Ваганьковскому (экскурсию провёл историк этого кладбища иерей Сергий Матюшин), старообрядческому Преображенскому (В. Ф. Козлов), Введенскому (Немецкому; В. Ю. Пирогов) и старообрядческому Рогожскому (М. Г. Николаев).

Следует отметить, что тема исторического некрополя вызывает большой интерес, как у специалистов, так и у широкого круга людей, интересующихся отечественным культурным наследием. В работе конференции, помимо выступавших, приняли участие 65 гостей: около двадцати человек 24 мая и двадцать пять — 25 мая.

По завершении рабочих заседаний всероссийской конференции участники её одобрили проект резолюции, подготовленный членами

оргкомитета, и особо отметили, что проблемы исторического некрополя как части отечественного культурного наследия остаются актуальными и требуют комплексной научно-исследовательской и памятникоохранительной работы, в связи с чем необходимы и проведение подобных конференций в дальнейшем, и организация постоянно действующего научно-методического семинара по некрополеведению на базе ЦКМК Института Наследия.

По итогам конференции в конце 2019 года будет издан сборник материалов.

Таким образом, 2019 год стал важной вехой в истории краеведческого движения и СКР: в научный оборот был введён целый комплекс предложений, связанных с краеведческими периодическими изданиями, имеющими большое практическое значение для современного краеведения, а также, спустя много лет, внимание краеведческого сообщества вновь было сосредоточено на теме исторического некрополя как важнейшего памятника истории и культуры края, трудная судьба и нынешнее состояние которого требуют очень серьёзных совместных усилий и научных, и практических (памятникоохранительных) от специалистов-некрополеведов, от представителей местных краеведческих объединений, от научных работников разного профиля.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Городская топонимика России как объект культурного наследия : История и судьбы городов и соврем. пробл. возвращения ист. названий : материалы всерос. краевед. науч.-практ. конф. Москва — Звенигород (Моск. обл.) 22—23 июня 2018 г. М. : ИЦ «Краеведение», 2019. 416 с.; *Смирнова А. Г.* Всероссийские тематические конференции Союза краеведов России (2017—2018 гг.) // Дон. временник. Год 2019-й. Вып. 27. Ростов н/Д., 2018. С. 163—170.

2. См., например: *Козлов В. Ф.* О роли современной краеведческой периодики в развитии краеведческого движения в регионах // Провинциальная культура и краеведение : материалы IV Всерос. науч. конф. (г. Пенза, 25—28 июня 2000 г.). Пенза, 2001. С. 106—110; *Его же.* Российская краеведческая периодика 1990—2003 гг. // Отечественные арх. 2004. № 2. С. 45—51 и др.

3. Краеведческая периодика России. 1992—2010 : материалы к библиогр. краевед. период. и продолжающихся изд. РФ / сост. А. И. Раздорский, Л. И. Новикова, Е. И. Трубина. СПб. : Европейский Дом, 2010.

4. *Саитов В. И.* Московский некрополь. СПб., 1907—1908; *Его же*. Петербургский некрополь. Т. 1—4. СПб., 1912—1913 (репринт. изд. СПб., 2006); Русский провинциальный некрополь / [В.В.Шереметевский]. М., 1914.

5. Московский некрополь. История, археология, искусство, охрана : Материалы науч.-практ. конф. М., 1991.

6. Московский некрополь: История. Археология. Искусство. Охрана: материалы науч.-практ. конф. (Москва, 31 марта—1 апр. 1994 г.). М., 1996.

7. Историки и краеведы Москвы. Некрополь : биобиблиогр. справ. / сост. Л. В. Иванова. М., 1996.

8. *Козлов В. Ф.* Москва старообрядческая : История. Культура. Святыни. М. : АНО ИЦ «Москвоведение», 2011; *Его же.* Старообрядческие некрополи Москвы // Архитектура и строительство России. 1992. № 11. С. 14—18; *Его же.* Судьбы старообрядчества. 1920-е годы // Московский журн. 1992. № 7. С. 33—40; *Его же.* Судьбы старообрядчества. 1930-е годы //Там же. № 9. С. 36—40; Московское старообрядчество в первой трети XX в. (храмы, молельни, общественные организации и учреждения) // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.) М., 1999. С. 190—239. и др.

А. В. ЛУБСКИЙ, Н. А. МИНИНКОВ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Накануне юбилея Н. А. Мининкова Анатолий Владимирович Лубский, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета, побеседовал с Николаем Александровичем Мининковым, известным российским историком, специалистом по истории России средних веков и нового времени, а также региональной истории и историческому краеведению.

К 70-летию Н. А. Мининкова

Н. А. Мининков

А. В. Лубский

А. Л. В последние годы в исторической науке актуализировался интерес к региональной истории, связанный с усилением такого направления в развитии национальных государств, как регионализация, выступающая ответной реакцией на процессы глобализации. Регионализация вызвана массированным проникновением унифицированных форм организации социальной жизни. В этом плане региональная история призвана не только защитить границы региона, но и исторически обосновать своеобразие экономического, политического и культурного поведения тех или иных территориальных сообществ внутри страны. Выявляя своеобразие регионального исторического развития, региональная история рассматривает его в контексте целого, к которому относится тот или иной регион, что позволяет устанавливать не только тенденции исторического развития региона, но и понять его место в историческом процессе.

Н. М. В связи с этим я хочу добавить, что для региональной истории значимы не только процессы, разворачивавшиеся в самом регионе, но и отношения между регионом и центром, поскольку регион с одной стороны принимает импульсы исторического развития, которые посылает центр, а с другой — становится местом инициации территориального своеобразия исторической жизни. Региональная специфика выступает источником разнообразия путей исторического развития и возможных его исторических альтернатив.

А. Л. То есть вы хотите сказать, что региональная история, представляющая собой междисциплинарную отрасль исторического познания, предметом которого выступают геопространственные сегменты исторической реальности, расширяет его возможности, прежде всего, в плане выявления, с одной стороны, общего и особенного, а с другой — альтернативного в историческом развитии.

Н. М. Да. Но для этого регион как предмет региональной истории должен обладать не только географической, геополитической, геоэкономической, но и поведенческой, и историко-культурной однородностью и, следовательно, внутренней целостностью.

А. Л. Региональная история как междисциплинарная отрасль исторического знания тесно связана с таким направлением, как историческое краеведение, к которому в последнее время также наблюдается повышенный интерес со стороны историков и публицистов. Это проявляется в проведении периодических краеведческих форумов, в исследованиях и публикациях, в том числе книг по местной тематике, например, по истории Дона, а также в деятельности краеведческих отделений при библиотеках и в работе музеев, в которых краеведческая составляющая занимает первостепенное место.

Н. М. К примерам удачной краеведческой деятельности в Ростовской области, помимо работы музеев, расположенных в регионе, может быть отнесена, в частности, деятельность краеведческого отдела Донской государственной публичной библиотеки, а также ежегодные конференции, которые проводятся на базе педагогического колледжа в городе Константиновске под руководством краеведа В. И. Вегерина.

А. Л. В связи с этим я хочу задать вам вопрос: какова роль библиотек в развитии исторического краеведения на Дону?

Н. М. Вопрос непосредственно относится к формам и методам краеведческой работы. По-своему вклад в эту работу вносят музеи, школы, отдельные энтузиасты. Но своё значительное место в этой работе занимают библиотеки. Примером большой работы является деятельность краеведческого отдела Донской государственной публичной библиотеки, где трудятся энтузиасты своего дела Л. А Штавда-

кер, Н. Н. Зайцева, по существу все сотрудники отдела. Чего стоит хотя бы работа по изданию «Донского временника», который по праву относится к лучшим краеведческим изданиям страны. Краеведческие вопросы затрагиваются также в работе других библиотек области, в частности, в Новочеркасске и в Таганроге. Результатом такой работы являются интересные публикации в «Донском временнике», в выпусках Краеведческих чтений, издающихся в Константиновске [1].

А. Л. Формы и методы краеведческой работы самые разнообразные. В связи с этим возникает вопрос, что такое историческое краеведение? Особая отрасль научных исторических знаний или направление научно-популяризаторской деятельности историков?

Н. М. При всех своих внутренних различиях историческое краеведение представляет собой единую отрасль комплексного научного знания об определённом крае. Формируется она при опоре на научные исследовательские принципы и с применением широкого репертуара научных методов. Вместе с тем в краеведении чётко выделяется несколько структурных элементов, определяющих основные направления исследовательской деятельности. Это, прежде всего, природно-географическое и культурно-историческое — оба могут иметь свои подразделения. В этом отношении краеведение ближе всего к такому направлению современной исторической науки, как новая локальная история, а отчасти как новая биографическая история, поскольку краеведение имеет свою весьма значительную и развитую историко-биографическую составляющую. Но, несомненно, ввиду повышенного общественного спроса на краеведческие знания оно имеет популяризаторскую часть. Спрос на краеведческие знания и краеведческую литературу весьма широк, её читательская аудитория находится в диапазоне от средней школы до читателей самых старших возрастов. Но и в этом отношении краеведение также близко и к географии, и к истории. Отсюда представляется возможным говорить, что краеведение не только составляет часть научных знаний исторического и географического характера, но и является научно-популяризаторской деятельностью.

А. Л. В современном российском обществе повышенный интерес к историческому краеведению обусловлен также тем, что одной из культурных интенций человека как в прошлом, так и в настоящем, было стремление к приобретению исторических знаний о родном крае. Но особое значение эти знания имеют для территорий, отличающихся своими культурно-историческими особенностями, население которых ощущает на эмоциональном и отчасти на рациональном уровне свою специфическую региональную идентичность.

Н. М. К таким территориям относится Дон. Дело не только в казачестве как особой по своей истории и культуре части населения, но и в своеобразной структуре населения, поскольку территория Дона ещё с древности имела репутацию «проходного двора» Евразии и в значительной мере сохраняла своё положение не только в средние века, но и в новое время. Здесь складывались своеобразные отношения между разными социокультурными и этнокультурными группами населения.

А. Л. Историческое краеведение на Дону имеет длительную историю, начало которому, как я это себе представляю, положила издательская деятельность Статистического комитета Войска Донского, созданного в 1839 году по решению правительства под названием Новочеркасского статистического комитета. Что вы, как специалист, можете сказать о развитии исторического краеведения на Дону?

Н. М. Начало краеведческой работы на Дону было действительно связано с деятельностью Новочеркасского статистического комитета, издательская продукция которого в форме трудов, сборников, памятных книжек, описаний по истории, археологии, этнографии края до сих пор сохраняет своё источниковедческое значение для исследователей.

Во второй половине XIX века краеведческие исследования на местах стали проводить энтузиасты-любители, прежде всего из числа учителей. К таким исследовательским работам высокого уровня может быть отнесён, например, труд И. В. Тимощенкова об обычаях и быте Казанской станицы [2], а также работа Ф. К. Траилина о донских калмыках [3].

С начала XX века краеведческую работу ведет Ростовское-на-Дону общество истории, древностей и природы, а также Донской музей, музеи в Ростове-на-Дону и Азове.

В советский период краеведческая работа на Дону была долгое время уделом прежде всего музейных работников и отдельных энтузиастов. Её активизации способствовало открытие в 1970 году музея-заповедника в Старочеркасской, а также всё более возраставший интерес к истории Дона, прежде всего к истории донского казачества.

После 1991 года происходила дальнейшая активизация краеведческой работы на Дону, о

чём свидетельствуют многочисленные публикации, посвящённые отдельным городам, станицам и сёлам области. Сложился ряд центров краеведческой работы: краеведческий отдел Донской государственной публичной библиотеки, коллектив Новочеркасского музея истории донского казачества во главе с С. А. Сединко и Е. В. Ситливой, музеи в Ростове, Таганроге, Старочеркасской, Азове, Вёшенской.

А. Л. Кого из представителей донского краеведения вы бы могли выделить?

Н. М. Донское краеведение знает ряд выдающихся имён. Это, прежде всего, основатель Донского музея (ныне — НМИДК) Х. И. Попов, глубокие знатоки ростовского прошлого и настоящего А. М. Ильин и М. Б. Краснянский. В более позднее время таким же знатоком Ростова был доцент РГУ Б. В. Чеботарёв.

Выдающимся краеведом был В. Н. Королёв, которому в 2020 году исполнилось бы 80 лет. Его книга «Старые Вёшки» относится к лучшим образцам комплексного краеведения. В ней затронуты самые разные стороны истории станиц Вёшенской и Еланской, приведены сведения о событиях и известных людях.

Это авторы краеведческих трудов и отдельных очерков: А. Н. Бочаров в Ремонтном, В. П. Граф и В. А. Градобоев в Константиновске, М. П. Мерзляков в Раздорской, С. Ф. Токаренко в Семикаракорске, М. И. Максимов в Аксае. Глубоко и плодотворно работает В. А. Дронов в Дубовском, в том числе по теме истории донских казаков-калмыков. Очень интересные публикации краеведческого характера принадлежат ростовскому историку А. Б. Изюмскому.

А. Л. Николай Александрович, я хотел бы немного поговорить с вами о специфике краеведческих исследований. Известно, что исторические труды имеют разную аудиторию. Неоднократно отмечалось, что исторический труд даже самого высокого уровня может не выйти за рамки узкопрофессиональной среды. Причиной может стать тяжёлый «научный» язык, перенасыщение эмпирическим материалом — проблема, которая актуальна для науки, но не выходит на уровень массовой культуры. В этом плане краеведческое исследование имеет свою специфику, состоящую в том, что оно по своему положению в рамках исторической науки и культуры значительно ближе к массовому читателю.

Н. М. Я с вами согласен, но хочу уточнить. Близость исторического краеведения к массовому читателю объясняется тем, что его предметом выступает его малая родина и её люди, о которых он слышал и знает, или даже которые живут до сих пор. Поэтому специфика краеведческих исторических исследований состоит в том, что на базе краеведения проще решается вопрос о связи между историческим исследованием и читателями, не относящимися к профессиональному цеху историков, но читателями заинтересованными и в определённой степени образованными.

Между тем, вопрос о связи между историей как наукой и массовым историческим сознанием в настоящее время крайне важен для самой научной истории. В самом деле, мы видим, как в культуре новейшего времени развеялось упрощённое представление о возможности средствами науки преодолеть мифологические основы массового исторического сознания, внести в него научные положения и выводы, способные противостоять исторической мифологии.

Но, как оказалось, в свою очередь историческая мифология в определённых условиях способна оказывать воздействие и на профессиональное сознание историка. В частности, на рубеже XX—XXI веков в России наблюдалось вторжение в область истории околонаучного маргинала, глубоко уверенного в себе, крайне поверхностно знакомого с историей исторической науки и культуры, с источниковой базой, с методологией исследования, но готового ниспровергать положения и выводы исторической науки. Нередко такой маргинал способен оказать влияние на массовое историческое сознание, вообще-то падкое на разного рода сенсации. В этой связи краеведение как часть исторической науки, близко стоящая к массовому историческому сознанию, затрагивающая историческую память людей, создаёт условия для противостояния в сознании общества научных положений тем мифам, которые внедряют в него такие маргиналы. И в этом представляется важнейшая особенность краеведения и самая существенная его польза для науки.

А. Л. В связи с этим основой краеведческого исследования должны быть репрезентативные источники исторической информации, и соответственно особое значение следует придавать достоверности и полноте этой информации. Естественно возникает вопрос о том, каковы особенности источниковой базы краеведческих исследований.

Н. М. Особенность источниковой базы краеведческих исследований состоит в том, что в нём большую роль играют эго-документы. Это не случайно, поскольку человек для краеведа представляет первостепенный интерес. Нема-

лое значение имеют, кроме того, артефакты, связанные с местной историей и с местными людьми. Но к этому обязательны документы делопроизводства, без которых эго-документы и артефакты не будут понятны.

А. Л. В историко-краеведческом исследовании, наверное, очень важны архивные материалы.

Н. М. Да, в краеведческих исследованиях роль архивов велика. Среди архивных материалов особый интерес вызывают, во-первых, метрические книги, которые находятся в Государственном архиве Ростовской области. Многое может дать разработка дел ГАРО из фондов 341 («Канцелярия войска Донского»), 46 («Атаманская канцелярия»), 301 («Областное правление войска Донского»). Нуждаются в оцифровке дела 338 фонда («Станичные правления»). Большую работу по оцифровке фонда проводит сегодня коллектив ГАРО во главе с директором Н. А. Трапшем.

Ценнейшие материалы имеются в центральных архивах — РГИА, РГВИА, РГАДА, а также в некоторых отдалённых местах, например, в музее Пятой гвардейской танковой дивизии. Это бывший Пятый гвардейский донской казачий корпус, прославившийся в период Великой Отечественной войны, в частности, в бою под Кущёвской. Но этот музей далеко, в городе Кяхта (Бурятия), куда дивизия в 1967 году была перемещена.

Много запросов идёт на архив органов УФСБ России по Ростовской области, поскольку краеведение выясняет судьбы репрессированных за годы сталинского режима.

Немало интересного материала и в других архивных фондах. В частности, следует более внимательно присмотреться к муниципальным архивам, сосредоточенным в городах и районах области.

А. Л. Николай Александрович, вы широко известны как специалист в научной и общественной среде. Почти сорок пять лет активно занимаетесь изучением истории Донского края. В связи с приближающимся юбилеем мне хотелось бы задать вам ещё несколько вопросов. Во-первых, о том, как сформировался ваш научный интерес к региональной истории и историческому краеведению?

Н. М. Мой интерес к региональной истории и историческому краеведению в самом общем виде сформировался в старших классах школы. Этому способствовали поездки по достопримечательным местам области, ознакомление с романом «Тихий Дон», и вообще повышенный интерес к городу и краю среди одноклассников. Отчасти этому способствовало детство на Богатяновке, своеобразной ростовской окраине, вблизи Дона с целым рядом традиций, уходивших в прошлое города и нижнедонских поселений вообще. И, конечно же, влияние отца, Александра Павловича Пронштейна, который в 1949 году прибыл в Ростов и живо воспринял проблематику донской истории, глубоко изучил литературу и источники.

Что касается научного интереса, то это произошло уже на историческом факультете РГУ, в ходе изучения темы о взаимоотношениях между войском Донским и московским правительством до Петра I. Эта работа помогла уяснить особенности истории и культуры донского казачества, отношений его с Россией и сущность политики царского правительства, направленной на подчинение Дона. Но работа над общей проблематикой истории Дона привела к исследованиям вполне краеведческого характера. Это нашло отражение в некоторых публикациях, которые удалось сделать.

А. Л. В связи с этим не могли бы вы рассказать о проблематике ваших краеведческих исторических исследований?

Н. М. Это — донские историки, вклад которых в развитие на Дону исторических знаний и культуры вообще был немалым и своеобразным. Среди них Павел Петрович Сахаров, уроженец Дона, сформировавший концепцию промыслово-трудового происхождения донского казачества, противостоявшую взгляду на его разбойное происхождение. Это Николай Леонардович Янчевский, прибывший на Дон в 1921 году и ставший главным редактором крупной региональной газеты «Советский Юг». Он обосновал концепцию возникновения войска Донского как наёмного на службе торгового капитала Московского государства; репрессирован в 1937 году. Это есаул Евлампий Никифорович Кательников — автор исторического сочинения, посвящённого его родной станице Верхне-Курмоярской (ныне станицы нет, она затоплена Цимлянским водохранилищем). Это также исследование об упоминавшихся выше членах Донского статкомитета Иване Васильевиче Тимощенкове и Фёдоре Калиниче Траилине. Об этих донских историках и деятелях Статкомитета Области войска Донского у меня издавались в разные годы монографии [4].

А. Л. Какие существуют научные лакуны в краеведческих исторических исследованиях, посвящённых донской проблематике.

Н. М. Лакун, или «белых пятен», немало. Это история не только городов и районов области, но и отдельных поселений, а также судьбы отдельных людей.

А. Л. Благодарю, Николай Александрович, за интересную беседу. Знаменитый российский историк В. О. Ключевский писал, что в жизни учёного и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли». Желаю вам оригинальных мыслей и новых книг, научного благополучия и творческого долголетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Десятые Константиновские краеведческие чтения имени А. Кошманова : сб. ст. Ростов н/Д. : Алиса, 2017; Одиннадцатые Константиновские краеведческие чтения имени А. Кошманова : сб. ст. Ростов н/Д. : Альтаир, 2019.

2. *Тимощенков И. В.* Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы // Труды Обл. войска Дон. стат. ком. Вып. 2. Новочеркасск, 1874. С. 139—181; *Мининков Н. А.* Учёный-статистик // Дон. временник. Год 2014-й. Вып. 22. Ростов н/Д., 2013. С. 185—189.

3. *Траилин Ф. К.* Санскрин — Курэ-де. Священное калмыцкое изображение. Сведения о донских калмыках. Новочеркасск, 1872; *Мининков Н. А.* Исследователь Дона Фёдор Траилин// Дон. временник. Год 2016-й. Вып. 24. Ростов н/Д., 2015. С. 144—149.

4. *Мининков Н. А.* Павел Петрович Сахаров — историк донского казачества // Казачий сб. № 3. Ростов н/Д., 2002. С. 216—320; *Его же.* Николай Леонардович Янчевский: историк, писатель, революционер. Ростов н/Д., 2007; *Его же.* Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов н/Д, 2011; *Его же.* Исследователи Дона Иван Васильевич Тимощенков и Фёдор Калинич Траилин : моногр. /Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д. : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2016.

Л. А. ШТАВДАКЕР

В ДОНСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Хроника события

22 августа 2019 года в Донской публичной библиотеке состоялась встреча краеведов и читателей библиотеки с Инной Грубмайр на тему «Эмигранты с Дона в Хорватии». Гостья из Австрии представила новую книгу.

Книга Татьяны Пушкадии-Рыбкиной и Инны Грубмайр «Эмигранты из России в Загребе. Жизни и судьбы» является вторым, исправленным и дополненным, русскоязычным изданием вышедшей в 2007 году монографии Т. Пушкадии-Рыбкиной «Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба», которой в свою очередь предшествовала работа на хорватском языке *Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba* (2006), сразу же вызвавшая большой интерес. За свой труд автор получила награду — почётный знак Росзарубежцентра «За вклад в дело дружбы» (2007). В 2007 году прошла презентация книги в Загребе, а год спустя — в Доме русского зарубежья в Москве. Первое русскоязычное издание вышло тиражом 300 экземпляров, книги быстро разошлись и стали библиографической редкостью.

Нынешнее издание, презентация которого состоялась в Хорватском национальном архиве в Загребе в марте этого года, стало результатом пятилетней работы двух авторов. Оно включает в себя восемь глав и четыре приложения.

Главы: «Прибытие беженцев из России в Загреб»; «Юридический статус беженцев/эми-

грантов из России в Королевстве сербов, хорватов и словенцев/ Югославии»; «Общественная жизнь (смешанные общества и общества дружбы, русские и украинские общества)»; «Обучение молодых эмигрантов из России в Загребе (русская гимназия, детский дом и начальная школа)»; «Высшие учебные заведения Загреба (Загребский университет, Высшая техническая школа и Академия художеств)»; «Вклад в культурную, научную и общественную жизнь Загреба»; «Эмигранты из России — участники антифашистского народно-освободительного движения (НОД)»; «Русские захоронения на загребских кладбищах (русские военнопленные Первой мировой войны, умершие в Загребе; эмигранты из России, похороненные на загребских кладбищах; россияне и граждане СССР, похороненные на немецком военном участке кладбища Мирогой)».

Приложения: «Больница Российского общества Красного Креста во дворце Лобор»; «Русская драматическая студия в Загребе»; «Эмигранты из России — члены Художественного (затем церковного) хора», «Список имён на плитах в часовне Святого Воскресения Христова на кладбище Мирогой».

Книга основана на богатейшем документальном и архивном материале, содержит около 100 иллюстраций (фотографии, документы и т. п.), многие из которых публикуются впервые, 93 полных биографии и около 30 сокращённых, сведения о почти 800 русских захоронениях на шести загребских кладбищах. Именной указатель занимает 34 страницы и составляет около 3000 единиц. Представлено несколько списков, например, русских военнопленных Первой мировой войны, умерших в Загребе (28 имён) или россиян и граждан СССР, похороненных на немецком военном участке кладбища Мирогой (142 имени). Предисловие к книге написано М. Ю. Сорокиной, заведующей отделом истории российского зарубежья Дома русского зарубежья имени А. Солженицына.

Несколько слов об авторах.

Татьяна Витальевна Пушкадия-Рыбкина родилась в Загребе в 1929 году — дочь эмигрантов первой волны, выросла в русской среде. В 1953 году, окончив химический факультет Загребского университета, получила должность реставратора в Хорватском национальном архиве, где и проработала всю жизнь. Известна в научных кругах своими исследовательскими трудами. Выйдя на пенсию, сосредоточилась на сборе и систематизации материала о русских эмигрантах в Загребе, что в конечном итоге воплотилось в монографию.

Инна Ивановна Грубмайр (урождённая Нужнова, родилась в г. Белая Калитва Ростовской области в 1969 году) окончила филологический факультет Ростовского государственного университета, кандидат филологических наук. В связи с работой супруга в течение 10 лет жила в разных странах, в том числе и в США, в Нью-Йорке. Интерес к истории России привел её в Пушкинское общество Америки, основанное в 1935 году, где она записывала видеоинтервью с русскими эмигрантами и их потомками. Переехав в Хорватию, продолжила свои исследования. В настоящее время живёт в Австрии, преподаёт русский язык в университете Й. Кеплера и ООН и в свободное время активно занимается историей нашей эмиграции.

Интересным образом, оба автора связаны с донским краем: Инна Грубмайр выросла в Белой Калитве, училась в Ростове-на-Дону, а дядя Татьяны Пушкадии-Рыбкиной, Иван Макарович Рыбкин, жил в Таганроге и содержал у себя дома музей научных рукописей Пушкина.

В книге большое количество данных о наших земляках. Сведения о них могут оказаться полезными людям, разыскивающим потерянных в начале XX века родственников, а также донским краеведам[1]. Кроме книги, Инна Грубмайр познакомила гостей с биографиями некоторых загребчан — выходцев с Дона, внесших тот или иной вклад в научную, культурную или общественную жизнь Хорватии, а также представила онлайн-ресурс «Русский некрополь Загреба», содержащий данные о русских захоронениях в хорватской столице: https://www.russiancroatia.com/rusnasled

Инна Грубмайр передала в дар библиотеке один экземпляр книги «Эмигранты из России в Загребе. Жизни и судьбы», а Л. А. Штавдакер, редактор альманаха «Донской временник», вручила автору последний выпуск издания.

[1] Ниже публикуется список жителей Области войска Донского, проживавших в эмиграции в Загребе, подготовленный авторами книги для читателей альманаха «Донской временник»

ЖИТЕЛИ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО — ЭМИГРАНТЫ В ЗАГРЕБЕ

*Список подготовлен на основе материалов книги Т. В. Пушкадии-Рыбкиной и И. И. Грубмайр «Эмигранты из России в Загребе. Жизни и судьбы» (Загреб, 2019). Включает также сведения о выходцах с Дона, живших в других городах Хорватии, информация о которых попала в загребские довоенные архивы. Данные о лицах, отмеченных в списке *, выявлены Т. В. Пушкадией-Рыбкиной в Хорватском национальном архиве (HDA — фонд 1357 «Собрание „Контрреволюция и белогвардейцы“», Группа X) и Государственном архиве города Загреба (заявления на продовольственные карточки, выдаваемые в 1945 году — фонд «Городской народный комитет — Продовольственные карточки 1945»).*

Топонимы, которые не удалось уточнить, представлены, например, так: Каменская/Каменский. Подстрочные библиографические сноски отсылают к источникам информации, сокращения и аббревиатуры приведены в Списке сокращений к данному выпуску.

При публикации данных о смерти в случае отсутствия указания места смерти подразумевается Загреб. Обозначение погребального места оформлено следующим образом: (10-I-105), при этом 10 — номер поля, I — разряд захоронения, 105 — номер могилы на этом поле. Некоторые поля на кладбище Мирогой имеют одинаковые номера, но различаются по конфессиям: GI — православные, то есть греко-восточные (grko-istočni), EVG — евангелические, Ž — иудейские (židovski), M — мусульманские, RKT — римско-католические. Номера без буквенного обозначения либо первоначально не имели такового (актуально для старых захоронений), либо являются римско-католическими. Кроме того, на кладбище Мирогой, в районе крематория, есть поле для захоронения праха, где могилы обозначены следующим образом: gaj urni 4A-kazeta-44.

Аверин Евгений Михайлович[1], *ст-ца Усть-Медведицкая, 2.02.1894—5.07.1985.* До эвакуации Крыма — во ВСЮР и Русской Армии. В декабре 1920 г. перевезён из лагеря «Селеми» в Румынию. В эмиграции в КСХС. Окончил геодезическое отделение технического факультета ЗУ в 1926 г., уполномоченный инженер, владел собственной геодезической канцелярией с большим штатом частных служащих, и супруга **Наталия Фёдоровна**, урожд. **Компанейцева**, *СПб., 24.08.1896—20.12.1960,* владела магазином модного товара, женского готового платья и шляп. Похоронены на кладбище Мирошевац, могила не сохранилась.

***Аврамов Анатолий**, *Новочеркасск,1887—?,* техник в Сушаке.

***Алексеев Виктор Семёнович**, *Ростов-на-Дону, 26.10.1893—?,* музыкант. Мать **Ирина.**

***Алпатов Филипп Данилович**, *Ростов-на-Дону, 1898 —?,* рабочий в Осиеке.

Андреев Василий Захарович[2], *ст-ца Нижнечирская, 3.03.1904—16.08.1988,* инженер-геодезист, инженер-строитель, профессор университета. В КСХС прибыл в 1920 г. учеником пятого класса средней школы. Окончил Донской кадетский корпус (г. Билеча, БиГ, 1924), а затем геодезическо-культуротехническое отделение технического факультета ЗУ (1929). В том же году получил югославское гражданство. В 1929/1930 учеб. г. работал ассистентом на кафедре высшей геодезии в ЗУ, в 1930—1932 гг. — инженером-геодезистом. В 1932 г. поступил на строительное отделение технического факультета, которое окончил в 1934 г. В 1934—1944 гг. работал на строительстве железных дорог и мостов. В 1944—1945 гг. участвовал в НОД. С 1946 г. — внештатный преподаватель механики на техническом факультете ЗУ, с 1948 г. — доцент, с 1953 г. — экстраординарный, с 1957 г. — ординарный профессор. Докторскую степень получил в 1952 г. на техническом факультете ЗУ. Помимо строительного, преподавал механику и теорию упругости и на других факультетах (строительный факультет в Сараеве; машиностроительный — в Сараеве и Баня Луке; горный, физико-математический, транспортный — в Загребе и Сплите, а также Военно-техническая школа в Загребе). Удостоен ряда наград. Под его руководством прошли подготовку многие преподаватели механики на строительном, архитектурном и геодезическом факультетах в Загребе. Автор нескольких книг и учебников по механике, статике, динамике, кинематике, динамике конструкций, и т. д. Супруга **Нада**,

[1] *Пушкадия-Рыбкина Т. В., Грубмайр И. И.* Эмигранты из России в Загребе : Жизни и судьбы. Изд. 2-е, испр. и доп. Загреб, 2019. С. 41, 43, 254; В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Эмигранты из России…; *Волков С. В.* Вторая база данных «Участники Белого движения в России» : сайт историка С. В. Волкова : [электрон. ресурс]. С. 33 // URL: http:// http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_01-A.pdf

[2] Эмигранты из России…. С. 132, 133, 134, 141, 225, 256.

урожд. **Штимец**, *1926—1995.* Похоронены на кладбище Мирогой (gaj urni, 6-kazeta-129), могила сохранилась.

***Арехян Михаил (Михайло)**, *Каменский/Каменская, 1889—?,* ветеран войны из Вировитице.

*** Арцибашев Николай**, *Таганрог, 13.06.1905—?,* музыкант. Супруга **Арцибашева Ольга**, *1906—?,* дочь **Надежда**, 1928 г. р., сын **Николай**, 1937 г. р.

Бегинин (Семён) Симеон Яковлевич[1], *Новочеркасск, 3.02.1905—16.07.1945,* в Донской армии в Атаманском военном училище, затем во 2-м Донском кадетском корпусе в Крыму, в эмиграции в КСХС, окончил Первый русский кадетский корпус (1926), управляющий на фабрике Bata, расстрелян, могила неизвестна. Супруга **Вера Николаевна**, урожд. **Безуглова**, *Новороссийск, 24.10.1909— ?*, сын **Игорь**, *Сушак, 31.08.1929— Антон, шт. Мичиган, США, 22.09.2011,* художник. Второй сын **Вадим**, ребенок ок. трёх лет, умер *28.10.1933* от менингита, похоронен на кладбище Мирогой (9-III-233), могила не сохранилась.

Белоусов Алексей Кузьмич[2], *Таганрог, 25.03.1895 — Самобор, 22.11.1975,* адвокат, театральный режиссёр. В КСХС прибыл весной 1921 г. В 1926 г. окончил юридический факультет ЗУ. Проходил практику у адвоката Радивоя Вальтера в Загребе. После сдачи адвокатского экзамена работал по специальности в Вировитице. С начала 1943 г. активно сотрудничал с НОД. В совместных военных акциях X корпуса НОА и частей Красной армии, во время т. н. операции «Вировитицкий плацдарм» в конце 1944 г. служил переводчиком при штабе корпуса, а затем, в качестве бойца, участвовал в сражениях на Сремском фронте. Осенью 1945 г. организовал любительский театр в Вировитице, ставший в 1948 г. профессиональным. В 1946 г. потерял право на адвокатуру, а в 1947 г., как и всех русских, его лишили гражданства. Приказ о депортации был отменён лишь в 1949 г., когда ему вернули гражданство и право на осуществление адвокатской деятельности. К 25-летию своей работы в театре в Вировитице Белоусов на 70-м году жизни второй раз поставил на сцене «Дядю Ваню» Чехова.

***Белоусов Николай**, *Новочеркасск, 17.05.1907—?,* студент, жил на случайные заработки.

Богаевский (Воробьёв) Николай Николаевич[3] *СПб., 8.11.1908— Монтеррей, США, 3.07.1989,* поэт, историк, художник, полицейский служащий. Учился в III Кадетском корпусе в Новочеркасске. Был эвакуирован вместе с корпусом. Окончил Донской кадетский корпус в Горажде (БиГ), затем юридический факультет БУ. Принят на работу в Министерство внутренних дел в Белграде (1931—1932). Возглавлял антикоммунистический отдел в полиции Баня Луки до капитуляции Югославии. В мае 1941 г. вступил в усташское[4] движение. Работал помощником в управлении по вопросам безопасности, а потом — в охранной полиции в Баня Луке специалистом по борьбе с коммунистами. В начале 1942 г. перевёлся в Загреб в охранный комитет по городу Загребу и Великой жупе[5] Пригорье. Осведомитель политического отделения, а в конце 1941 г. — начальник антикоммунистического отделения. Во второй половине 1944 г. переведён в чине майора в Первую казачью дивизию, где служил офицером связи. В мае 1945 г. отступал с дивизией в Австрию. Чтобы избежать насильственной репатриации в СССР, взял фамилию матери и стал Воробьёвым. В 1951 г. переехал в Монтеррей (Калифорния, США). Создал студенческий русский хор, завоевавший популярность в США. Активно печатался в казачьих газетах и журналах. Автор многочисленных стихов, поэм «Болванный бунт» и «Кондратий Булавин».

Богоевский (Богаевский) Андрей Антонович[6], *Новочеркасск, ок. 1874—29.01.1931,* губернский секретарь, участник Степного похода, воевал в Донском пластунском юнкерском полку (1920), до эвакуации Крыма — бухгалтер в Атаманском военном училище, прибыл на о-в Лемнос, в эмиграции — торговец, умер от карциномы. Похоронен на кладбище Мирогой (12-III-69), могила не сохранилась.

Богатырёв Алексей Степанович[7], *Ростов-на-Дону, 1888—22.05.1963,* во ВСЮР и Русской Армии стражник в гражданской части штаба Главнокомандующего, эвакуирован из

---

[1] *Волков С. В.* Вторая база …С. 177; Эмигранты из России…С. 260.

[2] Marijanović S. Pokret kazališnog amaterizma u istočnoj Hrvatskoj i djelatnost kazališta u Virovitici, u: Dani Hrvatskoga kazališta. Građa i raspraveo hrvatskoj književnosti i kazališt u.Vol. 12. No. 1, svibanj 1986. S. 458. Эмигранты из России…С. 145.

[3] Хронос: всемир. история в интернете [сайт] // URL: http://hrono.ru/biograf/bio_we/vorobevnn.php (дата обращения: 17.07.2014); Эмигранты из России…С. 146.

[4] Фашистская ультраправая организация, основанная Анте Павеличем в 1929 г. в Италии. С апреля 1941-го по май 1945 г. стояла во главе НГХ. *(Прим. авт.)*

[5] Жупа – округ. *(Прим. авт.)*

[6] *Волков С. В.* Вторая база …С. 21; Эмигранты из России…С. 262.

[7] *Волков С. В.* Вторая база …С. 406; Эмигранты из России…С. 42, 43, 262.

Севастополя на транспорте «Корнилов», в эмиграции — частный предприниматель, молочник. Могила не сохранилась.

***Болдырев Степан Степанович**, *Новочеркасск, 1901—?,* жил в Сушаке.

***Булычёв Николай Васильевич**, *Каменский/ Каменская, 1899—?,* электротехник в Дубровнике.

Быкадоров Иван Афанасьевич[1], *ст-ца Митякинская, 28.09.1903—1.06.1985,* биолог. Кадет Донского кадетского корпуса. Воевал во ВСЮР на бронепоезде «За Русь святую». Был ранен. Эвакуировался в марте 1920 г. из Новороссийска на корабле «Херсон». На июнь 1920 г. — в Пирее (Греция). На конец 1921 г. — в 7-м классе корпуса в Египете. В 1921 г. переехал в Болгарию. В 1923 г. в Шумене закончил гимназию и переехал во Францию. В г. Руане изучал химию, но должен был оставить учёбу, т. к. закон запрещал иностранным студентам одновременно учиться и работать. В 1939 г. переехал в Югославию, где жил его отец, и поступил в БУ, но предыдущая учёба во Франции не была засчитана, и потому поступил на ветеринарный факультет ЗУ, который не смог закончить из-за начавшейся войны. По окончании войны продолжил изучать биологию в Высшем педагогическом институте, который закончил в 1948 г. Служащий-лаборант Государственного института лекарственных трав, затем лаборант Зоологического института физико-математического факультета ЗУ, а после окончания курса биологии (1960) — научный сотрудник. Читал курс лекций «Устройство вивария», а также заведовал институтской библиотекой вплоть до своего выхода на пенсию в 1973 г. Супруга **Ольга Фёдоровна**, урожд. **Матвеева** (вдова доктора **Караханяна**), *Рига, 1900—25.05.1978.*Похоронены на кладбище Мирогой (69-I-25) вместе с семьёй **Караханянов**, могила сохранилась.

Вальтер Юлиана[2], урожд. **Захарова**, *Ростов-на-Дону, 3.01.1892—17.04.1972.* Похоронена на кладбище Мирогой (39-I-23), могила сохранилась.

***Васейко Иван Иосифович**, *хутор Романовский, 5.06.1894—?,* работал в фирме М. Vačić, супруга **Нина Николаевна**, урожд. **Ковалёва**, *ст-ца Каменская, 1.05.1905—?,* сын **Николай**, род. в *Загребе 23.11.1923,* электротехник.

Васильев Александр Александрович[3]*,ст-ца Кременская, 13.08.1885—29.03.1945,* во ВСЮР — по ведомству Министерства просвещения, эвакуирован 25.03.1920 из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер», летом 1920 г. в Константинополе, на о-ве Лемнос и в Сербии, затем жил в Загребе, служащий. Похоронен на кладбище Мирогой (121-II-69), могила сохранилась.

***Власенков Фёдор**, военный протоиерей Донской армии.

***Волчков Евгений**, *Ростов-на-Дону,1900—?,*- частный служащий.

***Воронкова Вера**, *Новочеркасск, 1875—?,* домохозяйка.

Гермоген (Максимов) Григорий Иванович[4], *ст-ца Нагавская, 10.01.1861—30.06.1945,* митрополит. В 1882 г. окончил духовную семинарию в Новочеркасске, в 1886 г. — Киевскую духовную академию. Рукоположен в сан приходского священника в 1887 г. Служил в Старочеркасской, потом Новочеркасске. В 1902 г. назначен настоятелем кафедрального собора во Владикавказе. В 1906 г. по решению Синода стал ректором семинарии в Саратове. О священническом труде Гермогена свидетельствует тот факт, что он получил все награды, которые могут быть у священника. В 1910 г. принял монашеский сан с именем Гермоген и был назначен архиепископом Аксайским (Область войска Донского). В феврале 1918 г. был арестован большевиками. Выпущен по амнистии. После занятия Новочеркасска частями атамана П. Н. Краснова поставлен епископом Донского войска и Морских сил. В 1920 г. эмигрировал. Жил на Лемносе, потом на Святой горе (Афон) и в Салониках. В июне 1922 г. Синод РПЦЗ назначил его управителем русских церковных общин в Греции, на Крите и в северной Африке. В том же году получил сан архиепископа Екатеринославского и Новомосковского. В 1929 г. получил назначение архиепископа в новооснованной Западноамериканской архиепископии, но принять эту позицию не смог. Переехал в КСХС и жил в монастырях Раваница, Раковац, Гргетег и Хопово. При образовании ХПЦ в НГХ 3 апреля 1942 г. Максимов был избран ее главой. В сан митрополита возведён в церкви Св. Преображения 7.06.1942

[1] Эмигранты из России…С. 147, 266; Погибшие : Участники Белого движения в России : [электрон. ресурс]. С. 723 URL: https://xn--90adhkb6ag0f.xn--p1ai/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-bshbya.html

[2] Эмигранты из России…С. 267.

[3] *Волков С. В.* Вторая база …С. 154; Эмигранты из России…С. 42, 44, 83, 96, 109, 267, 385, 386, 394

[4] *Косик В. И.* Хорватская православная церковь (от организации до ликвидации, 1942–1945). Взгляд из XXI века. М., 2012. С. 21, 36–47, 49–53, 60, 66–70, 72, 73, 76, 78–80, 85, 86, 88, 91, 93, 96, 97, 99–110, 127–129, 131, 137, 149, 151–155,157–161, 163–166, 168–173, 176–180; Эмигранты из России…С. 23, 83, 153, 154.

в Загребе. В конце войны ХПЦ запретили, а Гермогена в мае 1945 г. арестовали. Загребский трибунал 29 июня 1945 г. приговорил его к расстрелу. На том же процессе к смерти были также приговорены Серафим Купчевский, Димитрий Мрихин и Алексей Борисов, священники ХПЦ, русские по происхождению.

Говоров Александр Владимирович[1], *ст-ца Мартыновская, 10.06.1880—10.02.1956,* врач. Окончил Донскую духовную семинарию, Казанский ветеринарный институт. Работал помощником прозектора кафедры патологической анатомии Харьковского университета. Эмигрировал в КСХС в 1920 г. Жил в Загребе. Председатель правления Русской колонии и Русского клуба. Прозектор в Патологоанатомическом институте при медицинском факультет ЗУ с 1924 г. По выходе на пенсию в 1951 г. — хранитель музея института, автор каталога и картотеки к смонтированным им всем 3500 экспонатам музея. Супруга **Мария Матвеевна**, урожд. **Коновалова**, *Екатеринодар, 9.06.1892 — 27.04.1976*. Похоронены на кладбище Мирогой (GI 4-I-107), могила не сохранилась.

Говоров Василий Владимирович[2], *ст-ца Мартыновская, 21.10.1892—11.09.1973,* шофёр/монтёр в Патологоанатомическом институте при медицинском факультете ЗУ, супруга **Елена Владимировна**, урожд. **Зазерскова**, *Новочеркасск, 3.08.1895—1.07.1977*, **Говорова Елена**, *Новочеркасск, 1882—21.08.1968,* и **Говорова Нина**, *1932—1984.* Похоронены на кладбище Мирошевац (209-I-79), могила сохранилась.

Говоров Николай Владимирович,[3] *Новочеркасск, 1889—11.05.1979*, окончил Тверское кавалерийское училище (1917), корнет 2-го драгунского полка, воевал в Донской армии (1918), во ВСЮР и Русской Армии во 2-м кавалерийском полку, поручик, награждён орденом Св. Николая Чудотворца, эвакуирован на корабле «Аю-Даг». Могила не сохранилась.

***Голоколосова Регина Георгиевна**, *Сулин, 26.12.1924—?,* работница в больнице Сестёр Милосердия.

***Громов Авелий**, *Ростов-на-Дону, 1.05.1903—?,* коммивояжёр, супруга **Громова Анна**, *1904— ?.*

Губарев Борис Степанович[4], *Новороссийск, 1903—08.07.1995,* из дворян Области Войска Донского, сын коллежского асессора, офицер Русской имп. армии, и супруга **Мира**, *ок. 1911—31.07.2002.* Похоронен на кладбище Мирогой (RKT 5-II/I-33), могила сохранилась. В КСХС приехал с братьями **Николаем**, *Новочеркасск, 7.05.1901—?,* участник Степного похода, воевал в Донской армии, в эмиграции — врач, работал в Даруваре и Кончанице, после 1945 г. — в США, и **Павлом**[5], *Новочеркасск, 28.06.1905—?*, кадет Донского кадетского корпуса, в эмиграции в Константинополе, затем с корпусом в Югославии, офицер КЮА, после 1945 г. в США. Родители **Степан** и **Мария**, урожд. **Текучёва**. Сын **Никола Борисович**, *Кончаница, ок. 1936—20.10.2014*, профессор, сотрудник клиники неврологии. Похоронен на кладбище Мирогой (41-II/I-44), могила сохранилась.

Губарев Николай Степанович,[6]*Новочеркасск, 7.05.1901—?.* Окончил медицинский факультет ЗУ в 1929 г. Общинный врач, позднее — директор водолечебного санатория в Даруваре. В конце 1943 г. — заведующий больницей в Пакраце, в 1944 г. — заведующий больницей II/1, VI корпуса.

Давыдов Иван Фёдорович[7], *?, Область войска Донского, ок. 1897—28.09.1923,* унтер-офицер Русской имп. армии, умер от туберкулёза. Похоронен на кладбище Мирогой (11-III-286), могила не сохранилась.

Донская Антония[8], *хутор Богучарский, 1895—?,* портниха женской одежды в Загребе.

***Донской Василий**, ст-ца *Морозовская, 1900—?,* рабочий в Осиеке.

***Доронин Валериан Владимирович**, *Ростов-на-Дону*, 1907 — ?, инженер в Загребе.

***Дорохин Валериян**, *Ростов-на-Дону, 29.05.1907—?,* инженер, супруга **Дорохина Татьяна**, *Ростов-на-Дону, 5.01.1885—?,* вдова, на иждивении сына.

Дувакин Николай[9], *Новочеркасск, 1901—?,* геодезист, член русского драматического кружка.

---

[1] Эмигранты из России…С. 271; Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев/Югославии : биогр. слов. и анкеты (1918–1946) / отв. ред. М. Милошевич, В. Москвин. М., 2012. С. 85–86.

[2] Эмигранты из России…С. 271.

[3] *Волков С. В.* Вторая база … С. 234; Эмигранты из России…С. 271.

[4] Эмигранты из России…С. 273.

[5] *Волков С. В.* Вторая база … С. 516; Эмигранты из России… С. 133, 273.

[6] *Волков С. В.* Вторая база … С. 516; Эмигранты из России… С. 127, 128, 229.

[7] Эмигранты из России…С. 274.

[8] Эмигранты из России…С. 41, 44.

[9] Эмигранты из России…С. 133.

Елатанцев Григорий Иванович[1], *ст-ца Манычская, 15.09.1885—10.12.1988,* врач. Окончил Александровское реальное училище в Новочеркасске, Донской политехнический институт (1916). В Первую мировую войну служил на Юго-Восточном фронте. Участник Белого движения, воевал во ВСЮР. В 1920 г. эвакуировался из Феодосии в КСХС, но осенью того же года вернулся в Россию, воевал в Русской армии ген. П. Н. Врангеля. Вновь выехал из России в ноябре 1920 г. в ходе крымской эвакуации. В 1921 г. поступил на агрономический факультет БУ, а затем перевелся на медицинский факультет, который окончил в 1930 г. До 1932 г. — ассистент в Анатомическом институте в Белграде, затем — врач в Любии и Дворе-на-Уне, заведующий медицинским пунктом в Дворе-на-Уне и Ястребарско, затем санитарный инспектор уезда Ястребарско. Награждён орденом «Заслуги перед народом» с серебряной звездой (1966) и памятным дипломом от Сабора муниципалитета Ястребарско (1970). Супруга **Ольга Константиновна**, урожд. **Ошмянская**, *Владиславов, 16.01.1904—5.10.1983,* врач, её мать **Ксения Константиновна Ошмянская**, урожд. **Пивоваренко**, *24.01.1868—24.01.1967,* сын **Елатанцев Ростислав Григорьевич**[2], *27.02.1929—20.06.2009.* Похоронены на кладбище Мирошевац (246-I-9), могила сохранилась.

Епихов Николай Николаевич[3], *ст-ца Богоявленская, 6.12.1874—18.01.1972,* выпускник Новочеркасского казачьего училища (1897) и академии Генштаба (1908), воевал в составе Донской армии (с мая 1918), генерал-майор Русской имп. армии, эвакуировался через Болгарию, в Загребе — подёнщик в мастерской ГЖД, член Общества офицеров Генерального штаба, после выхода на пенсию — иподьякон в церкви Св. Преображения, и супруга **Елена Петровна**, урожд. **Смоленская**, *Кишинёв, 25.01.1877—15.03.1947.* Похоронены на кладбище Мирогой (GI 10-I-101), могила сохранилась.

Ермолов Николай Петрович[4], *Новочеркасск, 16.04.1903—12.11.1979,* водитель в компании по перевозкам Velebit. Похоронен на кладбище Мирогой (126-II-142), могила сохранилась.

Жариков Григорий Михайлович[5]**,** *Ростов-на-Дону, 21.01.1894—25.12.1970,* выпускник Сергиевского артиллерийского училища в Одессе (1916), подпоручик, в Загребе — частный служащий, с 1938 г. — лаборант с подённой оплатой в Институте фармакологии и токсикологии медицинского факультета ЗУ, член Общества русских офицеров артиллерии. Перезахоронен в общую могилу (203-I-999) на кладбище Мирошевац.

Жеребков Николай Алексеевич[6], *СПб., 3.06.1875—25.04.1937.* Окончил училище правоведения (1897). Титулярный советник, почётный мировой судья 1-го Донского округа. Воевал в Донской армии. В 1918 г. — секретарь представителя Донской армии при Добровольческой армии. Эвакуировался из Крыма. Похоронен на кладбище Мирогой (122-III-57), могила не сохранилась.

***Жеребкова Анна**, *Новочеркасск, 11.02.1914—23.10.1944,* умерла от туберкулёза, мать **Жеребкова Елена Фёдоровна**[7], урожд. **Рыковская**, *СПб., 12.12.1885—18.12.1941,* вдова, воевала во ВСЮР. Похоронены на кладбище Мирогой (GI 10-I-40), могила сохранилась.

***Жеребкова Ольга Сергеевна**, в замужестве **Шпилевая**, *Новочеркасск, 18.04.1907—?,* супруг **Шпилевой Анатолий Васильевич**, *Новочеркасск, 20.08.1903—?,* сотрудник страховой компании Ujedinjeno, дочь **Ирина**, род. в *Загребе 1.03.1933.*

Захаревский Сергей Васильевич[8] *?, Область войска Донского, 29.10.1879—3.02.1930*, выпускник Донского кадетского корпуса (1899) и Николаевского кавалерийского училища (1901), полковник, участник Степного похода, в эмиграции — ответственный редактор газеты «Русский голос». Похоронен на кладбище Мирогой (11-III-510), могила не сохранилась. Супруга **Евгения Владимировна**, урожд. **Кононова**, *Лида Гродненской губ., 3.06.1898—?.*

Земляков Андрей Андреевич[9], *Ростов-на-Дону, 30.11.1894—24.02.1982,* и супруга **Анна Константиновна**, урожд. **Чернявская**, *Ростов-на-Дону, 22.11.1898—5.11.1971.* Похороне-

[1] Российские врачи в Королевстве сербов... С. 102–103; СтојниЋ Б., СтошиЋ В. М. Лекарска комора Врбаске бановине. 1929–1941. БаЊалука, 2012. С. 67–68. Эмигранты из России…С. 157–158, 279.

[2] Эмигранты из России… С. 134, 279

[3] *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб. ; М., 2002. С. 191; Волков С. В. Вторая база…С. С. 79; Эмигранты из России… С. 78, 280, 295, 396.

[4] Эмигранты из России…С. 42, 44, 280.

[5] *Волков С. В.* Вторая база … С. 7;. Эмигранты из России…С. 280.

[6] *Волков С. В*. Вторая база…. С. 31; Эмигранты из России…С. 281.

[7] *Волков С. В.* Вторая база… С. 31;. Эмигранты из России…С. 281

[8] *Волков С. В.* Белое движение. С. 207; *Волков С. В.* Вторая база… С. 103; Эмигранты из России… С. 41, 44, 282, 396.

[9] Эмигранты из России…С. 283.

ны на кладбище Мирошевац (279-I-235), могила сохранилась.

***Иванков Иван М.**, *Ростов-на-Дону ? — ?*, продавец молочных продуктов в Сушаке.

Иванов Василий Яковлевич[1], *ст-ца Мариинская, 30.03.1888—?,* эпидемиолог. Окончил Донскую духовную семинарию в Новочеркасске (1908), медицинский факультет Варшавского университета (1913). В 1914 г. работал в областной больнице в Новочеркасске. В годы Первой мировой войны служил в армии младшим врачом пограничной бригады в Закаспийской области. В 1918 — 1920 гг. руководил больницей в ст-це Апшеронской на Кубани. В КСХС с 1921 г. Принимал участие в ликвидации эпидемии малярии в Сплите и Муче в 1921 — 1927 гг. В 1927 — 1941 гг. — общинный врач в Муче и Босанско Грахове. В 1941 — 1942 гг. работал в партизанской больнице в Босанско Грахове, в 1944 г. лечил партизан в Мосоре. В 1943 — 1945 гг. вёл частную практику в Сплите, работал уездным врачом в Омише, а с мая 1945 г. — в амбулатории в Муче.

Иванова Мария[2], *Ростов-на-Дону, ок. 1890—1.06.1931.* Похоронена на кладбище Мирогой (12-III-108), могила не сохранилась. Супруг **Иванов Степан**, *Благовещенск, ок. 1889—18.01.1936,* гидротехник. Похоронен на кладбище Мирогой (121-III-172), могила не сохранилась.

Исаев Иван Петрович[3], *Новочеркасск, 23.02.1898—10.11.1960,* инженер-лесотехник, умер в больнице в Загребе. Супруга **Анна Диомидовна**, урожд. **Дирина**, умерла в г. Приедоре. Похоронены на кладбище Мирошевац (207-II-15), могила сохранилась, но выглядит запущенно.

***Ишевич Григорий**, *Ростов-на-Дону, 1897—?,* музыкант в Вараждине.

Каледин Гавриил Николаевич[4], *Новочеркасск, 7.04.1890—27.05.1950,* подполковник кавалерии в югославской, потом хорватской армии, и супруга **Тамара Сергеевна**, урожд. **Закревская**, *Житомир, 11.02.1900—18.07.1992* (первый супруг — **Никонов Николай Михайлович**, внештатный преподаватель на электротехническом факультете ЗУ в 1956 — 1959 гг.). Похоронены на кладбище Мирогой (GI 12-I-45), могила не сохранилась. Сын **Николай (Ника)**, *1921—12.10.1989*, похоронен на кладбище Мирошевац (264-I-1), могила сохранилась.

***Калников Георгий (Афиниянович?)**, *Новочеркасск (?), 1879—?,* пахарь из Уштицы.

Карайчев (Караичев) Яков Руфович,[5] *ст-ца Романовская, 1894—19.11.1969,* выпускник Тифлисского военного училища (1917), капитан русской казачьей армии, воевал во ВСЮР и Русской Армии, в эмиграции — преподаватель, супруга **Любица**, урожд. **Мазек**, *1900—1956,* учительница. Похоронены на кладбище Мирогой в аркадах (916-stanic-17), плита сохранилась.

Киндий Минодор Михайлович[6], *Ростов-на-Дону, 22.05.1916—5.06.1974,* инженер-строитель. Похоронен на кладбище Мирогой (161-II-80), могила сохранилась.

***Князьков Василий Георгиевич**, *Таганрог, 1890—?,* жил в Дубровнике.

***Ковалёв Михаил Антонович**, *ст-ца Митякинская, 28.09.1903 — ?*, учился на лесном факультете, жил на случайные заработки, супруга **Марта**, урожд. **Нинкович**, *Дивосело, 7.07.1907—?.*

***Колкатин Александр**, *Новочеркасск, 9.11.1898—?,* шофёр, супруга **Агата (Агафья?),** сыновья **Степан**, 1918 г. р., и **Петр** 1931 г. р., дочь **Мария**, 1939 г. р.

Космаенко Александр Порфирьевич[7], *Александровка/Ростов-на-Дону, 10.10.1888—10.07.1945,* дирижёр Русского хорового общества и церковного хора, расстрелян, могила неизвестна. Мать **Ксения Некрасова**.

Космаенко Иван Порфирьевич,[8] *Александровка/Ростов-на-Дону, 8.02.1882—22.05.1951,* выпускник Киевского военного училища (1904) и академии Генштаба (1912), воевал в Добровольческой армии и ВСЮР (с 1918), с ноября 1918 г. в комиссии для рассмотрения проекта новой организации армии, затем начальник отдела в управлении дежурного генерала штаба Главнокомандующего. Эвакуирован, но 14 июня 1920 г. возвратился в Крым на корабле «Константин», в Русской армии до эвакуации Крыма, полковник Генерального штаба Русской имп. армии, неоднократно награжден; в эмиграции (почти все время) учитель математики, геометрии и геодезии в Гражданской школе в Шиде, член Общества офицеров Генерального штаба. Из воспоминаний И. П. Космаенко:

---

[1] Российские врачи в Королевстве сербов... С.131–133; Эмигранты из России…С. 231.
[2] Эмигранты из России…С. 283.
[3] Эмигранты из России…С. 65, 130, 276.
[4] Эмигранты из России…285, 396.
[5] *Волков С. В.* Вторая база… С. 145; Эмигранты из России… С. 286.
[6] Эмигранты из России…С. 287.
[7] Эмигранты из России…С. 82, 85, 89, 184, 292, 393, 394.
[8] *Волков С. В.* Белое движение. С. 68; *Волков С. В.* Вторая база … С. 770; Эмигранты из России…С. 292–293.

«... Я приехал сюда иностранцем, прижился здесь, возраст и пошатнувшееся здоровье связывают меня с этим местом...» Похоронен на кладбище Мирогой (160-II-164), могила не сохранилась. Супруга **Софья Александровна**, урожд. **Подерни**, *Кагизман, Турция, 24.06.1883—?*, сын **Константин**, *8.05.1909—?*, выпускник Первого русского кадетского корпуса (1927). Летом 1920 г. находились на о-ве Лемнос.

Костенко Николай Тихонович[1] *Таганрог, 5.12.1879 (1874?)—8.12.1942,* прокурор, воевал во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма, эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин», в эмиграции — частный служащий, умер от туберкулёза. Перезахоронен в общую могилу (RKT 12-II/I-58/59) на кладбище Мирогой.

Крапивин Анатолий Михайлович[2], *Новочеркасск, 31.01.1906—?,* студент, жил на случайные заработки, окончил сельскохозяйственно-лесотехнический факультет ЗУ (1935).

Краснов Андрей[3], *Новочеркасск, 1900—26.03.1976,* **Краснова Мария**, *? ок. 1908—10.06.1988.* Похоронены на кладбище Мирошевац (298-II-73), могила сохранилась.

***Крюков Михайло (Михаил?)**, *Ростов-на-Дону,1880—?,* рабочий в Осиеке.

***Кудрявцев Николай Александрович**, *Ростов-на-Дону, 1.10.1899—?,* работник в гостинице Central, супруга **Паула**, урожд. **Хайнер**, *Земун,14.10.1911—?.*

Кудрявцев Николай[4], *Ростов-на-Дону, 1902—?,* рабочий во Врапче.

***Кузнецов Пётр Михайлович**, *Новочеркасск,1872—?,* частный служащий в Дубровнике.

***Кузнецова Мария**, *Ростов-на-Дону, 1876—?,* домохозяйка в Загребе.

***Кузьмин Гавриил**, *Сулин,1888—?,* рабочий в Осиеке.

***Курдюмов Иван Николаевич**, *Новочеркасск, ?.02.1896 — ?,* агроном. Окончил гимназию в родном городе, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Эмигрировал в 1920 г. Окончил сельскохозяйственно-лесотехнический факультет ЗУ в 1926 г. Автор книги *Čičoka. Topinambur*. Bjelovar, 1944. Родители **Николай** и **Мария**, урожд. **Балашова**.

***Ламанов Борис Макарович**, *Ростов-на-Дону,15.05.1920 —?*

***Ламбакис Анка (Анна?) Харлампиевна**, в замужестве **Дабович**, *Ростов-на-Дону,16.02.1903—?,* супруг **Дабович Йован**.

Левицкий Михаил Андриянович (**Адрианович**),[5] *Новочеркасск, 17.11.1894—16.10.1953,* служил в Донской армии в управлении окружного атамана Черкасского округа, в 1920 г. — писарь общего отдела штаба ВВД, коллежский регистратор (с 1919), в эмиграции частный служащий, и супруга **Цецилия** (**Милка**), *Осиек, 28.10.1898—?.* Могила не сохранилась.

Лукьянов Аркадий Павлович[6] *?, Сальский округ, 22.08.1896—?,* химик. Окончил химико-технологическое отделение технического факультета ЗУ (1927). Ассистент Института аналитической химии в 1926 — 1927 гг., затем работал на фабрике Kaštel (ныне Pliva). Супруга **Стефания,** урожд. **Ягодич,** *Загреб, 18.08.1902—?.*

Луценко Ирина Степановна[7], урожд. **Усова**, *Ростов-на-Дону, 16.04.1904—?,* супруг **Димитрий Иванович**, *Киев, 16.12.1895—10.11.1945,* механик. Расстрелян, могила неизвестна.

Лысенко Николай Георгиевич[8], *Новочеркасск, 14.7.1907—12.12.1985,* служащий, супруга **Катарина**, урожд. **Ковач**, *Нова Градишка, 17.11.1912—17.02.1983,* и дочь **Нина**, *Загреб, 10.09.1943—16.09.1972.* Похоронены с другими членами семьи на кладбище Мирогой (GI 13A-I-67), могила сохранилась.

Максимов Семён Иванович[9], *Новочеркасск, 1.09.1897—?,* врач, психиатр. Окончил новочеркасскую гимназию (1915), медицинский факультет ЗУ (1940). В 1923 — 1940 гг. работал в больнице для душевнобольных в м. Врапче, в 1941 г. — в Государственной больнице в Белграде, в 1941 — 1943 гг. — в Государственной больнице в Баня Луке. Служил в вооруженных силах Хорватии в Баня Луке (1941 — 1942), в V корпусе XXXIX дивизии НОАЮ (с 1943). В 1944 — 1945 гг. работал уездным врачом в м. Бугойно, в 1945 г. — в м. Босанско Грахово, в 1945 — 1946 гг. — в м. Котор-Варош.

Максимов Фёдор Иванович[10], *ст-ца Кумылженская, 8.06.1892—?,* врач, рентгенолог. Гимназию закончил в Новочеркасске в 1912 г. Каза-

---

1 *Волков С. В.* Вторая база … С. 785; Эмигранты из России…С. 293.
2 Эмигранты из России…С. 130.
3 Эмигранты из России…С. 294.
4 Эмигранты из России…С. 121.
5 *Волков С. В.* Вторая база… С. 129; . Эмигранты из России…С. 298–299.
6 Эмигранты из России…С. 113, 132, 134, 177.
7 Эмигранты из России…С. 301.
8 Эмигранты из России…С. 301.
9 Российские врачи в Королевстве сербов…. С. 203–205; Эмигранты из России…С. 128, 232.
10 Эмигранты из России… С. 127.

чий капитан. Участвовал в Гражданской войне. Инвалид (ампутирована левая нога). В 1920 г. эмигрировал в Югославию. По окончании медицинского факультета ЗУ работал в Белграде, Шибенике, Загребе. Родители **Иван** и **Пелагея**, урожд. **Фролова**, супруга **Анка**, урожд. **Мателич**, *Нова Капела*, *7.02.1911—?.*

Манастырсков Иван[1] *?, Область войска Донского, ок. 1888—17.06.1927,* ветеринар по контракту, умер от туберкулёза. Похоронен на кладбище Мирогой (11-III-474), могила не сохранилась.

Марченко Дионисий Андреевич[2], *сл. Ефремовка, 1.10.1895—24.09.1968,* выпускник учительской семинарии, воевал в Добровольческой армии (с нояб. 1917), участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, капитан (с марта 1919), комендант штаба корпуса Кутепова, с осени 1919 г. командир 2-го батальона 1-го Марковского полка, затем помощник командира полка, с декабря 1919 г. по сентябрь 1920 г. и с октября 1920 г. — командир того же полка до эвакуации Крыма, полковник (с 1920), Георгиевский кавалер — награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. (1916), инвалид (ампутирована рука), в эмиграции — служащий на железнодорожной станции; супруга **Наталия Владимировна**, урожд. **Балкитско**, *Ростов-на-Дону, 10.03.1893—26.12.1986.* Похоронены на кладбище Мирогой (121-I-35), могила сохранилась. Сын **Юрий**, *1926 г.р.,* служил в хорватской армии, до 1940 г. в Осиеке, с 1945 г. в Австрии.

Микула Антонина[3]**,** урожд. **Воронина**, *Ростов-на-Дону, 1887—6.10.1985.* Похоронена на кладбище Мирошевац (211-I-17), могила сохранилась.

***Мироненко Алевтина**, *Ростов-на-Дону, 30.07.1913—?,* частная служащая.

*** Мироненко Людмила Тихоновна**, в замужестве **Юрич**, *Ростов-на-Дону, 24.11.1914 — ?,* супруг **Златко Юрич**.

***Молчанов Александр Васильевич**, *ст-ца Нижнечирская, 1888—?,* рабочий в Осиеке.

***Монетов Василий Тимофеевич**, *Новочеркасск,1898—?,* маляр в Славонской Пожеге.

***Мордовин Симеон Николаевич**[4], *ст-ца Глазуновская, 14.04.1897—?,* инженер-электротехник. Классическую гимназию закончил в Новочеркасске в 1916 г. В Донском университете в Ростове-на-Дону в течение восьми семестров слушал курс математики и физики (1916—1920). В Загребе продолжил обучение в Высшей технической школе (1920—1922). По окончании работал учителем в Петрине. Супруга **Елизавета**, урожд. **Фёдорова** (поженились в 1924 г.)

Мрихин (Мрыхин) Димитрий Филиппович[5], *ст-ца Мешковская, 16.09.1898—30.06.1945,* православный священник, расстрелян, могила неизвестна.

***Нахинов Александр**, *ст-ца Платовская, 10.09.1917—?,* частный служащий.

***Немерчук Михаил Андреевич**, *Каменская (?), 1896—?,* инженер из Осиека.

Нефёдов Александр Васильевич,[6] *Новочеркасск, 5.04.1874—27.03.1928,* из дворян, сын есаула, выпускник Донского кадетского корпуса (1893), Николаевского кавалерийского училища (1895), Офицерской артиллерийской школы (1912), воевал в Донской армии (1918—1919), в 1920г. заведующий хозяйством в Донской офицерской артиллерийской школе, генерал-майор Русской имп. армии, в эмиграции проживал в Загребе, в Русском доме на Кунишчаке, член Общества русских офицеров артиллерии, покончил жизнь самоубийством. Похоронен на кладбище Мирогой (11-III-480), могила не сохранилась. Супруга **Екатерина Матвеевна**, урожд. **Самсонова**, дочь войскового старшины, сыновья **Александр**, *1.09.1899—?,* и **Олег**, *29.06.1902—?.*

***Нечаев Иван**, *Таганрог,1901—?,* торговец из Осиека.

Никольский Михаил Захарович[7], *ст-ца Нижнечирская, 7.08.1910—29.03.1958,* старший геодезист, супруга **Маца**. Похоронены на кладбище Мирогой (2-I-?), могила не сохранилась. Родители **Захарий** и **Любовь**, урожд. **Попова**, *Новочеркасск, 1868—?,* домохозяйка.

Никольский Пётр Захарович,[8] *ст-ца Нижнечирская, 20.01.1897—25.06.1945*, казак, выпускник Павловского военного училища (1917), прапорщик Донского казачьего войска, участник Степного похода, воевал в Донской армии в отряде ген. Мамонтова и в 42-м Донском казачьем полку, весной 1920 г. — в Донском офицерском

---

[1] Эмигранты из России…С. 304.

[2] *Волков С В.* Белое движение. С. 330; *Волков С В.* Вторая база…. С. 221; *Клепов М. Ю.* Офицеры Георгиевские кавалеры. М., 2015. С. 419; Эмигранты из России…С. 306.

[3] Эмигранты из России…С. 308.

[4] Эмигранты из России…С. 63, 67, 95,121, 134.

[5] Эмигранты из России…С. 154, 311.

[6] *Волков С. В.* Белое движение. С. 375; Волков С. В. База данных… С. 133; *Жемайтис О. Ф., Корягин С. В.* Золотарёвы и другие. М., 2010. С 35 (Генеалогия и семейная история дон. казачества. Вып. 95). Эмигранты из России…С. 313–314. Эмигранты из России… С. 314.

[7] Эмигранты из России…С. 314.

[8] *Волков С. В.* Вторая база … С. 207;Эмигранты из России… С. 97, 134, 314.

резерве, затем в строевой сотне начального этапа Донского корпуса, позже — начальник этапа Донского корпуса до эвакуации Крыма, находился на о-ве Лемнос, есаул (с 1921), в эмиграции — инженер, расстрелян, могила неизвестна. Дочь **Елена**, в замуж. **Коттос**, впоследствии **Араньош**[1], *Евпатория, 1920—5.10.1949,* архитектор, покончила жизнь самоубийством. Супруга **Ксения Дмитриевна**, урожд. **Тарановская**[2], *Новочеркасск, 18.12.1897—?*, и сын **Владислав**, *Ступовача, Гарешница, 10.07.1923—?,*ок. 1950 г. уехали за границу.

***Парадиев Анатолий**, *Белая (Калитва?),1887—?,*священник.

***Пашкова Марта**, *Ростов-на-Дону*, *1901—?,* швея.

Пигарев Иван Тарасович,[3]*ст-ца Усть-Белокалитвенская, 13.11.1888—2.07.1974,* казак, служил в Донской армии в 9-м Донском казачьем (Усть-Белокалитвенском пешем) полку, старший урядник, ранен (1918), в Хорватии остался как военнопленный, рабочий, супруга **Павица**, урожд. **Маринич**, *Синь, 1.01.1900—28.10.1984,* дочь **Божена**, в замуж. **Перкович**, *Загреб, 24.12.1923—5.10.1945,* и её сын **Младен Перкович**, *Загреб, 28.08.1945—20.09.1945,* вторая дочь **Вера**, в замуж. **Брадица**, *Загреб, 23.11.1926—4.08.1998*. Похоронены на кладбище Мирогой (115-II-185), могила сохранилась. Третья дочь **Феодосия**, *Загреб, 6.09.1931—3.04.1937*, умерла в возрасте пяти с половиной лет. Похоронена на кладбище Мирогой (122-III-62), могила не сохранилась. Внучка **Бранка Драгичевич**, род. в *Загребе* в *1949 г.*

Пичахчи Александр Павлович[4], *Аксай, 15.03.1886—1954,* полковник Русской имп. армии, в эмиграции — служащий. Могила не сохранилась. Супруга **Любовь**, урожд. **Ангелова**, *Одесса, 30.09.1896—?,* сын **Георгий (Юрий)**, *Одесса, 22.07.1916—?,* выпускник Первого русского кадетского корпуса (1934).

Польская Ольга Александровна[5], урожд. **Золберг**, *Ростов-на-Дону*, *1898—31.01.1938*, покончила жизнь самоубийством, супруг **Польский Николай Афанасьевич**, *Ставрополь*, *20.09.1897—22.08.1948*, врач частной практики. Похоронены на кладбище Мирогой (121-I-20), могила не сохранилась.

Поляков Всеволод Платонович,[6]*ст-ца Баклановская, 1878—5.06.1951,* из дворян, сын сотника, выпускник Вольской военной школы (1895), Новочеркасского казачьего училища (1897), офицер 14-го Донского казачьего полка, войсковой старшина 45-го Донского казачьего полка, служил в Донской армии, начальник этапного участка 1-го Донского корпуса, полковник. Похоронен на кладбище Мирогой (9-II-27), могила не сохранилась.

Поляков Иван Алексеевич[7], *Новочеркасск, 08.1886—Нью-Йорк, 16.04.1969.* Учился в военной инженерной школе, затем в Академии генерального штаба. Генерал-майор. Служил в гарнизоне в Петрограде. В 1920 г. прибыл в Загреб как представитель российского военного аташе. С 1926 г. занимался делами русских беженцев в Загребе, а также служил в полиции. Автор книги «Донские казаки в борьбе с большевиками» (Мюнхен, 1962). Родители **Алексей** и **Варвара**.

Пономарёв Павел Тимофеевич[8], *Новочеркасск, 15.01.1898—?,* инвалид, продавец фруктов и овощей в Загребе.

Попов Василий Григорьевич[9], *ст-ца Раздорская, 6.04.1906—9.07.1945,* поручик Русской имп. армии, инженер-геодезист, расстрелян, могила неизвестна. Мать **Александра**, урожд. **Ражова**.

***Попов Иован (Иван?)**, *ст-ца Гниловская, 1870—?,* священник в Скраде.

***Попов Пётр**, *ст-ца Усть-Медведицкая*, *1900—?,* священник в Чаглице, затем в Тесличе и Ловской.

Резанов Фёдор[10] *?, Область войска Донского, ок. 1888—2.08.1929,* каменщик, умер от туберкулёза. Похоронен на кладбище Мирогой (11-III-493), могила не сохранилась.

Ренненкампф, фон Анастасия[11], урожд. **Зубкова**, *Ростов-на-Дону, ок. 1879—19.01.1937.* Похоронена на кладбище Мирогой (122-II-47), могила сохранилась. Супруг **Ренненкампф фон Владимир** (**Вольдемар**) **Рейнгольдович**[12], *СПб., 26.06.1883—Мюнхен, 04.1945,* воевал в белых во-

[1] Эмигранты из России… С. 132, 314.
[2] Эмигранты из России… С. 94, 314.
[3] *Волков С. В.* Вторая база … С. 282; Эмигранты из России…С. 321.
[4] Эмигранты из России…С. 321.
[5] Эмигранты из России…С. 323.
[6] *Волков С. В.* Вторая база … С. 467; Эмигранты из России…С. 323–324.
[7] Эмигранты из России… С. 57, 58, 78, 85, 86, 87, 95–97.
[8] Эмигранты из России… С. 43, 46.
[9] Эмигранты из России… С. 133, 324.
[10] Эмигранты из России… С. 326.
[11] Эмигранты из России… С. 326.
[12] Эмигранты из России… С. 43, 46, 302, 326.

йсках Северного фронта, штаб-офицер для поручений управления начальника военных сообщений, отступал от Масельской, 10 марта 1920 г. перешел финскую границу и помещён в лагерь «Лахти», затем в лагерь «Хермола» в Финляндии, в эмиграции — в КСХС, инженер, убит в Мюнхене. Дочь **Нина**, в замуж. **Маевская**[1]**,** *Новочеркасск, 6.01.1906—2.10.1965.* Сын **Роман**[2], *СПб., 2.05.1912—?,* и его супруга **Татьяна**, урожд. **Ферхмина**, *1918—?,* после Второй мировой войны уехали в Аргентину.

Ровный Алексей Иванович[3], *Новогуляевский, 11.03.1891—? 1963,* врач, физиолог. Окончил новочеркасскую гимназию (1910), медицинский факультет Харьковского университета (1915). В эмиграции в КСХС. Общинный врач в м. Гола Копривницкого уезда. В 1943 — 1945 гг. — директор амбулаторного штаба II ЮНА в Загребе. С мая 1945 г. — врач городского Народного комитета в Беловаре.

Ровный Пётр Иванович[4], *Новогуляевский, 12.07.1900—24.06.1949,* инженер-химик, супруга **Лерка** (**Лела**), *?, 1914—5.07.1968.* Похоронены на кладбище Мирогой (17-II-127), могила сохранилась. Братья **Павел**, *1888—?,* юрист, и **Алексей**, *11.03.1891—? 1963,* врач. Дочь **Татьяна**, род. в *Загребе 4.05.1938*, художник-график.

Романенко Михаил Тихонович[5], *Новочеркасск, 10.1897—17.09.1971,* выпускник Сергиевского артиллерийского училища (1916), прапорщик, начальник связи 209-й артиллерийской бригады, воевал во ВСЮР и Русской армии, штабс-капитан (с 1920), в эмиграции — в КСХС, врач, член Общества русских офицеров артиллерии. Могила не сохранилась. Родители **Тихон** и **Агафья**, урожд. **Цепакина**, супруга **Наталья**, *15.03.1907—20.01.1989.* Похоронены на кладбище Мирогой (81-II-87), могила не сохранилась.

Русинова Анфиса Григорьевна[6], урожд. **Соколова**, *ст-ца Нагавская 26.08.1914 (1924 ?) —2.05.1993,* супруг **Русинов Константин Константинович**, *Киев, 23.03.1898—1.03.1962,* служащий. Похоронены на кладбище Мирогой (EVG 2-II/I-13), могила сохранилась, но на надгробной плите поверх имени Русинова наклеено имя нового владельца захоронения.

***Рыковский Илья**, *Персияновский, 1.08.1900—?,* доктор, выпускник философского факультета ЗУ.

***Саринов Димитрий Александрович**, *Новочеркасск, 10.05.1905 — Лейквуд, США, 12.12.1982,* музыкант, супруга **Ольга Николаевна**, урожд. **Хрущёва**, *1905 — Лейквуд, 8.02.1983*, дочь **Софья** 1939 г. р.

Саринов Михаил Александрович[7], *Новочеркасск, 11.12.1903 — Нью-Йорк, 16.02.1978,* выпускник ЗУ (1935), инженер-химик, участник Кирилло-Мефодиевского хора, супруга **Ольга Сергеевна**, урожд. **Захаревская**[8], *Новочеркасск, 28.04.1910 — Нью-Йорк, ?,* участница хора радиостанции «Загреб», её дочь от первого брака **Елизавета**, в замужестве **Жаркова**. После Второй мировой войны через Францию эмигрировали в США.

***Савченко Юлия**, *Ростов-на-Дону, 21.12.1894—?,* разведена, частная служащая.

Семиколенов Георгий Федорович[9], *Ростов-на-Дону, 1892—3.04.1972.* Выпускник Новочеркасского казачьего училища (1916), прапорщик 13-го Донского казачьего полка, воевал в Донской армии, в 1920 г. в Донском офицерском резерве и Донском офицерском полку. В эмиграции — частный служащий в Загребе. Могила не сохранилась.

***Соколов Николай**, *Новочеркасск, 1875—?,* смотритель в бассейне.

Станкова Валентина Филипповна[10], урожд. **Сергеева**, *Ростов-на-Дону, 1.02.1899—10.07.1963,* частная преподавательница русского языка, супруг **Николай Николаевич**, *Харьков, 22.03.1897 — 14.11.1963*, торговец, одно время председатель Союза русских студентов. Похоронены на кладбище Мирогой (GI 10-I-46).

Стенченко Кузьма Львович[11], *ст-ца Манычская, 1.04.1901—?,* переплётчик в переплётной мастерской Fišter, супруга **Мария**, урожд. **Кораба**, *7.02.1904—?.*

Стрепетов Владимир Михайлович[12], *Ростов-на-Дону, 20.05.1898—5.11.1972,* служащий,

---

1 Эмигранты из России… С. 302.
2 Эмигранты из России… С. 86, 326.
3 Российские врачи в Королевстве сербов... С. 303–305; Эмигранты из России… С. 235, 327.
4 Эмигранты из России… С. 131, 135, 327.
5 *Волков С. В.* Вторая база … С. 198; Российские врачи в Королевстве сербов… С. 305; Эмигранты из России… С. 127, 327.
6 Эмигранты из России… С. 329
7 Эмигранты из России… С. 101, 131, 135.
8 Эмигранты из России… С. 394.
9 *Волков С. В.* Вторая база … С. 255; Эмигранты из России… С. 333.
10 Эмигранты из России… С. 338.
11 Эмигранты из России… С. 338.
12 Эмигранты из России… С. 41, 47, 339.

также работал частным водителем, супруга **Мария**, урожд. **Тепеш**, *15.03.1912—14.10.1977.* Похоронены на кладбище Мирогой (31-II/I-7), могила сохранилась.

Траилин Анатолий Александрович[1], *Новочеркасск, 21.12.1868—3.03.1940,* генерал-майор. Из дворян Области войска Донского, сын полковника. Выпускник Воронежского кадетского корпуса (1888), Николаевского кавалерийского училища (1890), Офицерской кавалерийской школы, командир 1-го Донского казачьего полка. Воевал в Донской армии (1919). В 1919 г. — начальник гарнизона Новочеркасска, затем инспектор кавалерии Донской армии, временный ростовский генерал-губернатор, градоначальник Ростова и командующий войсками Ростовского района. В эмиграции — служащий ГЖД, руководитель Русского художественного хора в Загребе. Похоронен на кладбище Мирогой (122-III-373), могила не сохранилась. Родители — **Александр** и **Полина Траилины**. Супруга **Ольга Николаевна**, урожд. **Языкова**, *1879—15.01.1944,* умерла в больнице для душевнобольных во Врапче. Дочь **Надежда**, *25.04.1908—?.* Брат **Траилин Сергей Александрович**[2]**,** *16.09.1872 — Братислава, 25.12.1951,* генерал-майор. Выпускник Полоцкого кадетского корпуса (1891), Николаевского кавалерийского училища (1893). Столоначальник Главного управления военно-учебных заведений. Известный композитор и пианист. Воевал в Донской армии (с 1918). Начальник Организации скаутов Дона (с 1919). Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции с 1921 г. в Болгарии, с 1924 г. — в Чехословакии. Жена **Клавдия Семёновна**, *7.11.1879—Прага, 4.11.1963.*

***Туников Пётр**, *Новочеркасск,188? —?,* жил в Загребе.

Фёдоров Сергей Севастьянович[3], *Новочеркасск, 24.09.1895—13.06.1945.* Выпускник 4-й Московской школы прапорщиков (1917), воевал в Донской армии, во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма, участник Степного похода. Эвакуирован на канонерской лодке «Урал». В эмиграции окончил Высшую экономическо-коммерческую школу в Загребе (1926). Расстрелян, могила неизвестна.

Фролов Иван[4], *Новочеркасск, 1875—5.02.1950.* Перезахоронен в общую могилу (RKT 12-II/I-58/59) на кладбище Мирогой.

Хазаров Давид Иванович[5], *Ростов-на-Дону, 17.06.1901—27.07.1962,* воевал во ВСЮР и Русской армии в штабе Главнокомандующего до эвакуации Крыма, в эмиграции книготорговец, антиквар, супруга **Любица**, *1908—24.01.1991.* Похоронены на кладбище Мирогой (75-II-137), могила сохранилась.

***Харченко Михаил Фёдорович**, *ст-ца Хомутовская, 15.09.1888—?,* жил на случайные заработки.

Хоменко Иван[6], *Ростов-на-Дону, ок. 1891—28.06.1943,* музыкант. Похоронен на кладбище Мирогой (121-III-43), могила не сохранилась.

Хорунженко Павел[7], *Манычская, 1895—2.06.1942,* ткач. Умер в больнице для душевнобольных во Врапче. Сын **Иван**, *Ходошан, 2.04.1923—26.01.2005.* Похоронен на кладбище Мирошевац (245-I-20), могила сохранилась.

***Цауер Михаил**, *Ростов-на-Дону, 1899—?,* рабочий.

Церковников Евгений Тимофеевич[8], *ст-ца Каменская, 26.12.1904 — Риека, 25.07.1985,* химик-органик, профессор университета. В КСХС приехал в 1920 г. В 1924 г. окончил Донской кадетский корпус в Билече (БиГ), в 1929 г. — химико-технологическое отделение технического факультета ЗУ. Некоторое время работал на сельскохозяйственном факультете того же университета, затем — на Faculte de Medicine в Париже (1931/1932). По возвращении — в Институте органической химической технологии технического факультета ЗУ, где в 1935—1938 гг. работал ассистентом, получил степень доктора технических наук в области органической химии. В 1938—1947 гг. — научный сотрудник института при фабрике Kaštel (ныне Pliva) до своего назначения на должность доцента органической химии фармацевтического факультета ЗУ, где он основал Институт органической химии и стал его первым руководителем. На том же факультете в 1948 г. избран экстраординарным, а в 1956 г. — ординарным профессором. В то же время с 1947 г. являлся внештатным, а с 1950 г. — штатным преподавателем терапевтической химии на медицинском факультете ЗУ. В

[1] *Волков С. В.* Вторая база … С. 252; Волков С. В. Белое движение. С. 561; Эмигранты из России… С. 82, 342.
[2] *Волков С. В.* Вторая база … С. 252; Эмигранты из России… С. 342.
[3] *Волков С. В.* Вторая база … С. 49; Эмигранты из России… С. 91, 131, 344.
[4] Эмигранты из России… С. 345.
[5] *Волков С. В.* Вторая база … С. 7; Эмигранты из России… С. 42, 47, 345.
[6] Эмигранты из России… С. 346.
[7] Эмигранты из России… С. 346.
[8] Эмигранты из России… С. 22, 97, 104, 128, 131, 132, 135, 217–218, 347.

1957 г. приглашён на должность преподавателя химии и биохимии на только что открывшийся медицинский факультет в Риеке, где основал Институт химии и биохимии и стал его первым руководителем. Вплоть до выхода на пенсию (1975) преподавал терапевтическую химию и в аспирантуре. Свои работы публиковал в хорватских и зарубежных журналах. Автор и соавтор ряда учебников. Активный участник научных конференций. Один из основателей, а в 1958—1974 гг. — председатель Хорватского химического общества и Общества химиков и технологов (отделение по Риеке и Истрии). Награждён орденом Труда с золотым венком (1966), рядом премий и грамот.

Цыкин Константин Петрович[1], *Ростов-на-Дону, 25.12.1894—2.02.1951.* Выпускник 3-й Тифлисской школы прапорщиков (1916), поручик, воевал во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма, эвакуирован на корабле «Решид-Паша». В эмиграции — совладелец «Национальной кухни», музыкант, супруга **Даница**, *1901—30.03.1984,* дочь **Татьяна**, *10.05.1940—19.10.1988.* Похоронены на кладбище Мирогой (160-II-147), могила сохранилась. Первая супруга **Анна**.

Чеботарёв Борис Владимирович[2], *Ростов-на-Дону, 20.03.1908—6.08.1962,* лейтенант артиллерии в югославской армии (с 1935), экономист, в 1947 г. — преподаватель русского языка в 1-й гимназии Загреба, мать **Чеботарёва Вера Ивановна**, урожд. **Ефремова**, *СПб. (Новочеркасск?), 15.12.1881 (1884?)—24.03.1978,* сестра **Ненадич Надежда Владимировна**[3], урожд. **Чеботарёва**, *СПб., 1914—9.06.1996,* её супруг **Витомир Ненадич**, *ок. 1907—13.05.1994,* офицер КЮА до 1941 г. Похоронены на кладбище Мирогой (133А-II-140), могила сохранилась. Отец **Чеботарёв Владимир Степанович**,[4] *21.02.1879—Любляна, 1928,* инженер, из дворян Области войска Донского, выпускник Санкт-Петербургского технологического института, офицер лейб-гвардии Его Величества казачьего полка, воевал в Донской армии, квартирмейстер в своём полку, участник восстания в Новочеркасске (1918), ранен (1918), войсковой старшина. Эвакуирован из Новороссийска на корабле «Русь». Похоронен в Любляне (Словения) на кладбище Жалэ (Žale). Сын **Андрей**[5], *Загреб, 3.07.1954—9.08.2018,* историк.

***Чекунов Борис Алексеевич (Александрович?)**, *Таганрог, 1.05.1898—?.*

***Шваст Александра Петровна**, урожд. **Сокол**, *Ростов-на-Дону, 2.11.1899—?.*

Шерстнев Евгений Иванович[6], *ст-ца Романовская, 10.12.1887(1897?)—?, не ранее 1970,* врач. Окончил новочеркасскую гимназию (1916). Эвакуирован из Крыма в 1920 г. В 1927 г. окончил медицинский факультет ЗУ. В 1927—1941 гг. состоял на военно-медицинской службе, капитан 1-го ранга. С апреля 1941 г. до октября 1943 г. — врач в Тузле. Вместе с супругой **Татьяной**, урожд. **Орловой**, по первому мужу **Сидоровой**, хореографом балета, сотрудничал с НОД, куда вступил в октябре 1943 г. Заведовал корпусной больницей. С мая 1945 г. — санитарный служащий в Тузле. Руководитель бюро медицинской статистики Института охраны здоровья в Сараеве. Опубликовал ряд научных работ по тематике организации службы здравоохранения. Работал в основном в БиГ.

Широков Иван Захарович[7], *Новочеркасск, 26.09.1847—23.03.1928,* из дворян Области войска Донского, сын офицера, генерал-лейтенант Русской имп. армии. Похоронен на кладбище Мирогой (11-III-479), могила не сохранилась.

***Шишлов Василий Васильевич**, *ст-ца Верхнекундрюченская, 5.03.1868—?,* ген. Русской имп. армии, военный инвалид, супруга **Неонила**, урожд. **Гринёва**, *1881—?,* жили на иждевении сыновей **Георгия**[8], *Новочеркасск, 1905—?,* инженера лесного хозяйства, **Владимира**[9], *Севск, 5.10.1907—?,* инженера-химика, и **Александра**[10], *Одесса, 27.06.1909—?,* инженера-архитектора. Дочь **Екатерина**[11], в замужестве **Меркулова**, *ст-ца Верхнекундрюченская, 28.11.1903—?*, врач, окончила медицинский факультет ЗУ (1929), переехала в США.

---

1 *Волков С. В.* Вторая база … С. 54; Эмигранты из России… С. 348.
2 Эмигранты из России… С. 131, 349.
3 Эмигранты из России… С. 349.
4 *Волков С. В.* Вторая база … С. 29; Эмигранты из России… С. 349.
5 Эмигранты из России… С. 349.
6 Эмигранты из России… С. 127, 238; Российские врачи в Королевстве сербов… . С. 391–393.
7 *Волков С. В.* Вторая база … С. 199; Эмигранты из России… С 353, 398.
8 Эмигранты из России… С. 130.
9 Эмигранты из России… С. 135.
10 Эмигранты из России… С. 132.
11 Эмигранты из России… С. 127.

Щеголев Василий Алексеевич[1], *Ростов-на-Дону, 5.01.1890—4.02.1952,* стекольный мастер. Могила не сохранилась.

Юрченко Фёдор Фёдорович, *Ростов-на-Дону, 1890—?,* частный служащий в Бакаре.

Ягич Паула (**Павлина**?)[2], урожд. **Хорошева**, *Новочеркасск, 21.02.1890—4.01.1977.* Похоронена на кладбище Мирогой, могила не сохранилась.

Яковлев Иван Григорьевич[3], *ст-ца Нижнечирская, 23.03.1903 — Ташкент, 27.09.1997,* инженер-лесотехник. Окончил Донской кадетский корпус в Билече (1924). В Загребе поступил в ВТШ, но в 1926 г. перевёлся на экономическо-лесотехнический факультет ЗУ. Выпускные экзамены сдал в 1932 г., а диплом получил в 1939 г. Проживал в Русском доме в Кунишчаке, подрабатывал продажей газет на улице, статистом в театре HNK или игрой на балалайке в кафе «Москва» (находившемся напротив ул. Месничкой). Из его биографии известно также, что знаменитый хорватский скульптор Иван Мештрович использовал его в качестве модели для своей работы «Индеец». Обладая красивым голосом (бас), пел в нескольких хоровых коллективах: в Кирилло-Мефодиевском хоре, «Звонимире», «Слободе», «Трешневке», хоре Капеллы и др. Как и многие эмигранты из России, в 1950 г. покинул Югославию. Первое время жил в Венгрии, а в 1956 г. в качестве инженера-проектировщика был направлен в Ташкент, где вплоть до своего выхода на пенсию (1963) занимался строительством дорог, организацией лесопосадок в степи и городским озеленением.

***Ярошенко Сергей**, *Ростов-на-Дону,1899—?,* рабочий из Сушака.

Составители: Т. В. Пушкадия-Рыбкина, И. И. Грубмайр

[1] Эмигранты из России… С. 41, 47, 354.
[2] Эмигранты из России… С. 356.
[3] Эмигранты из России… С. 100, 130, 223.

ПЯТЫЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Южный город в историческом и социально-культурном аспектах
(Ростов-на-Дону, 19 сентября 2019 г.)[1]

А. Л. БОЙКО

ПЕРВЫЙ ЯЩЕР

Дон — родина слонов. С этим ироничным утверждением вполне можно и согласиться, пройдя по залам крупнейших краеведческих музеев Ростовской области. Практически в каждом можно увидеть ископаемых гигантов сравнительно недавнего (в геологических рамках) прошлого.

Палеонтологическая экспозиция Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника удовлетворит интерес любого взыскательного специалиста, а трогонтериевый слон *(Mammuthus trogontherii)* является одним из символов уважаемого учреждения.

Черепа древних гигантов «сторожат» коллекции новочеркасского и ростовского музеев. Но нередко, особенно от представителей поколений, воспитанных «парками юрского периода» и современными версиями Годзиллы, можно услышать вопрос: «А где же ящеры?». Дефицит музейных экспонатов с лихвой восполняют передвижные парки механических динозавров или статичные пластиковые чудовища в самых разнообразных местах современных городов Дона. Но вопрос остаётся. Ответ на него лежит в области геологии, поскольку остатки ископаемой фауны занимают строго определённые геологические ярусы («этажи»). А скопления костных остатков мезозойской фауны связаны и с особенностями поведения огромных ящеров в их естественной среде обитания.

Миллионы лет назад северное полушарие планеты Земля было частью огромного океана Тетис, где жизнь кипела, в основном, на мелководье у малочисленных островов. Сегодня эти благословленные для современных палеонтологов земли расположены на территории Волгоградской области, а сто лет назад находились в черте Второго Донского округа Области войска Донского. Здесь, в районе хутора Лысов в юрте древней Пятиизбянской станицы, были открыты в 1912 году интересные находки, если и не перевернувшие представления об эволюции древних форм жизни, то, весьма вероятно, попавшие в крупнейшее собрание палеонтологии в Европе — Музей естественной истории в Лондоне (англ. Natural History Museum).

Окрестности станицы Пятиизбянской (ныне хутор, расположенный в Калачёвском районе Волгоградской области) стали объектом внимания палеонтологов ещё в начале XX века. В ненастные ноябрьские дни 1909 года был здесь открыт скелет «мамонта» (надо учитывать, что все крупные ископаемые животные, похожие на современных слонов, считались мамонтами вплоть до середины XX века).

В урочище Красная Балка при обвале части оврага обнажились остатки «рога» (бивня) и других костей крупного животного, о чём сообщил заведующему Донским музеем Х. И. Попову 6 ноября 1909 года окружной атаман Второго Донского округа полковник И. Т. Житков. К месту находки были направлены сотрудники геологического отделения горного факультета Донского политехнического института, ассистент М. О. Клер и студент Б. С. Домбровский [1], которые с помощью десятка рабочих произвели 15—17 ноября полное вскрытие скелета «мамонта». Консервация костей оказалась практически безуспешной, поскольку работы велись при плохих погодных условиях (кости подверглись окислительной реакции при соприкосновении с влажным атмосферным воздухом), в конечном итоге было вынуто и транспортировано в Новочеркасск «6 пудов осколков костей», которые остались в геологическом кабинете Донского политехнического института вместе с полевой документацией о работах [2].

Это было интересно, но для Дона уже и не ново. Ещё 1807 году в Новочеркасской войсковой гимназии был создан специальный «каби-

[1] *Статьи по материалам сообщений на Чтениях*

Андрей Леонидович Бойко, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета, старший научный сотрудник Новочеркасского музея истории донского казачества.

Сообщение под названием: «Палеонтологические находки в Области войска Донского и музеи Дона (XIX – начало XX века)»

нет», где хранились различные раритеты, в том числе и остатки ископаемой фауны. Распоряжения наказных атаманов по Войску Донскому в 1818 и 1831 годах обязывали станичные власти внимательно относиться к находкам такого рода [3].

В окружных правлениях и присутственных местах донской столицы к концу XIX века накопилось достаточное количество «окаменелостей и необычайных костей». Многие из них вошли в состав собрания Донского музея, открытого для посетителей в ноябре 1899 года. Но это были по большей части представители древнейшей морской фауны (такие, как ископаемые моллюски — аммониты, белемниты и др.) либо позднейшие млекопитающие животные четвертичного периода. Остатки древних обитателей морских глубин — ящеров или китообразных представляли на Дону большую редкость. И поэтому понятно, какое волнение испытали любители донской старины и специалисты геологи и палеонтологи, когда из станицы Пятиизбянской (теперь из хутора Лысов) вновь пришло сообщение о необычной находке, резко отличавшейся по виду от привычных костей «мамонтов».

Рапорт заседателя 3 участка Второго Донского округа И. Е. Попова от 3 мая 1912 года может считаться ярким свидетельством творческого отношения чиновников того времени к своим непосредственным обязанностям. Именно этот чиновник, будучи участником палеонтологических работ 1909 года, был знаком с особенностями процедуры раскопок. После того, как в балке Ближний Родник случайно открыли ископаемые остатки, были произведены все необходимые действия: собраны, учтены и сохранены в амбаре хуторского атамана сохранившиеся кости животного, а месту находки обеспечена надлежащая охрана.

«О[бласть] В[ойска] Д[онского]

Заседатель 3 участка 2-го Донского округа

Мая 9 дня 1912 г[ода]. № 685

Адрес: Качалинская почт[овая] конт[ора] Обл[асти] Войска Донского

Окружному атаману 2 Донского округа

Рапорт

Доношу Вашему Превосходительству, что в расстоянии около 3-х вёрст от хутора Лысова Пятиизбянской станицы, в небольшой балке Ближний Родник, найдены позвоночные кости животного в числе 48 штук; судя по всему 41 кость относится к главным, а 7 остальных к хвостовым; высотой, взятой по приблизительному расчёту, главной кости равняется 5 ½ арш[ина], а длина всех костей собранных также в сравнительной последовательности равняется 7 арш[инам] 14 верш[кам]; 42 позвоночника, включая и хвостовые, найдены 24 апреля с[его] года, а 6 позвоночников главных, — 6 мая с[его] года, в грунте иловатая (?) влажная глина на глубине от поверхности до 7 арш[ин], верх над которой идут пласты, — глина красноватая до 3 арш[ин] и чернозём до 1 арш[ина].

Лысовскому хуторскому атаману Кондалову лично строго приказано, чтобы впредь до распоряжения место, где найдены кости, от дальнейших раскопок и доступа охранять, а перевезённые в его амбар 48 позвоночников держать в сохранности, о чём так же вместе с этим предписано и Пятиизбянскому станичному атаману.

Приложение: два рисунка — 1) Общего вида местности, 2) Место находки костей и 3) Костей в приблизительном подборе их.

Место в балке «Ближний Родник», где найдены кости. 1. Спуск в балку; 2. Колодезь над родником; 3. Обрытый берег балки; 4. Земля обрытого берега; 5. Положение костей при их находке в числе 42 позвонков; 6. После найденные 6-ть главных позвонков; 7. Конец хвоста. — Вид костей в амбаре хуторского атамана...длина всех позвонков вместе 7 арш[ин] 14 верш[ков]. (ГАРО.Ф. 55. Оп. 1. Д. 509, Л. 48)

Следователь 3 участка 2 Донского округа Попов И. Е (нрзб)» [1][4, л. 46 — 48].

Рапорт окружному атаману сопровождался не только планом местности, но и натурной зарисовкой условий находки, показывающей определённые художественные навыки заседателя И. Е. Попова. Было зарисовано и анатомическое расположение ряда найденных костей.

[1] Документ публикуется по правилам современной орфографии и пунктуации

Словом, когда эти бумаги легли на стол наказного атамана, генерала от артиллерии М. П. Мищенко, стало ясно, что необходимо производить дальнейшие исследования. Однако генерала беспокоил вопрос о компетентности специалистов для такого исследования. На своей резолюции он написал: «Нет ли каких указаний в каких-либо циркулярах, как поступать в случае таких находок, имеющих громадное значение для науки. Для продолжения раскопок надо командировать кого-либо из музея или Областного Правления, а самое лучшее пригласить из Политехникума археолога, дабы работы не повредили скелета» [4, л. 43].

М. П. Мищенко ориентировался на традиционные центры науки — высшие учебные заведения, мало зная о реальной деятельности самого Донского музея. В любом случае необходимые исследовательские работы были организованы и проведены в самое короткое время.

Но тут начинаются вопросы об их характере, причём не на все из них сегодня есть аргументированные ответы. Прежде всего, в чём причина обращения наказного атамана сразу в две организации, имеющие непосредственное отношение к палеонтологии: Донской музей и Донской политехнический институт? В первом из них был накоплен, описан и экспонировался значительный палеонтологический материал. Во втором — были необходимые специалисты из числа сотрудников геологического отделения горного факультета. Но институт был явно в более выигрышном положении, так как в отличие от музея, имел в своих штатах большее количество специалистов, которым можно было поручить непосредственное участие в таком предприятии. Это позволило трижды посылать на место находки ископаемых костей сотрудников Донского политехнического института и организовать достаточно масштабные работы.

В мае 1912 года на место находок были отправлены доцент института Б. Б. Полынов [5] и два слушателя – Б. С. Домбровский, студентом раскапывавший здесь «мамонта», и Г. К. Кульгавов. Они должны были исполнять обязанности коллекторов при «осмотрах и извлечении костей» [4, л. 43-43 об]. Финансирования на эту экспедицию у института, судя по всему, в конце учебного года предусмотрено не было, поэтому средствами передвижения и рабочими её участников должна была обеспечить Комиссия по устройству Донского музея. Только у этой организации могли быть деньги (из частных пожертвований) вне тех бюджетных ассигнований по Войску Донскому, которые направлялись на финансирование деятельности самого Донского музея. В этих условиях ехать в Пятиизбянскую станицу должен был сам Х. И. Попов, которому в это время было уже 77 лет!

Так получилось, что практически все участники работ на землях Пятиизбянской станицы со временем стали ведущими учёными России в различных областях геологии и палеонтологии. А основные исследования по пятиизбянским находкам провёл П. А. Православлев, учёный мирового уровня, именем которого даже названо ископаемое животное — «православлевия» *(Pravoslavlevia parva)* [6]. В 1912 году именно он возглавлял отделение геологии горного факультета Донского политехнического института. В ноябре 1912 года к месту майских раскопок приезжал уже не доцент Б. Б. Полынов, а сам профессор П. А. Православлев с молодым коллегой, горным инженером Б. С. Домбровским, составившим геологическое описание слоя. Позднее, уже ранней весной 1913 года, работы здесь завершил старший лаборант при геологическом кабинете института К. И. Лисицын [7].

Характер работ был описан в самых общих чертах, но удивляет их явная поспешность. Судя по всему, раскопки велись в сложных метеорологических условиях, поскольку «работать пришлось ломом, в смёрзшейся и окварцованной песчано-глинистой породе» [8, с. 1].

К сожалению, их итог оказался, как и в случае с «мамонтом», скорее плачевным. Из геологического слоя (вероятно, шельфовая часть острова в древнем океане) были извлечены многочисленные остатки морской мезозойской фауны. Работы велись так, что сохранность костей определялась как «костяной лом», части которых были «так переломаны и так в большинстве случаев изуродованы, что говорить, с уверенностью, о принадлежности той или другой из них к определённому животному едва ли представляется возможным» [8, с. 1]. Тем не менее, результат и таких раскопок превзошёл все возможные ожидания: были найдены позвонок и зуб мозозавра [8, с. 1—20], семь позвонков и обломки заднего пояса конечностей юного плезиозавра [9], «большое число позвонков и др. костей эласмозавра <...> вместе с упомянутыми костями... оказалось немало мелких зубов и косточек рыб, а также копролиты и пр.» [10].

Сегодня сложно говорить, какая из находок представляла наибольший интерес для науки: за сто прошедших лет представления о палеонтологии и геологии значительно изменились. П. А. Православлев опубликовал данные обо всех трёх ископаемых ящерах. Однако две кости

мозозавра и девять костей «юного плезиозавра» явно не шли ни в какое сравнение с десятками позвонков эласмозавра, которые были обнаружены в анатомическом сочленении и «лежали по петлевидно-изогнутой линии». Именно эта находка, которая была открыта безвестными казаками и зарисована заседателем И. Е. Поповым, стала яблоком раздора между Донским музеем, и Донским политехническим институтом.

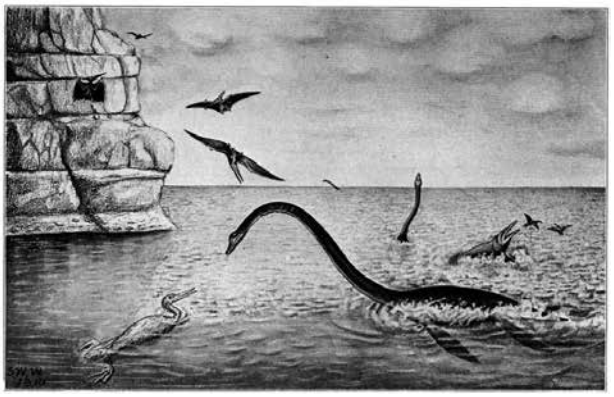
Палеонтологические находки всегда были предметом беспокойства заведующего Донским музеем Х. И. Попова. В 1902 году В. В. Богачёв, будущий доктор наук и профессор-геолог, а тогда студент естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, риторически вопрошал читателей «Донских областных ведомостей»: «Нужно ли это нам?», говоря о сохранности палеонтологических находок в Донском музее [11]. Но уже в 1906 году, первой из собраний музея была им изучена и издана именно геолого-палеонтологическая коллекция [12].

Среди сотен, описанных в «Каталоге» геологических образцов и палеонтологических находок, размещённых в 14 витринах и 5 столах экспозиции I этажа Донского музея, впечатляюще выглядели находки ископаемых слонов — более 15 экземпляров. На этом фоне сиротливо смотрелся лишь один спинной позвонок ихтиозавра *(Ichthyosaurus ompylodon Konig)*, привезённый из песков станицы Тепикинской Хопёрского округа Области войска Донского.

Заведующий музеем Х. И. Попов прекрасно понимал экспозиционную значимость находки. С первых дней мая 1912 года, когда поступили только первые данные о находках в Пятиизбянской, Донской музей проявил особую заинтересованность в судьбе остатков древних животных. Разрешение наказного атамана на производство работ по открытию костей ископаемого ящера было зарегистрировано именно на Харитона Ивановича Попова. Его внимание привлекал прежде всего скелет эласмозавра, сохранившийся на более чем пятиметровую длину (7 аршин 14 вершков = 5 м 60 см) при диаметре некоторых позвонков в 10 см.

Эласмозавры, как представители мезозойского фаунистического комплекса, были описаны только в 1868 году.

Большинство известных остатков этих ископаемых ящеров открыли в Северной Америке, а находки в Европе были немногочисленны. В огромной по площади Российской империи находка в юрте Пятиизбянской станицы вполне могла считаться одной из самых южных



Эласмозавр в среде обитания (Williston S.W. Water reptiles of the past and present / by Samuel Wendell Williston. Chicago (Ill.) : Univ. of Chicago press, 1914. P. 79).

и наиболее сохранившихся. Авторитетный специалист, хранитель геологического и минералогического кабинетов при Московском университете Н. Н. Боголюбов в 1911 году писал: «Русские геологи должны усилить поиски костей этого гигантского плезиозавра.<...> Находка полного скелета Elasmosaurus явилась бы истинным торжеством русской науки» [13]. В его сводной монографии о древних ящерах речь шла только о редких находках лишь нескольких позвонков эласмозавра (не более пяти в каждом из случаев), а в скелете из станицы Пятиизбянской, даже без верхнего отдела позвоночника сохранилось их в десять раз больше!

Это определило и дальнейшую судьбу находок. Осенью 1912 года Х. И. Попов писал ректору Донского политехнического института И. Ф. Юпатову о существовавшей договорённости, что при постоянном хранении костей ископаемой реликвии в кабинете геологии института, «Донской музей периодически мог пользоваться скелетом, когда он будет препарирован, для обозрения посетителями музея» [4, л. 62 об.].

Но всё сложилось иначе. Предполагая, что Донской музей пожелает оставить скелет ящера в экспозиции и забрать его обратно потом не удастся, профессор П. А. Православлев, «по представлению Совета института... отправился с собранными костями в Британский музей» [10, с. II]. Это объясняет и то, что в документации Донского музея отсутствуют данные о раскопочных работах геологов в конце 1912 — начале 1913 года. Об их продолжении Х. И. Попов мог просто не знать, поскольку речь шла о важном научном открытии, к которому институтские учёные относились со всей серьёзностью. Субсидии на дальнюю заграничную командировку

выделялись по ходатайству Совета института, которое было поддержано учебным отделом Министерства торговли и промышленности и самим министром С. И. Тимашёвым.

Именно в Лондоне были проведены основные научные работы, которые позволили точно определить количество особей открытых ископаемых животных. Вопрос о датировке оставался открытым, геологический слой определялся как «глауконитовая песчано-глинистая порода... принадлежащая, по-видимому, к верхам меловой системы» [8, с. 1], времени, верхняя граница которого сегодня определяется в 65 млн. лет [14].

Пока не удалось найти точных данных о дальнейшей судьбе пятиизбянских находок, но с большой долей вероятности можно предположить, что они остались на берегах «туманного Альбиона». Маловероятно, чтобы в условиях Первой мировой войны и последующей революции в России кто-то всерьёз заботился о возвращении ископаемых костей на Дон. Удачей можно признать то, что данные о находках были оперативно опубликованы. О масштабах затрат только на издание одной из работ [10, с. V], говорит сумма в 500 рублей, оплаченная Военно-медицинской академией в Санкт-Петербурге.

Другое дело, что материалы вышли исключительно в специальных изданиях по палеонтологии и не были широко известны донским краеведам. Возможно, именно поэтому В. В. Богачёв достаточно прохладно, как «не представляющую редкости в меловом море», охарактеризовал эту вне сомнений неординарную палеонтологическую находку [15], так и не занявшую место в экспозиции Донского музея. А она могла бы стать одним из украшений экспозиции, отметившего в 2019 году свой 120-летний юбилей Донского, ныне Новочеркасского музея истории донского казачества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Домбровский Борис Сергеевич (1887—1937). Выпускник Донского политехнического института, горный инженер (1912). Профессор Государственного Дальневосточного университета (1925). Профессор Новочеркасского индустриального института. Репрессирован. Реабилитирован посмертно в 1957 году (Бессмертный барак : Единая база данных жертв репрессий в СССР // URL: https://bessmertnybarak.ru/books/person/848858/)

2. [*Клер М. О.*] Обследование на месте обнаружения скелета мамонта // Дон. обл. вед. 1909. № 242. С. 1; Цит по: ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 509. Л. 29.

3. *Аваков П. А., Бойко А. Л.* Естьли где окажутся какие редкости : 210 лет первому дон. музею // Дон. временник. Год 2017-й. Вып. 25. Ростов н/Д., 2016. С. 193.

4. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 509.

5. Полынов Борис Борисович (1877—1952), специалист в области почвоведения, геохимии и географии, профессор, академик АН СССР (URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Полынов,_Борис_Борисович)

6. Православлев Павел Александрович (1873—1941), геолог и палеонтолог. Профессор Донского политехнического института (1909—1913) в Новочеркасске, профессор Военно-медицинской академии в Петрограде (1913—1924) и Ленинградского университета (1918—1941). Основные исследования относятся к стратиграфическому и палеонтологическому изучению неогеновых и антропогеновых отложений Поволжья и Прикаспия, гидрогеологии Приазовья и Западного Казахстана. (URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/092/230.htm).

7. Лисицын Константин Иванович (1882—1933), геолог, магистр (1916), профессор (1922). В 1910 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Ещё студентом начал заниматься геологией под руководством академика А. П. Павлова, по рекомендации которого и был зачислен на должность ассистента горнопалеонтологического кабинета горного факультета Донского политехнического института. В 1908—1916 гг. вышли его первые печатные труды, посвящённые каменноугольным отложениям Подмосковного бассейна, Донбасса и др. структур; стратиграфии четвертичных отложений, геологии, гидрогеологии и инженерной геологии Области войска Донского. Особый интерес представляют гидрогеологические исследования, выполненные на территории Донского политехнического института и Новочеркасска в целом, не потерявшие своего значения до настоящего времени. (URL: https://novocherkassk.net/wiki/novoprint_item/1014/

8. *Православлев П. А.* Остатки мозазавра из верхне-меловых отложений бассейна р. Лиски, Донской области // Изв. Алексеевского Дон. политехн. ин-та. Т. 3, вып. 1. Отд. 2. Новочеркасск, 1914. Отд. оттиск. С. 1—20.

9. *Его же.* Остатки юного плезиозавра из верхне-меловых отложений бассейна реки Лиски Донской области // Ежегодник по геологии

и минералогии России. Т. 17, № 1. СПб., 1915. Отд. оттиск. С. 1—18.

10. *Его же.* Эласмозавр из верхнемеловых отложений Донской области // Тр. имп. Петроград. о-ва естествоиспытателей Т. 38, вып. 5. Пг., 1916. Отд. оттиск. С. II—III.

11. *Богачёв В. В.* Нужно ли это нам? // Дон. обл. вед. 1902. 13 марта. (№ 58). С. 1.

12. Каталог геологического, палеонтологического и горного отделений Донского музея / составлен *В. В. Богачёвым.* Новочеркасск : Обл. войска Дон. тип., 1906. 84 с.

13. *Боголюбов Н. Н.* Из истории плезиозавров в России. М. : Тип. имп. Моск. ун-та, 1911. С. 358.

14. *Михайлова И. А., Бондаренко О. Б.* Палеонтология: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во МГУ, 2006. С. 34.

15. *Богачёв В. В.* Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 2019. С. 79—80.

ПОЧЁТНЫЙ ГРАЖДАНИН НИКОЛАЙ КУЗМИН

Е. П. ВЫСОЦКАЯ

РОСТОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА КУЗМИН

О купце Николае Кузмине, без малого шесть лет стоявшем во главе Ростовской городской думы, известно немного. На фоне заслуг перед городом А. М. Байкова деятельность Кузмина выглядела скромно. О нём говорили только в связи с прискорбным уничтожением части дел городского архива [1]. Кем же был на самом деле Николай Иванович Кузмин, что сделал он полезного для Ростова и какое имел отношение к ликвидации архивных дел?

Н. И. Кузмин. 1860-е годы

ИСТОКИ

Происходили Кузмины из городка Землянска Воронежской губернии, заложенном по приказу царя Алексея Михайловича для защиты рубежей государства с юга от набегов кочевников. В новое поселение, входившее в состав оборонной линии от Белгорода до Тамбова, царь определил в 1661 году на жительство 24 воронежских солдата с семьями. Через пять лет атаман Осип Дашкеев привёл в Землянск 850 семей украинцев из-за Днепра, называемых русским населением «черкасами», и срубил крепость. При Екатерине II Землянск получил статус уездного города. Потомки первых служилых людей занялись земледелием, разведением скота, торговлей. В городе устраивался раз в неделю базарный день и проходила ежегодно ярмарка.

В XVIII столетии воронежские купцы одними из первых в России активно занялись оптовой торговлей и сделались промежуточным звеном в поставке товаров в Москву и Петербург.

По Землянскому тракту (другое его название Черкасский), соединявшему Елец и Задонск, гнали скупленный на Дону и в украинских сёлах скот. В долблёных лодках бударах купцы сплавляли по Дону хлеб (муку, крупу, сухари) в Черкасск, Ростов, Азов, а оттуда — в портовые Таганрог и Керчь [2].

Свою семейную историю Кузмины (в поздних документах Кузьмины, Козьмины) вели от посадских людей. Купец Иван сын Львов Кузмин в начале XIX века успешно торговал с Екатеринодаром и Ростовом. После его смерти троим сыновьям досталось приличное состояние.

Елена Петровна Высоцкая, кандидат химических наук, свободный исследователь, г. Москва

БОЛЬШОЕ СЕМЕЙСТВО

У Вассы Пименовны и Ивана Львовича Кузминых было три сына — Иван, Николай, Георгий и дочь Анна. Старшие братья женились по любви на бесприданницах. Иван Кузмин взял в жёны крестьянку князя Бориса Михайловича Черкасского. Согласно метрическому свидетельству Гликерия, дочь крепостного Семёна Алексеева, родилась 16 мая 1812 года в селе Черкизово Коломенского уезда Московской губернии [3, л. 32].

О том, при каких обстоятельствах купеческий сын Иван Кузмин пленился крестьянской девушкой Лушей и как выкупил её у князя, история умалчивает. В декорах Никольского храма села Черкизово ясно проглядывают картёжные масти. Возможно, всерьёз увлекавшийся игрой, Черкасский проиграл крепостную в карты.

Николай Кузмин выбрал в жёны поповскую дочку Александру. Её отец протоиерей Григорий Никитич Щербинский полвека служил в соборе Рождества Пресвятой Богородицы Ростова-на-Дону и оставил о себе добрую память [4]. По жене Николай Иванович породнился с известной дворянской семьёй: на сестре-погодке Александры Глафире Григорьевне был женат богатый донской помещик Маргарит Фёдорович Сарандинаки [5].

Анна Ивановна Кузмина в замужестве носила фамилию Перепеловской [3, л. 33].

Гликерия Семёновна Кузмина рано овдовела; заботу о племянниках взял на себя Николай Иванович. «В семействе его, которое состоит с ним в одном капитале, находится жена его Александра Григорьева дочь, законные дети, как о сем удостоверяют Херсонская, Воронежская и Екатеринославская духовные консистории, сыновья Николай, Григорий, Яков, Андрей, дочери Клавдия, Мария, Евгения и Юлия Николаевы, жена покойного брата Ивана Иванова сына Гликерия Семёнова дочь и дети их сыновья Аполлон, Матвей, Николай и Косма Ивановы, коих законное происхождение тоже удостоверено духовными консисториями Екатеринославскою и Воронежскою, и неженатый брат его Николая Георгий Иванов сын и мать их Васса» [3, л. 9—9 об.].

ИЗ ВТОРОЙ ГИЛЬДИИ В ПЕРВУЮ

Согласно манифесту о купечестве, принятом в 1807 году, для записи во вторую гильдию требовалось объявить капитал размером не менее 20 тысяч рублей ассигнациями (6 тысяч серебром). Принадлежность ко второй гильдии давала значительные преимущества. Подушный налог заменялся уплатой гильдейских процентов от объявленного капитала. Ежегодное налогообложение по реформе 1824 года составляло для купцов первой и второй гильдий 2 200 и 800 рублей серебром соответственно. Купцы получали право на ведение внутреннего оптового и розничного торга, на владение речными судами, фабриками и заводами; освобождались от рекрутской повинности и телесных наказаний. Главам семейств дозволялось записывать в гильдию членов семей: детей и внуков, а также родных братьев в случае, если с объявленного наследственного капитала был уплачен в законном порядке налог за перевод наследства.

Отцовское наследство Кузмины делить не стали, и в 1838 году на правах старшего брата Николай Иванович объявил капитал и записался в купцы второй гильдии по городу Землянску Воронежской губернии [3, л. 1].

Зная выгоду в заграничном торге, предприимчивый Николай Кузмин в 1840 году перебрался в Крым. В Керчи, объявив капитал в 50 тысяч рублей ассигнациями (15 тысяч рублей в серебряном исчислении), он с братьями, сыновьями и племянниками перешёл в купцы первой гильдии по городу Керчь-Еникале Таврической губернии [3, л. 31].

Жительствовать Кузмины решили не в портовой Керчи, а в большом, оживлённом Симферополе. В Крыму, помимо торговых дел, Николай Кузмин взялся за управление пивоваренным заводом Таврического чарочного откупа. Небольшой завод располагался в Симферополе в старинном каменном строении близ Петровских скал и принадлежал княгине Зиновии Шаховской [6]. Пиво под названием «Двухгорное» готовили по классической технологии из ячменя и хмеля, воду для производства брали из городского фонтана. Варили хмельной напиток вольнонаёмные — один мастер и трое рабочих. Завод выпускал 5000—6000 литров в год: торговали не только в Симферополе, но и по всей губернии. В дальнейшем Кузмин планировал заняться выгодным водочным промыслом, для чего выкупил у городских властей рядом с заводом 440 квадратных сажень земли. Марка «Двухгорное пиво» существует и в наши дни.

ПРИВИЛЕГИРОВАННОЕ СОСЛОВИЕ

Следующей ступенью, на которую задумал подняться Николай Кузмин в иерархии российских сословий, являлось почётное гражданство. Этот статус распространялся не только на просителя, но и на его детей. Ходатайствовать об

этом купцы могли после десяти лет пребывания в 1-й гильдии или двадцати лет во 2-й. Другим условием перехода в более высокое сословие была «непорочность» пребывания в гильдии. Условие для купцов трудновыполнимое: коммерческие сделки предполагали постоянные риски, приводящие зачастую к судебным разбирательствам. Надо отдать должное Кузминым, за всё время сначала во 2-й, а затем в 1-й гильдии они ни разу не попали под несостоятельность, и никто из членов семьи не был опорочен судебным приговором.

Звание почётного гражданина приближало купцов к дворянам: они получали доступ к хорошему образованию за свой счёт, права участвовать в выборах по недвижимой городской собственности и избираться на общественные должности. Почётные граждане являлись самым немногочисленным сословием в империи: в 1858 году их число составляло всего 21,4 тысячи человек.

После десяти лет нахождения в 1-й гильдии купец Николай Иванов сын Кузмин направил Государю императору Николаю Павловичу прошение о возведении его с семейством в почётное гражданство. Письмо Кузмин сопроводил свидетельством из Керчь-Еникальской городской думы и квитанцией об уплате пошлины в размере 30 рублей серебром. Бумага получила ход и поступила на рассмотрение в Департамент герольдии.

10 апреля 1852 года последовал государев манифест: Н. И. Кузмин с роднёй перешёл в высшее для горожанина сословие [3, л. 61].

Прогрессивный по взглядам купец и любящий отец мечтал о хорошем образовании для своих детей. Потому первым делом новоиспечённый почётный гражданин Николай Кузмин определил двух младших дочерей-близнецов — Евгению и Юлию в Одесский институт благородных девиц на своекоштное (за свой счёт) обучение [7]. Девочки поступили в один класс, учились старательно и закончили учебное заведение в 1857 году с наградами — Евгения получила серебряную медаль, а Юлия книгу.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Заработанные средства Кузмин тратил не только на расширение семейного дела, но и на пользу общества, за что заслужил в Симферополе звание благотворителя. Приоритетной для Николая Ивановича всегда была помощь детям.

Среди добрых дел, зачинателем которых он являлся, — открытие в Симферополе приюта для сирот [8]. 31 декабря 1848 года Кузмин вместе с доктором М. И. Кашкадамовым и почтмейстером С. Ф. Цомакионом обратился к Таврическому губернатору В. И. Пестелю, брату декабриста, с предложением учредить детский приют под названием Спасского. Разрешение на открытие благотворительного заведения дала императрица Александра Фёдоровна. Директором был утверждён Кашкадамов, происходивший из воспитанников детского дома. Начался сбор единовременных и ежегодных пожертвований для организации работы учреждения. Приют просуществовал до 1918 года.

Благотворительностью Кузмин продолжил заниматься позже в Ростове-на-Дону. В декабре 1873 года он вошёл в совет Александровского благотворительного общества [9], в 1880 году состоял почётным членом попечительского совета детского приюта в Новоказанском переулке [10]. Он был среди тех, кто предложил заменить формальные визиты «приличия» в приюты в дни праздника Рождества и Нового года на конкретные пожертвования [11] и сам поддерживал детские заведения деньгами. В 1876 году Кузмин стал инициатором открытия городской кассы для сбора пожертвований в пользу семейств турецких славян, пострадавших от войны [10]. В 1878 году он вошёл в попечительский совет находившегося под покровительством императрицы Общества помощи нуждающимся семьям воинов [10].

НА ДОНУ

В средине 1860-х годов Николай Кузмин открыл торговую контору в Ростове. Дом Кузмина располагался на Московской улице, магазины (склады) — на углу Береговой улицы и Николаевского переулка [10]. Принадлежащие ему амбары были приспособлены под хранение зерна и мелочных товаров. Широко развернуться на Дону ему, однако, не удалось. Во второй половине 60-х годов Кузмин по объёмам судоперевозок входил в первую двадцатку, но в разы уступал грекам-купцам Скараманга, Мари Вальяно и Маврогордато. Согласно сведениям Гирлового комитета о количестве отбуксированных в коленах и гирлах Дона торговых судов, в 1868 году он отправлял (принимал) от трёх до восьми судов в месяц [12, 13, 14, 15]. В 1870-х годах объём торговли Кузмина сократился до одного судна в месяц. Вместе с Николаем Ивановичем в Ростов переехала семья его покойного брата. Здесь богатая вдова Гликерия Семёновна нашла своё счастье с коллежским асессором Синеоковым.

В Ростове энергичный Кузмин занялся общественной деятельностью и очень скоро стал заметной фигурой в жизни купеческого общества. В 1866 году он избирается первым товарищем (заместителем) директора Городского общественного банка [10].

Банк, открывшийся в 1863 году, с основным капиталом в 200 000 рублей серебром освободил горожан — купцов и предпринимателей — от ростовщической зависимости и способствовал развитию правильных кредитных отношений [16].

В 1868 году Кузмин становится старшиной Биржевого комитета банка [10]. В том же году Николай Иванович участвует на правах депутата в работе квартирной комиссии. Учреждённые императорским указом в 1808 году квартирные комиссии ведали распределением воинских частей в городах на постой и, так называемым, квартирным сбором. Ростовская комиссия состояла из полицмейстера и депутатов от дворянства, купечества, мещанства, еврейских и греческих общин. Будучи человеком честным и щепетильным, Кузмин в 1871 году официально в печати отмежевался от участия «в раскладке» (сборе) квартирного налога [10], дав тем самым понять, что считает действия других членов комиссии сомнительными.

В 1875 году Кузмин избирается гласным городской думы по третьему разряду [17]. Разряд являлся имущественным признаком избирателей; к третьему разряду относились мелкие плательщики городских сборов. В начале 1878 года Кузмин заменяет во время отсутствия А. К. Кривошеина на посту головы, а 16 июня 1878 года, после его преждевременной отставки, баллотируется на пост городского головы и тайным голосованием (22 шара против 10) избирается на один год [18]. Выдержав успешно «испытательный срок», Н. И. Кузмин, теперь уже гласный думы по I разряду, в декабре 1879 года вновь выдвигается коллегами на новый четырёхлетний срок.

Как обычно, процедура голосования проходила в два этапа. На первом этапе гласные открытым голосованием предлагали кандидатов на пост главы думы. Кузмин в свою поддержку получил 44 записки, Ф. Н. Солодов — 24. Второй этап — непосредственно выборы — проходил тайно. Голосование не обошлось без конфуза. При подсчёте избирательных шаров в ящике оказалось на три больше, чем присутствующих на заседании гласных. Видимо, они попали туда по недосмотру. Переголосование принесло Кузмину победу: Николай Иванович получил 51 голос против 17. Солодов от участия в выборах отказался [19].

РОСТОВ В НАЧАЛЕ 1880-Х ГОДОВ

Ростов во второй половине XIX века представлял собой большой и сложный организм. Из скромного уездного города он превратился в торгово-экономический центр и разделил вместе с Харьковом первое место по значимости в Юго-Восточной части России. Количество проживавшего в нём населения (порядка 100 000 человек в Ростове и 20 000 в Нахичевани в 1884 году) [20, л. 62 об.] превысило по численности Таганрог и сравнялось с Киевом, Саратовым и Казанью. Соединение в единый узел трёх железных дорог — Харьковской, Воронежской и Кавказской — позволило вести активную внутреннюю торговлю и служить рынком для Области войска Донского и всего Северного Кавказа. Удобная водная артерия способствовала заморскому торгу.

В 1880 году Ростов отправил за границу «кроме весьма большого количества шерсти, сала, масла и пр., до 3 миллионов четвертей зернового хлеба. По годовому обороту внутренней ростовской торговли продано лесу на 5 миллионов рублей, сахару на 3 миллиона рублей, спирта до 100 миллионов градусов, кожевенных товаров на 2 миллиона рублей, железа на 4 миллиона рублей, бакалеи на 5 миллионов рублей, мануфактур и галантереи на 5 миллионов рублей, рыбы на 2 миллиона рублей, антрацита 25 миллионов пудов» [20, л. 12 об — 13]. Оборот ярмарки составил 6 миллионов рублей.

В 1882 году из Ростова было вывезено за границу товаров на сумму более 41 миллиона рублей (для сравнения из Таганрога — только на 12 миллионов рублей). В Ростове находились одна из шести контор Государственного банка, таможня 4-го разряда, почтовая контора, организованная по типу одесской, телеграфный округ.

Ростовская полиция превышала по составу штаты большинства губернских центров. В городе располагалось до 100 заводов и фабрик, в сезон в Ростов стекался в большом количестве из малоземельных областей простой люд, ищущий найма. Многие из сезонных рабочих, не имея средств на обратную дорогу, оставались в городе без постоянных занятий. Городские власти не без повода волновались, что такое скопление народу «далеко не отличающегося нравственностью, может представлять немало опасного не только в отношении сохранения порядка в городе, но и в отношении лёгкости распространения вредных начал между ними» [20, л. 13 об]. 15 апреля 1879 года в городе произошли

вооружённые столкновения рабочих с полицией [21]. Случившиеся волнения и убийство императора Александра II взволновали городские власти, и они решили для поддержания порядка расквартировать в Ростове части Керчь-Еникальского полка.

В многонациональном по составу Ростове возникали этнические конфликты. В мае 1883 года по городу прокатилась волна еврейских погромов [22]. Зачинщики были арестованы и отданы под суд. Успешно подавившие погромы нижние полицейские чины вознаграждены премией по 1 рублю, а полицмейстер Ф. А. Нордберг получил благодарность [23, с. 86—87]. Однако чаще решение оперативных вопросов тормозилось отдалённостью в 500 вёрст от губернского центра.

Ростовским органам общественного управления требовалось больше полномочий и независимости. Городская казна теряла значительные средства из-за перечислений земских налогов в бюджет Екатеринослава.

Статус уездного города явно не соответствовал положению Ростова. В столичных кабинетах давно шли разговоры об изменении административного управления на востоке Новороссийского края. В 1875 году высокий чиновник из Министерства внутренних дел П. П. Косаговский посетил Ростов и Таганрог, провёл совещание и составил для правительства мнение сохранить существующее статус-кво. Министр финансов С. А. Грейг, в тоже время, предложил создать Приазовское градоначальство с центром в Таганроге. 13 января 1883 года Одесский генерал-губернатор П. Е. Коцебу высказался за выделение Ростова «для поднятия его значения в сфере общественной жизни на Азовском побережье на степень губернского города с образованием Ростовской губернии или на степень Ростовского градоначальства» [20, л. 49], включающего Нахичевань, Азов и Таганрог.

У каждого проекта были свои сторонники и противники. Ростовская дума, поддержанная уездным предводителем дворянства Г. М. Сарандинаки, ратовала за Ростовское градоначальство, Таганрог не хотел мириться с потерей привилегий, Екатеринославское губернское начальство не было готово терять богатый источник доходов.

Инициированный в 1881 году при Кузмине процесс изменения статуса Ростова завершился при Байкове. В столице приняли «Соломоново» решение, и в 1887 году был подписан императорский указ о присоединении Ростовского уезда и Таганрогского градоначальства к Области войска Донского.

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОСТОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

Потомственный почётный гражданин Николай Иванович Кузмин возглавлял Ростовскую городскую думу с 1878 по 1883 год. На этой должности он сполна использовал свой опыт торгово-предпринимательской деятельности. Имея только среднее образование, он по многим вопросам опирался на опытных коллег — А. К. Кривошеина и А. М. Баташёва.

Статский советник Кривошеин, служивший многие годы на выборных общественных должностях и государственном поприще, часто выступал в Думе с полезными инициативами. Мировой судья, в течение 10 лет председательствующий на съездах мировых судей, коллежский советник Баташёв «за полезную и благотворную деятельность на пользу общества» в качестве гласного заслужил звание почётного гражданина [24, с. 99—100].

Дума при Кузмине, как при его предшественниках, работала по трём основным направлениям: городское благоустройство, народное образование и здравоохранение.

Исходя из этих целей формировался бюджет. За личное участие при составлении сметы Кузмин удостоился от думы благодарности. В 1879 году планировалось собрать доходы на сумму 340 238 рублей, а потратить на нужды города 339 376 рублей. В следующем году соответственно — 405 226 рублей и 405 185 рублей [25, с. 76]. Однако на деле сохранить бюджет бездефицитным никак не удавалось. Постоянно возникающие форс-мажорные ситуации требовали немедленного решения. В таких случаях дума обращалась в Городской общественный банк за кредитами, накапливая год от года задолженности.

Купцы и предприниматели расставаться с деньгами не спешили. Основную сумму недоимок составляли налоги с недвижимого имущества и поступления от «специальных источников» таких, как Гирловый комитет. Помимо доходов от сдачи в аренду в результате торгов мест на городских площадях и базарах под лавки, городской земли, песчаных карьеров, каменоломен, складов, территории городского сада и расположенных в нём большой и малой ротонд, летнего театра, базарных мер и весов, от платы за пользования пристанями, акцизов с трактиров и постоялых дворов, налогов с промышленности дума изыскивала новые источники финансирования: перевод квартирной повинности из третьего класса во второй, введение налога

на лошадей, отдача в аренду различных оборотных статей.

Значительным достижением думы при Кузмине был перевод ростовской таможни из четвёртого класса в первоклассную. Чтобы добиться этого, понадобилось сломить сопротивление Министерства финансов и Департамента таможенных сборов. 5 февраля 1880 года Государственный совет утвердил Ростовскую таможню в 1-м классе [25, с. 22]. Теперь через таможню могли проходить все товары, за исключением запрещённых.

БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДА

Гласные в 1880 году постановили продолжить начатое с 1873 года мощение улиц и переулков. Первоочередной задачей было признано мощение набережной и спусков к порту, а также возведение дополнительных портовых сооружений и заграждений. Проект по сооружению мостовых с планами и чертежами был поручен одесскому инженеру Воробьёву, имевшему опыт подобной работы в Таганроге [23, с. 18]. Помимо проезжей части ростовские власти озаботились мощением тротуаров. Дело это было недешёвое. Только на замощение дамбы, идущей параллельно Темернику и соединяющей набережную с железнодорожной станцией, требовалось 4 500 рублей [25, с. 188].

По примеру других портовых городов для покрытия расходов на камень и укладочные работы дума обратилась с ходатайством к правительству об установлении полукопеечного сбора с пуда отпускаемых за границу товаров [25, с. 112—113]. В Петербург отправились Кузмин и Баташёв.

В 1880 году после обращения в правительство ростовская дума получила разрешение Министерства путей сообщения на реконструкцию железного моста Ростово-Владикавказской железной дороги. Узкие пролёты являлись препятствием для прохождения судов. Кузмин лично согласовывал начало работ по испытаниям и проектированию нового широкого 200-саженного пролёта в пойме Дона [25, с. 115—116].

Зимой 1879—80 годов напор льда разрушил деревянный мост на реке Темерник, ведущий к станции железной дороги. Дума срочно выделила средства на постройку нового балочного железного моста [25, с. 117]. Мост был построен и открыт для проезда в 1882 году [10].

Для правильного и беспрепятственного сообщения дума постановила провести конно-железную дорогу от Соборной площади в Нахичевани до станции Ростово-Владикавказской железной дороги взамен грунтового тракта [24, с. 48—49].

При Кузмине в Ростове заработало газовое освещение. Контракт на устройство газопровода был оформлен с итальянским инженером Б. Мошетти ещё в 1872 году. В 1879-м газ был подведён к городскому парку, и арендатором вменялась в обязанности установка газовых фонарей. На работы первоначально выделялось 4 660 рублей [24, с. 78]. Правда, качество освещения в 1880 году вызывало нарекания [25, с. 167]. В 1880 году дума озаботилась перспективой строительства нового водопровода от Дона на нужды фабрик и заводов, поскольку Богатый источник справлялся лишь с потребностями домохозяйств.

Для удобства продавцов и покупателей были приобретены и установлены на базарах несколько десятичных весов, позволяющих взвешивать воз с грузом без перекладки товара.

В начале 1879 года гласные Кривошеин и Баташёв были направлены в Петербург «для собрания сведений о ходе дел»: о переводе окружного суда из Таганрога в Ростов, об открытии городской библиотеки и аптеки, о создании на юге России Технологического института [24, с. 41]. К сожалению, насущные для города вопросы решались в столице, и для их воплощения в жизнь требовалось много времени и настойчивости. Окружной суд перенести не удалось. Первое высшее учебное заведение юга России — Алексеевский донской политехнический институт — открылся только в 1907 году в Новочеркасске. А вот публичная библиотека начала принимать читателей довольно скоро. При Байкове она пополнилась замечательной библиотекой Алфераки из их имения Дмитриада [26].

Борясь за благопристойный облик города, дума приняла предложение головы запретить открывать водочные и питейные заведения по Большой Садовой, от Темерника до Покровской площади, по Соборному переулку, вдоль набережных и спусков к Дону, ближе 30 сажень от учебных заведений [24, с. 136—137].

25-летие царствования императора Александра II дума предложила увековечить открытием нового Александровского парка в продолжение Большого проспекта. Предполагаемая протяжённость парка составляла одну версту, а ширина насаждений 40 сажень, по середине должна была проходить проездная аллея. Затраты в размере 26 000 рублей рассчитывали покрыть от продажи участков под дачи на рядом расположенных улицах. В саду планировалось устано-

вить памятный обелиск. Комиссию по устройству парка возглавил Кузмин [25, с. 126 – 127].

Александровский парк находился на территории Ростовского института сельскохозяйственного машиностроения (РИСХМа, ныне Донской государственный технический университет) и Студенческого парка [27]. В старом Ростове там проводились массовые праздники древонасаждений.

В 1883 году купец 1-й гильдии В. И. Асмолов ходатайствовал перед думой о постройке на его собственной земле по Таганрогскому проспекту концертного зала [23, с. 46]. Получив поддержку думы, он приступил к строительству. Асмоловский театр служил городу с 1883 по 1920 год.

ОБРАЗОВАНИЕ

Забота о просвещении была одним из приоритетных направлений деятельности думы, возглавляемой Кузминым. В конце 1870-х годов в Ростове работало девять начальных училищ для мальчиков и девочек, одна классическая прогимназия, реальное училище и женская гимназия. Училища и прогимназия полностью существовали на средства из городского бюджета. Ежегодные отчисления городской казны на прогимназию, начиная с 1877 года, составляли 11 163 рубля [28, с. 1]. Дума регулярно голосовала за дополнительные поощрения учителям, учительницам и их помощникам в начальных училищах.

Петровское реальное училище и женская гимназия получали от города дотации. За обучение в них вносилась плата; самые бедные ученики могли рассчитывать на стипендию. Учащихся из малообеспеченных семей поддерживало Общество вспомоществования недостаточным ученикам. Средства поступали как от частных пожертвователей (В. И. Асмолов, А. М. Баташёв, И. С. Панченко, Л. К. Маврогордато, П. Р. Максимов, Ф. Н. Солодов и другие), так и от продажи билетов на благотворительные спектакли [28, с. 1]. Число учащихся прогимназии ежегодно росло: в 1876-м, в год открытия, в ней обучалось 80, в 1881-м уже 179 человек [28, с. 2]. Для того, чтобы детям из бедных семей дать возможность получать не только начальное, но и среднее образование, гласный Г. Е. Коган предложил преобразовать за счёт казны прогимназию в гимназию с шестилетним обучением [24, с. 113]. Обращение гласного Кривошеина по этому вопросу к министру народного просвещения Д. А. Толстому и сменившему его на посту А. А. Сабурову результатов не дали. Тогда дума уполномочила Кузмина ходатайствовать в столице. Занятия в 5-м классе гимназии начались в 1881 году, когда бремя финансовых забот взял на себя купец-благотворитель Г. И. Шушпанов.

Дума также дала наказ Н. И. Кузмину просить министерство о разрешении выпускникам Петровского реального училища, в виду недостаточности вакантных мест в высших технических учебных заведениях, поступать без экзаменов в университеты на естественно-научные и физико-математические факультеты [25, с. 151].

На заседании 1 ноября 1879 года Кузмин сообщил об учреждении за счет города именной стипендии для оплаты обучения в Императорском московском технологическом университете одного из беднейших студентов. Специально для этого в Городском общественном банке под проценты был размещён «вечный» вклад в размере 5 100 рублей [24, с. 122].

В следующем году губернатор и министерство поддержали предложение думы открыть за счёт города два новых начальных училища — мужское и женское — и назвать их Александровскими в честь 25-летия царствования императора. Попечителем избрали Г. И. Шушпанова, попечительницей — его жену С. В. Шушпанову [25, с. 145].

Кузмин проявил дипломатические способности: в благодарность за преобразование ростовской таможни в первоклассную он предложил учредить на собранные и размещённые в банке 5 000 рублей стипендии двум нуждающимся ученикам реального училища и женской гимназии и назвать эти стипендии в честь министра финансов и его жены [24, с. 129 – 130].

В 1877 году на выделенные городом 200 000 рублей на Большой Садовой рядом с городским садом было построено, взамен наёмного, здание реального училища.

При Кузмине город профинансировал его капитальный ремонт: установку окон с фрамугами и двойным остеклением, обивку потолков войлоком для лучшей шумоизоляции, замену дощатых полов на паркет, установку пожарных кранов, устройство в подвале ватерклозета и многое другое. При училище была открыта обсерватория, оборудован гимнастический зал [25, с. 60 – 61].

Стараниями городского самоуправления в Ростове было открыто техническое железнодорожное училище.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Доставшееся Кузмину от прежнего городского руководства больничное хозяйство нахо-

дилось, без преувеличения, в ужасающем состоянии. С закрытием в Ростове после окончания русско-турецкой войны 1877—78 годов госпиталя Красного Креста три его барака были отданы под городскую больницу. Там же находилась квартира врача.

В трёх огромных палатах без соблюдения требований гигиены размещались больные, независимо от вида заболеваний. Количество больных с ростом городского населения постоянно увеличивалось: в 1873 году в больнице было 80 кроватей, за год прошли лечение 919 человек; в 1880-м в среднем в день на лечении находилось 142 человека, с января до конца сентября в больнице пролечились 1 547 человек.

Несмотря на то, что ремонт бараков шёл непрерывно, и на него было потрачено 2 000 рублей, наскоро построенные помещения за два года стали аварийными. «Крыши текут настолько, что во время дождя больные вынуждены укрываться кучами в немногих свободных от течи местах; доски потолка, рассохшись, дали очень большие щели, сквозь которые просыпается земля прямо на больных, и были случаи, что доски обрывались, просыпая при этом такую массу земли, что это становилось положительно опасным; стены настолько продувают, что в расстоянии от них целого аршина рукой ощущается движение воздуха, из-под полов также сильно дует» [25, с. 153]. Зимой, несмотря на круглосуточную топку, температура внутри бараков не поднималась выше 7 градусов, а у стен доходила до нуля. Дальнейший ремонт бараков представлялся затеей непродуктивной. Ориентировочная сумма, требуемая на строительство новой больницы, составляла 85 000 рублей, для её сбора планировалось ввести специальный налог и выпустить облигации под заём с погашением за 20 лет. Средства на лечение (около 30 000 рублей в год) планировалось получить со специального 50-копеечного сбора от всех работ, проходящих в Ростове, и с его рабочего населения, подобно другим крупным городам. (В больнице в основном находились на лечении приезжие. Число ростовчан в 1879 году составляло только 12%.) На время строительства предлагалось переместить больницу в два дома и флигель, освобождённые после вывода из города трёх батальонов Керчь-Еникальского полка. Выслушав доклад, дума одобрила план управы по выходу из больничного кризиса.

В 1879 году в городе, помимо уже существующего попечительского совета Петропавловской богадельни, был образован попечительский совет городской больницы. Началась постройка нового детского приюта.

Каждый год беднейшие граждане освобождались от оплаты задолженностей за лечение в городской больнице [25, с. 67—68].

САНИТАРНАЯ ОБСТАНОВКА И БОРЬБА С ЭПИДЕМИЕЙ

В конце 1878 года на Волге в Енотаевском уезде Астраханской губернии вспыхнула эпидемия чумы. Болезнь, считавшаяся к этому моменту в России побеждённой, грозила соседним регионам. На заседании думы 31 января 1879 года «городским головою Н. И. Кузминым заявлено было о необходимости, в виду появившейся в Астраханской губернии заразительной эпидемии, безотлагательного принятия против таковой предупредительных мер в городе Ростове» [24, с. 25]. Было решено: разделить город на три санитарные участка; санитарному комитету поручить проводить очистку и дезинфекцию за счёт города дворов; очистку и дезинфекцию базарных площадей, набережной Дона и поддержание в этих местах чистоты; особое внимание уделить рыбным лавкам на Старом базаре и Косынке[1], вменив хозяевам в обязанность дезинфицировать их; очистить Таганрогский проспект от свалки базарных отходов и перенести привозной базар на Сенную площадь; поручить полицмейстеру провести тщательный осмотр постоялых и ночлежных дворов, домов терпимости, бань, фабрик и заводов с целью выявления заболевших; предотвращать скопление народа в подобных заведениях и открыть новый ночлежный приют на 150 мест; очистить и продезинфицировать балку, прорезывающую город параллельно Большой Садовой; обязать домовладельцев дезинфицировать дворы, помойные ямы, ретирадные места[2]; обезвредить городскую свалку, располагающуюся в балке, впадающей в Темерник; держать под контролем работу ассенизаторских команд и снабдить их новой «посудой» - бочками из-под керосина с полной утилизацией старой, разбрасывать навоз и ретирадные отходы в специально отведенном месте, а сверху поливать для дезинфекции хлорной известью или остатками нефти и поджигать.

Сложившаяся ситуация прибавила работы врачам. Дума постановила открыть ещё один больничный барак и выделить отдельное поме-

[1] Косынка – место на берегу Дона в начале переулков Никольского (ныне Халтуринский) и Смирновского, где торговали рыбой
[2] туалеты

щение для больных с «сомнительным диагнозом», увеличить число фельдшеров в бедных районах «для безвозмездного подавания помощи» и обеспечивать несостоятельных больных бесплатными лекарствами [24, с. 26 — 37].

МЕРЫ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Частые пожары были вечной бедой российских городов. Ростов не был исключением: в сухую и ветреную погоду огонь выжигал целые кварталы близко стоящих деревянных домов. Думой в 1879 году был поддержан широкий комплекс противопожарных мер, предложенный екатеринославским губернатором.

Продолжая заниматься вопросами пожарной безопасности, через четыре года дума обязала установить во всех городских зданиях, предназначенных «для стечения более или менее значительного количества людей (в церквях, синагогах, на фабриках и заводах) <...> двери с отворотом не внутрь здания, а наружу» [23, с. 75] и приняла решение обустроить отдельную пожарную команду в предместье Богатый источник и в Затемерницком поселении. Эти поселения, с имеющейся в городе единственной пожарной каланчой на Таганрогском проспекте, не просматривались, и доставка воды на конных подводах к ним была затруднена [23, с. 89 — 90]. Случившийся 5 июля пожар на Богатом источнике ускорил строительство здания под пожарную команду.

В целях предотвращения возгораний общественных зданий (театров, временных цирков) дума настояла на техническом освидетельствовании подобных заведений управой и утверждением его результатов гласными [23, с. 4]. Своего решения дума придерживалась строго, отказав в 1883 году по причине пожароопасности в постройке временных цирков прусскому подданному Альберту Соломонскому и купчихе Т. И. Гулевской [23, с. 118].

Из-за плохого пожарного состояния дума в 1883 году потребовала закрыть зимний деревянный театр Гайрабетовых, не дожидаясь конца сезона. Сочувствуя артистам и служащим театра, оказавшимся без работы, дума постановила выплатить им пособие в размере 3000 рублей и предоставить помещение под спектакли в зале думы в доме П. Р. Максимова в свободные от заседаний дни [23, с. 7 — 12]. В 1886 году у наследников Гайрабетовых деревянный театр приобрёл под снос с целью высвобождения находящейся под ним городской земли купец В. И. Асмолов [29, с. 287].

НЕУРОЖАЙ 1880 ГОДА

Летом 1880 года в центральных губерниях и Поволжье случилась засуха, выгорели посевы зерновых. Трагические события голодного года остались запечатлёнными на полотнах художника-передвижника Г. Г. Мясоедова «Засуха» и «Молебен во время засухи». Недостаток хлебных запасов перерос в экономический кризис: цены на продукты питания стали расти повсеместно. Несмотря на то, что на юге ситуация с урожаем была более благоприятная, ростовская дума приняла комплекс мер для предупреждения дефицита «жизненных товаров» и поддержки беднейшей части населения.

Специальная комиссия, проинспектировав базары, лавки и склады, доложила, что запасы в городе основных продуктов питания и антрацит имеются в достаточном количестве и продаются по обычным ценам. Люди без определённого места жительства, живущие на подаяния, были взяты на учёт. Тех, кто не принадлежал «к городскому обществу» и не имел постоянных занятий, решено было высылать на родину. Число мест в ночлежном доме увеличили со 100 до 300, приспособив для этого за счёт казны помещение, в котором «нуждающиеся могли бы размещаться без стеснения»; ежедневно обеспечивали «даровой пищей» не менее 50 человек; открыли дешёвые столовые при ночлежках, в которых обед для постояльцев и просто бедных людей за 5 копеек обязательно включал горячее блюдо и фунт хлеба; были выпущены и распространены среди населения Ростова «копеечные марки» для раздачи неимущим вместо милостыни. Эти марки принимались столовыми по номинальной стоимости в уплату за еду. В будущем, при неблагоприятном развитии событий, дума планировала для сдерживания цен взять банковский кредит [25, с. 170 — 173].

ИСТОРИЯ С АРХИВНЫМИ ДЕЛАМИ

Авторитетный знаток истории Ростова В. С. Сидоров писал: «Н. И. Кузмин сделал для города немало полезного. К сожалению, с его памятью связано прискорбное деяние — продажа на обёртки ростовского городского архива, из-за чего сведения по истории Ростова, в особенности ранней, так отрывочны и скудны. И хотя, как это бывает, Кузмин скорее всего только подписал распоряжение, состряпанное его чиновниками, историки знать о нём ничего не хотят, кроме этой злополучной истории» [30].

Чтобы снять пятно с репутации Н. И. Кузмина, стоит вспомнить начало развития архивного дела в России [31].

Архивы стали возникать в России в конце XVIII века при учреждениях и ведомствах. Склонность чиновников к бюрократии довольно быстро привела к тому, что выделенные для хранения отработанных дел помещения оказались заваленными бумажной лавиной. С конца 1820-х годов специальным комиссиям было поручено разбирать накопленные бумаги и составлять перечень ненужных, которые с разрешения Комитета министров или Сената подлежали сожжению (секретные) или продаже с торгов.

Так, в 1843 году документы Государственной межевой канцелярии за 1765—1834 года весом 110 пудов были проданы как макулатура за 55 рублей серебром.

В 1845 году император Николай I утвердил постановление Государственного Совета, по которому все учреждения обязаны были разбирать дела десятилетней давности. Немедленному уничтожению после окончания производства подлежали адресные книги, книги разносные, дела о швейцарах, курьерах и т. д.

С 1860-х годов ведомства получили право самостоятельно разрабатывать правила «О порядке разбора и уничтожения решённых дел». В 1860—1870 годах в ходе реформы государственного управления архивы вновь переполнились делами упразднённых и преобразованных учреждений. Их размещали в дешёвых хранилищах (на чердаках, в подвалах, сараях) либо уничтожали как ненужные. Массовая гибель документов побудила власти принять меры к сохранению архивного наследия. Положение о губернских исторических архивах и учёных архивных комиссиях было утверждено Комитетом министров 14 апреля 1884 года.

За полгода до этого важного решения, 7 ноября 1883 года, на заседании думы под председательством Кузмина в присутствии 39 гласных городская управа сделала доклад о результатах торгов на продажу старых дел из архива упразднённой Думы «за период времени с 1805 по 1840 год, весом приблизительно до 50 пудов» [23, с. 127]. (Реформа городского самоуправления произошла в 1846 году. В отличие от прежней, шестигласной думы, в новой представительствовали пять сословий.) Не названный в докладе покупатель платил по 2 руб. 40 коп. за пуд. Присутствовавшие гласные результаты торга утвердили. Событие для того времени носило рядовой характер. Архивные документы земства, судов, дворянского собрания, межевой комиссии и др. остались сохранными.

СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

9 марта 1882 года на заседании думы Кузмин выступил с сообщением о том, что «при ревизии наличности городской кассы и хранящегося в казначействе сундука с ценными бумагами и другими денежными документами обнаружена растрата кассиром управы Дроботовым из сундука процентных бумаг на сумму 6 408 руб. и наличных денег из кассы на сумму 4443 р. 42 к., т. е. всего 10 851 р. 42 к.» [23, с. 20—21].

По факту пропажи был составлен и передан судебному следователю протокол, кассу передали под ответственность члену управы, заведующему бухгалтерией. Через месяц дума заслушала отчёт комиссии под председательством гласного А. Н. Шортана. Сообщение о растрате кассиром Дроботовым подтвердилось. В кассе на момент проверки 6 апреля 1883 года вместо положенных по записям в кассовой книге 4796 руб. 10 коп. находилось всего 352 руб. 68 коп. Не хватало также 7 облигаций восточного займа по номинальной стоимости 1000 руб. [23, с. 72—73].

Комиссия рекомендовала вместо сундуков и казначейства хранить городские деньги в конторе Государственного банка. Кузмин в ответ пояснил, что в настоящее время основные средства уже находятся на срочных и бессрочных вкладах в Государственном банке и Городском общественном банке.

Дело о хищении кассира Дроботова было передано в Таганрогский окружной суд. Однако коллегия присяжных, признав кражу, не нашла достаточно доказательств для обвинения в ней Дроботова.

ОТНОШЕНИЯ С А. М. БАЙКОВЫМ

Оба городских головы служили на благо Ростова, но пути их на ниве служения городу не пересекались. На заседании думы в марте 1879 года Кузмин выступил в защиту А. М. Байкова и предложил собравшимся не возобновлять предписанное Министерством внутренних дел рассмотрение дела о «Беспорядках, случившихся по Городскому Общественному Управлению в 1869 году» и не привлекать к ответу уже пострадавшего по этому делу Байкова с сослуживцами. Мотивировал он тем, что новый пересмотр лишь нарушит общественное спокойствие и плохо повлияет на благотворный ход

городских дел. Дума со своим головой согласилась [24, с. 93—94].

Вернувшийся после десятилетнего отсутствия с Кавказа А. М. Байков сменил Кузмина на посту городского головы. По некоторым направлениям развития городского хозяйства Н. И. Кузмин заложил основание, на котором Байков успешно осуществил дальнейшее благоустройство Ростова.

Байков после возобновления деятельности на заседании в думе 30 января 1885 года сделал сообщение относительно обнаруженной 8 марта 1883 года недостачи сумм и процентных бумаг в кассе городской управы. Поскольку в суде виновность кассира Дроботова не была подтверждена присяжными, дума постановила предъявить иск о пополнении растраченной суммы в количестве 11 381 рубля с процентами бывшему городскому голове Кузмину и членам Ростовской управы как ответственным за «целость» городских сумм [32].

УХОД ИЗ ЖИЗНИ

Последний год Николай Иванович болел. Скончался гласный думы Н. И. Кузмин 5 февраля 1886 года [33].

Известие о его кончине «в тёплых выражениях и отдавая справедливость нравственным качествам покойного» сообщил А. М. Байков [29, с. 59]. К гробу покойного от городского общественного самоуправления был возложен венок. На похоронах присутствовала депутация от думы и управы с городским знаменем и ремесленный голова со старшинами при цеховых значках [33]. На одном из следующих заседаний гласный Г. И. Ткачёв, помянув добрым словом покойного Кузмина и отметив, что Николай Иванович долгие годы служил на благо городу, предложил из-за оставшихся у семьи Кузмина долгов, освободить его наследников от взыскания по делу о растрате, совершенной кассиром Дроботовым [29, с. 84—85].

ПОТОМКИ И ИХ СУДЬБА

О том, как сложилась судьба сыновей Николая Кузмина, известно немного. Наследником торгового дела отца сделался старший Николай. Склады Н. Н. Кузмина по-прежнему располагались на Береговой улице, 8. Яков пошёл в чиновники и в 1876 году служил коллежским секретарём. Андрей вёл холостяцкий образ жизни в Москве, в собственном доме в Сущевском тупике. Григорий с семьёй жил в Симферополе.

Сын Григория Лев (рождён 12.02.1883) после окончания Императорского лесного института в Петербурге поступил вольноопределяющимся в 5-й пехотный Литовский полк, прослужил год, сдал экзамен на прапорщика и был уволен в запас [34]. В личном деле Льва Григорьевича подчёркивается правильность написания фамилии — Кузмин. В Первую мировую войну Лев Кузмин был принят младшим офицером в 5-ю роту 318-го пехотного Черноярского полка. В феврале 1918 года, в связи с расформированием части, он вернулся в родной Симферополь [35]. В Крыму Лев Кузмин возглавил Общество увечных воинов (Союз инвалидов войны), осуществлявшим свою благотворительную деятельность совместно с обществом Красного Креста. В 1920 году в Симферополе по постановлению тройки ВЧК Лев Кузмин, внук ростовского городского головы Н. И. Кузмина, был расстрелян [36].

Дочери Николая Ивановича Кузмина, благодаря красоте и образованности, сделали хорошие партии.

Юлия в 1876 году обвенчалась с двоюродным братом Яковом Маргаритовичем Сарандинаки. Чета Сарандинаки обосновалась в Москве, в доме на Арбате. Детей у них не было. После скоропостижной смерти Юлии Николаевны в 1911 году долго не мог решиться вопрос с наследством. Наконец, через год после объявления о вызове наследников её состояние по решению Московского окружного суда распределилось между мужем (3/7 части), братом Андреем (3/8 части) и племянниками Петром, Львом и Алексеем Григорьевичами Кузмиными [37].

Клавдия вышла замуж за шведского барона Карла Густава фон Кнорринга (Carl Gustaff von Knorring) [38]. Зять купца Кузмина происходил из старинного Курляндского рода, получившего в 1756 году в Швеции баронский титул и внесённого в матрикул (официальный список) дворян Великого княжества Финляндского. Родившийся в 1813 году Карл Густав, лютеранин по вероисповеданию, получил домашнее образование и вступил кадетом в Королевское шведское войско. Понюхал пороху в сражениях с венгерскими мятежниками в 1832 году, вышел в отставку в 1842 году поручиком и через год по собственному прошению был принят на русскую воинскую службу. В составе лейб-гусарского Павлоградского полка воевал в Крымскую войну с турками в Валахии и Молдавии под началом генерал-лейтенанта фон Нирода. После войны хорошо разбиравшийся в лошадях майор был зачислен в Ведомство государственного коннозаводства. В 1861 году в чине подполковника он

принял под командование 8-й полк Оренбургского казачьего войска. Пока барон служил на благо новому отечеству, его жена Клавдия Николаевна или, как называли её родственники мужа, Clotilde жила часто в Ростове у отца и в Симферополе у брата. По упразднению полка фон Кнорринг принял в 1866 году должность уездного исправника и, наконец, осел на постоянное жительство в городе Васильсурске Нижегородской губернии [39].

Сыновья бравого Карла Густава — Константин (рождён 30.03.1857) и Николай (рождён 20.03.1859) — стали военными. Мальчиков определили в Нижегородский кадетский корпус, затем в Константиновское артиллерийское училище. Службу братья закончили в полковничьих чинах. Их младшая сестра Ольга (рождена 11.09.1863) вышла замуж за лейтенанта 192-го Ваврского полка С. М. Переверзева.

Муж Евгении Кузминой носил фамилию Горский и, предположительно, приходился родственником генерал-майору Августу Адамовичу Горскому, начальнику Симферопольского военного госпиталя. Евгения Николаевна увлекалась музыкой; в Ростовское музыкальное общество Горские записались всей семьёй.

Не обошлось без родственного брака. Внучка Клавдии Кузминой Нина Переверзева связала свою судьбу с троюродным братом, внуком Евгении Кузминой, Борисом Горским.

Революция застала выпускника Елизаветградского кавалерийского училища Бориса Горского в составе 4-й Заамурского конного полка. Не приняв новую власть, он присоединился к Добровольческой армии, а затем к Вооруженным силам Юга России [40]. В эмиграции Борис Павлович вступил в Русский корпус. После Второй мировой войны вместе с женой Ниной Сергеевной и детьми он перебрался в Америку, где долгие годы исполнял обязанности церковного старосты, чем заслужил любовь и признательность соотечественников [41]. Потомки купца Николая Ивановича Кузмина по линии дочерей Клавдии и Евгении по фамилии Горские (Gorsky) проживают в настоящее время в США.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Краснянский М. Б.* Исторический очерк гг. Ростова и Нахичевана н-Д., по данным городского музея в г. Ростове н-Д. Ростов н/Д., 1911. С. 19. (Оттиск из справ. книжки « Ростов — Нахичеван н-Д» Г. А. Чеботарёва).

2. *Мокшин Г. Н.* Город Землянск в XVIII веке // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История, политология, социология. 2013. № 2. С. 131—135.

3. РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 2550.

4. *Крещановский Л.* Историческая записка о Покровской церкви в Ростове на Дону. Ростов н/Д. 1907. С. 83.

5. *Высоцкая Е. П.* Павловичи и маргаритовичи // Дон. временник. Год 2016-й. Вып. 24. С. 179.

6. ТД Двухгорное : [сайт]. URL: https://dg-beer.ru/dvuhgornoe.html

7. РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 791. Л. 174 об.

8. *Илюхин В. А.* Дом на Приютинской. URL: http://samlib.ru/i/iljuhin_w_a/home.shtml

9. Ведомости Ростовской на Дону городской управы. 1873. 16 дек. (№ 50). С. 1.

10. Береговая 27(а...б ?). Дом бывший Н. И. Кузьмина // Ростовский берег : сайт истории дон. края // URL: http://www.rostovbereg.ru/publ/rostov_so_vsekh_storon/beregovaja_27_a_b_dom_byvshij_n_i_kuzmina/1-1-0-299

11. Ведомости Ростовской на Дону городской управы. 1872. 31 дек. (№ 50). С. 1.

12. Ведомости Ростовской на Дону городской управы. 1868. 14 июля (№ 29). С. 136.

13. Ведомости Ростовской на Дону городской управы. 1868. 25 авг. (№ 35). С. 160.

14. Ведомости Ростовской на Дону городской управы. 1868. 8 сент. (№ 37). С. 170.

15. Ведомости Ростовской на Дону городской управы. 1868. 8 дек. (№ 50). С. 229.

16. *Чалхушьян Г. Х.* Историческая записка о городе Ростове на Дону // Дон. временник. Год 2001-й. С. 176.

17. Ведомости Ростовской на Дону городской управы. 1875. 31 авг. (№ 35). С 1.

18. Ведомости Ростовской на Дону городской управы. 1878. 10 сент. (№ 37). С. 1.

19. Ведомости Ростовской на-Дону городской управы. 1880. 6 янв. (№ 1). С. 1—2.

20. ДАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 186.

21. Там же. Д. 51. Л. 6—25.

22. Там же. Д. 754. Л. 1—6.

23. Журналы Ростовской на-Дону городской думы за 1883 год. Ростов н/Д. 1884.

24. Журналы заседаний Ростовской на-Дону городской думы за 1879 год. Ростов н/Д. 1880.

25. Журналы заседаний Ростовской на-Дону городской думы за 1880 год. Ростов н/Д. 1881.

26. Журналы заседаний Ростовской на-Дону городской думы за 1887 год. Ростов н/Д. 1888. С. 14.

27. Александровский сад URL: http://ростов-город.рф/histori-abc/5037-aleksandrovskij-sad

28. Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы. 1882. 3 янв. (№ 1).

29. Журналы заседаний Ростовской на-Дону городской думы за 1886 год. Ростов н/Д. 1887.

30. *Сидоров В.* Четверть тысячелетия : Городские головы, председатели горсовета (горисполкома), мэры. Ростов н/Д. : МП «Книга», 1999. С. 44.

31. *Самошенко В. Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989.

32. Журналы заседаний Ростовской на-Дону городской думы за 1885 год. Ростов н/Д. 1886. С. 26.

33. Ведомости Ростовской на Дону городской управы. 1886. 9 фев. (№ 6). С. 1.

34. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 34169. Л. 871—871 об.

35. Там же. Д. 3060. Л. 2.

36. *Абраменко Л. М.* Последняя обитель. Крым. 1920—1921 гг. URL: https://www.rulit.me/books/poslednyaya-obitel-krym-1920-1921-gg-read-394503-95.html

37. ЦИАМ. Ф. 49. ОП. 3. Д. 3279. Л. 24.

38. Von Knoring nr 1976 // Adelsvapen-ViKi URL: https://www.adelsvapen.com/genealogi/Von_Knorring_nr_1976

39. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 88141. Л. 2 об. — 4, 8 об. — 11.

40. *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С. 141—142.

41. Архиепископ Аверкий (Таушев). Памяти Бориса Павловича Горского : сайт церкви Иоанна Богослова. URL: https://omolenko.com/biblio/averkiy-tom4.htm?p=84

Е. В. ВЫСОЦКАЯ, А. А. ЦЫМБАЛ

АТРИБУЦИЯ ФОТОПОРТРЕТОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ДЕ БОТТАРИ

9 июня 2016 года в Таганрогском историко-краеведческом музее, расположенном в бывшем дворце Алфераки, состоялась церемония торжественной передачи в фонды музея коллекции рисунков и фотографий из архива итальянской семьи де Боттари.

Коллекция де Боттари, как её назвали сотрудники музея, была подарена Таганрогу жительницей США Патрисией Смит Энгел.

П. С. Энгел происходит из семьи де Боттари, состоявшей в родстве с знаменитыми таганрогскими греками Алфераки.

Во время презентации коллекции госпожа Энгел так рассказала о своей находке: «Я оказалась здесь благодаря одному интересному событию. Разбирая вещи матери после её смерти, я обнаружила в чулане коробки. Там были старинные вещи из Европы, Италии и России. Моя мать когда-то рассказывала мне, что семья прадеда жила в России. Мне стало интересно узнать, кто изображён на этих рисунках и фотографиях, на многих из которых была фамилия Алфераки. Я набрала это имя в интернете, и представьте моё удивление, когда я узнала, что в Таганроге есть дворец Алфераки и сейчас тут музей. Так я выяснила свою связь с родом Алфераки. У семьи был широкий круг друзей, среди них много знаменитостей. Постепенно я осознала, что эта коллекция не является моей собственностью, а должна вернуться к вам в Россию, в Таганрог» [1].

220 рисунков и фотографий знакомят с неизвестными страницами жизни дворянских семей греческого происхождения, в XIX веке составлявших элиту таганрогского общества.

Эти уникальные свидетельства давно ушедшей эпохи, таящие немало загадок, являются бесценным материалом для изучения истории города.

Наибольший интерес представляют 42 рисунка, выполненные тушью и пером на пожелтевшей плотной бумаге для рисования. Это весёлые шаржи и ситуационные карикатуры, составляющие своеобразную мозаику, которую можно назвать «Невероятные приключения таганрожцев в Италии». Кто был автором этих рисунков, можно только предполагать.

Известно, что Ахиллес и Сергей Алфераки были талантливыми рисовальщиками. В фондах Таганрогского историко-краеведческого музея хранится большая коллекция карикатур на жителей города, выполненных в 1860—1880 годах братьями Алфераки и их друзьями. Своеобразный коллективный портрет таганрогского общества второй половины XIX века теперь дополнен рисунками, запечатлевшими тех же людей в гостях у итальянских родственников. Сюжеты некоторых таганрогских и итальянских рисунков перекликаются.

Так, в альбоме семьи Алфераки мы видим карандашный рисунок, изображающий в юмористическом духе конную прогулку. Два подобных рисунка, но уже пером и тушью, есть и в итальянской коллекции. Шаржи совпадают по композиции и по характеру изображений некоторых персонажей. Это даёт возможность

Сообщение под названием: «Ростовский городской голова Н. И. Кузмин и его потомки»

предположить, что изобразил их один и тот же художник. Среди всадников узнаваемы сами братья Алфераки и представитель итальянской семьи Баччи, проживавшей в Таганроге.

Рисунки, выполненные в гостях у итальянских родственников, свидетельствуют о том, что и вдали от родины таганрогские аристократы не изменяли своим привычкам. Они музицировали, занимались живописью, рисовали друг на друга шаржи, разыгрывали любительские спектакли.

Кроме рисунков, коллекция де Боттари содержит 178 фотографий. Наибольший интерес среди них представляют фотографии членов семьи Алфераки, их друзей и родственников.

Атрибуция многих снимков довольно сложна: большей частью они не подписаны. Не представляется возможности провести их иконографический анализ, так как в архиве музея мало изображений членов семьи Алфераки, их родственников и знакомых.

Большой удачей стала атрибуция фотографий, принадлежащих друзьям Алфераки — семье Сарандинаки. Благодаря подписям под некоторыми шаржами удалось узнать, что один из таганрожцев гостил в Риме вместе с женой и свояченицами. Уловленное на карикатурах портретное сходство помогло безошибочно выделить фотографии с их изображением. Выразительные черты лица гостя из Таганрога позволили предположить его принадлежность к известному роду Сарандинаки.

При дальнейшей идентификации персон на фотопортретах мы основывались на достоверно известных сведениях из родословной семьи Сарандинаки [2] и временных рамках, ограниченных 1860 — 1880 годами. В эти годы в Италии вместе с женой и свояченицами мог находится один из пяти сыновей Маргарита Фёдоровича Сарандинаки (Фёдор, Григорий, Николай, Георгий или Яков) или один из двух сыновей Павла Фёдоровича Сарандинаки (Ипполит или Николай). Хранящиеся в семейных архивах изображения Ипполита Павловича с женой [3, с. 188], Николая Павловича [3, с. 185] и его супруги, а также портрет Николая Маргаритовича Сарандинаки [4] позволили исключить этих членов семьи из числа рассматриваемых лиц. Скончавшийся в 1883 году отставной поручик Фёдор Маргаритович Сарандинаки был холост [3, с. 180]. Подполковник Георгий Маргаритович Сарандинаки женился в 1884 году на государственной крестьянке Наталии Лисенко [3, с. 182]. Существовавшие сословные предубеждения исключают возможность его путешествия за границу с сёстрами жены, крестьянками из села Кагальник. Таким образом круг лиц сузился до двух представителей семьи — Григория Маргаритовича и Якова Маргаритовича Сарандинаки.

Для подтверждения нашего первого вывода мы обратились к Сергею Алексеевичу Никитину, эксперту высшей категории, главному специалисту Бюро судебно-медицинской экспертизы г. Москвы.

С. А. Никитин — давний друг Петра Александровича Сарандинаки [2]. Вместе они участвовали в поисковых экспедициях и идентификации останков императора Николая II и членов его семьи. Помимо антропологической реконструкции, Сергей Алексеевич занимается идентификацией личностей по фото- и видеоматериалам.

Сопоставив фотографии под номерами 1 и 2 из коллекции де Боттари и портрет Николая Маргаритовича Сарандинаки[1], Никитин подтвердил, что с вероятностью более 50% изображённый на них мужчина приходится родным братом Н. М. Сарандинаки.

Следующий этап предполагал опознание женских фотопортретов.

Девичья фамилия жены титулярного советника Григория Маргаритовича Сарандинаки, Александры Петровны, неизвестна. Яков Маргаритович был женат на Юлии, дочери ростовского городского головы Н. И. Кузмина, поэтому решили сравнить портрет жены гостившего в Италии Сарандинаки с портретом Н. И. Кузмина.

Несмотря на то, что купец первой гильдии Н. И. Кузмин на протяжении шести лет возглавлял Ростовскую городскую думу, до последнего времени не было известно ни одного его изображения. Упорные поиски портрета Кузмина привели ростовского краеведа Александра Овчинникова к коллекционеру из Москвы Михаилу Валентиновичу Золотарёву. Оказалось, что фотография Н. И. Кузмина находится в созданной Золотарёвым электронной базе фотопортретов известных российских деятелей [5].

Для сопоставления с обнаруженным изображением Кузмина С. А. Никитину были направлены фотографии из коллекции де Боттари[2]: под номером 3, выполненное на коленкоре фото, предположительно, супружеской пары Якова Маргаритовича и Юлии Николаевны Сарандинаки, под номерами 4 и 5 фото, предположительно, Юлии Сарандинаки, под номерами 6 и

[1] См. на цветной вклейке
[2] См. на цветной вклейке

7 фото, предположительно, её сестёр Клавдии и Евгении.

Проведя и сравнительное исследование, судебно-медицинский эксперт С. А. Никитин выделил несколько совпадающих признаков на портрете Н. И. Кузмина и женских изображениях:

1. Одинаковая левая бровь, только у женщин наружные концы бровей приподняты;

2. Одинаковые верхние веки (подвижные их части), только у Н. И. Кузмина веки несколько приподняты;

3. У женщины на фото 6 схожий с Кузминым по форме контур лба.

4. Одинаковые с женщиной на фото 4 радужки.

5. Похожие с женщиной на фото 4 нижние веки.

6. Очень высокая степень сходства женщин на фото 4 и 7; это один и тот же человек или сёстры-близнецы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Женщины 4 и 7 - один и тот же человек, или сёстры-близнецы.
2. Женщина 6 - родная сестра женщины «4, 7», или сестёр - близнецов 4 и 7.

СМЭ С.А. Никитин 18.05.2019 г.

На основании обнаруженных совпадений С. А. Никитин сделал вывод о том, что женщины на фотографиях с очень большой долей вероятности являются родными сёстрами и дочерями Н. И. Кузмина. Фотографии 4 и 5 принадлежат Юлии Николаевне Кузминой, в замужестве Сарандинаки. На фотографиях 6 и 7 изображены её родные сёстры: под номером 6 — старшая Клавдия, под номером 7 — сестра-близнец Евгения.

Сергей Алексеевич Никитин также обратил наше внимание на то, что, что фотографии Якова и Юлии Сарандинаки сделаны в разные годы: герои портретов гостили в Италии не единожды.

Атрибуция фотопортретов Якова Маргаритовича Сарандинаки, его жены Юлии Николаевны и двух свояченицы полностью подтверждается известными фактами их жизни.

Яков Маргаритович Сарандинаки и Юлия Николаевна Кузмина состояли в близком родстве: их матери Глафира и Александра, в девичестве Щербинские, являлись родными сёстрами. Подобные браки получили названия ортокузенных.

По указу Святейшего Синода от 19.01.1810 года браки между лицами в четвёртой боковой степени родства (кузены и кузины) запрещались. Родственникам, состоящим в пятой, шестой и седьмой степенях родства для заключения союза требовалось разрешение правящего архиерея. Стремившиеся во что бы то ни стало соединиться узами брака, близкие родственники искали священника готового совершить в нарушение запрета тайный обряд.

Венчались влюблённые в 1876 году в Одессе. Город на берегу Чёрного моря был выбран не случайно. В 1852—1857 годах Юлия и её сестра-близнец Евгения учились в Одесском институте благородных девиц. Интересное совпадение: с 16 марта 1875 года по 1 марта 1877 года Херсонскую и Одесскую епархию возглавлял архиепископ Иоанникий, в миру Иван Семёнович Горский. Муж Евгении Кузминой носил фамилию Горский (инициалы неизвестны). По семейной версии, переданной Петром Александровичем Сарандинаки, Яков и Юлия получили разрешение на венчание. Нина Сергеевна Горская, внучатая племянница Юлии Николаевны, высказала противоположную версию: Яков и Юлия венчались тайно [6].

Так или иначе, бракосочетание было совершено в полковой церкви 60-го Замосцкого пехотного полка, квартировавшего в Одессе. Согласно метрической записи от 21 июля венчались первым браком «дворянин кандидат философских наук Императорского московского университета Яков Маргаритов сын Сарандинаки, православный, 26 лет» и «дочь почётного потомственного гражданина Юлия Николаева Кузьмина, православная, 30 лет» [7, л. 69 об.]

Бракосочетание совершил протоиерей Алексий Патенков. Шаферами со стороны жениха были родной брат невесты коллежский секретарь Яков Кузьмин и одесский мещанин Иван Васильев; «по невесте отставной полковник и кавалер Фёдор Елисеев Максимов и штаб-офицерский сын Юлий Сергеев Ширяев» [7, л. 70].

О соединившим брачными узами любящие сердца полковом священнике А. Патенкове известно, что он участвовал в обороне Севастополя. С 19 января по 28 августа 1855 года отец Алексий находился в составе Севастопольского гарнизона и получил ранение в голень осколком гранаты. Наградой за мужество ему стал орден Святой Анны 3-й степени с мечами [8].

Яков Маргаритович Сарандинаки закончил Московский университет в 1872 году и решил проверить себя на педагогическом поприще. Однако преподавание в гимназии греческого и латыни не вызывало у молодого человека энтузиазма, и он решил продолжить образование за рубежом. В 1876 году он обратился с ходатайством к руководству университета с просьбой командировать его в Европу за собственный счёт «для подготовки к профессорскому званию» [9].

Из европейских стран Яков Маргаритович выбрал Италию и Германию. Начало заграничной поездки удачно совпало со свадебным путешествием. Вероятнее всего, молодые супруги отправились на родину Овидия из Одессы на корабле. Впоследствии Сарандинаки приезжали в гости к де Боттари, как минимум, ещё один раз.

В поездках в Италию Юлию Николаевну сопровождали сёстры Евгения и Клавдия. Молодые люди наслаждались красотами Италии и гостеприимством итальянских друзей. Дамы увлекались модными магазинами, а кавалер воздавал дань богу виноделия Бахусу.

Во время заграничного турне Яков Маргаритович не сильно утруждал себя наукой и, возвратившись в Москву, навсегда оставил помыслы заниматься преподаванием.

Супруги купили в 1888 году в Москве у дочерей поручика Возицина два земельных участка и дом за 11 669 рублей 25 копеек [10].

Особняк Сарандинаки на Сивцевом Вражке был двухэтажным, с каменным нижним и деревянным верхним этажами и нежилой пристройкой для входных сеней [11]. В подвале располагались кухня, прачечная, комната прислуги; дом имел канализацию и водопровод. При доме проживал дворник.

Яков Маргаритович придерживался старинного уклада жизни и, «чтобы сохранить стиль обстановки, не только не провёл электричества, но даже не было керосиновых ламп, только бра и люстры со свечами» [6]. В доме Толстого, по соседству, Я. М. Сарадинаки открыл типографию «Русская печатня», издававшую преимущественно православную и историческую литературу.

Монархист по убеждениям, Яков Маргаритович тяжело переживал революцию 1905 года. Декабрьское вооружённое восстание в Москве разворачивалось на его глазах. В попытке защитить духовные и материальные ценности от революционно настроенных горожан Сарандинаки примкнул к крайне правым силам. В его типографии и под его редакцией Московский союз русского народа в феврале 1906 года начал выпуск литературно-политической газеты «Русский стяг» [12]. Печатное дело, не любивший тяготить себя делами, Яков Маргаритович доверил студенту Технологического университета Н. Андрушкевичу [13]. Молодого человека порекомендовал редактор «Московских ведомостей» В. А. Григмут, известный как основатель черносотенной организации Всенародный русский союз, поэтому в его протеже Яков Маргаритович не сомневался.

Однако всё получилось ровно наоборот. Внедрившийся в монархические круги Андрушкевич исповедовал левые взгляды. Он не только ввёл Сарандинаки в растраты, но издал в «Печатне» недозволенную цензурой брошюру В. Асина «Беднота в темноте, темнота от бедноты» в количестве 3000 экземпляров. При обыске в типографии был обнаружен набор и несколько экземпляров злополучной брошюры. Обвиняемый Андрушкевич пустился в бега, и к ответу привлекли Сарандинаки.

После двух лет судебного расследования обвинение с Якова Маргаритовича всё-таки было снято. В следующий раз неудачливый владелец передал типографию в заведование отставному поручику артиллерии, заручившись «добром» московского градоначальника.

Юлия Николаевна и Яков Маргаритович не стесняли себя в средствах. На лето супруги уезжали в Крым, в имение Сарандинаки, «находившееся на реке Бельбек между станциями железной дороги Макензиевы горы и Бельбек» [6] или отправлялись за границу.

Умерла Юлия Николаевна скоропостижно в 1911 году. После её кончины выяснилось, что она заложила принадлежащее ей имение в Крыму на сумму в 140 тысяч рублей. Оставшиеся после неё средства составили 42 тысячи рублей на расчётной книжке Московского купеческого банка, несколько векселей общей суммой на 25 тысяч рублей от севастопольского нотариуса Каракаша и на 177 рублей на книжке Почто-телеграфной сберегательной кассы [14].

Яков Маргаритович «скончался во время революции [в конце Гражданской войны — *Е. В.*] в своём имении в Крыму и похоронен между столетних дубов, на которые приезжали смотреть экскурсии» [6].

В последующие десятилетия потомки сестёр Кузминых и семья де Боттари поддерживали дружеские отношения. В 1919 году в Петрограде Ольга Боттари вышла замуж за внучатого племянника Юлии Сарандинаки Георгия Николаевича Кнорринга [15].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Егорова Е.* Американка подарила Таганрогу уникальную коллекцию. URL: https://ok.ru/group/51966440374470/topic/65480506990790

2. Род Сарандинаки : Родословная роспись семьи Сарандинаки. URL: http://margaritovka.ru/rod-sarandinaki/

3. Высоцкая Е. П. Павловичи и маргаритовичи // Дон. временник. Год 2016-й. Вып. 24. С. 176 – 194.

4. Памяти Николая Маргаритовича Сарандинаки / сост. М. Н. Сарандинаки. М. : Т-во скоропеч. А. А. Левинсона, 1897.

5. Zolotarevarchives/ URL: https://www.zolotarevarchives.com/fullscreen-page/comp-je4xqsml/e43b33c2-8602-427a-99ed-f1937eaae3ea/107/%3Fi%3D107%26p%3Du73g3%26s%3Dstyle-jhp8iavj

6. Письмо Н. С. Горской к внукам. [Без даты]. // Семейный архив П. А. Сарандинаки

7. РГВИА. Ф. 16290. Оп. 1. Д. 571.

8. Военные священники – участники Крымской войны и обороны Севастополя. Протоиерей Алексий Патенков // Свято-Никольский храм храм-памятник. URL: https://nikolskij-hrampamyatnik.ru/duxovnye-zashhitniki

9. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 45. Д. 362. Л. 1 – 2 об.

10.Там же. Ф. 117. Оп. 9. Д. 576. Ч. 2. Л. 76.

11. Там же. Ф. 179. Оп. 63. Д. 8888. Л. 1 об.

12. Там же. Ф. 6. Оп. 95. Д. 251. Л. 1 – 2.

13. Там же. Ф. 142. Оп. 17. Т. 2. Д. 113.

14. Там же. Ф. 49. Оп. 3. Д. 3279. Л. 4 – 4 об.

15. Фон Кнорринг № 1976. URL: https://www.adelsvapen.com/genealogi/Von_Knorring_nr_1976

А. А. ЦЫМБАЛ

КНЯЗЬ МАТВЕЙ МАВРОГОРДАТО – БАНКИР И МУЗЫКАНТ

Матвей Стаматьевич Маврогордато, предприниматель и талантливый музыкант, после революции жил во Франции. Его удивительная жизнь оказалась скрыта от нас завесой трагической истории XX века.

Впрочем, нельзя сказать, что это имя совсем забыто. Ростовчане могут увидеть горельеф с портретом Маврогордато, на фасаде бизнес-центра «Купеческий двор» (Социалистическая, 104).

В местных изданиях он упоминается как «основатель знаменитого донского греческого купеческого рода» [1]. Такая характеристика вряд ли обрадовала самого князя, гордившегося знаменитыми предками и изучавшего историю своего древнего рода. Занятия коммерцией он считал вынужденными, мечтая в юности о карьере дипломата, и никогда не принадлежал к купеческому сословиюВ «Юбилейном историческом и художественном издании в память 300-летия царствования державного дома Романовых» Матвей Маврогордато представлен как «греческо-подданный, управляющий Ростовским-на-Дону отделением Русско-Азиатского банка, потомок старшей ветви Хиоского княжеского рода <...> опытный и крупный коммерсант, председатель правления о-ва Должанских антрацитовых копей, председатель арбитражной комиссии при Ростовской-на-Дону бирже, член Биржевого комитета, Нидерландский вице-консул, заместитель Греческого консула,

Алла Августовна Цымбал, старший научный сотрудник Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника. Публикация подготовлена к 160-летию со дня рождения М. С. Маврогордато. Сообщение под названием: «Таганрог второй половины XIX – начала XX века в дневниках князя Матвея Маврогордато»

бывший член учётного комитета и ревизионной комиссии Азовского и С.-Петербургского Учётно-ссудного банков в гор. Таганроге...» [2]. Авторы не преминули также упомянуть, что «М. С. (Матвей Стаматьевич. — *А. Ц.)* является одним из прекраснейших композиторов нашего времени, ...автором... популярных романсов, знатоком камерной и симфонической музыки.<...> М. С. — директор Ростовского отделения Императ. музыкального о-ва...» [2].

Само по себе сочетание столь разных видов деятельности — коммерции и музыкального творчества — вызывает интерес и напоминает о знаменитых торговых семьях средневековой Италии, стоявших у истоков Ренессанса, венецианских патрициях, для которых занятия торговлей и искусством были естественны. Об этом пишет и сам князь Маврогордато в своих воспоминаниях, рассказывая историю своего рода. «Таким образом, постепенно сложился такой совершенный и характерный тип хиосского дворянина, удивительно напоминающий «прекрасный тип венецианских патрициев, одновременно коммерсантов и государственных деятелей, солдат и дипломатов»» [3, с. 76].

Родовой герб Маврогордато

Воспоминания М. С. Маврогордато, хранящиеся в фонде письменных источников Таганрогского музея-заповедника, уникальный памятник мемуарного жанра, повествующий о жизни Таганрога второй половины XIX — начала XX века. Они позволяют поближе познакомиться с личностью самого князя Маврогордато.

12 школьных тетрадей на французском языке мелким почерком поступили в фонды Таганрогского музея-заповедника в июне 2002 года, в числе семейных реликвий, принадлежавших кавалеру ордена Почётного легиона, известной певице Анне Марли (А. Ю. Смирновой), происходившей из знаменитого таганрогского греческого рода Алфераки. Князь Маврогордато был дальним родственником Алфераки и близким другом Анны Юрьевны и её матери.

Воспоминания написаны в 1930 годы в эмиграции, в тот период, когда тяжело больной князь доживал свой век в г. Севре. Автору не удалось завершить свой труд, рукопись прерывается на полуслове. Анна Марли, передавая эти, дорогие её сердцу тетради, в таганрогский музей назвала их «Дневники князя Матвея Маврогордато» — так они и записаны в инвентарные книги.

Уникальная рукопись долгое время оставалась невостребованной, так как работа над её переводом представляла значительную сложность. Но благодаря кропотливому труду и энтузиазму друга музея преподавателя французского языка Валентины Георгиевны Ивойловой, выполнившей подстрочный перевод «Дневников князя Маврогордато», мы получили возможность погрузиться в неизвестную, ушедшую навсегда жизнь, увидеть Таганрог таким, каким он запомнился греческому аристократу, с любовью вспоминавшему родной город на закате своих дней.

Матвей Маврогордато родился 11 февраля 1860 года в Таганроге и прожил здесь значительную часть своей жизни. Его отец, уроженец острова Сира, « ...принадлежал к хиосско-фанариотской ветви Маврогордато де Скарлати, происходившего из знаменитого дома Маврогордато из Византии, который появился в 1381 году, в результате союза двух древних и влиятельных семейств Восточной империи — Маурос или Маврос, византийских патрициев и Гордатос, потомков знаменитых Квадратус из Рима » [3, с. 72].

Рассказывая о своей родословной, князь перечисляет знаменитых предков, начиная со времён Юстиниана. Среди них были представители старинных греческих родов: Комнины, Ангелы, Палеологи, от которых происходили императоры Византии, известные полководцы и адмиралы.

В 1858 году в Таганроге в греческой церкви Св. Константина и Елены состоялось венчание Матвея Маврогордато с Викторией Авьерино.

Авьерино с конца XVIII века проживали в Таганроге. Род славился не только своим богатством, но и музыкальными талантами. Все члены большого греческого семейства серьёзно занимались музыкой, не оставляя службы и коммерческой деятельности.

Николай Михайлович Авьерино, дед Матвея, был известен как композитор духовной музыки, его произведения исполнялись в храмах России и Европы. Многие его сочинения впервые прозвучали в греческой церкви св. Константина и Елены в Таганроге, в строительстве которой принимала участие его семья.

Сыновья и внуки Н. М. Авьерино профессионально владели музыкальными инструментами и постоянно участвовали в концертах. Племянник князя Маврогордато — Николай Константинович Авьерино, первым из семьи полностью посвятил свою жизнь музыке, закончив Московскую консерваторию. В 1912—1920 годах он был директором Ростовского отделения императорского Русского музыкального общества и училища при нём (ныне Ростовская консерватория)[4].

Мать Матвея Маврогордато — Виктория Николаевна получила известность как талантливая пианистка, хотя и не занималась профессиональной музыкальной деятельностью. Именно ей князь посвятил свои воспоминания. Любящий сын уделил много внимания рассказу о музыкальном таланте матери, её выступлениях в Таганроге, Одессе, Париже, Вене, встречах с ведущими музыкантами Европы и России, высоко ценивших мастерство таганрогской пианистки.

Судя по воспоминаниям, музыкальная жизнь Таганрога этого периода ничем не уступала крупнейшим городам России и даже Европы. Во всяком случае, талантливая пианистка Виктория Маврогордато как в Париже, так и в Таганроге находила восторженных слушателей, исполняя сложнейшие произведения.

С раннего возраста Виктория участвовала в благотворительных концертах, которые в XIX веке были популярной формой общественной жизни города. На средства, заработанные на них, открывались школы, платились стипендии неимущим учащимся, открывались приюты для сирот. Первое её выступление состоялось в 1848 году, когда юной пианистке исполнилось 13 лет. В дальнейшем Виктория стала постоянным участником всех музыкальных вечеров, проходивших в Таганроге. Конечно, если не была в отъезде и не демонстрировала виртуозную игру европейским ценителям музыки.

Особый интерес представляют строки, посвящённые таганрогским благотворительным концертам 1869—1871 годов, проходившим в новом здании городского театра. В этот период деятельность таганрогских театралов и любителей музыки была особенно насыщенной. В только что отстроенном здании театра постоянно выступала итальянская опера, гастролировавшие в городе знаменитые музыканты. Концерты с участием местных талантов также пользовались большой популярностью.

«В эту зиму Виктория дважды выступала на публике во время благотворительных концертов в пользу заведений императрицы Марии, в декабре 1869 года, и в феврале 1870-го. В здании таганрогского театра она исполнила с виртуозным мастерством концерт Листа и концерт ми минор Шопена в сопровождении оркестра, как всегда вызвав восторг многочисленной публики, кричавшей "бис" и требующей новых исполнений музыкальных произведений» [3, С.87].

Как пишет Маврогордато о своей матери: «Действительно, та музыкальная обстановка в просвещённой среде, где она выросла, немало способствовала расцвету её исключительного дара. Родившись музыкантом, Виктория всего лишь следовала импульсам своей художественной натуры под прекрасным руководством своего отца, исключительного музыканта и художника в душе» [3, с. 16].

Среда греческой элиты Таганрога действительно была просвещённой, что подтверждает рассказ о воспитании и образовании, которое получали дети (как девушки, так и юноши). В греческих семьях обучали своих детей в первую очередь не искусству коммерции, а языкам, музыке, наукам, приглашая преподавателей из Парижа, Афин, Рима, Санкт-Петербурга.

Знание нескольких языков в этой среде было обычным делом, знание древних — греческого и латыни, желательно. Путешествуя по Европе, семья Авьерино — Маврогордато чувствовала себя как дома в Париже, Афинах, Вене, Ницце, Лондоне, легко общалась с представителями местного общества.

Заметив в детях музыкальный талант, родители стремились его развить. Хотя профессиональные занятия музыкой не приветствовались. Музыка была «отдохновением души», а не источником средств к существованию. Яркий пример тому — Матвей Маврогордато, получивший великолепное музыкальное образование в семье и не оставлявший занятия музыкой даже в зрелом возрасте.

Семья Авьерино — Маврогордато была в Таганроге неким культурным эталоном. Для детей приглашали гувернёров и преподавателей музыки из-за границы, из окон их дома на Греческой улице постоянно доносились мелодии Баха, Шопена, Бетховена.

«Все приезжие знаменитости посещали музыкальный салон Виктории Николаевны Мав-

рогордато. С 1858 по 1868 год дома Авьерино и Маврогордато не прекращали быть местом встречи для интеллектуалов и артистов, которые приезжали в Таганрог»[3, с. 94].

Стамати Маврогордато, отец князя Матвея, закончивший Афинский университет, имел прекрасную библиотеку, ему удавалось совмещать занятия экспортной торговлей с литературой. «Человек широкой эрудиции, знающий в совершенстве много языков, он перевёл с английского на греческий "Ренси" и "Парижане" Бульвер-Литтона, "Замок Рекрент" и "Раннего Лесона" мисс Эджуорт, с французского на греческий первую часть "Истории английской революции" Гизо [3, с. 93].

К сожалению, он умер совсем молодым в Таганроге, не успев опубликовать свои переводы.

В 1869—1871 годах отец князя Матвея был попечителем греческой школы в Таганроге. За этот короткий период ему удалось сделать её престижным учебным заведением.

«В 1870 году школа насчитывала более 150 учащихся. <...> Прилежный ученик мог за шесть лет получить там все необходимые знания, преподаваемые в Греции, в эллинских школах и в двух первых классах классической греческой гимназии. Он мог по окончании школы в Таганроге поступить в третий класс гимназии в Афинах, Пирее или Сире и получить там необходимый диплом для продолжения учёбы в Афинском университете. Сколько молодых людей, которые позже сделали свою карьеру, с благодарностью вспоминали, что именно в греческой школе Таганрога они приобрели свои познания в литературе и науках на родном языке» [3, с. 225].

Матвей Стаматьевич вспоминает, что для преподавания греческого языка из Греции были приглашены известные учёные — Адаматиос Шарамис, один из первых греческих переводчиков Пушкина, а после него — доктор наук Евстрат Цакалатос, преподававший в Афинском университете. Кроме того, « <...> чтобы повысить престиж школы, которую, до сих пор посещали только дети греческих мелких коммерсантов и моряков, он устроил туда своего сына Матье. Это был хороший пример для многочисленных греческих семей города, которые до сего времени не посылали туда своих детей. Прекрасная организация школы, благодаря усилиям нового директора, должна была подтолкнуть их к этому»[3, с. 226].

Семья Маврогордато много путешествовала, посещая родственников и знакомых в Крыму, Одессе, Греции, Вене, Париже. Детей с раннего возраста родители брали с собой. Светская жизнь в европейских столицах, общение с родственниками в Афинах, на Хиосе и в Одессе рано или поздно утомляли, и семья князя возвращалась в родную таганрогскую гавань.

«Несмотря на приятное путешествие и прекрасные условия и удовольствия, которые им доставило путешествие за границу, Авьерино и Маврогордато не без удовлетворения снова обрели дома уют, по которому они уже начали скучать» [3, с. 194].

Такое раннее знакомство с огромным миром, другими странами помогло М. С. Маврогордато смотреть на родной город другими глазами, практически не употребляя слово «провинция» в своих воспоминаниях. Хотя, казалось бы, именно ему, прожившему детство и юность в Париже, постоянно ездившему в Европу, особенно нестерпимой должна была быть атмосфера «таганрогского захолустья». Однако, ни слова о провинциальной скуке, косности нравов и убожестве местной жизни.

Однако частые поездки семьи за границу объяснялись не столько стремлением к светской жизни, сколько тяжёлой болезнью князя Стамати — у него были слабые лёгкие.

В 1871 году скончалась, заболев коклюшем, любимица всей семьи, самая младшая из детей — Елена. Эта утрата подкосила отца.

«Поражённый в самое сердце смертью обожаемой дочери, Стамати, здоровье которого снова стало вызывать опасения семьи, начал быстро угасать. Неожиданно в ноябре 1871 года его поразил паралич, а 14 марта 1872 года он скончался»[3, с. 208].

Через неделю после похорон мужа Виктория Маврогордато узнала об утрате значительной части своего состояния. Большие потери в результате кризиса, связанного с франко-прусской войной понёс и её отец.

На семейном совете было решено, что «Виктория с матерью и детьми в мае уедет в Париж, чтобы там воспитывать и обучать сына и двух дочерей в более благоприятной обстановке для их духовного и интеллектуального развития. Виктории осталось от состояния мужа около 20 тыс. франков ренты. Сумма по тем временам вполне достаточная, чтобы жить в Париже и дать солидное образование детям. Но совершенно недостаточная, чтобы вести тот же образ жизни в Таганроге, где она жила на 40 тыс. франков в год» [3, с. 212].

Уезжая надолго из Таганрога в Париж двенадцатилетний Матвей, которого учили быть сдержанным и не демонстрировать своих

чувств, плакал, как маленький. Ему не хотелось расставаться с друзьями, привычной таганрогской жизнью, а может и с детством?

В Париже семья Маврогордато — Авьерино прожила восемь лет. Весной 1880 года они вернулись в Таганрог. Матвей, закончив лицей Кондорсе и получив дипломы бакалавра физико-математического и философского факультетов, мечтал посвятить себя дипломатической деятельности. Летом он собирался уехать в Афины, где должен был держать экзамен в министерстве иностранных дел. Но судьба распорядилась иначе.

Д. А. Негропонте, родной дядя М. Маврогордато, крупный таганрогский коммерсант, на время своей болезни попросил племянника заняться делами его экспортной конторы и пароходства.

В конце 1880 года, вернувшись из Карлсбада, дядя увидел, что молодой князь прекрасно справился с коммерческими делами — доход фирмы составил 100 тыс. рублей.

«Очень довольный руководством племянника, ... Негропонте попросил Матье (М. С. Маврогордато пишет о себе в третьем лице, используя французскую транскрипцию имени. — *А. Ц.*) остаться с ним в качестве директора фирмы с жалованием 2500 рублей золотых франков в год и годовыми 5% на прибыль, что для 1881 г. составляло 7 500 руб. или 25 000 золотых франков — неплохое вознаграждение для молодого человека в 21 год» [3, с. 332].

Матвей Маврогордато не собирался посвящать свою жизнь коммерции, но понял, что не получит таких доходов на дипломатическом поприще, а финансовое положение семьи не позволяло «жить в своё удовольствие»: заниматься литературой, философией, любимой музыкой. Молодой князь «... ни за что в мире не хотел быть на иждивении, теперь, когда он стал взрослым и счёл своим долгом помогать матери и внести свой вклад в увеличение приданого своих сестер» [3, с. 334].

Любимая гувернантка маленького князя мадмуазель Куэнде, говорила ему : «Надо делать хорошо всё, за что берёшься. Будь добросовестным и прилежным» [3, с. 146]. Спустя шестьдесят лет, описывая свою жизнь М. С. Маврогордато часто вспоминал её слова.

Особо не стремясь к тому, Матвей Маврогордато достиг больших успехов в коммерческих делах. 14 лет он фактически стоял во главе старейшей фирмы по экспорту хлеба, принадлежавшей его дяде Дмитрию Негропонте, был членом правлений Азово-Донского и Санкт-Петербургского учётно-ссудного банков в Таганроге, председателем правления Должанских антрацитовых копей. В 1903 году, перебравшись в Ростов, участвовал в деятельности почти десятка компаний и фирм, встал во главе Ростовского отделения Русско-Азиатского банка, одного из крупнейших кредитных учреждений Российской империи.

Его мечты о дипломатической деятельности также сбылись. Несколько лет он исполнял должность греческого генерального консула, а также нидерландского вице-консула в Таганроге.

Кроме того, принимал активное участие в общественной жизни Таганрога: избирался товарищем председателя Таганрогского греческого благотворительного общества, председателем попечительного совета таганрогского частного училища 2-го разряда, членом городской комиссии по строительству амбаров в новой гавани.

Но главной страстью князя Матвея всегда оставалась музыка.

В мемуарах М. Маврогордато мы читаем: «В конце октября 1884 года группа любителей музыки..., а также несколько любителей драматического искусства... основали в Таганроге музыкально-драматическое общество. ... Записалось более 180 человек, был избран руководящий совет: Виктория Маврогордато, Наталья Зелёная, Ахилл Алфераки, Уманский, Макаренко, Константин Авьерино, Матье Маврогордато и Штурм-де-Штрем были избраны большинством голосов. Так как у общества не было своего помещения, оно располагалось в прекрасном зале Коммерческого клуба, где вечером по средам, с 8 до 11.30, проходили концерты. Обычно вечер начинался номером игры на фортепиано в четыре руки или на двух инструментах, чтобы познакомить публику с современными симфоническими произведениями, которые ещё не исполнялись в Таганроге. Например: симфонии Бородина, Чайковского, Брамса, увертюры Р. Вагнера, сюиты Грига, симфонические поэмы Сметаны. Затем шли сольные выступления скрипки, виолончели, фортепиано и корнета-а-пистона [5], на котором хорошо играл Штурм-де-Штрем, далее шло пение — соло, дуэты, трио, читались стихи и модная декламация. На эти концерты ходило много народа и зал был полным» [3, с. 356].

При обществе были «... организованы курсы фортепиано и сольфеджио, а также класс скрипки и альта. Преподаватели: фортепиано — Бертини и скрипки и альта —Хайнмайер вели здесь занятия. Этот зачаток музыкальной

школы насчитывал в первый год создания около 40 учащихся, а, начиная с 1886 года музыкальные классы общества включали более 80 человек и пришлось нанять второго преподавателя фортепиано, чтобы удовлетворить всех желающих, т.к. их было больше всего [3, с. 360].

Матвей Маврогордато и Константин Авьерино (дядя князя) пригласили для руководства оркестром общества уже известного к тому времени музыканта В. И. Сука. Сам Матвей Стаматьевич, несмотря на то, что был всецело поглощён делами торговой фирмы Негропонте, регулярно брал уроки композиции у знаменитого маэстро. Постоянно уделяя время творчеству, сочинил 60 фуг, десятки романсов, прелюдий, вальсов, мазурок, гавотов и менуэтов.

Симфонические концерты музыкально-драматического общества Таганрога под управлением В. Сука начались в октябре 1885 года. Известный музыкант два сезона (1885/86 гг. и 1886/87 гг.) возглавлял оркестр, и они были самыми блистательными в деятельности музыкально-драматического общества. «Слава о симфонических концертах музыкального и драматического общества Таганрога распространилась повсюду и немало слушателей приезжало из Ростова, чтобы присутствовать на них» [3, с. 373].

Подробно описанные в воспоминаниях концерты и их репертуар свидетельствуют о том, что эти слова не являются преувеличением.

Матвей Маврогордато, отдыхая от коммерческих дел, мог отправиться в Дрезден, «чтобы изучить музыку Рихарда Вагнера, которую потрясающе исполняли в королевской опере Дрездена, под руководством знаменитого дирижёра Шуха» [3, с. 398].

В начале XX века, поселившись в Ростове, Маврогордато продолжил активную музыкальную деятельность. В 1904 году он стал действительным членом Ростовского на Дону отделения императорского Русского музыкального общества и вошёл в состав дирекции Ростовского на Дону отделения сначала в качестве кандидата [6], а с 1905 по 1915 год — одного из директоров [7]. Он участвовал в музыкальных вечерах общества, заботился о формировании нотной библиотеки и приобретении новых инструментов для классов.

Активная коммерческая деятельность, серьёзные занятия музыкой не мешали князю активно участвовать в светской жизни Таганрога, Вены и Парижа. На балах и приёмах он всегда был в центре внимания, наслаждался жизнью, пользовался большим успехом у женщин, потому что все они были для него прекрасны и подобны греческим богиням.

Жизнь подарила М. С. Маврогордато много удивительных встреч. В их доме в Таганроге играл на рояле А. Рубинштейн и бывал П. Чайковский. В детстве он гостил у И. Айвазовского в Феодосии. В Париже его учителем английского языка был поэт С. Малларме, в салонах он встречался с Мопассаном, присутствовал на последнем концерте Ф. Листа, слушал пение божественных примадонн итальянской оперы Дж. Гризи, А. Патти и других.

Париж, Вена, Одесса, Афины, Таганрог, Лондон, Ростов — это далеко не полный список городов, между которыми пролегали пути странствий князя Матвея. Везде его ждали яркие впечатления и встречи, родственники и друзья, с которыми можно музицировать, ухаживать за красивыми женщинами, создавать коммерческие проекты. Везде он чувствовал себя как дома.

Это не мешало Матвею Стаматьевичу быть патриотом Таганрога. Вспоминая город, в котором родился, он писал: «<...>среди городов России, Таганрог считался одним из самых значительных и процветающих торговых городов, как в области торговли и экспорта зерна, так и в импорте основных колониальных товаров из Греции и Италии. Гармоничная регулярность и ширина улиц города, засаженных прекрасными деревьями, его красивые каменные дома в один или два этажа с просторными садами сделали Таганрог одним из самых красивых провинциальных городов России» [3, с. 5].

На закате жизни, тяжело больной, прикованный к постели князь Матвей Маврогордато вспоминал детство и своих родных, великих людей, с которыми довелось встретиться и прекрасную музыку, сопровождавшую его всю жизнь. Идеальный образ Таганрога, города в котором прошла большая часть этой жизни, поддёрнутый дымкой времени, вставал перед глазами. Издалека всё виделось по-другому: заметнее, ярче проступали те черты, которые раньше казались незначительными.

Матвей Стаматьевич Маврогордато скончался во Франции, в городе Севре в 1941 году, так и не закончив свои мемуары. Вместе с ним ушёл его Таганрог — город музыки, красивых женщин и удачливых коммерсантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Город больших возможностей // «МК на Дону» rostov.mk.ru : сетевое изд. URL: https://rostov.mk.ru/article/2013/09/18/917575-gorod-bolshih-vozmozhnostey.html

2. Юбилейное историческое и художественное издание в память 300-летия царствования державного дома Романовых. М. : Изд. М С. Гугеля., 1913. Разд.: Финансы, торговля и промышленность. С. [167].

3. [Дневники князя Матвея Маврогордато] // ТГЛИАМЗ ФПИ Ф. 7. КП-17/1-12. Рукоп. на франц. яз. в 12-ти тетрадях.

4. *Наумов А.* Николай Авьерино и его воспоминания о Рахманинове // Искусство на рубежах веков. Ростов н/Д., 1999. С. 247.

5. Корне́т-а-писто́н (фр. cornet à pistons — «рожок с поршнями») — медный духовой музыкальный инструмент.

6. Отчёт Ростовского на Дону отделения императорского русского музыкального общества и состоящего при нём музыкального училища за 1904 — 1905 год. Ростов н/Д., 1905. С. [7, 8, 95].

7. Отчёт Ростовского на Дону отделения императорского русского музыкального общества ...за 1905 — 1906 год. С. [6, 7], 69; ...за 1906 — 1907 год. С. [12, 13], 71, 79; ... за 1907 — 1908 год. С. [3, 4], 65; ... за 1908 — 1909 год. С. 6, 7, 67, 75; ...за 1909 — 1910 год. С. 6, 7, 56, 65, 67; ... за 1910 — 1911 год. С. 6, 7, 57, 65; ... за 1911 — 1912 год. С. 6, 8, 61; ... за 1912 — 1913 год. С. 6, 8, 67; ...за 1914 — 1915 год. С. 7, 9.

М. С. МАВРОГОРДАТО

ВИКТОРИЯ МАВРОГОРДАТО, УРОЖДЁННАЯ АВЬЕРИНО

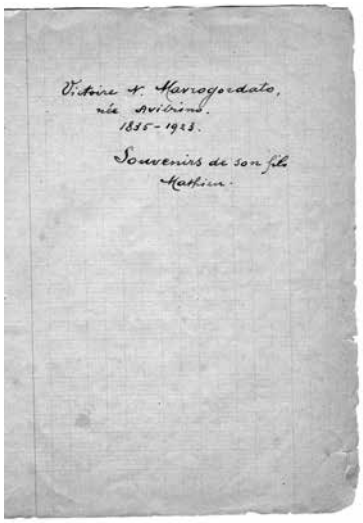
Из воспоминаний[1]

Может ли сын, движимый самой нежной сыновней любовью к образцовой матери и самым искренним восхищением её исключительным музыкальным талантом, изложить её биографию как беспристрастный друг?

Вот главная причина, которая долгое время сдерживала меня. Но сегодня, когда мне уже более 72 лет и я нахожусь без движения в своей комнате уже 20 месяцев и, возможно, мне осталось недолго жить, решился я изложить на бумаге свои воспоминания о великой артистке, скромность и простота которой были равны огромному таланту и только возвышали его значимость.

Эти воспоминания, многие из которых относятся ко мне одному, написаны так, как пишет перо, не заботясь о литературном слоге, и предназначены исключительно моим детям. Но если дети решатся когда-либо опубликовать их, я просил бы о снисхождении читателей по отношению к автору.

Матвей Маврогордато



28 октября 1923 года одна из самых известных пианисток второй половины прошлого века Виктория Маврогордато, выдающаяся и привлекательная представительница современных греческих женщин, тихо скончалась в Женеве на 88-м году жизни.

Объявление Большой войны [1] застало её в августе 1914 года в г. Райнфельден (Швейцария), откуда она переехала в прекрасную столицу красивого голубого Лемана [2], которую ей уже не суждено было покинуть. Она упокоилась на кладбище Сен-Жорж в Женеве, рядом со своей дочерью Марией, умершей за 10 месяцев до неё.

Родилась Виктория 18/30 октября 1835 года в Таганроге в семье греков, русских подданных. Родители её принадлежали к разным ветвям

[1] Воспоминания Матвея Маврокордато (рукопись в 12 тетрадях на французском языке) переданы в фонды Таганрогского музея-заповедника Анной Юрьевной Смирновой (Марли). С её слов записаны как «Дневники князя Матвея Маврокордато». Перевод с французского В. Г. Ивойловой. Тетрадь первая подготовлена к печати А. А. Цымбал с комментариями в Примечании. Комментарии автора приведены постранично

старинного греческого рода Авьерино, представители которого активно участвовали в военных действиях против турецких завоевателей и одними из первых перебрались в Россию. Семья отца поселилась в Таганроге в 1767 году, а семья матери — в 1793-м.

* * *

Таганрог [3] находится в глубине узкого залива Азовского моря. Это бывший греческий Палус Меотис [4]. Море является всего лишь крупным озером с чуть солёной водой. В устье Дона находится и древний Танаис. Название Таганрог происходит от татарского слова «таган», что значит — «плита», и от русского слова «рог», т. е. плита в форме рога.

Город построен на плато средней высоты с откосами, ведущими к морю и образующими полукруг. Это действительно напоминает по форме плиту в виде рога. Хотя Пётр Великий основал Таганрог только в 1698 году, город проходит через многие испытания во время длительных войн, которые Российская империя должна была выдержать в борьбе против турок и татар. Только начиная со второй половины XVIII века жители города, большей частью простые русские люди, смогли наконец немного порадоваться спокойной жизни.

В 1769 году в ходе русско-турецкой войны (1768—1774) Таганрог был занят российскими войсками. Началось восстановление крепости, гавани и Азовской флотилии. Город вновь стал опорным пунктом в борьбе с Турцией.

После окончания войны по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 года он окончательно вошёл в состав России.

С этим периодом связано переселение в Таганрог греков.

28 марта 1775 года особым распоряжением Екатерины II грекам, воевавшим в российской армии и флоте, было дано право на жительство в России. Одна из самых больших и влиятельных греческих диаспор Российской империи сложилась в Таганроге.

Проповедуя и поддерживая пламя эллинской идеи, греки быстро создают новый город, вступивший на путь прогресса и больше не прекращавший ему следовать. Начиная с 1802 года, когда город стал градоначальством, во главе которого стояли высшие чиновники, Таганрог стал быстро расти. Этому способствовали благоприятные условия для новых идей. Город вступил в эпоху бурного развития, когда новшества носили подчас необычный и странный характер.

Греки, которые составляли подавляющее большинство жителей Таганрога, были и самой образованной, а также наиболее богатой и предприимчивой его частью. Они играли в это время важнейшую роль в судьбах новых городов юга.

Именно с этой поры и начинаются длительные годы исключительного процветания, которые познал Таганрог под умелым и благотворным управлением таких градоначальников, как барон Кампенгаузен [5], князь Ливен [6] и адмирал Шестаков [7].

* * *

Виктория росла в музыкальной семье. Отец, государственный советник Николай Михайлович Авьерино [8], был известным композитором духовной музыки. Его хоровые произведения которого выдержаны в самом чистом византийском стиле [9] и, вплоть до установления власти большевиков исполнялись в огромной Российской империи не только во всех греческих церквях, но и в главных русских храмах, не исключая императорскую часовню[1].

Он первым заметил, что дочь с раннего детства проявляет страстную любовь к музыке. Чудо-ребёнок, вскормленный музами, дитя граций, маленькая Виктория уже в трёхлетнем возрасте играла на гармонике[2] на две октавы, которую ей прислал из Москвы на Новый год дядя по материнской линии. Это было первое, что она услышала как музыку.

Очарованный открытием столь раннего таланта у дочери, особенно поразившего точностью гармонии, отец познакомил её с элементами сольфеджио и дал первые уроки фортепиано.

Успехи были поразительные и тем более быстрые, так как отец заставлял маленькую Викторию выполнять сложные задания и всегда присутствовал на занятиях. До шести лет он был единственным учителем фортепиано для своей дочери.

* * *

Среди российских городов Таганрог считался одним из самых значительных как в области торговли и экспорта зерна, так и в импорте основных колониальных товаров из Греции и Италии. Широкие улицы, засаженные прекрасны-

[1] Хор, более 150 певцов в часовне Сент-Шапель, замечательном заведении, единственном в мире по популярности среди музыкантов всех стран, исполнял музыку Николая Авьерино: троппены и антифоны на 4 смешанных голоса(мужские и женские), а также его византийскую мессу в ми бемоль мажор.

[2] Гармоника – вид аккордеона очень популярный в России, как раньше, так и сейчас, среди простых людей, которым пользуются крестьяне, чтобы аккомпанировать пению, особенно когда поют хором.

ми деревьями, красивые каменные дома в один или два этажа с просторными садами сделали его одним из самых красивых провинциальных городов России.

Совсем немногого не хватило, чтобы Таганрог стал столицей России.

В 1825 году в Таганрог прибыл император Александр I. Климат города, здоровый и ровный, был рекомендован ему врачами для императрицы Елизаветы, состояние здоровья которой внушало опасения. Император думал перенести сюда столицу, но не успел осуществить свой замысел, т. к. 19 ноября 1825 года скончался.

Однако с точки зрения музыкальной жизни город имел мало возможностей. В нём ещё не было ни своего театра, ни итальянской оперы, которая через несколько лет создала ему известность самого музыкального города империи.

К 1835 году в городе едва насчитывалось пять-шесть домов, где имелось пианино и где действительно интересовались музыкой. Кроме того, можно было найти и другие инструменты: нескольких клавесинов, около двадцати скрипок, виол, виолончелей, флейт, труб басов и горнов.

Вся музыкальная жизнь города оказалась сосредоточенной у Н. Авьерино: голландское семейство де Майет [10], семья Уильяма Джеймса [11], надворный советник де Гирс [12][1], бывший хозяин дома, где располагался двор императора Александра I, и ещё нескольких интеллектуалов.

Николай Авьерино — душа собраний камерной музыки, славился как замечательный скрипач и безупречный музыкант, хотя и был самоучкой.

Собирались регулярно, три раза в неделю, то у него дома, то у семейства де Майет, то у Джеймсов или Гирса.

Виктория часто присутствовала на послеполуденных музыкальных собраниях своего отца, а на другой день забавляла себя тем, что играла на своей гармонике темы некоторых квартетов Гайдна или Моцарта, которые ей понравились.

В восемь лет маленькая артистка уже играла безукоризненно не только сонаты Крамера, Клементи, Скарлатти и Гайдна, но и вносила в игру свою манеру как взрослая. Иногда она делала это очень явно, исполняя какую-нибудь сонату или трио. Она ловко, с первого взгляда, разбирала произведения, и это до конца её жизни вызывало восхищение всех музыкантов, которым случалось играть вместе с ней.

В возрасте десяти лет Виктория знала наизусть «Хорошо темперированный клавир» Иоганна Баха и одолела трудности фуг Баха, Генделя, Гайдна и Моцарта. Они не представляли для неё никаких секретов.

В одиннадцать Виктория была уже первоклассной пианисткой, виртуозным аккомпаниатором, читая с листа любое музыкальное произведение. Она умело освоила такую сложную и тонкую вещь, как аккомпанемент на пианино солистам-инструменталистам и певцам.

Но что особенно удивляло в ребенке её возраста — это совершенная техника игры и понимание замысла авторов, которых она исполняла.

1848 год стал решающим этапом в артистической жизни маленькой пианистки.

В Таганрог с рекомендательными письмами к Н. Авьерино от английского пианиста и композитора Джона Филда прибыл молодой французский пианист Франсис Кампе [13].

На следующий день после его приезда Виктория должна была впервые играть на публике в благотворительном концерте, организованном градоначальником князем Ливеном, молочным братом императора Николая I.

Большое рондо для голоса в сопровождении оркестра композитора Гуммеля [14], насыщенное техническими трудностями, поэтические ноктюрны Джона Фильда [15] и особенно фантазия Гольдберга [16] на мотивы известных итальянских опер, модные повсюду в то время, вызвали целую бурю восторгов и аплодисментов.

Маленькая пианистка, взволнованная и напуганная всей этой публикой, которая аплодировала ей стоя, крича «браво» и «бис», разразилась слезами. Князь Ливен, сидевший в первом ряду партера, быстро поднялся на сцену, взял девочку с табурета и торжественно отнёс её в ложу своей жены, где среди приглашённых княгини находились отец и мать маленькой артистки.

Франсис Кампе был под таким впечатлением от таланта этого чудо-ребёнка, что предложил Николаю Авьерино обучить его дочь манере игры Шопена. Ради этого он готов был на несколько недель остаться в Таганроге. Предложение было принято с благодарностью. Пребывание Кампе в Таганроге растянулось до осени 1850 года.

В течение этих трёх лет Кампе регулярно по два часа в день давал Виктории уроки игры на фортепиано. Таким образом, молодая артистка формировалась под влиянием преподавателя, который основательно владел манерой игры своего блистательного учителя Фредерика Шопена. За три года систематических и разумных занятий Виктория Авьерино научилась не только несравненному исполнению, но и развила

[1] Ближайший родственник канцлера империи при императорах Александре II и Александре III

истинный вкус, что характеризовало её талант и позволило с одинаковым успехом освоить все стили и жанры.

Но, возможно, читателю небезынтересно будет узнать о количестве и распределении часов для занятий маленькой пианистки, хотя бы для того, чтобы провести сравнение между тем, что требовалось в те времена и требуют сегодня от детей того же возраста. Это позволит также представить себе, каким образом воспитывались музыкально одарённые дети в России в артистической среде 80 лет назад.

Она вставала в 7.30 утра, завтракала ровно в восемь в большой семейной столовой вместе с родителями, братьями и сёстрами, с Ф. Кампе и учительницей немецкого языка Луизой Ф. Клаусманн[1] [17].

Учебный день начинался для неё в 8.30 часом игры на пианино с Ф. Кампе. Затем шли уроки французского и немецкого языков с учительницей, которая занималась с ней до 11-ти часов.

После 15-минутной перемены, обычно предоставленных для детских игр девочки, она снова садилась за пианино и в течение часа играла упражнения под наблюдением то Кампе[2], то отца.

В то время, в провинции обедали ещё между 12.30 и 13 часами, но в семье Авьерино всегда садились за стол в 12.30. После десерта и фруктов дети благодарили родителей и шли играть, а взрослые оставались ещё некоторое время за столом, чтобы побеседовать и выпить кофе.

С двух часов до 3.30 Виктория брала уроки русского или греческого языков, арифметики, истории и географии. После 15 минут перерыва у неё был час второго урока с Кампе.

Чай, который в то время подавали в 5 часов, задерживал её за столом от двадцати минут до получаса. Потом маленькая артистка снова садилась за пианино, чтобы ещё один час упражняться в игре.

Всего занятия учёбой занимали семь часов в день, четыре из которых были посвящены музыке и три часа другим предметам, которым в то время обучали девочек.

Но с октября по апрель, 2—3 раза в неделю, с 6.30 до восьми часов вечера были также уроки танца и выработки осанки. В этих уроках принимали участие все дети, девочки и мальчики, так как тогда придавалось довольно большое значение умению танцевать и манере вести себя в обществе: надо было научиться здороваться, входить в салон и выходить из него, делать реверансы и т. п.

Эти уроки проводились обычно парой преподавателей, чаще всего мужем и женой, для пятнадцати или более учеников. Так как в то время было принято, чтобы многие семьи, родственники или друзья общались между собой, поэтому их дети вместе обучались танцам и манерам, то у одних, то у других. Учили танцевать мазурку и котильон, но особенно разные контрдансы, модные в то время и требующие присутствия определённого количества танцующих.

В восемь вечера кормили детей, т. к. взрослые никогда не ужинали раньше 9.30 или 10 вечера. В те дни, когда не было какого-нибудь музыкального вечера, маленькая Виктория ложилась спать вечером в 8.30 вместе с братьями и сёстрами.

* * *

Кроме Баха, Шопена и Листа, почти все их сочинения для фортепиано Виктория играла к пятнадцати годам, она знала и основные произведения старых мастеров, французов и итальянцев, среди которых были Куперен [18], Гретри [19], Люлли [20] и Рамо [21], Клеманти [22], Марчелло[23], падре Мартини [24] и Скарлатти [25].

Она имела свои предпочтения, а сонаты Моцарта и Бетховена были ей хорошо знакомы. Но если Шуберт и Вебер вызывали у неё большую симпатию, то она не очень любила блестящие сочинения Гуммеля [14], который, однако, был очень в моде. Ещё меньше ей нравились знаменитые фантазии на темы итальянских опер Тальберга [26], от которых в салонах сходили с ума. Она была вынуждена играть их время от времени, чтобы не обижать поклонников своего таланта.

Викторию зачаровывал романтизм Мендельсона. Она исполняла его концерты и другие сочинения для фортепиано самым блистательным образом. Но что она любила более всего, так это играть свою партию в ансамбле камерной музыки: сонаты, трио, квартеты или кантаты. Уже в это время проявлялось исключительное понимание ею музыки, что позже сделало Викторию Маврогордато одной из самых замечательных исполнительниц бессмертных произведений Моцарта, Бетховена, Шуберта, Мендельсона и особенно Шумана.

* * *

Юной виртуозной артистке было пятнадцать лет, когда она во второй раз предстала перед публикой своего родного города. На этот раз Вик-

[1] Дядя Луизы Ф. Клаусманн по отцовской линии более 20 лет был преподавателем немецкого языка в российской императорской семье.

[2] Франсис Кампе умер спустя два года в Крыму, в небольшом имении на берегу моря. Н. Авьерино бывал там, чтобы найти место с ещё более мягким климатом, чем Таганрог.

тория выступила в расширенном и полностью переделанном зале старого театра Таганрога, где через несколько дней должна была дебютировать первая труппа итальянской оперы с хором из сорока певцов и оркестром из тридцати шести музыкантов.

Все прибыли из Милана за счёт великодушных меценатов.

Итак, за какие-нибудь пять-шесть лет Таганрог осуществил в области искусства поистине огромный шаг вперёд, догоняя и опережая иногда общее движение вперёд интеллигенции крупных провинциальных центров России того времени, естественно происходившее под влиянием развития изобразительного искусства и художественной литературы.

Именно с 1850 года начинается блестящий период выступлений трупп итальянской оперы первой величины, который длился 25 — 30 лет и создал славу театру Таганрога. Эти выступления щедро оплачивали около двадцати таганрогских семей, среди которых — Алфераки, Авьерино, Бенардаки, Фурсовы, Грековы, Маврогордато, Негропонте, Джеймс, Никифораки, Скараманга, Шабельский и Марк Варваци.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Большая война — так автор называет Первую мировую войну (1914 — 1918).

2. Женева — столица одноимённого кантона на юго-западе Швейцарии, лежащего на берегу озера Леман.

3. Автор рассказывает об истории Таганрога в Примечании, которое вследствие большого объёма размещено нами в основном тексте. Остальные авторские примечания даны постранично. — [*А. Ц.*].

4. У римлян Азовское море называлось Палус Меотис.

5. Кампенгаузен Балтазар Балтазарович(1772 — 1823) — барон, видный государственный деятель, второй градоначальник Таганрога (1805 — 1809).

6. Ливен Александр Карлович (1801 — 1880) — светлейший князь, генерал- майор, седьмой градоначальник Таганрога (1845 — 1853).

7. Шестаков Иван Александрович (1820 — 1888) — флотоводец, адмирал, государственный деятель. 12-й градоначальник Таганрога (1866 — 1868).

8. Авьерино Николай Михайлович (1801 — 1889) — коллежский регистратор, композитор духовной музыки и дирижёр в Греческой церкви.

9. Византийский стиль в хоровом пении подразумевает одноголосное (в отличие от привычного для нас многоголосного). Пение возникло в Византии. Византийский стиль влиял на формирование духовной хоровой музыки у всех православных народов.

10. Майет — род голландского происхождения. Проживали в Таганроге в конце XVIII — нач. XIX в. Первый представитель фамилии Пьер Майет (1767 — 1793), уроженец г. Гент, переехал в Россию в 1780-е гг. Был женат на Анне Карловне Гирс, сестре К. К. Гирса, начальника таганрогского карантина.(см. примеч. п. 12) Их сын Константин Петрович Майет был женат на кузине Валерии Карловне Гирс.

11. Семья Джеймс (Yeams) (Емес, Йемес, Эмс) — английские предприниматели, переселившиеся в Россию в XVIII в. В Таганроге в разное время были консулами разных стран: Уильям Емес (1791 — 1843), глава торгового дома, вице-консул Великобритании (с февраля 1818 г. по 1843 г.), Александр Емес, вице-консул Швеции и Норвегии, Генрих Емес, вице-консул Испании. (По сведениям из «Одесского вестника» за 1836 — 1837 гг). Во второй половине XIX в. в Таганроге проживали Иван Васильевич (Джон) Емес (1830 — 1909), британский консул, и его брат Яков Васильевич, возглавлявшие торговый дом Емес и К°. Самым известным представителем семейства стал Уильям Фредерик Емес (1835 — 1915), британский живописец, уроженец Таганрога

12. Гирс Константин Карлович (1782 — 1840) — коллежский советник, начальник таганрогского карантина, член строительного комитета. Происходил из известного российского дворянского рода шведского происхождения. Его домовладение находилось по ул. Греческой, 21 (ныне № 41), напротив резиденции императора Александра I ул. Греческая, 40).

13. Кампе Франсис (? — 1852) — французский музыкант, педагог. В Париже входил в круг молодых талантливых людей, сложившийся вокруг Ф. Шопена и разделявших с ним преданную любовь к искусству. Знаменитый композитор и исполнитель щедро делился секретами фортепьянной игры. Ф. Кампе был одним из любимых учеников Ф. Шопена. Его артистическая карьера закончилась преждевременно из-за болезни лёгких.

14. Гуммель Иоган Непомук (1778 — 1837) — австрийский композитор и пианист. Большая часть его сочинений — фортепианная музыка, отличавшаяся особой виртуозностью.

15. Фильд Джон (1782 — 1837) — ирландский композитор, пианист и педагог. С 1803 года жил

в России. Педагог М. И. Глинки, А. Л. Гурилёва, А. Н. Вестовского и др. известных деятелей русской музыкальной культуры первой половины XIX века. Создатель ноктюрна как особого жанра фортепианной музыки.

16. Гольдберг Иоганн Готлиб (1727—1756) — немецкий композитор и клавесинист. По его имени названы знаменитые вариации И. С. Баха для клавесина.

17. Среди воспитателей и преподавателей, работавших при российском императорском дворе, фамилия Клаусманн не упоминается.

Куперен Франсуа (1668—1733) — французский композитор, представитель известной музыкальной династии. Им создано 250 пьес для клавесина, которые и сегодня популярны среди пианистов.

18. Гретри Андре (1741—1813) — французский композитор, один из крупнейших мастеров, работавших в жанре комической оперы XVIII в.

19. Люлли Жан Батист (1632—1687), французский композитор, крупнейший представитель музыкальной культуры французского барокко. Работал при дворе короля Людовика XIV.

20. Рамо Жан Филипп (1683—1764) — французский композитор эпохи барокко. Создатель множества пьес для клавесина, которые в наше время исполняются мастерами фортепианной игры. В XIX веке был полузабыт, его произведения не пользовались популярностью и исполнялись довольно редко.

21. Клементи Муцио (1752—1832) — итальянский композитор, пианист и педагог. Внёс значительный вклад в развитие фортепианного искусства. Жил в Лондоне. В начале XIX в. неоднократно приезжал в Россию.

22. Известны два брата Марчелло из аристократической венецианской семьи, прославившиеся как композиторы эпохи барокко. Алессандро Марчелло (1686—1736) — философ, математик, композитор-любитель. Писал в основном скрипичную музыку. Бенедетто Марчелло (1686—1747) — государственный деятель Венецианской республики, один из лучших композиторов Венеции. В его творчестве значительное место занимают сонаты для клавира. Автор, вероятно, упоминает их произведения.

23. Мартини Джованни Батиста (1706—1784) — итальянский композитор, педагог, теоретик музыки. Известен как «падре Мартини», т. к. был капельмейстером собора св. Петра в Риме и рукоположен в сан священника. Будучи талантливым клавесинистом, создал множество произведений для этого инструмента.

24. Скарлатти Доменико (1685—1757) — итальянский композитор. Автор 555 сонат для клавесина, которые очень популярны и сегодня среди исполнителей на клавесине и фортепиано.

25. Тальберг Сигизмунд (1812—1871) — австрийский пианист и композитор. Автор большого числа фортепианных пьес, отличавшихся излишней виртуозностью. Создавал очень популярные среди исполнителей фантазии на темы знаменитых опер для фортепиано. Оперные фантазии Тальберга считают высшими достижениями салонной культуры.

А. В. ШАДРИНА

АРХИТЕКТОРЫ РОСТОВСКОГО СОБОРА РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ

Кафедральный собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы города Ростова-на-Дону — важнейшая составляющей историко-культурного образа южной столицы. История храма, построенного в 1860 году, связана с именами выдающихся представителей духовенства, культуры и искусства.

Церковь Рождества Богородицы была основана в 1765 году в купеческом форштадте крепости Св. Димитрия Ростовского, располагавшемся при урочище Полуденки [1]. Стремительное развитие южной крепости и утверждение в 1845 году городского плана [2] совпало с началом ходатайств о постройке новой соборной церкви. Необходимость строительства была обусловлена не только преображением быстро растущего города, но и значительно увеличившимся числом прихожан.

История не оставила свидетельств о том, кто был инициатором строительства и кто выбирал проект будущего храма. Скорее всего, инициатива принадлежала ростовским купцам, вошедшим в попечительский совет по постройке соборной церкви. Ростовский журналист Иван

Алла Валерьевна Шадрина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южный научный центр Российской академии наук

Яковлевич Алексанов (1863—1929), предпринявший попытку описания ростовских храмов конца XIX века, повествуя о «строителях» собора, называет следующие имена: Фёдор Михайлович Нефёдов († 18 октября 1852 г.), протоиерей Григорий Щербинский († 1855 г.), Козьма Григорьевич Краморенко († 10 мая 1873 г.), Семён Николаевич Кошкин († 21 июня 1882 г.) [3, с. 9]. Вероятно, именно эти люди взяли на себя все заботы о том, как должен выглядеть будущий собор и на какие средства он должен быть возведён.

С выбором проекта собора Рождества Пресвятой Богородицы, и ныне радующего ростовчан, неразрывно связано имя выдающегося русского архитектора К. А. Тона.

Работы выпускника императорской Академии художеств, впоследствии её ректора и академика архитектуры Константина Андреевича Тона начали приобретать популярность в начале 1830-х годов. После окончания Академии, заграничной командировки и приобретения званий члена Сан-Луккской академии художеств (1821); профессора Флорентийской академии художеств (1822) и члена-корреспондента Римской Археологической академии (1823) 18 февраля 1828 года повелением императора Николая I, уделявшего большое внимание градостроительству и архитектуре [4], Тон был «причислен к кабинету Его Величества» [5, с. 2].

Первым проектом, воплощённым Тоном и принесшим ему славу выдающегося архитектора и смелого инженера, была перепланировка и перестройка конференц-зала, присутственной комнаты, бухгалтерии и архива императорской Академии художеств [5, с. 2]. Слава выдающегося церковного архитектора, сопровождавшаяся особой милостью Николая I, пришла к Тону после представления проекта церкви св. мц. Екатерины у Калинкина моста в Санкт-Петербурге. Этот храм полностью удовлетворил взыскательному вкусу императора, «желавшего видеть... не повторение шаблонных архитектурных форм, употреблявшихся дотоле в сооружениях этого рода, а нечто новое, более гармонизирующее с духом православия» [5, с. 2]. Именно эта гармоничность, сочетавшая в себе пропорции классицизма и «изящные детали оформления барокко», нашедшие новое выражение в возвращении к истокам русской архитектуры [6], получило название ново-византийского стиля.

Поскольку, по мнению императора Николая I, храмы, построенные по проектам К. А. Тона, были образцовыми, ново-византийский стиль в храмостроительстве не только утвердился, но и широко

Константин Андреевич Тон
Опубликовано: Зодчий : архитектур. и художеств.-техн. журн., изд. С.Пб.- о-вом архитекторов. Год XII. СПб. : Тип. Э. Гоппе, 1883. С. 110.

распространился. В этом стиле были созданы все выдающиеся его памятники, украсившие на протяжении 1830—1880-х годов Санкт-Петербург, Москву и другие города Российской империи. В связи с востребованностью проектов в 1838 и в 1844 годах в Санкт-Петербурге был опубликован альбом чертежей «Церкви, сочинённые архитектором Его Императорского Величества профессором архитектуры Императорской Академии художеств и членом разных Иностранных Академий Константином Тоном» [7]. Именно этот альбом скорее всего и стал источником, из которого был избран проект ростовского собора Рождества Пресвятой Богородицы.

Одной из предпосылок обращения ростовских купцов к проектам К. А. Тона было торжественное совершение закладки в 1839 году в Москве самого монументального творения зодчего — храма Христа Спасителя. Его строительство, несущее идеологическую составляющую, стало для россиян и окончательным утверждением «правильности» ново-византийского стиля в церковной архитектуре и безусловности авторитета его создателя.

В 1837 году в Санкт-Петербурге по проекту К. А. Тона началось строительство церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы лейб-гвардии Семёновского полка. Закладка храма состоялась 22 августа 1837 года, а освящение — 20 ноября 1842 года [8].

Пятиглавый каменный храм имел три престола: главный — в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, южный — во имя Св. блгв. князя Александра Невского и северный — во

имя Свв. праведных Захарии и Елисаветы. Проект этого храма сразу после его создания стал считаться «типом всех сооружений, созданных Тоном и составивших эпоху в области нашего церковного зодчества» [5, с. 3].

Через три года после освящения церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы лейб-гвардии Семёновского полка купечество Ростова-на-Дону начало ходатайства о постройке соборного храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Первый этап ходатайства предполагал наличие проекта будущей церкви. В соответствии с представлениями купцов, имевший статус собора храм должен был сочетать в себе обширное пространство, величественность, красоту и формы, которые сделали бы его даже визуально центром развивающегося города. Удовлетворяющим перечисленным требованиям оказался проект Введенской церкви лейб-гвардии Семёновского полка. Однако до выбора этого проекта ростовские купцы, согласно легенде, до сегодняшних дней любимой ростовчанами, проделали немалый путь.

Легенда повествует о том, что за проектом для своего собора ростовские купцы обратились к К. А. Тону, желая построить церковь, подобную храму Христа Спасителя. Обращение ростовских купцов к именитому архитектору могло быть вполне вероятным. Также можно предположить, что, озвучив стоимость постройки храма Христа Спасителя, Константин Андреевич, скорее всего, сразу заставил купцов отказаться даже от мысли о возведении подобного храма, ввиду его чрезвычайной дороговизны. Вполне вероятным могло быть и предложение К. А. Тона выбрать проект будущего храма из альбома «Церкви, сочиненные архитектором... Константином Тоном» [7].

Дальнейшая логика ростовской легенды позволяет предположить, что прославленный зодчий, чрезвычайно плодотворно работавший над проектами, заказанными императором Николаем I, порекомендовал ростовцам в качестве архитектора, который мог подготовить образцовый проект к постройке и составить смету, Александра Сергеевича Кутепова, служившего архитектором московского Колымажного двора и Бронницкого конного завода [9, л. 238 об.].

Источники не сохранили сведений о том, что К. А. Тон мог быть знаком с А. С. Кутеповым. Однако работы прославленного архитектора над строительством Большого Кремлёвского дворца в Москве вполне могли стать поводом для знакомства двух мастеров. Архитектор Кутепов, создавший проект соборной церкви для Ростова-на-Дону по чертежам К. А. Тона, упоминается в отчётах императорской Академии художеств за 1845—1846 год [10].

В истории архитектуры имя Александра Сергеевича Кутепова сегодня забыто, поэтому уместно обозначить вехи его жизненного пути, сохранившиеся в архивных документах московского Колымажного двора.

Александр Сергеевич Кутепов родился 23 августа 1781 года [11] в семье обер-офицера Владимирской губернии [9, л. 328 об.]. С 1797 года Александр обучался во 2-м кадетском корпусе Санкт-Петербурга. Скорее всего, именно тогда и проявились его способности к рисованию и архитектуре.

В 1799 году А. С. Кутепов был переведён в артиллерийскую экспедицию помощником архитектора, а в 1811-м определён архитектором в ведомство Экспедиции государственных конских заводов [9, л. 328 об.—329].

Вся жизнь Александра Сергеевича прошла в Москве в должности архитектора московского Колымажного двора и Бронницкого конного завода. Внешне его карьера развивалась вполне стандартно: в 1802 году он получил чин коллежского регистратора; в 1804-м — губернского секретаря; в 1825-м — надворного советника; в 1832-м — коллежского советника. В годы службы награждён орденами Св. Владимира 4-й степени (1818), Св. Анны 2-й степени (1823) и знаком отличия «беспорочной службы за 25 лет» (1831). Кроме этого, архитектор получал и денежные награды: 80 руб. (1826); 600 руб. (1831) и 300 руб. (1832) [9, л. 328—330].

Самым выдающимся событием в профессиональной жизни А. С. Кутепова была перестройка Бронницкого дворцового конного завода [9, л. 315]. После уничтожения Дворцовых конных заводов (кроме Бронницкого), по повелению императора от 4 сентября 1829 года Кутепова зачислили в штат Московского конюшенного отделения [9, л. 167].

Александр Сергеевич Кутепов, не имевший семьи и всю жизнь посвятивший службе в должности архитектора, скончался 6 апреля 1855 года — за пять лет до окончания возведения собора Рождества Пресвятой Богородицы в Ростове-на-Дону. Похоронен он в Москве на Ваганьковском кладбище [11]. Творческое наследие А. С. Кутепова не изучено до сегодняшних дней. Только благодаря чудесным акварелям, сохранившимся в Научно-исследовательском музее при Российской академии художеств (Санкт-Петербург), мы можем говорить о том, что Александр Сергеевич выполнял не только

служебные поручения. Он создавал проекты городских сооружений и храмов, которые в подавляющем большинстве не были построены.

Проект собора Рождества Пресвятой Богородицы в Ростове-на-Дону, созданный А. С. Кутеповым по образцовому проекту К. А. Тона, был подготовлен к сентябрю 1845 года. 26 сентября 1845 года главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями генерал-адъютант граф Клеймихель сообщил обер-прокурору Св. Синода графу Н. А. Протасову: «Государь Император по всеподданнейшему докладу моему, Высочайше соизволил утвердить проект на постройку в г. Ростове новой каменной церкви» [12, л. 3]. 8 октября 1845 года проект собора был утвержден Св. Синодом [12, л. 5—6].

Храм Рождества Пресвятой Богородицы был заложен 20 апреля 1847 года [13]. В декабре 1860 года были освящены два боковых придела собора, в которых совершались богослужения [14; 15]. Главный придел во имя Рождества Пресвятой Богородицы был освящён в 1863 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Феодосий (Макаревский), еп.* Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии : Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Екатеринослав : Тип. Я. М. Чаусского, 1880. С. 872.

2. *Ильин А. М.* История города Ростова на Дону : очерк с рис. в тексте. Ростов н/Д., 1909. С. 61. На обл.: 1910 г.

3. *Алексанов И. Я.* Столетие города Ростова-на-Дону. Сборник исторических сведений о городе Ростове-на-Дону, его храмах, предместьях, учреждениях, установлениях, сооружениях и деятелях. 1797—1897 / Собственное изд. [Б. м., Б. г.]

4. *Выскочков Л. В.* Николай I и его эпоха : очерки истории России второй четверти XIX в. М . : Академ. проект, 2015. С. 674—688.

5. *Ялозо А.* Константин Андреевич Тон : биогр. очерк // Зодчий. Год XII. 1883. 1-е полугодие.

6. *Славина Т.А.* Придворный архитектор К. А. Тон // Екатерининский собор : альм. Вып. 1. СПб., 2007. С. 45.

7. РГИА. Ф. 835. Оп. 1. Д. 1171. Л. 1—19; Церкви, сочинённые архитектором...профессором архитектуры Академии художеств... Константином Тоном. СПб., 1838. 5 с.; 17 л. черт.; Проекты церквей... Доп. 1-е. 1844. [2] с.; 12 л. черт.

8. *Цитович Г.* Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства) : историко-стат. описание. В 2-х ч. Ч. I. / сост. свящ. церкви 84-го пехотного Ширванского Его Величества полка Г. Цитович. Пятигорск : Типо-лит. А. П. Нагорнова, 1913. С. 44.

9. РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 736.

10. *Лисовский В. Г.* «Национальный стиль» в архитектуре России. М. : Совпадение, 2000. С. 86.

11. Московский некрополь. В 3-х т. Т. 2. К — П. /сост.: Саитов Б. И., Модзалевский Б. Л.; предисл. : Вел. Кн. Николай Михайлович. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. С. 133.

12. РГИА. Ф. 797. Оп. 15. Д. 35952.

13. РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 1447. Л. 9.

14. ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 379. Л. 63.

15. РГИА. Ф. 797. Оп. 33. Отд. 2. Д. 138. Л. 2.

Л. И. МАКСИМЕНКО

АЛЬБОМ Е. А. ОЗНОБИШИНА

Поиски. Находки. Загадки

Императорской Академии художеств классный художник, инспектор народных училищ Егор Андреевич Ознобишин, не мог даже предположить, что его труд — альбом донских видов, созданный в 1875 году станет бесценным документом, единственным источником, сохранившим облик казачьей архитектуры XVIII века. В альбоме — десятки рисунков акварелью и сепией, изображения памятников архитектуры, этнографические коллекции.

В Государственном архиве Ростовской области имеется переписка художника с наказным атаманом Войска Донского Н. А. Краснокутским. Из этой переписки мы узнаём, что в 1869 году такой альбом был подарен цесаревичу — будущему императору Александру III. С 1827 года, при рождении, наследник российского трона становился августейшим атаманом всех казачьих войск. Художнику вручили ценный подарок, денежное пособие и предложили

Людмила Ивановна Максименко, член Союза журналистов России, Почётный кинематографист РФ.

продолжить начатую работу по собиранию раритетов. Из письма Е. А. Ознобишина: «В промежуток времени между 1869 и 1874 годами я собрал весьма значительное число материалов для составления альбома Донской области в отношении археологическом, историческом и этнографическом. Альбом этот, составленный по программе, при сем прилагаемой...» [1]. Далее следует план рисунков:

Отдел археологии:
1. Изваяния каменные бабы
2. Оружие из курганов
3. Художественные изделия из курганов
4. Церковные древности

Отдел истории:
1. Планы древних казачьих городков
2. Рисунки войсковых регалий
3. Планы батареи Петра I
4. Герб Войска Донского

Отдел этнографии:
1. Древние сооружения казаков
2. Древние костюмы
3. Дома казаков
4. Суда XVII века
5. Планы древних казачьих домов
6. Планы новых казачьих домов
7. Виды местностей по рекам Дону, Донцу, Медведице, Бузулуку и Хопру.

Егор (Георгий) Андреевич Ознобишин родился в 1837 году. В 1854—1857 годах учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В 1858—1863 годах — вольнослушатель Императорской Академии художеств по классам пейзажа и жанровой живописи. В 1857 году получил звание учителя рисования городских училищ, в 1863-м — звание классного художника 2 степени. Студенческие работы отмечены малой и большой серебряными медалями [2].

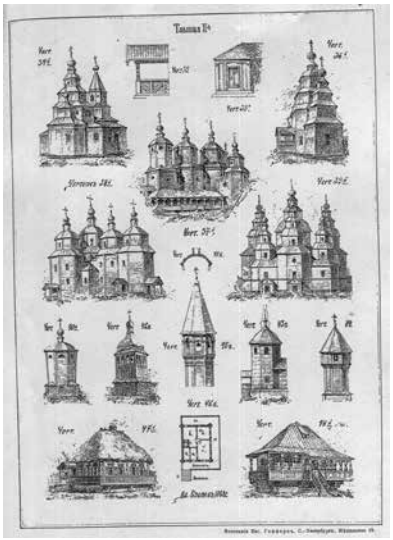
В Новочеркасске преподавал рисование и чистописание в войсковой гимназии и Мариинском институте. Был назначен инспектором народных училищ, одновременно собирал материалы по истории донского казачества, археологии и этнографии. Избран членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. После 1878 года — инспектор народных училищ по Хопёрскому и Донским округам. Вёл активную деятельность по созданию Донского музея. С 1883 года — член Области Войска Донского статистического комитета. В списках членов статкомитета его фамилия последний раз упоминается в 1907 году [3].

Впервые имя Ознобишина и интерес к его работам возник в связи с реставрацией Старочеркасского Воскресенского собора. В 1970 году, практически одновременно с организацией Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника была создана Ростовская специальная научно-реставрационная производственная мастерская. Реставрация собора предполагала большой объём исследований, в том числе и по выявлению аналогов. Исследуя целый массив документов в ГАРО, нашли и переписку Ознобишина, в которой художник предлагает поместить его альбомы в Музей христианских древностей при Академии художеств в Петербурге или же в Исторический музей в Москве. Но коллекции Музея христианских древностей в 1897 году в полном составе были переданы в открывшийся Русский музей имени Александра II. Запросы в музеи дали отрицательный результат и долгое время было неизвестно, где хранится альбом Ознобишина. Тем временем увеличивалось количество памятников, расширялась география работы мастерской и в 1976 году в её составе появилась должность научного сотрудника, выделили средства на историко-архивные исследования, позволившие работать в центральных архивах Москвы и Ленинграда [4].

Три года кропотливой работы принесли свои результаты. Было выявлено огромное количество планов и карт: оборонительные укрепления Азова, первое изображение Ростова — красочная панорама крепости Святого Димитрия, виды и панорамы Азова и Таганрога; биографические сведения о первом профессиональном живописце — донском казаке Андрее Жданове и другие документы, дающие представление о культуре XVIII века [5].

В таких масштабных поисках очень помогает общение с коллегами. Биография А. Жданова могла появиться намного позже сезона 1978 года, если бы не поддержка и помощь искусствоведа Г. И. Долгушевой, научного сотрудника Ростовского областного музея изобразительных искусств. Заведующая фотоархивом Института археологии РАН Тамара Борисовна Томес познакомила меня с Анной Владимировной Сусловой — дочерью В. В. Суслова (1857-1921), историка и теоретика, академика архитектуры, первого автора анализа форм средневековой архитектуры Дона. В 1889 году была издана его монография, в которой отдельная глава посвящена исследованию донских

памятников по материалам альбома Ознобишина [6, с. 19-51]. В примечании академик пишет: «Альбом его рисунков с древних церквей и старинных костюмов Донской области хранится в Академии художеств. Многия из церквей Земли Войска Донского, зачерченных Ознобишиным, мне не довелось видеть, и не знаю, существуют ли оне в настоящее время и находятся ли в том виде, как показано на чертежах: судя же по тем рисункам, которые мне пришлось проверить в натуре, можно отнестись с доверием ко всем чертежам» [6, с. 19].



Типы донских храмов [6, табл. II].

Деревянная церковь из альбома Е. А. Ознобишина. Фото Миняева С. С. 1978 г.

Остаётся загадкой: видел ли В. В. Суслов что-либо в натуре?

В книге А. В. Сусловой об отце есть карта путешествий академика по районам Русского Севера, он реставрировал в Новгороде знаменитый Софийский храм, объездил центральные районы, а маршрут на Дон почему-то указан пунктиром [7, вклейка]. Анна Владимировна сообщила, что на Дон отец не ездил и тому были у него веские причины. Альбом же хранится в научно-исследовательском музее Академии художеств и она готова договориться, чтобы сотрудники его проявили максимум внимания.

В 1978 году мне впервые довелось работать с альбомом Е. А. Ознобишина. Объёмная папка красновато-коричневого цвета с надписью: «Ознобишинъ. Церкви въ Землъ Войска Донскаго» (шифр: шкаф 1, полка Л, папка 1).

В моей описи — 77 листов и еще 6 отдельно, есть дата — 1867 год. Большая часть альбома была сфотографирована С. С. Миняевым (ныне: кандидат исторических наук, ведущий сотрудник Института истории материальной культуры РАН). Большинство рисунков выполнено сепией, несколько акварелью, на листах белого ватмана. Фасады и планы церквей, два жилых дома, детали иконостаса, фрагменты резных наличников, резьба на связях углов, формы церковных главок, деревянный подсвечник, колокол... Тогда интерес к этому памятнику проявлялся исключительно в плане архитектуры. Первое впечатление было достаточно сильным — впервые увидеть облик донской архитектуры XVIII века! К сожалению, историю деревянного зодчества и историю пожарного дела на Дону можно писать одновременно. Практически всё было уничтожено, если не огнём, то перестраивалось или уничтожалось по ветхости. Дерево — основной материал донских построек в это время. Оно позволяло строить быстро, качественно, даже красиво, но недолговечно. Условия полувоенного быта, почти полное отсутствие возможности получать необходимые в архитектуре навыки, заставляли использовать труд приезжих мастеров и готовые формы. Строили по образцу. Очевидным стало и то, что прототипами большинства деревянных донских храмов были церкви Слободской Украины [8]. Сейчас — это уже принятая точка зрения, но тогда, в ходе реставрации Старочеркасского собора само понятие «украинское барокко» воспринималось авторами проекта негативно. Продукт этого негативизма был материализован и до сих пор в виде нелепой пристройки уродует экстерьер собора (ростово-суздальские мотивы ему явно не к лицу).

Украинское барокко самым причудливым образом соприкасалось с традициями московского зодчества и все эти начала объединялись — увы! — неизвестными зодчими и применялись на Дону с учётом жизненной практики, обычаев, вкусов, географических особенностей. Одно-, двух-, трёх и пятиглавые, многоглавые храмы. Донские церкви на листах Е. А. Оз-

нобишина запоминаются своей монолитностью, плотностью архитектурных масс, строгостью. Последнее подчёркивается скромностью декоративного убранства.

Главная загадка — источники. При жизни Егор Андреевич, естественно, основной массив этих храмов не мог видеть. Он и не претендовал на авторство, он так и указывал в своей переписке. Он собирал, то есть копировал уже готовые изображения. К сожалению, источники он не указывал. По мнению А. Г. Лазарева оригиналы можно найти «...на основании архивных епархиальных документов» [9]. Разделяю эту точку зрения полностью и даже допускаю, что значительная часть этих документов вполне могла быть утрачена и не дошла до нашего времени. Но в альбоме изображения храмов, построенных в разное время, в разное время утраченных, находившихся в разных местностях и все они по манере изображения абсолютно стилистически одноплановы, рисовал один автор: уплощённость изображений, не очень хорошее владение перспективой, впечатление непрофессиональной, любительской работы. Рисовал не классный художник, получавший медали в Академии художеств. Значит кто-то ещё в XVIII-м с натуры мог делать эти изображения, причём в стилистике народной картинки этого века.

Второй раз мне довелось работать с этим же альбомом (под этим же шифром) в 1993 году на съёмках документального фильма «Казаки» [5]. Снимали эпизод: в парадном зале Академии сотрудница музея, хранитель фондов Е. А. Савинова, открывает альбом Е. А. Ознобишина и выкладывает на стол лист за листом. Мы видим храмы, казаков и казачек в старинных костюмах, а вот — колоритная рыбачка с веслом и в двурогой кичке...

Казачка верховой станицы (по А. И. Ригельману) [10].

Казачка верховой станицы (из альбома Е. А. Ознобишина). Кадр из документального фильма «Казаки» [5].

В альбоме, который принесли для съёмки, рисунков оказалось больше, чем в версии 1978 года. Появилась серия изображений — иерархия донских казаков и казачек, от атаманского достоинства до рядовых. Есть кадр: крупным планом автограф художника и дата — 1874 год.

Не сразу, но удалось установить, что прототипами казакам Е. А. Ознобишина стали рисунки из книги А. И. Ригельмана (1714—1789), строителя крепости Святого Димитрия — будущего Ростова-на-Дону [10]. Сравним рисунки.

По легенде, рисовал томившийся в крепости, духовного звания украинец, родом с Черниговщины. Остаётся найти источник (оригинал) изображений памятников архитектуры.

В апреле 2019 года мне принесли два (два !) альбома, вернее альбом и гигантских размеров папку с надписью: «Ознобишинъ. Памятники Земли Войска Донского». Внизу: «86 рис.»

В этой папке — 93 единицы хранения. В ней рисунки на белом ватмане (не все), с паспарту, значительно большего размера и более разнообразные по содержанию. Появились жанровые сцены, женщины-старообрядки, священник несколько карикатурного вида в домашней одежде, пейзажи на белом и цветном паспарту.

Второй альбом, который хорошо виден в кадре, удивил тем, что в нём оказалось всего шесть рисунков деревянных церквей.

Где изначально хранились эти материалы и сколько было всего альбомов, папок? В научно-исследовательский музей Академии ху-

дожеств эти материалы поступили в марте 1941 года из библиотеки Академии, поступили общим списком. Не выявлен отдел археологии и ещё многое, заявленное в программе художника. Удалось ли Егору Андреевичу в полной мере реализовать свои замыслы?

Последняя загадка — личность самого Егора Андреевича Ознобишина. Неизвестно, где он родился и к какому сословию принадлежал, где и когда упокоился человек, достаточно много сделавший для развития культуры Дона.

Е. А. Ознобишин был профессиональным художником-пейзажистом и немногие его работы, дошедшие до нас — пейзажи. Северский Донец, Хопёр, Бузулук, Медведица — эти рисунки из его альбома сделаны с натуры. Единственные — с натуры. Его всё время тянуло в эти места. Интересно: фамилия Ознобишин впервые встречается в документах Воронежского архива, датированных 1670 годом. Был в городке Коротояке Острогожского уезда Воронежской губернии воевода Михайло Ознобишин. Может совпадение и не так уж случайно?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1273. Л. 1—2.

2. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764—1914 [2 : часть биографическая] : *Кондаков С. Н.* Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии художеств / сост. С. Н. Кондаков. СПб., 1915. С. 143.

3. Биографический материал о Е. А. Ознобишине начал собирать художник НМИДК Б. А. Плевакин (1944—1995). Продолжила эту работу научный сотрудник НМИДК Крайсветная Л. В. (Крайсветная Л. Первопроходцы: Егор Ознобишин // Част. лавочка. Новочеркасск URL: https://novocherkassk.net/lavochka/2013/05/первопроходцы-егор-ознобишин/)

4. *Максименко (Бойко) Л. И.* — научный сотрудник Ростовской специальной научно-реставрационной производственной мастерской в 1976—1979 гг.

5. *Бойко Л. И.* Забытое имя // Комсомолец. 1979. 2 октября; Цикл передач «По следам старых мастеров. Новое о неизвестных страницах культуры Дона» / Рост. обл. телевидение (ГТРК Дон-ТР). 1979—1981 гг.; Казаки : докум. фильм / Рост. киностудия, 1993, авт. и реж. Максименко Л. И.

6. *Суслов В. В.* Очерки по истории древнерусского зодчества / [Соч.] акад. архитектуры В. В. Суслова : с 16 табл. и 21 рис. в тексте. СПб. : Тип. А. Ф. Маркса, 1889. 124 с., [15] л. ил. : ил.

7. *Суслова А. В., Славина Т. А.* Владимир Суслов. Л. : Стройиздат. Ленигр. отд-ние, 1978. 88 с. (Мастера архитектуры).

8. *Цапенко М. П.* Архитектура Левобережной Украины XVII—XVIII вв. М. : Стройиздат, 1967. 235 с. : ил.

9. *Лазарев А. Г.* Деревянные храмы в Подонье // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 2000. С 72.

10. *Ригельман А. И.* История, или Повествование о донских козаках, отколь и когда они свое начало имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч., собранная и составленная из многих вернейших российских и иностранных историев, летописей, древних дворцовых записок и из журнала Петра Великого, через труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана / О-во истории и древностей рос. М. : Тип. Моск. ун-та, 1846. 159 с.

Л. Ф. ВОЛОШИНОВА

БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ РОСТОВА-НА-ДОНУ

Братское кладбище — одно из старейших в Ростове; другие городские кладбища XVIII и XIX веков не сохранились. Интерес ростовчан к этому историческому некрополю с годами не утрачивается: ведь в городе трудно найти семью, которая, хотя бы во втором поколении не хранила память о могилах родственников на нём.

Кладбище расположено вдоль одной из главных городских магистралей — проспекта Нагибина, рядом с площадью Гагарина. С юга оно ограничено территорией стадиона «Динамо» и комбината похоронных услуг, с севера — улицей Нансена, с востока — Ахтарским переулком, с запада — вышеназванным проспектом.

Любовь Феоктистовна Волошинова, архитектор, Государственный эксперт Министерства культуры РФ по объектам культурного наследия. Сообщение под названием: «Братское кладбище – исторический некрополь г. Ростова-на-Дону»

В годы Великой Отечественной город пережил две немецкие оккупации, подвергался многочисленным бомбардировкам, поэтому в сознании горожан господствует мнение, что захоронения на кладбище относятся к середине XX века. Однако это не так.

Первое упоминания о кладбище исследователи начала XX века (М. Б. Краснянский и А. Т. Парецкий) встречали в журналах Ростовской-на-Дону городской думы, о чём сообщали: «В 1892 г. в Ростове появилась холера. Страшная гостья косила каждый день по несколько сот человеческих жизней. Так совершенно неожиданно выросло на выгонной земле Ростова, за чертою городского поселения, огромное холерное кладбище; впоследствии оно было переименовано в Братское» [1].

На плане Ростова 1898 года оно обозначается контуром без подписи, только на плане 1902 года мы видим название «Братское кладбище» [2]. Рядом с ним к востоку размещались небольшое военное кладбище и магометанское. Тогда это была далёкая городская окраина, выгонная земля — участки кирпичных заводов, огороды, сенники.

В 1910 году в журнале городской Думы записано: «... в удовлетворении ходатайства причта и старосты Александро-Невской церкви г. Ростова-на-Дону отвести на городском Братском кладбище для постройки церкви купцами Ф. Р. Герасимовым, Д. М. Меснянкиным, Г. А. Демьяненко и Н. Г. Кукановым на их собственные средства потребное количество земли 20 х 10 = 200 кв. саж. Согласно скопировки, составленной 12 мая с. г. помощником городского землемера Кондрацким» [3]. Строительство Вознесенского храма было завершено в 1913 году.

К западу от церкви расположена небольшая кирпичная часовня (завершение её разобрано), которая, судя по стилистическим особенностям, может быть отнесена к периоду строительства самой церкви.

Кроме этих двух культовых сооружений вскоре возвели ещё одно строение, о чём также упомянуто в журналах Думы: «Торговый Дом "Г. Т. Герасимов с С-ми" в г. Ростове-на-Дону, выстроив и оборудовав на территории городского Братского кладбища города Ростова-на-Дону кирпичное двухэтажное здание, на свои средства передал таковое в собственность города с тем условием, чтобы верхний этаж был предназначен в постоянное безвозмездное пользование причту церкви при Братском кладбище, а нижний этаж для начального городского училища, которое с разрешения г. инспектора народных училищ и открыто в текущем 1914—1915 учебном году» [4, с. 1242]. Училище назвали «Лермонтовское», а в середине 1920-х годов здесь разместился детский дом № 5 [5].

После возведения церкви, часовни и училища проложенные между ними дорожки дополнили уже намеченную геометрическую сетку кварталов.

В конце 1914 года городская дума приняла решение «прирезать к существующему Братскому кладбищу часть свободной земли с северной стороны площадью во всю ширину кладбища около 170 пог. саж. и с восточной и западной сторон всё пространство до линии Юго-Восточных железных дорог около 160 пог. саж. или сколько окажется в натуре; затем из этой части отвести один центральный квартал площадью 40 х 40 = 1600 квадр. саж. в углу северо-восточной части специально для погребения умерших воинских чинов, прибывающих с театра войны; последнее место огородить особою решеткою, рисунок который поручить составить городскому техническому надзору; о постановке какого либо памятника в виде часовень, крестов и проч., в ознаменование памяти жертв настоящей великой войны вопрос обсудить особо...» [4, с. 1510].

Расширение территории кладбища мы наглядно видим, сравнивая планы Ростова 1913 и 1920 годов, где к нему от городских кварталов ведёт дорога в створе Малого проспекта [ныне проспект Чехова. — *Л. В.*] [6, л. 4].

В этих границах некрополь сохранялся до 1938 года, когда при составлении нового городского плана часть южной территории отвели под сооружение стадиона «Динамо» [6, л. 1]. В послевоенные годы эту территорию несколько увеличили за счёт спортивных сооружений и площадок, а также строений Комбината специализированных коммунальных услуг.

Распоряжением горисполкома от 17 августа 1966 года (№ 592) [7] и его же Решением от 17 мая 1968 года (№ 323) [6, л. 1] были запрещены захоронения на Братском и Пролетарском кладбищах Ростова-на-Дону. Предполагалось, что через двадцать лет Братское кладбище будет снесено и его территория отдана под городскую застройку. Но этого не произошло. В конце 1980-х годов Ростов активно стал развиваться в северном направлении.

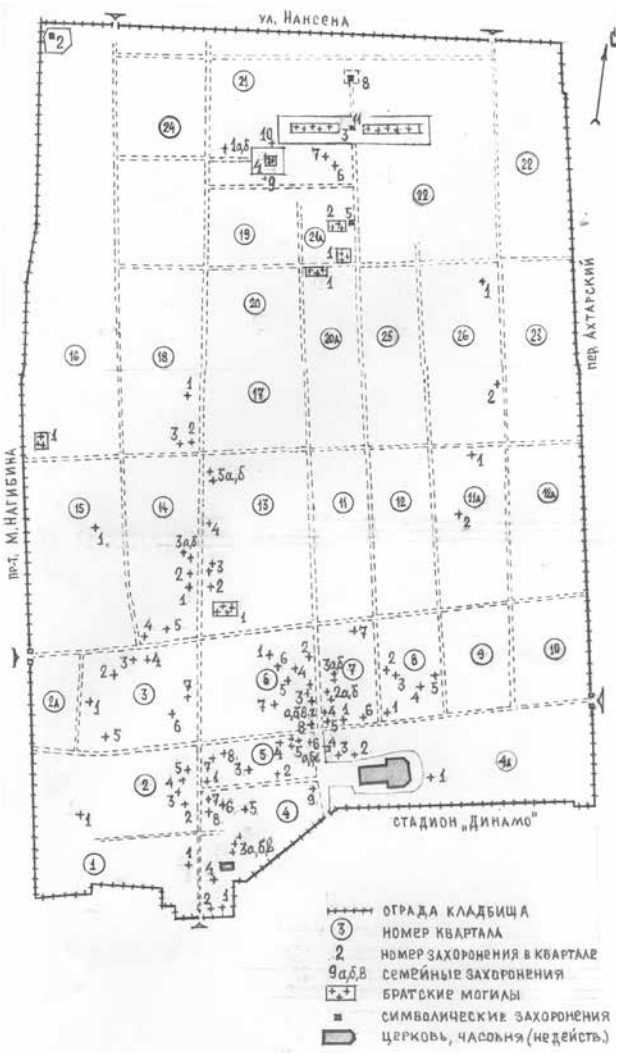
14 ноября 1990 года исполком Кировского района Ростова принял решение (№ 2709) об инвентаризации памятников, братских могил и мемориальных досок. В 1997 году постановле-

нием мэра Ростова было разрешено проводить подзахоронения на Братском кладбище к могилам близких родственников [8].

Так определился особый статус кладбища, расположенного среди городской застройки.

Обследование исторического некрополя выполнялось с 2016 по 2019 год и выявило многочисленные захоронения деятелей науки и культуры, участников русско-японской, Первой мировой, Гражданской и финской войн, братские могилы защитников и освободителей Ростова времени Великой Отечественной.

В силу объективных причин часть могил и надмогильных памятников не сохранились в полном объёме или были утрачены. Но, безусловно, надписи на уцелевших памятниках, надгробиях, могильных плитах — ценная историческая информация, зачастую отсутствующая в других источниках.



План Братского кладбища. Чертёж автора

Могилы и памятники, которые будут далее упомянуты, нанесены на современную схему кладбища с нынешней нумераций кварталов.

Список захоронений по кварталам с краткими описаниями не может быть приведён здесь из-за его большого объёма.

Оценивая общий массив и временной диапазон выявленных захоронений исторических личностей и братских могил, следует отметить, что ко времени основания кладбища относится лишь один уцелевший памятник в квартале № 6. Это небольшая каменная стела с надписью:

Здесь покоится прахъ раба Божьего Александра Вдовиченко.

+ 25 декабря 1893 года на 17 г. отъ роду[1].

Стела установлена на позднем низком бетонном фигурном цоколе.

Более многочисленна группа сохранившихся памятников начала XX века. Ниже они перечислены по кварталам (далее — «кв.»).

Памятники в виде: ступенчатого постамента с современным навершием Л. Я. Де-Камилли, умершего в 1909 году (кв. 4); в виде часовни — В. А. Волкова, скончавшегося в 1914 году (кв. 2а), декоративного престола с раскрытым евангелием Марии Киркиновой, скончавшейся в 1914 году (кв. 7) и рабы божией Марии Востриковой, скончавшейся 1915 году (кв. 14.). К ним же можно отнести литой чугунный надмогильный памятник в виде портика на постаменте Петра Фёдоровича Познакова, умершего в 1920 году (кв. 13 у главной аллеи).

Мы ничего не можем сказать об именах в мемориальных надписях, но памятники, на которых они сохраняются, обозначают исторические кварталы и статус погребённых.

Памятник на могиле А. В. Волкова

[1] Этот знак приводился на памятниках до 1917 года, означает дату кончины. – *Л. В.*

Одиночных и братских могил, а также надмогильных монументов времени Первой мировой и Гражданской войн к настоящему времени не выявлено, хотя упоминания о них часто встречаются на страницах ростовских газет 1915—1919 годов. Отведённую им территорию, согласно выше названного постановления городской думы 1914 года, ныне занимают могилы 1950—1960-х годов. Исключение — обелиск из полированного тёмного гранита на кубовидном постаменте, установленный на ступенчатом подиуме в квартале 21-а (у аллеи между кв. 21-а и кв. 22). Обелиск перенесён сюда к братской могиле 1943 года из центра города. На гранях постамента выбиты тексты времени Гражданской войны: «*Вечная память и вечная слава бесстрашным и мужественным сынам трудового народа павшим в боях за Советскую власть;*

Здесь покоятся тела красноармейцев павших геройской смертью 21 апреля 1918 года при обороне Ростова-на-Дону от белогвардейских банд и германских интервентов».

Интересно, также упоминание в газете «Приазовский край» о памятнике «Доблестным германским солдатам, погибшим при защите Ростова», который на митинге, проходившем на Братском кладбище 18 ноября 1918 года, передавался германским командованием представителям Всевеликого Войска Донского и Ростовского градоначальства перед уходом германских частей из города [9]. Других сведений об этом памятнике найти не удалось.

Для последующих лет советской власти характерно сохранение традиционных типов надгробных монументов с новыми символикой и характером мемориальных надписей, часто своим оформлением или текстом напоминающем о профессии, звании или должности, общественном статусе похороненного. Первым в этом ряду следует назвать памятник в виде дерева с обрубленными ветвями и рельефным якорем в основании, с надписью: «Нацаренус Александр Петрович. Ум. 1921.» (кв.5).

В соседних кварталах можно видеть надгробия военачальникам — участникам Гражданской войны. Среди них наиболее значительны высокие обелиски на постаментах — на могилах А. Л. Борчанинова, большевика-подпольщика, бывшего военкома 29 и 30-й стрелковых дивизий, орденоносца; Г. А. Кочергина, командира 1-го кавалерийского корпуса революционных войск; Д. К. Бондаренко, батарейного командира конной армии РККА (все три расположены в кв. 2); памятники: на могиле Д. Б. Броневского, дивизионного инженера, майора 9-й стрелковой ордена Ленина дивизии (кв. 5); на могиле А. Д. Соболева, чекиста, орденоносца (кв. 18). В формах конструктивизма в виде ассиметричной стелы, увенчанной шаром, выполнен памятник на могиле С. С. Вострецова, командира 9-го стрелкового корпуса Северо-Кавказского военного округа (кв. 2).

Обелиски в эти годы устанавливаются и на могилах «бойцов трудового фронта». Среди них: шахтёру Донбасса Я. Т. Морозову (кв. 3), сотруднику Азово-Черноморского крайкома А. И. Ударову (кв. 5). Скромным бетонным надгробием с небольшой мраморной плитой отмечена могила старого большевика, политкаторжанина И. Г. Жукова (кв. 5).

Единственной братской могилой мирного времени стало погребение служащих госмельницы № 1, погибших при пожаре 1930 года (кв. 13). Над их братской могилой установлен обелиск на постаменте, на грани которого начертано 28 фамилий.

Памятник на могиле служащих госмельницы № 1

Заслуживает особого внимания многочисленная группа захоронений деятелей культуры и науки. Наиболее раннее из ныне известных расположено в квартале 6 у аллеи и оформлено бетонным надгробием с рельефной надписью на беломраморной доске: *Гражданский инженер Василий Васильевич Попов. +27 марта 1930 г.*

К северу от церкви, в квартале 8, в 1939 году похоронили старейшего актёра ростовской сцены, первого руководителя Ростовского отделения Российского театрального общества Григория Францевича Демюра. Ныне сохраняется надмогильный памятник, где в мемориальной

Памятник на могиле Г. Ф. Демюра и В. А. Загорской. 1939 г., 1945 г.

надписи он скромно назван «артист». Ниже размещена более поздняя надпись, которая сообщает, что здесь же в 1945 году похоронена его жена артистка В. А. Загорская.

Современной плитой обозначена в квартале 7 могила артиста цирка Ф. Т. Морозова (1900—1936).

Разнообразными по формам надгробиями и архитектурными формами отмечены могилы известных в России учёных-медиков, профессоров Ростовского медицинского института, скончавшихся в 1930-е годы: С. М. Максимовича, Ф. А. Соловьёва, Б. Н. Страдомского, А. А. Колосова, Н. И. Напалкова, П. В. Никольского. Большинство из них расположены в кварталах, окружающих церковь.

Встречаются в эти годы и памятники врачам, не имеющим званий. Среди них надмогильный памятник доктору С. В. Сержпинскому интересен ещё и тем, что на его гранитном постаменте сохранилось клеймо дореволюционной фирмы работавшей в городе «К. Катто. Ростовъ н/Д.». Это свидетельствует о том, что бывали случаи, когда дореволюционные заготовки надгробных монументов использовались в более позднее время.

Захоронениями медиков исторический некрополь пополнился в послевоенные годы. Отмечены памятниками могилы докторов Л. С. Аствацатурова (умер в 1950 г.; кв. 8) и Н. Д. Архангелького (умер в 1961 г.; кв. 4-а).

Отдельно следует сказать о расположенном у церкви семейном захоронении врачей Орловых, окружённом невысокой решетчатой оградой. Здесь выделяется памятник в виде вертикальной плиты и надгробие тёмного лабрадорита с надписью: «*Засл. деятель науки, профессор Константин Христафорович Орлов. 1875—1952».* В соседних кварталах с храмом сохранился некрополь деятелей искусств.

В послевоенные годы здесь появились могилы с разнообразными надгробиями и памятниками: известного в городе архитектора Л. Ф. Эберга, а также его коллег, много трудившихся в послевоенном Ростове — М. Н. Ишунина, А. Г. Арцатбаняна. Все три захоронения расположены в квартале 4. К северу от церкви в квартале 7 вертикальной плитой оформлено захоронение архитектора и скульптора В. В. Баринова.

Интересен выполненный в те же годы памятник на могиле юного скрипача Сталика Милёхина недалеко от входа на кладбище с проспекта (кв. 3). Вертикальную стелу над его могилой венчает изображение лиры, могильную плиту и стелу объединяет изображение скрипки.

В разных кварталах к западу от храма в послевоенные годы были похоронены учёные Ростовского университета: археолог, декан исторического факультета, Герой Советского Союза Г. А. Иноземцев (кв. 14), профессор физики И. А. Соколов (кв. 13), профессор, историк А. П. Пронштейн (кв. 4).

Вдоль главной аллеи, пересекающей кладбище с юга на север, расположены захоронения деятелей искусств того же периода: народного артиста РСФСР Г. Е. Леондора (кв. 5); заслуженного артиста РСФСР Б. Г. Бенского и артистки Д. И. Черновской, заслуженной артистки Азербайджанской ССР Е. П. Горбачёвой, рядом могила писателя А. Г. Гончарова (все четыре — в кв. 14). Далее по главной аллее — захоронение старейшей актрисы ростовской сцены В. И. Шурховецкой, скончавшейся в 2017 году (кв. 13).

Могилы деятелей изобразительного искусства 1950—1960-х годов так же расположены в разных кварталах.

Памятники художникам: Т. П. Семёнову — в виде его поясного изображения на кубовидном пьедестале (кв. 15); В. Г. Кулишу — бюст на узком и высоком постаменте (кв. 8); скульптору А. Л. Филь — вертикальная плита (кв. 6.). К этой же группе можно отнести надгробный памятник в виде усеченной колонны на могиле инженера-строителя И. Д. Скловского (кв. 11-а).

В 1963 году в северной части кладбища похоронили писателя и переводчика А. П. Оленич-Гнененко, в конце 1930-х годов возглавлявшего ростовскую писательскую организацию (кв. 21-а). Из недавних памятников поэтам и переводчикам выделяются памятники Д. М. Долинскому (кв. 3) и Л. Г. Григорьяну (кв. 4).

Исторический некрополь времени Второй мировой войны представлен братскими могилами, расположенными в северной части кладбища. По сути, он накрыл территорию воинских захоронений периода Первой мировой.

А начало ему положила группа индивидуальных могил воинов Советской армии умерших от ран, полученных в боях с белофиннами в 1939—1940 годах. Ныне это комплекс, оборудованный единой площадкой с тринадцатью надгробиями, на которых начертаны фамилии погибших (кв. 20-а). У восточной стороны площадки, ограждённой декоративными цепями на стойках — обелиск на подиуме.

В конце ноября — начале декабря 1941 года производились захоронения бойцов и офицеров полка Народного ополчения и бойцов 230 полка НКВД, погибших при обороне и взятии Ростова (кв. 21-а, в центре). Слева от входа на площадку на бетонной стеле начертаны около 50 фамилий погибших — лишь часть из тысяч, похороненных в этих могилах.

В 1952 году сформировали мемориальные газоны, площадку обнесли решётчатой оградой. Позднее здесь установили невысокий гранитный обелиск на постаменте, мемориальную стенку с надписью, скульптурный тиражный памятник «Клятва товарищей». Между газонами оформили символическое захоронение в виде грубого камня с надписью: «*Саша Чебанов, 1926—1942, герой пионер».*

Рядом расположена большая братская могила воинов Советской армии, погибших в разных районах города и его окрестностях в 1941—1943 годы. Её обширная квадратная площадка оборудована в 1949 году. В центре на массивном пирамидальном постаменте высится 10-метровый гранитный обелиск. У его основания — мемориальная доска. Ныне площадка замощена бетонной плиткой. Вдоль северной и южной её сторон на тумбах установлены плиты серого мрамора с именами погибших (более 720).

В южной части того же квартала — братская могила пяти воинам-чекистам, погибшим при защите Ростова 20 ноября 1941 года. Могила перенесена на Братское кладбище из Кировского сквера в июне 1949-го. Территория комплекса оформлена вымощенной площадкой; могила выделена мемориальным газоном. Здесь же установлен кубовидный бетонный объём с посвятительным горельефом

Ещё одна братская могила в этом квартале (21-а) воинов Советской армии, погибших в 1943 году, была перенесена сюда с привокзальной площади станции «Ростов-Главный», обрамлена бетонным бордюром и оформлена вертикальными плитами с посвятительными надписями без фамилий.

Другая братская могила находится у западной стороны кладбища в стороне от перечисленной общей группы (кв. 16). В ней погребены защитники Ростова 1941—1943 годов и пятеро пионеров школы № 35, расстрелянные немецкими захватчиками 24 июля 1942 года. Территория могилы обрамлена бетонным бордюром. У восточной его стороны на постаменте установлены скульптуры воина и матери с венком.

Вдоль главной аллеи кладбища сохраняются памятники советским офицерам, участникам Великой Отечественной. В северной части кладбища расположены могилы военнослужащих. Среди них выделяются надгробия с бюстами Героя Советского Союза генерал-лейтенанта А. П. Дмитриева (скончался в 1969 г.) и генерал-полковника А. Г. Батюни (скончался в 1976 г.).

В квартале 21 рядом с братскими могилами Великой Отечественной войны — могила лётчика Б. В. Капустина, погибшего во время испытательного полёта над Берлином в 1966 году.

В том же году в квартале братских могил 21-а оказались два перемещённых памятника с бывшего Всехсвятского кладбища: надмогильный учёного-вирусолога Д. И. Ивановского (скончался в 1920 году, памятник установили в 1950 г.) и памятник над склепом семьи Мордовцевых (сооружён в конце XIX в., последнее захоронение в склепе — 1913 году).

Кладбище, где эти памятники были изначально установлены, уже не существовало, церковь взорвали, на их месте формировалась стройплощадка для будущего Дворца спорта. В распоряжении ростовского горисполкома (№ 175 от 31 марта 1966 г.) говорится о перезахоронении останков, расположенных на стройплощадке Дворца спорта [10]. При этом называются фамилии только Мордовцевых. Но старожилы Нового поселения, свидетели начала строительства, утверждают, что памятник Д. И. Ивановскому уже был перемещён с изначального места над могилой, в склепе семьи Мордовцевых не было останков уже в послевоенные годы.

Памятник семьи Мордовцевых выполнен из чёрного полированного гранита и представляет собой многоступенчатый подиум, на котором размещён постамент в виде декоративной часовни, завершённой с четырёх сторон двухскатным фронтоном. На южной грани декоративной часовни в полуциркульной нише — надпись: «*+ Дейст. Стат. Советник Даниил Лукич Мордовцев 10 июля 1905 г.».*

Памятник семьи Мордовцевых. Начало XX века

Памятник на могиле И. Капленкова

В нишах на постаменте и гранях часовни надписи, посвящённые другим членам семьи Мордовцевых. Этот архитектурный монумент является одним из старейших на Братском кладбище. На грани его нижнего яруса сохранилось клеймо мастерской изготовителя: *«А. С. Тонитто. Ростовъ н/Д.»*.

Памятник Д. И. Ивановскому выполнен из чёрного гранита и представляет собой ступенчатый подиум, на котором размещён кубовидный постамент с обелиском. На грани постамента высечена надпись: *«Здесь похоронен выдающийся русский учёный, основоположник науки о вирусах, профессор ростовского университета Дмитрий Иосифович Ивановский. Род. 1854 г. — умер 1920 г.»*

Знаменательно, что на кладбище в начале 2000-х годов оформлены захоронения моряков и кавалеров Георгиевских крестов.

В 100-ю годовщину русско-японской войны на средства попечительского совета по сохранению достопримечательных мест г. Ростова-на-Дону в квартале № 3 установлен памятник на могиле Ивана Капленкова в виде плит из тёмного гранита и природного камня со скошенной вертикальной стороной. На лицевой грани плиты фотопортрет; внизу мемориальная доска с текстом: «*Памяти последнего моряка крейсера «Варяг» Ивана Капленкова. 1880—1954 гг.»*

Могила П. Е. Тендетникова (кв. 26)представляет бетонное надгробие, покрытое каменными плитами неправильной конфигурации. В изголовье на каменном цоколе глыба скальной фактуры с якорем. На плите из чёрного гранита портрет и надпись: «*Тендетников Порфирий Емельянович 16.02.1889—30.09.1961. Военный моряк Российского императорского флота, участник 1-й Мировой войны, матрос команды крейсера «Память Меркурия», водолаз канонерской лодки «Кубанец» (Черноморский флот). Георгиевский кавалер IV-й степени, водолаз ЭПРОНА Каспийской военной флотилии (г. Баку)».*

Могила участника Гражданской войны С. Г. Безматьева оформлена невысоким бетонным подиумом с надгробием, обрамленным гранитным бордюром. Памятник в виде вертикальной плиты чёрного полированного гранита. На лицевой грани большой портрет Безматьева и текст: «*Безматьев Сергей Григорьевич 1890—1963 (12/01). Командиру красного эскадрона конников Б. М. Думенко, командиру красного бронепоезда (р-н Царицына, 1918), кавалеру солдатских Георгиевских крестов от благодарных потомков».*

В разных кварталах кладбища находятся захоронения священников. Среди них могила монаха Митрофания, оформленная светлым мраморным надгробием с газоном и беломраморным восьмиконечным крестом (кв. 6). Его духовные чада утверждают, что он был не монахом, а «старцем в миру» при Вознесенской церкви.

Могилы архимандрита Мисаила (кв 8) и протоиерея Иоанна Космодамианского (кв. 4-а) обрамлены металлическими листами.

Особо следует отметить символический памятник настоятелю ростовской Покровской церкви Лазарю Крещановскому, расположенный возле Вознесенской церкви, который представляет собой вертикальную плиту из чёрного полированного гранита на невысоком цоколе, увенчанную крестом. На лицевой грани плиты надпись: «*Установлен сей знак к 100-летию смерти протоиерея Лазаря Крещановского (1848—1914), который 34 года был настоятелем*

Покровского храма Ростова-на-Дону и захоронен на Братском кладбище [11].

К типу символических захоронений относится мемориал венгерским военнопленным в северном углу квартала 16, сооружённый в 2018 году. Он представляет собой четыре объёма, выполненных их серого гранита. Главный — в северо-западном углу в виде ступенчатого подиума, на котором вертикально установлена квадратная плита со срезанным углом. На её лицевой грани выполнена надпись на венгерском и русском языках: «*Здесь покоятся венгерские военнопленные жертвы второй мировой войны».*

Три меньших объёма представляют собой наклонно установленные плиты, на верхних гранях которых на венгерском языке начертано более ста фамилий.

В итоге краткого обзора следует сказать о проблемах изучения исторического некрополя Братского кладбища, которое ныне является инициативой частных лиц.

Не существует официального списка похороненных здесь деятелей науки, искусства и архитектуры, выдающихся военачальников, участников Гражданской, Великой Отечественной войн и других военных конфликтов XX века.

Могилы священников, связанные с духовной жизнью Вознесенского храма и города, известны лишь малому кругу лиц.

Хочется, чтобы инициативу изучения исторического некрополя подхватили Ростовское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, советы ветеранов разных объединений города, поисковые отряды, творческие союзы, национальные общины Ростова.

А добрые примеры уже есть. Памятник на могиле архитектора Л. Ф. Эберга установлен на средства членов Сообщества почитателей творчества архитекторов Эбергов, памятник последнему моряку с крейсера «Варяг» — попечительским советом по сохранению достопримечательных мест города Ростова, памятный знак Лазарю Крещановскому — стараниями православной общественности Старо-Покровского храма.

Исследование памятников Братского кладбища свидетельствует об их неудовлетворительном техническом состоянии и необходимости решать вопрос об их реставрации и консервации. Но эта проблема, требует отдельного осмысления.

Одно очевидно: без широкого участия общественных организаций и доброй воли администрации Ростова-на-Дону, попечителей и благотворителей эту проблему не решить.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРО. Ф. Р-2577. Оп. 2. Д. 6. Л. 20.

2. Там же. Ф. Р-2613. Оп. 1. Д. 136. Л.1,3.

3. Журналы Ростовской-на-Дону городской думы за 1910 год. 1 полугодие. Ростов н/Д., 1911. С. 680.

4. Журналы Ростовской-на-Дону городской думы за 1914 год. 2 полугодие. Ростов н/Д. 1916.

5. Весь Ростов-на-Дону. 1925 год. / Изд. секретариата Донисполкома. Ростов н/Д., 1925. С. 47.

6. ГАРО. Ф. Р-2613. Оп. 1. Д. 173.

7. Там же. Ф. Р-1817. Оп. 4. Д. 1151. Л. 95.

8. Открыты старые кладбища // АиФ на Дону. 1997. № 42 (октябрь). С. 2.

9. Передача памятника //Приаз. край. 1918. 20 нояб. С. 2.

10. ГАРО. Р-1817, Оп. 4. Д. 1146. Л. 200.

11. В последней строке надписи место погребения указано ошибочно. Лазарь Крещановский был похоронен на Покровском кладбище, ныне не сохранившемся. — *Л. В.*

О. М. МОРОЗОВА

АРЕСТ Н. Е. ПАРАМОНОВА В 1918 ГОДУ

Об аресте Николая Елпидифоровича Парамонова стало известно на Дону 22 августа (3 сентября) 1918 года [1]. Это событие произошло в ходе торговых переговоров с Германией, которые проходили в Севастополе. В тюрьме Парамонов провёл восемь дней, потом был помещён в концлагерь в Брест-Литовске, а 12 октября пришёл приказ отправить его в Севастополь под надзор местной немецкой полиции [2].

Ольга Михайловна Морозова, доктор исторических наук, профессор кафедры связи с общественностью Донского государственного технического университета. Сообщение под названием: «Рискованные игры господина Парамонова, или как Николай Елпидифорович поссорился с Петром Николаевичем» подготовлено в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-00115 «Социально-политический диалог в послефевральской и послеоктябрьской России (1917–1918): тенденции, механизм, региональные особенности»

Донская общественность всколыхнулась. Во все инстанции пошли требования помощи этому «честнейшему человеку» [3]. Среди причин произошедшего наиболее активно обсуждались две. И они выглядят взаимоисключающими. Во-первых, причиной конфликта с немцами стала слишком настойчивая защита экономических интересов донского правительства на переговорах с немцами. Во-вторых, арест стал следствием тайной договорённости между немцами и П. Н. Красновым по нейтрализации Парамонова по инициативе атамана [4].

Итак, первая из имевших хождение версий связана с напористой манерой делового общения господина Парамонова. Впоследствии сам Николай Елпидифорович объяснял причину своего ареста немцами тем, что противился вывозу в Германию ста тракторов, которые использовались в Донской армии для транспортировки тяжёлых орудий [2].

Успехи легендарной парамоновской империи на протяжении как минимум трёх поколений показывают, что коммерческая хватка была у них в крови. Из того, как реализовывался этот талант, известны лишь сведения о росте размера капитала, покупке и постройке домов, мельниц, складов, рудников, пароходов. Осталась в памяти широкая благотворительная деятельность Парамоновых в области народного образования и медицины [5]. По документам «кухню» коммерческого успеха фирмы Парамоновых мы можем отследить только за годы Первой мировой войны. В то время возник хлебный дефицит, и это при том, что 1914—1916 годы на Юге были урожайными по хлебу. Это привело к снижению закупочных расценок, но цены на муку и выпеченный хлеб росли. А запасы хлеба в лавках сокращались. Ситуация в области потребовала разбирательства властей. В результате обследования торговой деятельности Парамоновых был подготовлен доклад на имя ростовского градоначальника. Оказалось, что Парамоновы и другие хлеботорговцы и мукомолы делали пересортицу муки. На выпуске муки занижали сорт, чтобы избежать налогов; при продаже завышали, чтобы получить высокую цену [6, л. 10].

Жители Ростова-на-Дону терялись в догадках, куда девался хлеб. «Ростовский листок», рупор местных черносотенцев, сообщил о крупной сделке со Швецией по продаже зерна с намёком, что он поступает далее в некую страну на юге от Швеции. На суде, который затеяли Парамоновы против его редактора Костричина по обвинению в клевете, тому не удалось доказать, что хлеб идет из Швеции в Германию, и был осуждён на две недели ареста в участке [6, л. 215, 216, 218, 218 об.].

Хотя абсолютно надёжных документов, подтверждающих торговые связи Парамонова с коммерсантами Германской империи нет, слухи о вывозе хлеба туда не беспочвенны. Розыскным пунктом Донского областного жандармского управления в Ростове-на-Дону было перехвачено два письма. В них упоминалось Общество экспорта зерна, связанное с Парамоновыми и другими крупнейшими донскими экспортёрами зерна. В одном из писем (на немецком языке) сказано, что некая фирма хотела бы приобрести 4 000 четвертей ячменя, т. е. 786 тонн или 25 вагонов. А в другом письме (на французском языке) указывался адрес фирмы в г. Дюссельдорф [7].

Бюрократическая машина проворачивалась нескоро, и только 9 октября 1916 года появилось предписание военного министра, по которому постоянный член Главного военного суда, генерал от инфантерии А. Н. Волков начал производить расследование. Однако революционные события 1917 года не дали следствию завершиться.

В этой связи небезынтересно будет вспомнить, что Парамоновы были активными кадетами [8], и свои разногласия с властями они могли рассматривать как принципиальные и идейные.

После Февральской революции Николай Парамонов включился в формирование органов новой власти, и в первые фигуры области вышли его единомышленники — Зеелер, Петренко, Воронков, которые в разных вариациях были председателями и членами гражданского и других комитетов, городскими головами Ростова, комиссарами Временного правительства [9].

Изложенные факты позволяют считать Парамонова типичным российским капиталистом начала XX века, который считал себя вправе иметь власть, отвечающую его коммерческим интересам. В отдельные моменты он и сам был готов войти в состав власти.

В мае 1918 года казачьи отряды вернулись в Ростов и Новочеркасск. Круг спасания Дона избрал нового атамана — П. Н. Краснова. 5 (18) мая 1918 года его приказом Н. Е. Парамонов был назначен управляющим отделом торговли и промышленности Всевеликого Войска Донского [10]. Через две недели между Красновым и Парамоновым прошли переговоры о назначении последнего главой правительства, но Парамонов выставил условие: право формировать правительство по своему усмотрению, на что Краснов не согласился [11, л. 44]. Вместо Парамонова на пост министра торговли и промыш-

ленности был выдвинут В. А. Лебедев, владелец авиационного завода в Таганроге [11, л. 56].

На этом шахматная партия не была закончена. Краснов зависел от Парамонова, потому что тот вёл торговые переговоры с немцами и добился от них значительных уступок. Частный интерес коммерсанта ясно виден: у кого же войско будет покупать товары и сырьё для поставки немцам, как не у него и других аффилированных лиц.

Отказавшись от официального членства в правительстве, Парамонов продолжал стремиться влиять на формирование войсковой власти. При его участии произошла смена управляющего отделом внутренних дел Г. П. Янова на бывшего ростовского градоначальника генерал-лейтенанта П. Т Семёнова. Парамонов продвигал назначение генерала В. И. Сидорина начальником группы войск, воюющих в направлении Царицына, но безрезультатно. «Парамоновская группа» желала сменить и командующего Донской армии С. В. Денисова, но не могла выдвинуть из своих рядов достойную кандидатуру [12].

Нет сомнения, столь бесцеремонное поведение с обладателем атаманских регалий могло привести к конфликту.

Кроме германской оккупационной администрации и Донского правительства летом 1918 года на Дону была ещё и третья сторона, внимательно наблюдавшая за ситуацией. Это Добровольческая армия, чьё командование обосновалось на Кубани в Екатеринодаре, но имело разведывательный пункт в Ростове-на-Дону, с которым сотрудничали те из донских офицеров, которые считали плотные отношения с добровольцами залогом победы в борьбе с большевиками. Имя Николая Парамонова всплывает в донесениях и деловой переписке офицеров.

Так, каковы были отношения Парамонова и Добровольческой армии?

На первых порах, по-видимому, настороженные: Парамонов считался германофилом [11, л. 35]. Но летом 1918 года Парамонов сблизился с командованием Добровольческой армии, что объяснимо: капитал всегда выбирает большое экономическое пространство, за «единую и неделимую» его агитировать не надо. Планировалось принятие Парамоновым должности управляющего отделом пропаганды в составе Особого совещания, но это встретило резкий протест атамана Краснова [11, л. 1—2 об.].

Памятуя об обвинениях в торговле с Германией во время войны, можно ли считать Парамонова последовательным германофилом, находя его

Особняк Н. Е. Парамонова на ул. Пушкинской в Ростове. Лето 1918 г. (ГАРФ. Ф. Р-9114. Оп. 1. Д. 25)

позицию проявлением коммерческих интересов и признавая фактом существование его экспортных операций с зерном для Германии?

В начале XX века Германия навязала России взамен помощи в войне с Японией невыгодное таможенное соглашение, которое давало преференции немецким товарам в России, но российскому продукту осложняло путь на внутренний рынок Германии. Это стало одной из причин активной антигерманской риторики в предвоенный период. Донские предприниматели — экспортёры хлеба были заинтересованы в пересмотре условий торговли. Вспомним также, что в мае 1918 года германской оккупационной администрацией был реквизирован под гостиницу для приезжающих офицеров особняк Парамонова на Пушкинской. Поводов для нелюбви к немцам тоже было достаточно.

Но Парамонов был чрезвычайно гибок. Вчерашние враги и друзья могли меняться местами. Действительно вечными были только его инте-

Штаб «нахрихтенофицера» (офицера для связи) германского командования майора фон Кохенгаузена в Ростове-на Дону. 1918 г. (ГАРФ. Ф. Р-9114. Оп. 1. Д. 25)

ресы, на основе которых он сформировал так называемую «Парамоновскую группу». В неё входили В. Ф. Зеелер, В. Х. Генне, А. С. Альперин, профессор-химик В. В. Курилов, присяжный поверенный И. И. Шик. В 1918 – 1919 годах присяжные поверенные Шик, Бышевский, Кречетов и Лизгинцев образовали группу политических защитников для участия в процессах над обвиняемыми по политическим статьям [13]. К ним примыкали профессор-правовед И. А. Малиновский, владелец авиационного завода В. А. Лебедев, депутат Государственной думы, а в 1917 году комиссар Временного правительства М. С. Воронков и другие. Их связывала или общественная, или коммерческая деятельность [14]. Но чаще то и другое. Общим почти для всех было кадетское прошлое.

И последний вопрос. Имеет ли в этом деле значение дата ареста? По-видимому, да. В мае 1918 года Круг спасения Дона принял «Основные законы Всевеликого Войска Донского». Обычно пишут, что избранный демократическим путём Войсковой круг, начавший свою работу 15(28) августа 1918 года, подтвердил это решение. В действительности, «Основные законы», принятые августовским Кругом, укрепляют власть атамана и являются следующим шагом Дона в направлении оформления государственного суверенитета. По-видимому, Николай Парамонов мог повлиять на редакцию новой донской конституции, если бы находился на Дону.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4187. Л. 2.
2. Там же. Ф. 841. Оп. 1. Д. 25. Л. 10.
3. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 361. Л. 7 – 8.
4. Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4173. Л. 3.
5. Окопная О. П. Вклад ростовских купцов Парамоновых в просвещение и образование народа // Молодой учёный. 2011. № 5. Т. 2. С. 80 – 83.
6. ГАРО. Ф. 834. Оп. 1. Д. 4.
7. Там же. Ф. 826. Оп. 1. Д. 396. Л. 56.
8. Там же. Д. 291. Л. 809.
9. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 731. Л. 22 – 43.
10. ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 22. Л. 163.
11. РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172.
12. ГАРФ. Р-5881. Оп. 2. Д. 614. Л. 49 – 109.
13. Там же. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 205. Л. 66.
14. См.: *Звездова Н. В.* Правоведы-организаторы власти временного правительства на южной казачьей окраине России // Изв. высш. учеб. заведений. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2006. № 3. С. 44 – 49.

Н. А. КАЗАРОВА

ВОСПОМИНАНИЯ О РОСТОВЕ ПРОФЕССОРА ЛАДЫЖЕНСКОГО

Жизнь и деятельность профессора А. М. Ладыженского была тесно связана с Ростовом-на-Дону. Здесь он провёл детство и юность, в годы учёбы на юридическом факультете Московского университета приезжал к родителям на каникулы. После революции Ладыженский какое-то время жил на Украине, женившись на дочери историка Багалея [1], работал в Екатеринославе. В годы гражданской войны с женой и дочерью вернулся к родителям в Ростов. В 1931 году был арестован и выслан из города, а в 1950-е годы вернулся.

Свои воспоминания, многие страницы которых связаны с Ростовом-на-Дону, Александр Михайлович написал в 1960-е годы. Благодаря разностороннему философскому, историческому и юридическому образованию мемуарист мог глубоко осмысливать происходящее. Он ви-

Нина Акоповна Казарова, доктор исторических наук, г. Ростов-на-Дону. Продолжение. Начало см.: Донской временник. Год 2019-й. Вып. 27. Ростов н/Д., С. 88–94. Сообщение под названием: «Ростов-на-Дону в 1920-е годы в воспоминаниях профессора А. М. Ладыженского»

дел и быт русской образованной аристократии (Трубецкие, Гагарины), и русской либеральной буржуазии (Парамоновы, Морозовы), и украинской интеллигенции (Багалеи). А. М. Ладыженский работал и адвокатом, и экономистом, и профессором в Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Сталинграде, Москве. Он побывал и в тюрьме, и в ссылке, то есть попадал в самые различные слои общества и с большим интересом всматривался во всё, что его окружало. Автора воспоминаний отличает внимание к деталям, что позволяет представить быт зажиточной интеллигенции в условиях революции и гражданской войны, настроения различных слоёв населения по отношению к белым и красным. В публикуемом отрывке из рукописи А. М. Ладыженского «Воспоминания и размышления» отражена жизнь в Ростове-на-Дону в условиях гражданской войны после установления власти Деникина. Автор даёт яркие портреты выдающихся учёных А. Ф. Лебедева [2] и Д. Д. Мордухай-Болтовского [3], работавших вместе с ним в Ростовском университете. А. М. Ладыженский долгие годы находился с ними в дружеских отношениях. Многие штрихи к их биографиям (особенно А. Ф Лебедева) дополняют сведения, известные из других источников. Интересны и зарисовки мемуариста о работе философского общества при университете, которым он руководил вместе с Д. Д. Мордухай-Болтовским.

Рукопись воспоминаний Александра Михайловича Ладыженского хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки [4].

А. М. ЛАДЫЖЕНСКИЙ

РОСТОВ ПРИ БЕЛЫХ

Когда мы ехали по Донбассу, всё время смотрели дымятся ли трубы, работают ли заводы и шахты. И каждая действовавшая труба нас очень радовала. Родителям я дал телеграмму о приезде. Но поезд шёл не точно по расписанию. Приехали не утром, а в середине дня. Отец сидел на балконе нашей квартиры и, увидев меня с Мануйловым на извозчике, сбежал быстро вниз со второго этажа как молодой. Мануйлов поехал на квартал дальше к своему родственнику, доктору Кондратовичу [5].

Дома мне все безмерно обрадовались. Пришла мама Соня и тётя Маня [6]. «Но где же Борис»? — спросил я, удивившись, что нет брата. «А разве ты не знаешь, что он умер? Мы тебе писали об этом» — ответил отец. Настроение сразу упало. Чтобы отвлечь от печальных мыслей, отец сказал: «Ну, об этом поговорим потом. Расскажи о себе. Кто с тобой ехал на извозчике?» Когда я ответил: «Мануйлов», — заметил, что отцу это было лестно. Имя ректора Московского университета, возглавившего уход из него профессуры в знак протеста против политики царизма, редактора «Русских ведомостей» импонировало передовым интеллигентам. Весь вечер я рассказывал о Харькове, Москве, Екатеринославе. Мама страстно интересовалась внучкой, которую ещё не видела. Решено было, что Наташа с Верочкой [7] приедут как можно скорее. Мне казалось, что я попал в далёкий, двухлетней давности мир. Отец с матерью занимали все пять больших комнат нашей квартиры. Высота лепных потолков 5 метров. Отцовский кабинет был размером 40 метров. Меньше 20 метров комнаты не было. Окна были больше дверей в тех квартирах, где я в последнее время жил. Вообще вся квартира мне показалась необыкновенно нарядной, даже роскошной. На своих местах стояли огромный дубовый резной буфет с большим зеркалом, дубовые книжные шкафы с зеркальными стёклами, мягкая мебель и т. д. На стенах в красивых рамах висели портреты учителя отца профессора Манасенкова, Н. И. Пирогова и наших родных дедушки, бабушки, дяди Миши, а также хорошие гравюры <...>.

Образ жизни почти не изменился. Среди пациентов отца имелось немало донских и кубанских казаков и зажиточных крестьян, которые привозили кто осетра, кто гуся, кто воз арбузов. Но всё это благополучие было только материальным и внешним. При первом взгляде на родителей бросилось в глаза, как они за год постарели. Смерть младшего сына, в которой отец считал себя частично виновным, потому что дал ему опасную работу, слух о моей гибели, разочарование в русской революции и в русском народе. Отец повторял стихи декабристов: «К мечам рванулись наши руки, но лишь оковы обрели». Он не сочувствовал ни белым, ни красным. Участились припадки стенокардии (тогда её называли грудной жабой), полученной в

1905 году, когда его нагайками по голове избили усмирители за врачебную помощь восставшим. Отец говорил:

Я пережил свои желанья
Я разлюбил свои мечты
Остались лишь одни страданья
Плоды житейской суеты.

Ему оставалось жить ещё только два года.

На следующее утро по приезде в отчий дом, я пошёл проведать вдову брата, дочь ювелира Любу Зильберберг и моих тётушек.

Как и прежде в Ростове все, куда бы ни направлялись, двигались по главной Садовой улице, тянущейся через весь город. Широкие тротуары были полны народа. Ярко светило солнце. На углах стояли женщины с корзинами цветов. На Садовой я сразу встретил несколько знакомых, радостно меня приветствовавших. Расспрашивали, правильны ли сообщения белых газет о массовых расстрелах большевиками не только буржуазии, но и некоммунистической интеллигенции, о пытках заложников и заключённых. Я рассказывал о тяжёлых условиях жизни, о голоде, об отсутствии гарантий, но опровергал слухи о пытках и массовых расстрелах интеллигенции. Меня удивляло, как разумные люди могут верить такой чепухе. А ведь в 1938 году, т. е. через 20 лет, во время сталинского террора были и пытки и массовые расстрелы невинных людей.

На Садовой повстречал я известного ростовского композитора Михаила Фабиановича Гнесина [8]. Он был настроен очень критически к белым: «Сплошная пошлость, никаких идеалов. Только шкурный вопрос. А самое ужасное — это местная газета «Приазовский край» с её фельетонистом Лоэнгрином» — говорил он.

Почти все знакомые относились к власти Деникина и казачьих атаманов критически. Говорили, что между правителями нет согласия, что процветает взяточничество и казнокрадство. Но что всё же из двух зол — белые или красные — первые, может быть, меньшее.

У Зильбербергов очень жаловались на антисемитизм. Но как кустарь-ювелир, обслуживавший зажиточных людей, заказывавших ему кольца и брошки и продававших через него золото и драгоценности, Михаил Моисеевич Зильберберг не хотел победы большевиков. Зато его дети, и особенно сын Ёся (Иосиф), явно сочувствовали красным. С симпатией к советской власти относилась и вдова моего брата Люба. Через два года она вышла замуж за видного большевика Шахновского. Ёся и Люба резко критиковали деникинцев и уверяли, что они мыльный пузырь, который скоро проткнёт будённовская шашка. «Вы не обольщайтесь блеском витрин» — говорили они.

Через три дня родители устроили приём по случаю моего приезда. Отцу не терпелось сделать это пораньше, но тётя Анюта заявила, что надо испечь пироги с мясом, рыбой, сладкий, сделать торт, помариновать осетрину, достать чёрную икру и т. д. Большой дубовый обеденный стол, как в праздники до революции, раздвинули, вставив специально для этого предназначенные доски. Из сундука извлекли большую скатерть с салфетками к ней и долго их проветривали, хотя они были очень чистыми. Расставили обеденный сервиз на 12 персон со всякими соусницами, мисочками, подставками. Этим сервизом у нас пользовались очень редко. Всё мне казалось, после Москвы, Харькова и Екатеринослава, невероятной и, даже, ненужной роскошью. Были родственники. Из чужих, кроме Мануйлова и Гронского пришёл бывший приват-доцент Московского университета по истории политических учений Николай Николаевич Алексеев [9]. Он, человек отнюдь не военный, неожиданно для меня носил генеральские погоны. Как оказалось, он руководил чем-то идеологическим и пропагандистским в Белой армии. Впоследствии организацию пропаганды, проводимой белыми, очень критиковал профессор ростовского университета, ученик И. П. Павлова психиатр Александр Иванович Ющенко [10]. Он говорил, что Н. Н. Алексеев и иже с ним, в своих осваговских изданиях («осведомительное агентство — Осваг - это бюро печати белых) развивали малопонятные для населения идеи правового государства и русской традиционной внешней политики. А вот большевики научно проводят пропаганду, прямо по Павлову. Они, прежде всего, апеллируют к безусловным рефлексам, — к животным инстинктам. Мира и хлеба — инстинкт самосохранения и питания. Потом на основе этих безусловных рефлексов, создают такие условные, которые примыкают к безусловным: «грабь награбленное». А из этого далее выводят: «мир хижинам - война дворцам». И так далее, до — «вся власть Советам», которые дадут мир, хлеб. А в недалёком будущем — райскую жизнь. И люди поют Интернационал, веря, будто действительно «это есть наш последний и решительный бой». Здесь не сложные системы понятий, а короткие, рефлекторные импульсы. Пропаганда ведётся по научному методу создания условных рефлексов на основе безусловных, по методу дрессировки.

Из ростовских профессоров на обед пришёл историк русского права, автор книги против смертной казни Ианикий Алексеевич Малиновский [11]. Он сообщил, что у него живёт мой московский профессор Павел Иванович Новгородцев [12]. Семья этого последнего застряла в Москве и он очень за неё беспокоится. Поэтому Новгородцев открыто в правительстве не состоит, но оказывает идеологическое влияние: «выправляет заскоки». Новгородцев просил меня к нему прийти, т. к. интересовался бытом и условиями жизни в Москве. Он надеялся, что я, может быть что-то знаю о его семье, дружившей с Грабарями [13]. Но я ничего ему сообщить о его родных не смог. А Грабари в это время жили близ Сочи, в Адлере. Через некоторое время я услышал, что в Ростове находится и Евгений Николаевич Трубецкой [14]. Но он о себе мне не давал знать. И, когда я с ним встретился, старый учитель отнёсся ко мне холодно. Ему не нравилось, что я, 29-летний мужчина, не воюю против большевиков, не борюсь за родину против её предателей. Я ответил, что у меня с белыми много разногласий, что я сомневаюсь в успехе их дела и, что самое главное, я не воин и не борец, а учёный-созерцатель. Трубецкой привёл перефразированный стих из Некрасова: «Учёным можешь ты не быть, а гражданином быть обязан». Затем сказал, что по священному писанию, тот, кто ни горяч и не холоден, а теплохладен, ввергается в геену огненную, или что-то в этом роде. Словом разговор оказался неприятным, тем более, что это был последний разговор с моим университетским учителем, которому я многим обязан. Впоследствии я узнал, что Евгений Николаевич отступил с белыми и умер от сыпного тифа <....>.

Однажды, идя по Садовой, я увидел, что на четырёх извозчиках с вокзала едут Морозовы [15]. У Татьяны Николаевны в Ростове имелась тётка — сестра её отца. Она была замужем за инспектором народных училищ Первухиным, с которым мама Соня дружила. Бывшие миллионеры Морозовы бежали из Москвы к своим бедным родственникам, которые раньше ездили на лето к ним в барское Покровское. В небольшую квартирку скромного педагога, расчитанную на двоих, приехало одиннадцать человек. Тимофею Саввичу очень помогли старообрядцы, к которым он обратился вскоре по приезде. В расчёте на то, что белые победят, разные лица и коммерческие организации открыли Тимофею Саввичу большой кредит. Он советовался со мной, не развернуть ли предпринимательскую деятельность, как это, по его словам, замыслил Рябушинский. Но я рекомендовал пока воздержаться.

Между тем деникинские части были у Орла. О большевиках говорили, будто там страшный голод, людоедство и большие разногласия в правительстве. В Ростове стали охотно брать новые деникинские деньги с изображением царь-колокола, так называемые «колокольчики».

По настоянию родителей Наташа и я решили не возвращаться в Екатеринослав. Меня охотно приняли в Ростовский университет, правда пока на должность не профессора, а приват-доцента, но для чтения обязательных курсов — энциклопедии права, логики и социологии. Первого сентября я приступил к своим обязанностям. Очень скоро я познакомился с наиболее интересными с моей точки зрения учёными разных факультетов и подружился с выдающимся биологом и почвоведом Александром Фёдоровичем Лебедевым, а также с видным математиком и разносторонне образованным человеком Дм. Дм. Мордухай-Болтовским.

С Лебедевым, несмотря на различие возрастов (он родился в 1882-м, а я в 1891 году), и жизненных судеб, и специальностей мы были, как он выразился, одноцентричы. Наши мироощущения имели много общего.

Сын дьячка, очень любящий крестьянство, сельское хозяйство, природу, видящий основной смысл жизни в научном творчестве, Александр Фёдорович был мне духовно близок, и мы часами беседовали на разные темы. В 1905 году, будучи студентом, он деятельно участвовал в революционном движении и ему пришлось на некоторое время эмигрировать за границу. В 1911 году он защитил магистерскую диссертацию в новороссийском университете о химическом синтезе у Bacillius hydrogens, а в следующем году доказал, что почва дополнительно увлажняется путём конденсации паров из атмосферы и более глубоких слоёв грунта.

В Ростове он состоял профессором агрономической химии, но читал очень разнообразные курсы: общее растениеводство, наследственность и изменчивость организмов, основы селекции растений, почвоведение, сельскохозяйственную гидрологию, физиологию растений и органическую химию. При этом он не пересказывал учебников, а часто развивал новые, творческие идеи. В 1919 году, когда мы с ним познакомились, он напечатал в «Известиях Донского сельскохозяйственного института» в Новочеркасске, где он работал по совместительству, выдающееся исследование «Передвижение воды в почвах и грунтах», переиздававшееся затем не-

однократно. В этой работе говорится об открытой Лебедевым закономерности передвижения водяных паров от слоёв с большей абсолютной упругостью к слоям с меньшей упругостью. А в 1921 году, очень беспокойном и голодном, в «Известиях Донского университета», вышедших при моём деятельном участии как секретаря редакционной коллегии, А. Ф. Лебедев напечатал замечательную статью «Об ассимиляции углерода сапрофитами», в которой показал, что последние усваивают углекислый газ с выделением кислорода, подобно тому, как это происходит при фотосинтезе у хлорофильных организмов, о чём много писал К. А. Тимирязев.

В 1926 году А. Ф. Лебедев был избран на V Всесоюзном съезде почвоведов членом постоянной комиссии по выработке химических и физических способов исследования почв. А в 1926 – 1927 годах он командируется ростовским университетом (Северо-Кавказским) и Наркомземом за границу, что имело для него роковые последствия. Он очень интересовался научной жизнью за рубежом, но понимал опасность в наших условиях заграничной командировки. И он, и его жена Елизавета Александровна долго обсуждали со мной вопрос о поездке в Германию и Америку, хотя для себя они его уже решили. Поехали они всей семьей, даже с маленьким сыном Колей.

В августе 1926 года Александр Фёдорович принял деятельное участие в работах IV международного ботанического конгресса, а в июне 1927 года — в работах I международного конгресса почвоведов (сделал 3 доклада, напечатанных в трудах конгресса). В 1927 году Александр Фёдорович на VI международном конгрессе генетики и селекции в Берлине сделал доклад о своей работе об альбиносах у кукурузы. Департамент земледелия США приглашал Лебедева остаться работать там, что он мог легко сделать, т. к. жил в Америке со всей семьёй. Но из патриотических соображений и чтобы, как он мне сказал, не подводить людей, которые за него поручились, он возвратился в СССР.

В 1931 году его арестовали и в качестве заключённого послали на строительство Беломорско-Балтийского канала, а затем на строительство канала Москва — Волга. За проведение большой производственной и организационной работы его амнистировали. В 1935 году президиум АН СССР присудил ему степень доктора почвоведения без защиты диссертации. В Москве на Ордынке ему дали отдельную 3-х комнатную квартиру, в которой я неоднократно останавливался, приезжая в Москву, а когда в 1937 году переехал в Москву, часто там бывал.

28 января 1936 года Александр Фёдорович умер от сердечного приступа. Ему было всего 54 года. Тюрьма и работа на каналах несомненно сильно сократили жизнь этого замечательного человека. Он был всецело увлечён наукой и в советское время совершенно не интересовался политикой. Он мне говорил в 1929 году, что не читает газет, чтобы не терять времени: «если что-нибудь случится важное — расскажут знакомые».

В 1937 году был арестован его единственный сын Коля, девятнадцатилетний талантливый поэт, и загублен в заключении. Вдова Александра Фёдоровича Елизавета Александровна всё надеялась, что сына освободят, ничего из имущества не продавала - хранила для сына и жила очень скудно на вдовью пенсию. Но сына, который был осуждён на 10 лет без права переписки, т. е. убит, она так и не дождалась. В день её смерти моя жена была у неё. Елизавета Александровна вспоминала мужа и сына. Не успела Наташа из Замоскворечья доехать домой на Красную Пресню, как позвонили нам по телефону, что Елизавета Александровна скоропостижно скончалась от инфаркта. Её сердце, как и сердце Александра Фёдоровича, не выдержало постоянных гонений и треволнений. Так погибла преждевременно эта талантливая семья, а Александр Фёдорович, конечно, мог ещё сделать очень много полезного.

А. Ф. Лебедев был очень хорошим преподавателем, читал лекции живо, увлечённо, любил молодежь и его любили. Дружбу с ним я воспринимаю как один из подарков судьбы.

Вторым профессором, с которым я подружился в Ростове в 1919 году, являлся математик Дмитрий Дмитриевич Мордухай-Болтовский[1]. Это человек совсем другого склада, чем А. Ф. Лебедев. Он был далёк от жизни, всецело поглощён своими идеями. О нём рассказывали, что в январе 1920 года, когда конница Будённого занимала Ростов и на улицах свистели пули, он остановился на углу Садовой и Таганрогского обдумать пришедшую ему в голову математическую идею.

Сын состоятельного очень образованного помещика-инженера, Дмитрий Дмитриевич хорошо знал древние и современные европейские языки, много читал по философии и истории. В 1920 году мы с ним образовали философское общество при Донском университете. Дмитрия Дмитриевича выбрали председателем,

[1] Мордухай-Болтовский – так у автора [*Н. К.*]

а меня секретарём этого общества. В VI томе «Истории философии» 1965 года (кн. 1, с. 42) напечатано: «стремясь сохранить своё влияние последние «могикане» российского идеализма восстанавливали старые и создавали новые центры пропаганды реакционного мировоззрения — философское общество при Петроградском университете, философское общество при Донском университете, Академию духовной культуры в Москве и т. п.» Между тем, в организованном Д. Д. Мордухай-Болтовским, психиатром А. И. Ющенко, физиком Е. В. Богословским [16], мною и другими ростовскими учёными философском обществе отнюдь не ставились цели проповедовать одно какое-либо философское направление. А. И. Ющенко, ученик И. П. Павлова, Е. В. Богословский, ученик физика Лебедева, были материалистами. Нашей задачей было создать трибуну для обсуждения основных проблем гносеологии, онтологии, в частности, философии природы, а также этики и эстетики. Мы исходили из утверждения К. Маркса, что «из столкновения мнений рождается истина». Наше философское общество будило мысль. Его заседания посещали очень многие. В холодные, голодные и тревожные годы многие шли в университет «на огонёк». Дмитрий Дмитриевич часто выступал с очень содержательными докладами по истории науки. Тогда ещё сохранились остатки свободы, если не политической, то научной мысли. А кроме того, Мордухай-Болтовский был на особом положении. Дело в том, что его родители взяли в конце 80-х годов на воспитание и вырастили вместе со своимии сыновьями будущего всенародного старосту М. И. Клинина, отец которого, бобыль, очень нуждался и не прочь был выпить.

В своих воспоминаниях М. И. Калинин тепло отзывается о Мордухай-Болтовских. Это избавляло Дмитрия Дмитриевича от многих неприятностей. «Я никогда не обращался к Калинину — говорил он мне. — Но тень Мишки, нашего сверстника и товарища по детским играм мне очень помогает». О чисто математических работах Дмитрия Дмитриевича я ничего не могу сказать, т. к. в математике не силён. Но с ним было очень интересно говорить об Аристотеле, о средневековье, которое он хорошо знал и идеализировал, о применении математики в биологии, об особых путях русского общественного развития. Большое внимание привлёк к себе его доклад в философском обществе « О парашютах и планерах в растительном и животном царстве». Он, в частности, рассмотрел с механико-математической точки зрения полёты разных видов птиц и доказывал, что, например, воробьи, с одной стороны, и ласточки, с другой, летают совершенно по-разному. Воробей может подняться без разбега прямо вверх, а большинство птиц, прежде чем полететь, должны разбежаться, а ласточка — с высоты броситься вниз. Между этими системами полёта не может быть переходных и все органы каждого вида птиц, каждой системы должны точно быть прилажены друг к другу. Поэтому различные виды птиц не могли возникать путем постепенного отбора отдельных свойств и качеств, как учил Дарвин и не могли переходить один в другой <...>.

Дмитрий Дмитриевич прекрасно знал историю России, в частности Белоруссии и Литвы. Он говорил, что если бы не был математиком, то стал бы историком. Очень он интересовался математической логикой и отлично в ней разбирался. С большим увлечением читал в Ростовском университете курс математической логики. Ряд ценных работ он напечатал по истории математики и по методике преподавания математики. Для него наука являлась не средством к жизни, а самой жизнью. Он прочитал более 45 различных курсов и напечатал 162 работы. А многие его интересные исследования остались до сих пор неопубликованными.

Наши беседы были посвящены, главным образом, историческим корням большевизма в России. Его очень заинтересовали мои параллели между Советской Россией и Московской Русью. В нашей стране не столько внешняя политика определялась внутренней, сколько наоборот, внутренняя — внешней. Находясь между европейским западом и азиатским востоком Россия должна была защищаться и от тех и от других и пробиваться к морю<...>.

С профессорами юридического факультета у меня особой дружбы не установилось. Среди них были выдающиеся учёные, например, переведшийся из Ярославского Демидовского лицея Тихон Михайлович Яблочков [17], крупнейший специалист международного гражданско-процессуального права, энтузиаст науки, приходивший зимой 1920 года в нетопленную аудиторию со своей керосиновой лампой, т. к. электрический свет часто гас. Но Тихон Михайлович был человеком взрывчатым и мог неожиданно вспылить. В науке он совершенно правильно считается очень систематическим и последовательным, а в жизни имел ворох нерасчёсанных кудрей, мыслей и настроений. Так, во время обсуждения в конце 1919 года (когда красные уже подходили к Ростову) вопроса о вагонах для эвакуации профессоров, он выступил

с резкой критикой действий А. А. Мануйлова, который во время своего пребывания на посту министра народного просвещения Временного правительства уволил профессоров, занявших места тех, кто ушёл в знак протеста против Кассо [18]. Яблочков ругал Мануйлова «сатрапом и самодуром» и никак не мог остановиться, хотя ему кричали, что время дорого и надо хлопотать о вагонах. Присутствовавший в зале заседания Мануйлов никак на эту брань не реагировал, как будто её и не слышал, только мешки у него под глазами ещё больше отвисли.

Вторым очень крупным учёным на юридическом факультете Ростовского университета был профессор политэкономии и дореволюционный марксист Пётр Иванович Лященко [19], впоследствии член-корреспондент АН СССР, лауреат Сталинской премии, автор выдающихся работ по истории народного хозяйства. Он перешёл в Ростов из Томска и был совершенно чужд варшавским профессорам, которых считал не столько учёными, сколько чиновниками. После установления в Ростове советской власти, он организовал институт народного хозяйства, директором которого был назначен. По приглашению Петра Ивановича я состоял профессором этого института по совместительству, читал курсы логики, энциклопедии права и истории общественной мысли.

Характеристика, которую П. И. Лященко дал профессорам, приехавшим в Ростов вместе с Варшавским университетом, была совершенно правильной. Они строго придерживались китайской пословицы «чин чина почитает», и когда убедились, что советская власть прочна, стали перед ней выслуживаться.

Академик Вячеслав Петрович Волгин — начальник Главного управления высших учебных заведений, старый большевик-ростовец, бывший вместе с В. И. Невским [20] у отца до революции и сохранившей к нашей семье хорошие чувства, сказал мне, когда я был у него в Москве: «Вам, наверное, трудно дышится в варшавской атмосфере. После того, как ко мне заходили ваши профессора, хотелось открыть форточку, не доставало свежего воздуха и дурно пахло».

А один из этих бывших варшавских профессоров давал мне совет умудрённого житейским опытом старика молодому человеку: «Надо не говорить, что думаешь, а думать, что говоришь». Затем он мне рекомендовал не уходить из гостей одним из первых, т. к. оставшиеся обычно перемалывают косточки ушедшего.

А другой варшавский профессор говорил, что я упускаю момент: «Я бы на вашем месте вступил в партию. Вы из такой революционной семьи, сидели при царизме в тюрьме. Молодой ещё человек. За вас ухватятся руками и ногами. Вы бы могли стать ректором».

Но вернёмся к Ростову при белых. Весенние надежды на победу, к осени завяли. Деникинская армия начала отступать. Ростов всё больше и больше наполнялся беженцами. Повторялась картина, которую я раньше видел в Харькове. По Садовой метались такие же, а может быть даже и те же самые люди, которые несколько месяцев назад метались по Сумской. Часто мне казалось, что встречаю знакомые лица, но более осунувшиеся и с большим отчаянием и ненавистью во взгляде <...>.

Жизнь быстро дорожала. К деньгам «колокольчикам» стали относиться как к кратковременным расчётным знакам. Цена золотых десяток, которыми открыто торговали греки и евреи (валютчики) росла со дня на день. Соответственно поднимались цены на всё. Власти издавали строгие приказы о призывах в армию и выдаче скрывающихся большевиков. Но приказы даже по форме носили несерьёзный характер. У громадного большинства беженцев не было стремления противостоять большевикам. Всё происшедшее воспринималось как неожиданное и непреодолимое стихийное бедствие, от которого надо бежать, надеясь, что кто-то другой ликвидирует его последствия. Этим другим считались иностранные державы. Распространялись самые невообразимые слухи, например, будто англо-французский флот идёт из Константинополя не только к Новороссийску и Одессе, но и к Таганрогу и Ростову, а в Матвеевом Кургане появился наследник престола. Власти уверяли, что Ростова ни в коем случае не сдадут и грозили строгими мерами за распространение панических слухов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Багалей Дмитрий Иванович (1857 — 1932) — историк, краевед, общественный и политический деятель, организатор науки, профессор и ректор Императорского Харьковского университета, академик Украинской академии наук.

2. Лебедев Александр Фёдорович (1882 — 1936) — профессор кафедры агрономической химии (1917 — 1930) в Ростовском университете; читал курсы: почвоведение, сельскохозяйственная гидрология, общее растениеводство, физиология растений, наследственность и изменчивость организмов, основы селекции растений, органическая химия. Основатель направления

физики почв в России, а его работы по гидрологии почв относятся к классике науки.

3. Мордухай-Болтовской Дмитрий Дмитриевич (1876—1952) — математик, историк математики, методист, педагог, психолог, философ. Основатель математической школы Ростова-на-Дону. Опубликовал более 300 научных работ по самым различным разделам математики.

4. РГБ НИОР Ф. 743. Картон 15. Д. 8. 692 л.

5. Мануйлов Александр Аполлонович (1861—1929) — ректор Московского университета, министр просвещения во Временном правительстве, дядя Нины Кондратович. (*Высоцкая Е. П.* Аристократ //Дон. временник. Год 2010-й. Вып. 18. Ростов н/Д., С. 73).

6. Софья Родионовна и Мария Родионовна Поповы.

7. Жена и дочь А. М. Ладыженского.

8. Гнесин Михаил Фабианович (1883—1957) — композитор, педагог, музыкально-общественный деятель. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

9. Алексеев Николай Николаевич (1879—1964) — философ, правовед, один из идеологов евразийства. Ученик П. И. Новогородцева, преподавал в Московском университете (1912—1917), в Праге и Берлине (1922—1931), затем в Сорбонне, Белграде (с 1940). В начале 1919 года принимал участие в составе Добровольческой армии в Белом движении; был редактором газеты «Великая Россия», заведовал литературной частью отдела пропаганды Добровольческой армии.

10. Ющенко Александр Иванович (1869—1936) — психиатр, известный как один из основателей биохимического направления психиатрии, исследователь микроскопического строения симпатических узлов животных и человека, прогрессивного паралича у детей, неврозов и психопатий, конституции человека.

11. Малиновский Иоанникий Алексеевич (1868—1932) — историк, юрист, общественный деятель, профессор Варшавского, затем Донского университета.

12. Новгородцев Павел Иванович (1866—1924) — юрист-правовед, философ, общественный и политический деятель, историк.

13. Грабарь Владимир Эммануилович (1865—1956) — юрист. Брат художника Игоря Грабаря, муж филолога и переводчицы Марии Грабарь-Пассек. Годы с 1919 по 1921 провёл вместе с женой и матерью в Адлере, на побережье Чёрного моря, работая в качестве учителя школы рабочей молодёжи, а после её закрытия на должности директора местной больницы.

14. Трубецкой Евгений Николаевич (1863—1920) — философ, правовед, публицист, общественный деятель.

15. Старший сын С. Т. Морозова Тимофей Саввич (15.11.1888—21.02.1921) окончил математический факультет Московского университета. Он был попечителем Московского старообрядческого института и Коммерческого училища. В браке с Татьяной Николаевной Пахорской имел детей: Савву, Адриана и Павла. В 1921 году Т. С. Морозов был расстрелян большевиками в Ростове-на-Дону.

16. Богословский Евгений Васильевич — один из основателей кафедры физики в Варшавском университете. Выпускник физико-математического факультет МГУ, учился у русского учёного-физика П. Н. Лебедева.

17. Яблочков Тихон Михайлович (1880—1926) — профессор кафедры гражданского права Варшавского университета, профессор экономического отделения факультета общественных наук Донского университета. В Донском университете Т. М. Яблочков был заведующим цивилистическим кабинетом и читал курсы: история римского права; догма римского права; введение в науку частного права; история институтов частного права; гражданское право Западной Европы и СССР; организации суда; гражданский процесс.

18. Кассо́ Лев Аристи́дович (1865, Париж — 1914, Петроград) — российский юрист. Министр народного просвещения Российской империи. Наибольшую известность получил скандал («дело Кассо») в Московском университете. В начале 1911 года в знак протеста против действий полиции при подавлении студенческих волнений в отставку подало руководство университета — ректор А. А. Мануйлов, помощник ректора М. А. Мензбир, проректор М. А. Минаков. Кассо принял отставки, фактически солидаризировавшись с полицией. Тогда университет демонстративно покинули около 130 преподавателей и сотрудников университета (в том числе 21 профессор), что нанесло значительный ущерб качеству учебного процесса.

19. Лященко Петр Иванович (1876-1955) - экономист, профессор, декан юридического факультета и ректор Императорского Томского университета. Автор работ в области экономики сельского хозяйства, истории народного хозяйства России и СССР. Член-корреспондент АН СССР.

20. Невский Владимир Иванович (1876—1937) — профессиональный революционер, большевик, советский историк.

Публикация Н. А. Казаровой

А. П. СКОРИК

НОВОЧЕРКАССК НА РУБЕЖЕ 1920—1930-Х ГОДОВ

Ростовская область — один из немногих современных субъектов федерации в России, где исторически существовал целый ряд городов, выполнявших роль административных центров и в различные времена выступавших в качестве столицы (центра) всего или части донского края (Азов, Каменск, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Таганрог).

Историческая судьба этих городов сложилась по-разному. Скажем, бывший столичный Черкасск, к сожалению, потерял знаковый городской статус и превратился в небольшую станицу Старочеркасскую. В 1920-е годы новой региональной столицей становится Ростов-на-Дону, а казачий Новочеркасск постепенно уходит на второй план. Однако город сохранил значительный потенциал и традиции, позволявшие ему не затеряться среди других городских поселений в регионе. Во многом этому способствовало образование самостоятельного Новочеркасского района с центром в Новочеркасске. В качестве административно-территориальной единицы район функционировал в течение 1924—1930 годов в составе Донского округа Северо-Кавказского края, постепенно при административных преобразованиях расширял свою территорию и охватывал центральную часть бывшего Черкасского округа Области Войска Донского (по обоим берегам Дона).

Мы поставили себе задачу выяснить, каким Новочеркасск стал городским поселением в результате существования в статусе районного центра, что представлял собой город к 1930 году. За основу нашего историописания взяты материалы к отчёту Новочеркасского районного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов на районном съезде Советов VII созыва (март 1929 г. — январь 1931 г.) [1], напечатанные для внутреннего пользования и дополненные рядом других ценных сведений.

Новочеркасский городской совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов считался тогда высшим органом местной власти. Общая численность депутатов в горсовете в 1930 году составляла 195 человек. В рамках традиций советской демократии к управлению городом широко привлекались представители общественности, причём в гораздо больших масштабах, нежели это делается в настоящее время.

Помимо президиума и отделов (коммунальный отдел и управление городской милиции), выполнявших повседневные управленческие, контрольно-надзорные и правоохранительные функции, горсовет активно участвовал в решении насущных вопросов городской жизни.

Депутаты организовали при горсовете десять различных секций с вовлечением в их работу 634-х человек, из них 439 обычных горожан, неравнодушных к городским делам. В этой многосотенной группе городских активистов и депутатов значилось 288 женщин.

В Новочеркасском горсовете действовали секции: местного хозяйства и благоустройства, военная, торгово-кооперативная, культурно-просветительная, административно-правовая, финансово-налоговая, рабоче-крестьянской инспекции и др. Руководящим органом секций горсовета считались избираемые бюро. За период с октября 1929-го по октябрь 1930 годов прошло 299 заседаний секций, на которых вынесли 484 практических решения: из них выполнить удалось 381. Кроме того, секции провели 1937 различных обследований, заслушали 270 докладов подведомственных горсовету учреждений [1, с. 12].

В Новочеркасске в 1926 году проживало 62 278 человек (32 128 мужчин и 30 150 женщин). Казаки составляли 27,48% населения города — 17 115 (из них: 7 310 мужчин, или 22,75% гендерной группы, и 9 805 казачек, или 32,52% гендерной группы) [2, с. 4].

Эти данные несколько разнятся со статистическими сведениями за 1925 год, ведь по ним в Новочеркасске, располагавшемся в 43-х верстах от Ростова, в общей сложности насчитывалось 5 922 двора с населением 45 862 жителя (22 064 мужчин и 23 798 женщин) [3, с. 132—133], что, как мы полагаем, объясняется изменением административно-территориальных границ города. Для сравнения отметим, что в 2017 году в Новочеркасске проживало 168 766 человек [4].

Новочеркасск развивался во второй половине 1920-х годов как региональный промышлен-

Александр Павлович Скорик, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного политехнического университета имени М. И. Платова, г. Новочеркасск

ный центр. В 1925 году в нём всего насчитывалось 9 цензовых промышленных предприятий (самостоятельных производств фабрично-заводского типа), 152 кустарных производства, в том числе, одна мельница [3, с. 132—133].

В 1930 году самым крупным промышленным предприятием города был машиностроительный завод имени А. А. Никольского (сокращённо: ЗиН). Объём валовой продукции завода в 1929/1930 году составил 2998,3 тыс. руб. (30,8% промышленного производства города). В 1929 г. заводу было присвоено имя Александра Алексеевича Никольского (?—1922), видного профсоюзного деятеля, инициатора создания в городе профессионального союза металлистов. Историческое название завода в 1920-е годы обозначалось как 2-й государственный механический завод. Предприятие выпускало чугунное и стальное литьё, оборудование для шахт Донбасса и другую металлопродукцию. Среднее число рабочих в 1929/1930 хозяйственном году составляло 688 человек (52,6% городских рабочих) [1, с. 33].

Нехватка на городских промышленных предприятиях металла как базового сырья для производства породила совершенно дикую инициативу в среде местных активистов по его добыче на городском кладбище: снимались чугунные могильные плиты, демонтировались железные ограды, металлические распятия. В результате на склад Рудметаллторга свезли 80 тонн «кладбищенского лома» для дальнейшей переработки [5, с. 199].

По объёму валовой продукции в Новочеркасске выделялись в то же самое время база краевого садово-виноградного треста (Садвинтреста), где работало 89 человек и выпускалось продукции на общую сумму 1762,5 тыс. руб., а также мельница имени М. И. Калинина, на которой трудились 62 человека и валовый оборот составлял 1751,9 тыс. руб. Кроме того, в городе работали кирпично-черепичный «Красный строитель», силикатный имени 10-летия Октября, спиртоводочный заводы, известковый и каменный карьеры, хлебопекарня районной потребкооперации, типографии Северо-Кавказского военного округа и имени А. А. Дорошева Северо-Кавказского полиграфического объединения, водопровод, электростанция [1, с. 33].

В целом на промышленных предприятиях в Новочеркасске насчитывалось 1309 рабочих, которые обеспечивали валовый объём выпуска продукции на сумму 9719,9 тыс. руб., или на 21,2% больше, нежели в 1928/1929 году. Кроме того, значительный товарооборот давала городская потребительская кооперация: в 1928/1929 г. он составил 8978,6 тыс. руб., а 1929/1930-м — 1 1877,8 тыс. руб. (прирост 32,3%) [1, с. 33].

В 1930 году в городе заметно снизились цены на ходовые потребительские товары: на 10% подешевели обувь, галоши, хлопчатобумажные ткани, на 8% — готовое платье. По отдельным продуктам наблюдалась следующая отрицательная (но положительная для потребителей) динамика: пшено потеряло в цене 3 копейки (с 23-х до 20 коп. за кг), молоко подешевело на 2 копейки (с 20 до 18 коп. за литр), сахар-рафинад упал в цене на 8 копеек (с 68 до 60 коп. за кг), сахар-песок снизился на 2 копейки (с 62 до 60 коп. за кг).

Городская торговая сеть в 1929/1930 хозяйственном году состояла из 198 торговых точек. Из них на долю потребительской кооперации (включая общественное питание) приходилось 71 учреждение. В рамках «инвалидной» кооперации, т.е. созданной и обслуживаемой инвалидами, функционировало 78 торговых предприятий, и к прочей кооперации относились 3 пункта. Кроме того, в Новочеркасске насчитывалось 157 частных магазинов и лавок. Тем не менее существовала сеть закрытых распределителей из семи учреждений, где по строго ограниченным спискам на 1 ноября 1930 года обслуживалось около 23 500 человек [1, с. 39].

Создание распределителей стало попыткой городских властей достичь социальной справедливости и обеспечить население промышленными товарами в условиях их острого дефицита. Первый распределитель обслуживал рабочих 2-го механического завода (завода имени А. А. Никольского). Второй — охватывал рабочих городской «низовки» (района железнодорожного вокзала, расположенного в низменной части города, ближе к пойме реки Аксай). К нему относились спиртоводочный завод, железнодорожники и работники государственной мельницы (ныне — Новочеркасский комбинат хлебопродуктов). Третий распределитель снабжал промтоварами рабочих металлообрабатывающей промышленности и мелких кустарных предприятий. Четвёртый и пятый — обеспечивали необходимыми промтоварами студенческую и учащуюся молодёжь [5, с. 197].

Административному регулированию подверглась и сфера общественного питания, для чего рабочих и служащих предприятий закрепили за определёнными столовыми.

Например, Новочеркасский рабочий кооператив всех железнодорожников, рабочих госмельницы, спирттреста и транспортников прикрепил к одной столовой, рассчитанной на

400 человек, а посещать её стали 800 [5, с. 197]. В результате в ходе обслуживания едоков возникали большие очереди, терялось драгоценное рабочее время, люди выражали недовольство, но, с другой стороны, рабочим гарантировались минимум питания, соблюдение примерного меню, экономия денег.

В 1930 году действовало 11 пунктов общественного питания. В общей сложности в городских столовых посетителям отпустили 3 565401 блюдо на внушительную сумму 829 167 руб., хотя местные власти признавали наличие проблемы качества приготовленных в системе общественного питания блюд [1, с. 39].

В меню горожан значительное место занимала рыба. В местном рыболовецком колхозе «Голос рыбака» трудилось 174 человека. На 1930 год городской рыбколхоз имел плановое задание по вылову рыбы в местных водоёмах в объёме 5000 центнеров. Однако удалось поймать только 3552,61 центнеров рыбы (более 2 тонн на одного рыбака, то есть до 5—6 кг в день), или 71% от плана [1, с. 43].

Городской бюджет показывал заметную позитивную динамику, обеспечиваемую стабильным ростом народного хозяйства и увеличением покупательной и платёжной способности населения.

В 1928/1929 году городской бюджет равнялся сумме 1190,3 тыс. руб., а в 1929/1930 году он подрос до 1348,2 тыс. руб., что составило 113,3%.

По налоговым поступлениям бюджет удалось увеличить на 105,4% в 1928/1929 году (исполнение составило в сумме 418,1 при плане 396,6 тыс. руб.) и на 105,3% в 1929/1930 году (исполнение составило в сумме 526,2 при плане 499,6 тыс. руб.).

Как особо положительное явление местные власти отмечали увеличение удельного веса неналоговых доходов в абсолютных цифрах, однако, они являлись недостаточными и возможности их роста были не исчерпаны. В 1928/1929 году неналоговые доходы городского бюджета Новочеркасска равнялись 772,2 тыс. руб. (при плане 778,9 тыс. руб., то есть выполнение на 99,1%). В 1929/1930 году эти доходы достигли уровня 821,8 тыс. руб. (при плане 853,8 тыс. руб., то есть выполнение на 96,3%). При росте по исполнению в 1929/1930 году по сравнению с 1928/1929 годом на 106,4%, удельный вес неналоговых доходов сокращается с 66,3 до 63,1% [1, с. 46, 47].

Интересная картина получается при анализе основных направлений расходной части городского бюджета. Наибольшая сумма расходов приходилась на проведение культурно-социальных мероприятий, и эти средства составляли в 1928/1929 году по удельному весу 46,9% бюджетных средств (555,4 тыс. руб.) и в 1929/1930-м — 47,6% (622,1 тыс. руб.), что соответствовало директивам партии большевиков и советского правительства (увеличение расходов на 112,0%).

Однако самый заметный скачок расходов (на 150,1%) обнаруживается по направлению управленческих нужд. В 1928/1929 году по статье расходов на управление в Новочеркасске потратили 162,5 тыс. руб. (13,7% всех расходов бюджета), в 1929/1930-м израсходовали 244 тыс. руб. (19,1% всех расходов бюджета), что «объясняется повышением ставок по административному отделу» и «отчасти в связи с ростом штатов» при ликвидации Донского округа [1, с. 48]. Иначе говоря, на местном уровне мы наблюдаем усиление командно-административной системы, которое ещё не является доминирующей тенденцией, но тенденцией явно обозначенной, ведь масштабы городского хозяйства и численность не настолько увеличились, чтобы так разрастался управленческий аппарат, росла его заработная плата в течение одного года. Большее количество чиновников естественным образом делало систему управления городом более бюрократической.

По данным Е. И. Кирсанова [5, с. 198] в 1930 году в Новочеркасск прибыло 90 человек «для укрепления городского и районного аппаратов». Эта большая группа управленцев приехала на новое место работы вместе с семьями, поэтому с 1 сентября власти объявили в городе ударный десятидневник по выявлению для прибывших квартир. Налицо административная попытка повысить социально-классовую устойчивость аппарата в бывшей столице донского казачества. Примечательно, что 25 декабря 1930 года горсовет принимает решение об обязательной приписке и информировании соответствующих органов всех лиц, прибывших в Новочеркасск более чем на три дня [5, с. 199].

По ключевому направлению расходов на народное хозяйство в городском бюджете произошло некоторое сокращение выделяемых средств. В 1928/1929 году на эти нужды израсходовали 394,1 тыс. руб. (33,3% бюджетных средств), в 1929/1930-м потратили 393,2 тыс. руб. (30,1% бюджетных средств), то есть наметилось уменьшение на 3,2% [1, с. 48]. Вроде бы, цифра снижения по удельному весу незначительная, но симптоматичная, говорящая о замедлении темпов роста городской экономики.

В целях ускорения экономического развития страны в течение двух лет проводилось разме-

щение массовых государственных займов: 3-го займа индустриализации и займа «Пятилетка в 4 года». В результате удалось разместить в течение 1928/1929 и 1929/1930 годов облигации 3-го займа индустриализации среди трудящихся города на общую сумму 816 000 рублей, при этом поступило денежных средств в размере 742 000 рублей. Облигации государственного займа «Пятилетка в 4 года» реализовали среди горожан на сумму 1 017 800 рублей, а поступило денежных средств в размере 266 100 руб. [1, с. 50]. Этот государственный займ рассчитывался сроком на 10 лет. Оба займа распространялись по обязательной подписке и позволяли привлекать денежные средства населения на государственные нужды.

С осени 1930 года специализированная организация Крайдортранс приступила к выполнению подготовительных работ по прокладке шоссе в направлении Новочеркасск — Ростов. В качестве источников строительства дороги с твёрдым покрытием выступали средства государственного бюджета, накопления краевого дорожного фонда и трудовая дорожная повинность близ живущего населения.

Стимулы для дальнейшего развития Новочеркасска получила система народного образования. В 1928/1929 году из местного бюджета на народное образование выделили 283 633 руб., в 1929/1930-м — 324 367 руб. (прирост составил 114,8%). Кроме того, из окружного бюджета отдельно финансировались педтехникум, детгородок и другие учреждения [1, с. 58]. Началась реформа школьного образования.

Политехнизация школы предусматривала ознакомление учащихся с теоретическими представлениями и практическими навыками, необходимыми для понимания процессов, происходящих в основных отраслях народного хозяйства. Школам стремились придать производственный уклон с набором рабочих специальностей.

Школы-девятилетки реорганизовывались в техникумы, увеличивалось количество школ-семилеток (в 1928/1929 году — 1, 1929/1930 — 4, в 1930/1931 — 7).

Основным звеном системы среднего образования в городе становилась фабрично-заводская семилетка (ФЗС).

Всего в Новочеркасске к 1930 году в рамках школьной сети Главсоцвоса (то есть подчинявшейся Главному управлению социального воспитания и политехнического образования детей Наркомпроса РСФСР) насчитывалось 13 школ I-й ступени (начальных 4-х классных учебных заведений). В 1928/1929 году имелось 4 школы-девятилетки (школы II-й ступени), а со следующего года осталась лишь одна, в связи с прошедшими преобразованиями в техникумы.

Осенью 1930 года в школах Новочеркасска обучалось 6 632 человека, или на 6,1% больше, нежели в предшествующем году. Местные власти с гордостью подчёркивали, что основной состав учащихся составляли дети трудового населения, главным образом рабочие, крестьяне и служащие. Однако городские школы посещали также дети крестьян-единоличников и кустарей-ремесленников. Значительную когорту учащихся составляли воспитанники городских детских домов (в школах I-й ступени — 13%, в школах II-й ступени — 4,5%).

Юношеское коммунистическое движение (с пионерами и октябрятами) охватывало в городе около 45% учащихся (2 984 человека). Но работа по вовлечению в движение новых участников часто страдала из-за отсутствия достаточно подготовленных вожатых. Комсомольская прослойка в школах повышенного типа составляла в городе около 8% по отношению к наличному количеству учащихся. Обучением учеников в городских школах занимались 234 преподавателя, которые по своему социальному происхождению состояли преимущественно из служащих (37,2%) и крестьян (35,5%) и в массе своей оставались в 1930 году беспартийными (92,7%) [1, с. 59, 60].

С 1927/1928 года в Новочеркасске начался переход к всеобщему начальному образованию, а с 1929/1930-го в городе уже обеспечивалось получение всеобщего образования в объёме школы-семилетки. Все дети школьного возраста имели возможность учиться в такой школе, и никому в городе в этом не отказывали. По сути, речь уже шла о неполном среднем образовании.

Особое внимание уделялось беднейшим учащимся школ. К категории учащейся бедноты в Новочеркасске к началу осени 1930 года относились 2 668 человек, или более 40% всех учеников. Им оказывалась материальная помощь за счёт городского бюджета. На эти цели выделялось в особом квартале 1930 года[1] 3 848 руб. Кроме того, ещё от общественных организаций целевым предназначением поступило 4 121 руб.

С начала учебного года все школы повышенного типа Новочеркасска в 1930 году были превращены в фабрично-заводские семилетки и прикреплены к предприятиям для действительного создания кадрового резерва в соответствии

[1] Особый квартал года – квартал за пределами 1929/1930 народно-хозяйственного года, или IV квартал, октябрь–ноябрь–декабрь

с насущными нуждами отдельных отраслей хозяйства. По городу организовали 16 мастерских по дереву и переплёту. Однако, дело политехнизации школы пока развивалось недостаточно и вместо широкого политехнического образования скатывалось на узкие рельсы традиционного ремесленничества.

Среди отрицательных моментов, проявившихся в 1929/1930 году в народном образовании, местные власти отмечали имевшие место искривления воспитательных принципов в школах второй ступени и антисоветские выступления в стенах школ.

В целях исправления неблагоприятной ситуации городской отдел народного образования провёл смотр культурно-просветительных учреждений на предмет их классовой направленности.

С 1930/1931 учебного года школы стали переходить на новые учебные программы. Они были ориентированы на насущные потребности реконструктивного периода в стране и вопросы выполнения планов первой пятилетки.

Новые задачи, поставленные перед школой, требовали дополнительной профессиональной подготовки учительского персонала. Городской отдел народного образования провёл ряд мероприятий, обеспечивающих непосредственное участие учительства в деле перестройки сельского хозяйства и индустриализации страны, в частности: агрокурсы для городских школьных работников, учительские конференции, обследование культурно-просветительных учреждений в части участия их в хозяйственных кампаниях.

Между тем, в 1929/1930 году материально-правовое положение учителей нередко грубо нарушалось (несвоевременная выплата зарплаты, необеспечение продуктами питания и т. п.).

В городе продолжалась борьба с религией за ослабление влияния церковной организации на молодёжь.

С 1929 года открытое наступление на религиозные культы считалось составной частью классово-политической борьбы с противниками социализма. Новый этап антирелигиозной пропаганды санкционировала 4-я статья Конституции РСФСР 1925 года в редакции от 18 мая 1929 года (ведь теперь «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признаётся за всеми гражданами»). Так, 6 декабря 1930 года комсомольцы Новочеркасска организовали антирелигиозный карнавал, который «приветствовал горсовет, райком комсомола, представители новочеркасских вузов» [5, с. 199].

На 1929/1930 год приходится становление в Новочеркасске целой сети учреждений дошкольного воспитания, и число посещающих их детей увеличивается почти в три раза до 1 118 человек. Но важному делу не способствовала недостаточная подготовка педагогического персонала, нехватка питания на детских площадках, а в результате дошкольное воспитание не получило должного размаха.

В 1928/1929 году в Новочеркасске насчитывалось 20 детских домов, этих социальных отголосков Гражданской войны и последующих тягот восстановительного периода в стране. В течение 1924—1929 годов в городе существовало даже управление Красного детского городка (группы детских учреждений), поскольку в 1925 году насчитывалось 36 детских домов [3, с. 133]. В 1929/1930 году произошла структурная реорганизация детского городка: три детских дома передали хозяйственным органам и преобразовали их в общежития ФЗУ. Значительно уменьшилось количество воспитанников в детских домах: если в 1928/1929-м их численность достигала 2000 человек, то в 1929/1930-м осталось только 1553 человека. Все дети школьного возраста из числа воспитанников детских домов посещали городские школы I-й ступени и школы-семилетки. Переростки из детских домов проходили трудовую подготовку в центральных мастерских и других учреждениях детгородка.

В 1929/1930 году общий выпуск детских домов Новочеркасска составил 1268 воспитанников. Из них в учебные заведения поступили — 457, перешли на производство — 278, уехали на свою малую родину — 270, переданы в колхозные и крестьянские семьи — 238, отправились служить в Красную армию — 25 человек. Кроме того, важным направлением социальной адаптации воспитанников детских домов старших возрастов считалось получение рабочей профессии. Такая трудовая помощь обеспечивалась с помощью курсов профессиональной подготовки в ФЗУ. В январе 1931 года 180 бывших воспитанников детдомов закончили ФЗУ [1, с. 62].

Однако даже в 1930 году уличную беспризорность побороть в Новочеркасске не удалось. Трудовая помощь была оказана 263 беспризорникам. Из них 183 (в возрасте старше 16 лет) направили на производство, главным образом, на Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения (Сельмаш), 80 беспризорников пристроили в учебные заведения. Тем не менее, с 1927 по 1939 год включительно, продолжала

функционировать Новочеркасская трудовая колония для несовершеннолетних Народного комиссариата внутренних дел уполномоченного НКВД по Ростовской области.

Впрочем, даже численное сокращение беспризорников не решало проблемы охраны правопорядка в городе. В 1930 году «для организации содействия широких масс трудящихся работе милиции и уголовного розыска в борьбе с преступностью, хулиганством, шинкарством [то есть незаконным производством и продажей алкогольных напитков. — *А. С.*] и другими нарушениями общественного порядка в Новочеркасске приступлено к организации добровольного содействия органам милиции и Угро» [5, с. 199]. Сформированная общественная структура ОСОДОМИЛ со временем станет называться добровольной народной дружиной. Так зародилась традиция участия общественности в охране правопорядка.

Важным социальным предназначением системы народного образования являлась ликвидация неграмотности. Существовавшая в Новочеркасске специализированная сеть народного образования состояла из двух видов учебных заведений: пунктов по ликвидации неграмотности (ликпунктов, или школ грамоты, школ ликбеза) и школ малограмотности.

В 1920-е годы получили распространение ликпункты, поскольку основной задачей народного просвещения выступала ликвидация неграмотности. Школы ликбеза просуществовали вплоть до начала 1940-х годов. В школах грамоты обучение продолжалось в течение трёх-четырёх и до семи месяцев, и программа предполагала приобретение навыков чтения, умений письма и знания счёта при проведении еженедельно 6—8 часов занятий.

Навыки чтения подразумевали, что человек сможет в результате обучения свободно читать ясный печатный текст, распознавать и отчётливо понимать письменный шрифт. Умение письма заключалось в способности делать небольшие записи для бытовых нужд и кратко письменно фиксировать необходимые моменты для служебных дел. Обучение счёту нацеливалось на освоение целого комплекса знаний: человек должен был уметь читать и легко записывать целые и дробные числа, иметь представления о процентах и порядке их вычисления. Требовалось научиться разбираться в простейших диаграммам и схемах. Кроме того, в школах грамоты вели разъяснение актуальных вопросов советского государственного строительства. Для усиления заинтересованности взрослых учащихся в посещении ликпунктов им сокращали продолжительность рабочего дня при сохранении полного размера заработной платы. Школы грамоты в первую очередь снабжались учебными пособиями и простейшими письменными принадлежностями.

С 1930 года становится актуальной борьба с малограмотностью, для чего создавались школы малограмотности. В результате целенаправленной работы неграмотность к 1930 году сильно сократилась и составила по Новочеркасску 652 человека.

Однако окончание школы грамоты не обеспечивало идеального освоения всеми без исключения учащимися существовавшей программы обучения, поэтому не случайно появился термин «малограмотный», означавший владение простейшими навыками чтения и письма. Школы малограмотности выполняли задачу выравнивания уровня образования великовозрастных учеников по учебной программе школы I-й ступени (то есть получения начального образования) при проведении еженедельно 6—8 часов занятий на протяжении полугода. По существу, они восполняли пробелы, оставшиеся у обучающихся после ликвидации неграмотности, а главное — формировали потенциал к самообразованию, к достижению грамотности и более высокой профессиональной квалификации.

Организующим центром борьбы с неграмотностью в Новочеркасске стал Дом рабочего образования. В 1930 году в нём по вечернему графику обучались 812 человек неграмотных и малограмотных, в том числе 490 рабочих, 72 колхозника, 22 военнослужащих, 11 бывших красных партизан, 28 воспитанников детских домов, 188 госслужащих. Однако проблема быстро не решалась. В 1932 году официально среди горожан насчитывалось 611 неграмотных и 1250 малограмотных. Например, на заводе имени А. А. Никольского работали 162 человека из этого числа, но школу посещали только 6 человек, в городском дивизионе милиции служили 134 малограмотных и 7 неграмотных, а в школу ходили лишь 15. Борьба с неграмотностью в городе продолжалась вплоть до начала Великой Отечественной войны [5, с. 197].

Тем не менее, в 1930 году местные власти считали Новочеркасск «всесоюзным рассадником кадров и пролетарской культуры», поскольку в городе сложилась система высшего и среднего профессионального образования. Работали четыре самостоятельных вуза: Донской политехнический институт (с 1907 г.), Донской ветери-

нарный институт (с 1919 г.), Донской институт сельского хозяйства и мелиорации (с 1922 г.) и Северо-Кавказская краевая практическая академия сельского хозяйства имени А. А. Андреева.

В этом же году в результате проведения структурной реформы высших учебных заведений на базе политехнического и сельскохозяйственного институтов были организованы новые вузы: сельскохозяйственного машиноведения, химико-технологический, металлургический, геологоразведочный, коммунального строительства, энергетический, лесотехнический, зерновой и водного хозяйства.

По сельскохозяйственным вузам дадим небольшое пояснение в связи с многочисленными изменениями. Донской ветеринарный институт в начале 1930-х годов реорганизовали в Северо-Кавказский ветеринарно-зоотехнический институт имени 1-й Конной Армии (СКВЗИ). Мелиоративный факультет Донского института сельского хозяйства и мелиорации преобразовали в Северо-Кавказский институт водного хозяйства и мелиорации (СКИВХиМ). С февраля 1933 года этот, как в обиходе говорили новочеркасцы, «водный институт» переименовали в Новочеркасский мелиоративный институт (будущий НИМИ). Агрономический факультет Донского института сельского хозяйства и мелиорации (ДИСХиМа) переформировали в Северо-Кавказский зерновой институт (СКЗИ), позже — в Азово-Черноморский сельскохозяйственный институт (АЧСХИ, с 1934 г.) и далее в ДСХИ с расположением в посёлке Персиановка [6, с. 50].

В итоге к 1931 году в Новочеркасске работало 11 вузов. Среди 4 732 студентов было 1307 партийцев (членов и кандидатов ВКП(б), или 27,6% вузовского контингента, и 1080 комсомольцев, или 22,8% от числа обучающихся). Партийная прослойка преподавательского состава составляла лишь 15,6% коммунистов и 2% комсомольцев.

В городских вузах порой развёртывалась нешуточная полемика по общественно-политическим вопросам современной жизни, и встречались люди, идущие явно против общего течения, имеющие своё собственное мнение. Так, приват-доцент из Новочеркасской высшей коммунистической сельскохозяйственной академии Путилина единственная из всего педагогического коллектива академии заявила свой моральный протест против применения расстрела в отношении «48 вредителей» по делу «Трудовой крестьянской партии» («делу А.В. Чаянова») [5, с. 198].

Название вуза в цитируемом выше источнике дано не точно, поэтому поясним ситуацию. Речь в данном случае идёт о Северо-Кавказской краевой практической академии сельского хозяйства имени А. А. Андреева. С 1933 года (или может быть немного раньше) она называлась 4-й Северокавказской высшей коммунистической сельскохозяйственной школой имени А. А. Андреева (в городе Новочеркасске).

Получение среднетехнического образования в Новочеркасске обеспечивали 11 техникумов с общим контингентом учащихся 3000 человек. По социальной принадлежности учащиеся техникумов распределялись следующим образом: 36,0% рабочих, 5% батраков, 18,5% колхозников, 13,9% крестьян-единоличников 19,3%, служащих и прочих — 7,3%. По партийной принадлежности в техникумах среди учащихся насчитывалось 8,6% партийцев (членов и кандидатов ВКП(б) и 36% комсомольцев [1, с. 64].

Кроме вышеназванных вузов и техникумов в Новочеркасске располагались два рабочих факультета (рабфака) и шесть профессиональных школ (профшкол) и курсов по различным специальностям [1, с. 62]. Например, Северо-Кавказская краевая имени И. К. Ксенофонтова профтехническая школа Народного комиссариата социального обеспечения (ныне — Новочеркасский технологический техникум-интернат), Северо-Кавказские краевые курсы техников и инструкторов по пчеловодству при краевом союзе плодоовощной, виноградно-винодельческой и табачной кооперации (Крайплодоовощтабаксоюз), Новочеркасская классификационная комиссия по испытанию шофёров при Северо-Кавказском краевом управлении шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта (Севкавкрайдортранс). В общей сложности на рабфаках, в профшколах и на курсах обучались около 4000 человек.

К числу различных кратковременных форм обучения, получивших прописку в Новочеркасске, относились одногодичные курсы сестёр запаса при Российском обществе Красного Креста (с 1923 г. — Советский Красный Крест), открывшиеся 15 сентября 1930 года. Обучавшиеся на них 40 курсанток проходили медицинскую практику в больницах и госпиталях города [5, с. 198].

Успехи в социально-экономическом и культурном развитии, рост благосостояния горожан во многом предопределялись состоянием народного здравоохранения. Постепенно укреплялась материальная база городского здравоохранения, и увеличивались необходимые ассигнования из местного бюджета. Так, в 1928/1929 году выде-

лили 215 766 руб., в 1929/1930-м — 243 106 руб., то есть прирост составил 112,7%.

В 1930 году в Новочеркасске действовали две больницы на 400 кроватей (койко-мест), одна консультация материнства и младенчества (матмлада), два специализированных диспансера, одни ясли на 50 детей, один прививочный отряд, одна бактериологическая лаборатория, пять медико-санитарных пунктов, одно дезинфекционное бюро, дом санитарного просвещения.

Основным звеном в городской сети медицинских учреждений являлись две амбулатории (270 тысяч обращений граждан за помощью) и, кроме того, врачи амбулаторий посетили непосредственно на дому 6920 больных. Две городские больницы в общей сложности приняли на лечение 11 615 человек с пребыванием в течение 116 788 койко-дней [1, с. 66].

От чего же лечили жителей Новочеркасска в 1930 году? Какие болезни одолевали тогда людей?

Перечислим основные заболевания и приведём статистику по годам: брюшной тиф (1928/1929 г. — 53 человека, 1929 г. — 64, 1930 г. — 99); сыпной тиф (5; нет заболевших; 6); паратиф (11; 25; 17), малярия (6631; 3907; 2413); корь (525; 501; 621); скарлатина (87; 255; 319); коклюш (136; 487; 399); дифтерит (61; 11; 67); грипп (3603; 3875; 3113); туберкулёз всех видов (2816; 2349; 2002); столбняк (не было заболевших); сифилис 1-й стадии (86; 91; 73); сифилис 2-й стадии (240; 79; 64); сифилис 3-й стадии (180; 131; 103); гонорея (250; 252; 402) [1, с. 66].

Приведенные данные свидетельствуют о сокращении заболеваемости по отдельным социальным болезням (туберкулезу и сифилису), хотя очень резкий скачок числа заболевших дала гонорея, что явно подтверждает наличие в городе значительного сегмента проституции, для борьбы с которой в 1930 году создали трудколонию.

Научились бороться с малярией, но стойко высокими оставались показатели по гриппу. Преимущественно детские инфекционные болезни (корь, скарлатина, коклюш) сильно мучили маленьких новочеркасцев. Общее же эпидемическое состояние города, несмотря на целый ряд проделанных медико-санитарных работ по борьбе с разными болезнями, оставалось весьма тревожным и могло дать при удобном случае вспышку очередной эпидемии. Тем самым позитивные изменения в городском здравоохранении происходили гораздо медленнее, чем этого требовала сложившаяся ситуация.

Большая роль в снижении заболеваемости горожан отводилась санитарно-профилактическому просвещению, которое оказывало существенное влияние на результаты проводимой лечебной работы. По предприятиям и учреждениям медики периодически производили санитарные осмотры. Организатором и основным исполнителем санитарно-профилактических мероприятий выступал дом санитарного просвещения. Его стараниями с помощью общественности удалось в 1930 году провести в общей сложности 21 123 лекций, бесед и кино-демонстраций [1, с. 67].

Особой статьёй в охране здоровья горожан выделялось материнство и младенчество, или в терминологии тех лет — матмлад. Городская консультация материнства и младенчества курировала работу молочной кухни, детских яслей, взаимодействовала с юридической консультацией, занималась вопросами санитарного обслуживания детских учреждений. Консультация матмлада не только давала необходимые советы матерям по обеспечению здоровья детей, но и оказывала им материальную помощь в виде выдачи денежных пособий и продуктов. Дети беднейших слоёв населения по школам получали бесплатные завтраки.

В укреплении здоровья горожан большую роль играла физическая культура. В школах, помимо уроков физкультуры, работали кружки. Организацией кружков физкультуры на предприятиях занимались профсоюзы. В Новочеркасске в 1930 году, кроме городского стадиона, имелось девять спортивных площадок.

Значительными успехами отличалась в городе борьба с безработицей. Более того, темпы социалистической реконструкции хозяйства, рост промышленности и других отраслей народного хозяйства и культуры выдвинули противоположную проблему недостатка квалифицированных кадров. Если на 1 октября 1929 года на Новочеркасской бирже труда при существующих тогда некоторых ограничениях по приёму новых клиентов на учёте состояло всего 5 891 человек, то на 1 октября 1930 года без всяких ограничений числилось лишь 759 безработных. Причём членов профсоюза среди безработных значилось 441, в то время как в 1929 году их насчитывалось 4 069 человек. Из общего количества 759 безработных 590 составляли женщины в большинстве своём без всякой квалификации.

Новая тенденция на рынке труда обозначилась в 1930 году, когда вместо поисков места работы служащие биржи при контактах с клиентами всё чаще сталкивались с отказами от работы, спекуляцией на недостатке рабочей силы, что выражалось в перебежках рабочих, служа-

щих и специалистов с одного места на другое в поисках более высокой зарплаты. Для местных властей ближайшими задачами в области труда становились дальнейшая переквалификация безработных, борьба с «летунами» и развёртывание мероприятий по подготовке новых кадров. В 1930 году Новочеркасская биржа сумела организовать получение новой квалификации для 350 безработных [1, с. 68].

Сложная ситуация сложилась в системе социального обеспечения горожан.

В 1930 году работа собеса протекала с финансовыми затруднениями и под постоянным давлением большого наплыва инвалидов, прибывающих из других мест с целью устроиться в Новочеркасске.

Так, в 1928/1929 году на учёте в собесе состояло 343 человека (все — на пенсионном обеспечении), а в 1929/1930-м уже значилось 707 человек (из них 300 пенсионеров).

Бюджетные ассигнования росли далеко не такими быстрыми темпами. В 1928/1929 году из городского бюджета выделили 41 863 рублей, в 1929/1930-м — 55584 рублей.

Отдел собеса, как и в предшествующие годы, занимался трудоустройством инвалидов в государственные и кооперативные учреждения. В частности, в 1928/1929 году в кооперацию пристроили 50 человек, а в 1929/1930-м — уже в четыре с половиной раза больше, 225 человек [1, с. 70].

Местные власти пришли к мысли, что Новочеркасск перенасыщен различными организациями и учреждениями, в особенности детскими домами и им подобными заведениями. Большая финансовая нагрузка приходилась на городской бюджет и создавала ряд социально-экономических проблем. Такая ситуация возникла в силу административного статуса города, являвшегося вначале областным и окружным, затем окружным и волостным, теперь только районным центром. В результате в октябре 1930 года принимается административное решение «разгрузить город». Начинается перемещение дома старости в станицу Старочеркасскую с поселением его пожилых пациентов в зданиях бывшего Ефремовского женского монастыря. Контрольно-семенная станция и контора «Торглеса» переезжают в Майкоп. Чертёжные мастерские отправляются на новое место в Шахты. Два дома госсобеса и женская трудовая колония заново обустраиваются в Азове. Дома физически дефективных детей, умственно отсталых и детей из «национального детдома» переезжают в Армавир, Ставрополь, Майкоп и Пятигорск [5, с. 198—199].

Итак, Новочеркасск к началу 1930-х годов сохранил статус административного центра районного уровня, в котором пребывал до 1934 года после ликвидации Донского округа. Главной его особенностью в это время стало развитие социально-культурного потенциала, связанного с высшим, средним и средне-специальным образованием, существованием детского городка, системой социального обеспечения. Различными формами обучения было охвачено более 20 000 человек.

Индустриальное лицо Новочеркасска должным образом не сформировалось, ибо товарооборот потребительской кооперации в рублях превышал объём валовой продукции городской промышленности. Растущее население требовалось обслуживать, что влекло за собой существование кооперативных учреждений и торговли, в том числе частной, и поддерживало функционирование в общей сложности 355 торговых точек. Городской бюджет с трудом выдерживал социальную нагрузку, а потому не случайно было создано семь закрытых распределителей.

Новочеркасск с разной долей успеха боролся со многими «социальными болезнями»: бедностью, бюрократизмом, безработицей, малообеспеченностью (в особенности, инвалидов), неграмотностью, санитарной запущенностью, проституцией, беспризорностью, венерическими вспышками. Тем не менее город продолжал развиваться и расти, сохранил в составе жителей до трети казачьего населения, не утратил потенциала городского хозяйства и имел неплохие перспективы в новой социалистической реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Материалы к отчёту [Новочеркасского] районного исполнительного комитета советов Р[абочих,] К[рестьянских,] К[расноармейских] и К[азачьих] депутатов на районном съезде Советов VII созыва (март 1929 г. — янв. 1931 г.). Новочеркасск, 1931.

2. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д., 1928.

3. Список населённых мест Северо-Кавказского края. Ростов н/Д., 1925.

4. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года (31 июля 2017 г.). М., 2017. С. 117 (Tabl-36-17, строка 20248) URL: http://http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/

afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения: 19.05.2019).

5. *Кирсанов Е. И.* Слава и трагедия Новочеркасска. 1805 — 2005 (История казачьей столицы). Т. 1. Новочеркасск, 2005.

6. *Коваленко М. В.* Формирование системы высшего сельскохозяйственного образования на Дону в 1920 — 1930-е годы // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2007. № 5. С. 49 — 53.

О. В. ВАЛУЙСКОВА

НЕУТОМИМЫЙ ДИМИТРОВ

П. А. Димитров — председатель Совета ветеранов Пролетарского района г. Ростова-на-Дону. 2000-е годы

У каждого человека случаются мгновения, когда вся его жизнь проносится перед мысленным взором. Тогда с необыкновенной яркостью возникают в памяти позабытые лица, эпизоды и целые события.

Большая часть жизни нашей семьи тесно связана с Пролетарским районом Ростова-на-Дону, где в руководящих органах долгое время работал Пётр Агапович Димитров. Восстановить его богатую событиями и добрыми начинаниями биографию помогли архивные документы Центра документации новейшей истории Ростовской области и воспоминания моего отца — Владимира Ильича Глушко, ветерана флота, который на протяжении многих лет сотрудничал с Димитровым в районной ветеранской организации.

Пётр Агапович родился 30 ноября 1926 года в станице Дубенцовской Романовского района Северо-Кавказского края [1].

Из автобиографии 1953 года: «Отец Димитров Агап Николаевич, рождения 1904 года, в 1937-м, в октябре месяце, был репрессирован органами НКВД за религиозные убеждения, а через 6 месяцев, не судим, а в предварительном следствии, на работе в Свердловской области простыл (раньше был болен лёгкими) и от сильного заболевания (воспаления легких) 23 апреля 1938 года умер. Мать, Димитрова Ульяна Григорьевна, 1900 года рождения, колхозница колхоза «Ленинцы» Дубенцовского сельсовета» [2, л. 16 об.].

В 1933 году Пётр стал первоклассником Дубенцовской средней школы. Войну встретил девятиклассником, находясь на временно оккупированной территории. В кругу друзей-ветеранов он с горечью вспоминал деревянную промёрзшую школу: «Почему-то все зимы войны были холодными даже в наших краях. Но мы привыкали, сидя в одеждах и отогревая в рукаве замёрзшую чернильницу...».

Во время оккупации юноша работал в сенокосной бригаде, а после освобождения станицы по направлению Дубенцовского сельсовета недолго — возчиком почты, сменив старенького почтальона. По словам Петра Агаповича, зыбкая волна страха заполняла сердце: все постоянно чего-то ждали. Ждали писем и тепла. И, глядя на почтальонскую сумку, спрашивали: «Кто?» или «Что случилось?».

В 1943 году Пётр успел послужить рядовым стрелком Романовского райотдела НКВД.

«Увидев меня в шинели, мать, пряча губы в кулак, сказала: «Ой, Петро, який же ты худый, сынок», — рассказывал Димитров.

12 мая 1943 года Пётра Димитрова призвали в ряды РККА. Первые дни службы в Рабоче-крестьянской Красной армии запомнились непрекращающимися бомбёжками в Белой Калитве на Северском Донце. О его боевом пути сви-

Ольга Владимировна Валуйскова, заведующая отделом научной информации, публикации и использования документов Центра документации новейшей истории Ростовской области. Сообщение под названием: «Нет приятнее награды, чем высокая оценка твоего труда...» (по страницам биографии П. А. Димитрова)

детельствуют скупые строчки автобиографии: «Службу проходил в гг. Сталинграде, Пензе, Житомире, Кубани, Ленинакане, Шулаверы Закавказского военного округа. Род войск — артиллерия, 2005-й зенитный артиллерийский полк 70-й зенитной артиллерийской дивизии (в составе 1-го Украинского фронта. — *О. В.*) в качестве рядового, командира отделения, взвода, комсорга школы сержантского состава» [3].

18 октября 1950 года Петра Агаповича демобилизовали и он вернулся в родную станицу. Но уже в декабре Романовский райком партии направил его на работу инспектором отдела культуры при райсовете.

В 1950-е годы П. А. Димитров — на комсомольской работе: секретарь комитета ВЛКСМ строительно-монтажного управления № 4 «Ростовдонводстроя», заведующий организационным отделом Пролетарского (сельского) райкома ВЛКСМ, инструктор отдела комсомольских организаций Ростовского обкома ВЛКСМ. «Энергичный и требовательный в работе, чуткий к товарищам и отзывчивый на запросы молодежи, он пользуется заслуженным авторите-

П. А. Димитров в 1950-е годы

том среди комсомольцев» [2, л. 21].

В октябре 1951 года, выезжая в составе комсомольско-молодёжных бригад на строительство Донского магистрального оросительного канала будущего Цимлянского водохранилища, Пётр Димитров повстречал свою судьбу: Валентина Козырева, его будущая спутница жизни, была участницей первой послевоенной стройки на Дону. Свадьбу Димитровы справили в Задоно-Кагальницком райцентре 23 февраля 1952 года.

После окончания Ростовской высшей партийной школы в июле 1961 года Пётр Агапович был утвержден инструктором отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ростовского обкома КПСС.

Для послевоенного Ростова, пережившего тяжёлые последствия немецко-фашистской оккупации, наступили годы восстановления хозяйства.

В связи с укрупнением сельских районов в 1962 году произошла перестройка партийного руководства народным хозяйством. В Ростовской области было создано двадцать колхозно-совхозных управлений. Пётра Агаповича назначили инструктором обкома КПСС в Ростовском территориальном колхозно-совхозном управлении, а с января 1963 года — инструктором отдела партийных органов Ростовского обкома КПСС.

Димитров постоянно искал новые формы партийной работы, внимательно следил за периодической литературой, часто беседовал с рабочими, секретарями первичных парторганизаций и парткомов, начальниками цехов и мастерами предприятий, давая полезные практические советы.

В 1967—1971 годах он одновременно обучался в Ростовском институте народного хозяйства по специальности «Планирование промышленности».

20 мая 1969 года П. А. Димитрова избрали секретарём Пролетарского райкома партии Ростова-на-Дону.

Хозяйство ему досталось запущенное.

Из выступления первого секретаря Ростовского горкома КПСС Н. М. Иваницкого на XXXVII партийной конференции Пролетарского РК КПСС Ростова-на-Дону 19 декабря 1970 года: «Пролетарский район ... отстаёт от других районов города. В районе 50% улиц не имеют тротуаров. Очень мало сделано по благоустройству посёлка Александровка, нового жилого массива на Аксайской улице. В запущенном, неблагоустроенном состоянии находятся дворы домоуправлений, всех школ района. Грязно, бескультурно на Пролетарском рынке, район пока плохо освещён. Нет бани в пос. Александровка. Плохо работает транспорт на окраинах района. Многие магазины имеют запущенный вид» [4].

16 марта 1971 года бюро Пролетарского РК КПСС утвердило «План мероприятий по улучшению обслуживания населения окраины Пролетарского района на 1971—1972 годы», в котором предусматривалось строительство новых

дорог и тротуаров, газификация домовладений и проведение линии водопровода в посёлке Александровка, установление световых точек на Зелёном острове и перекрёстках улиц в Александровке, повсеместное озеленение.

В области народного образования планировалось приступить к строительству новой школы на 1350 мест в Александровке (ныне школа № 81), благоустроить дворы школ № 3, 7, 27, оборудовать спортплощадку школы № 94, в области здравоохранения — открыть детскую консультацию в доме СКЖД по ул. Верхненольной [5].

Старейшие жители Пролетарского района согласятся с тем, что намеченные планы 70-х годов не остались на бумаге, а были воплощены в жизнь!

28 октября 1972 года на сессии райсовета Пётра Агаповича избрали председателем исполкома Пролетарского районного совета депутатов трудящихся города. В одном из своих выступлений на XXXVIII партийной конференции Пролетарского РК КПСС в Ростове 15 декабря 1973 года он отмечал: «За три года девятой пятилетки в районе построено и сдано в эксплуатацию более 136 тыс. кв. метров жилой площади <...>. Своими силами построили дома речной порт, ремонтно-эксплуатационную базу «Красный флот», химический завод имени Октябрьской революции, стекольный, радиаторный заводы...

Большинство руководителей предприятий, не строящих жильё, объясняют это отсутствием средств, большими работами по реконструкции производства. С этим согласиться нельзя.

В наши дни немыслим завод, фабрика, не строящие жильё, детские учреждения, предприятия бытового обслуживания — это нарушение законов социально-экономического развития предприятия» [6].

По инициативе неутомимого Димитрова проведена реконструкция площади Карла Маркса, построены мемориальный комплекс «Вечный огонь» в парке имени Фрунзе, мост через Кизитериновскую балку, соединяющий микрорайон Александровку с западной частью Пролетарского района; появились площади Энергетиков и Химиков. Расширен Театральный проспект. Фонари, установленные на Театральной площади, и сегодня являются образцом уличного освещения. По-прежнему, это удобное место для проведения торжественных городских мероприятий и Парада Победы.

На огромном пустующем земельном участке предприятия Пролетарского района развернули строительство жилых домов, рядом с которыми возводились административные здания. В микрорайоне Александровка открылись школа, поликлиника, два рынка, три детских сада, стадион, библиотека.

Первый в городе школьный профессиональный центр, выстроенный на улице Ленина, в котором старшеклассники Пролетарского района осваивали азы профессий швеи-мотористки, машинистки, водителя, рулевого моториста, педагога, не раз завоевывал призовые места по городу.

Димитров неоднократно представлял наш город в городах-побратимах Плевене и Дортмунде. А в 1975 году в составе делегации СССР на Всемирной конференции городов-побратимов в Ломе, столице африканской Республики Того, выступал с докладом «О работе Пролетарского райисполкома по обучению, профориентации и трудоустройству школьной молодёжи».

В 1979—1981 годах Пётр Агапович работал заместителем председателя Ростовского горисполкома, затем перешёл на хозяйственную деятельность. В его трудовой книжке значатся Волго-Донское пароходство, Центральное проектно-конструкторское бюро Морского флота.

За заслуги перед Родиной он награждён орденами Отечественной войны II степени, «Знак Почёта», медалями «За Победу над Германией», «За трудовую доблесть», «За освоение целинных и залежных земель», знаком «За благоустройство г. Ростова-на-Дону».

В 1987 году Пётр Агапович вышел на пенсию и посвятил себя общественной работе.

В 2004 году он возглавил Пролетарский районный Совет ветеранов. «Ветераны — не только возрастная категория, это оплот нашей нравственности, духовности, это люди, для которых благополучие Родины не пустые слова, а дело и смысл всей жизни», — так отзывался он о своих соратниках [7]. И продолжал трудиться с прежней самоотдачей.

В 2006—2007 годах Пролетарский Совет ветеранов принимал участие в общероссийском конкурсе специальных проектов «Наш город» и «Наши родители» и был награждён «Специальным дипломом за социально значимую деятельность».

Немало полезных и нужных дел каждодневно проводила ветеранская организация под руководством Петра Агаповича: социальная помощь ветеранам, малоимущим пенсионерам и вдовам военнослужащих, военно-патриотическое и нравственное воспитание молодёжи с проведением уроков мужества и доброты, участие в общественно-культурной жизни города, оборонно-массовых мероприятиях, пополнение

экспозиции музейной комнаты в помещении Пролетарского Совета ветеранов.

Однажды во время семейной беседы я спросила отца: «Каким тебе запомнился Пётр Агапович?» И услышала в ответ: «Беспокойный в меру, вдумчивый, с неугасающим энтузиазмом и желанием открытий и задумок, отзывчивый и добрый, по-мужски красивый, с джентельменским чувством такта и мудрости, по праву

В день 80-летнего юбилея П. А. Димитрова. Слева — П. А. Димитров, справа — В. И. Глушко

востребованный в ветеранском движении и в сегодняшнем учебном процессе».

Папа вспоминал, с каким вниманием Димитров относился к состоянию табличек с именами участников Великой Отечественной войны на домах Пролетарского района. Моему отцу, одному из «самых младших» по возрасту членов Совета ветеранов, 1933 года рождения, приходилось своими руками реставрировать мраморную доску с именем Героя Советского Союза Н. Н. Павленко, восстанавливать «бронзовистость» букв на памятных досках кавалера трёх орденов Славы И. И**.** Евсикова, полного кавалера ордена Славы И. П. Пэна, ветеранов Великой Отечественной В. Г Василевского, М. М Бадюка., Н. Д. Калинича. и других. Ежегодно обновлялась мемориальная доска на углу Советской и Верхненольной улиц, напоминающая ростовчанам о расстреле мирных жителей в ноябре 1941 года.

А в Год семьи в России в музейной комнате Совета ветеранов Пролетарского района был оформлен стенд, посвящённый семейным парам участников Великой Отечественной. На фотографиях — не старики, уставшие от жизни, а жизнерадостные и жизнелюбивые, энергичные и коммуникабельные Евпловы Иван Гаврилович и Мария Ивановна, Рыбины Георгий Васильевич и Тамара Максимовна, Кудиновы Александр Иванович и Вера Степановна, Клёновы Геннадий Иванович и Ирина Фёдоровна, Димитровы Пётр Агапович и Валентина Ивановна. «Вот они, мгновенья семейной жизни, — говорил задумчиво Пётр Агапович, всматриваясь в фотоснимки.

Дав согласие на «подселение» в помещение Совета ветеранов Клуба капитанов, П. А. Димитров стал постоянным участником плановых сборов и мероприятий водников. Вместе они совершили немало познавательных поездок в Аксайский и Новочеркасский музеи, на Кампличку и в Старочеркасскую, на землю Миус-фронта и в Таганрог.

Нашла поддержку учителей района и его идея о проведении для учащихся школ кинолектория в Доме кино. Думаю, что никого из ребят не оставили равнодушными трогательные рассказы тех, кто прошёл войну, и фильмы: «Белорусский вокзал», «В бой идут одни старики», «Два бойца», «Аты-баты, шли солдаты», «Судьба человека».

Патриотическому и нравственному воспитанию молодого поколения члены ветеранской организации во главе с её председателем Димитровым уделяли особое внимание. Их всегда ждали в школах города и в центре внешкольной работы «Досуг» Пролетарского района.

Казалось, что энергии этого человека хватит ещё на многие годы!

Сердце Петра Агаповича Димитрова остановилось 3 августа 2016 года.

Но по-прежнему звучат в памяти друзей и соратников его слова, произнесённые в одном из выступлений в 2009 году: «Наши ветераны всегда в строю, мы очень хотим, чтобы наши потомки через толщу лет и призму современности смогли понять величие подвига своих предков и осмыслить уроки истории Отечества — России, Ростова и ростовчан».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1957 году Романовский район переименован в Волгодонской район Ростовской области.

2. ЦДНИРО. Ф. Р-173. Оп. 16. Д. 373.

3. Там же. Ф. Р-9. Оп. 94. Д. 176. Л. 6.

4. Там же. Ф. Р-21. Оп. 2. Д. 691. Л. 110.

5. Там же. Оп. 43. Д. 3. Л. 85—99.

6. Там же. Оп. 44. Д. 1. Л. 69—71.

7. С Отечеством одной судьбой : К 75-летию Пролетар. р-на г. Ростова н/Д. и 225-летию Нахичевани н/Д. Ростов н/Д. : Книга, 2004.С. 36.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

К. Р. ЧЕРНЯВСКИЙ

ВТОРАЯ ПЕЧАТЬ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Вторая печать Войска Донского, якобы созданная Петром I, а на самом деле лишь откорректированная и утверждённая им, вызывает некоторые вопросы.

Сначала немного цитат.

«В 1704 году пожаловал он [Пётр I. — *К. Ч.]* войску Донскому грамоту с милостливым словом и при оной, за верную службу, войсковую серебряную печать с надписью: "печать войска Донскаго" [1, С. 240].

Относительно изображения на печати в актах найдена выписка или справка следующего содержания: «Присланным 1704 г. августа 2 из Нарвы в Посольский приказ Государевым указом, за рукою боярина Феодора Алексеевича Головина предписано сделать печать Донскую серебряную, величиною такову, как при том письме вложен образец, и вырезать подпись, как на нём подписано; а в середине вырезать во всём так, как у них водится на печати: мужика, сидящего на бочке, держа в одной руке кальян и в сабле припоясана, только прибавить и вырезать в другой руке фузею...» [1, с. С. 241].

Из этого текста видно, что печать с подобным изображением уже была, но без фузеи.

Между тем в краеведческой литературе, начиная с XVIII века, появляется весьма вольная трактовка изображения второй войсковой печати.

Так, в 1776 году Александр Ригельман пишет: «Войско сие... печать, большую, жалованную Государем Петром Первым, имеет, со изображением на оной сидящего на бочке голаго козака, в шапке, держащего в правой руке ружьё, а в левой рог, на бочке пред ним стоящая чарка, с написанием вокруг онаго: "Печать Войска Донскаго"» [2], что разнится с указом Петра.

Скорее всего, впервые байка о пьяном казаке появляется у Владимира Броневского в 1834 году в книге «История Донского Войска».

«В бытность Государя в Черкасске, 1709 года около 20 апреля, казаки, призванные по очереди на службу, пред отправлением в поход гуляли. Царь, по обычаю своему, просто одетый, прогуливался по городу с одним деньщиком; и заметя в толпе народной пьяного Казака, нагого до пояса, подошёл к нему и спросил: "Для чего не продал ты ружья, за которое мог бы получить более денег на пропой?" Пьяница, не узнав Царя, смело отвечал: "Как бы не так, — с ружьём, Богу, Государю и Все-Великому Войску Донскому честь и славу заслужу; и одежду у врага добуду; а без ружья никому не угодишь". — Войско не имело ещё герба: Государь, вникнув в смысл речи пьяницы, представлявший настоящий нрав и свойства народа, пожаловал Донскому Войску герб, с изображением казака, нагого до пояса, сидящего на бочке, и над главою держащего ружьё. Уже в 1775 году, дана войску печать с двуглавым орлом; а герб дан с изображением скачущего оленя с вонзенною в спине стрелою» [3].

Как видим, Броневский неверен в дате, неверен в том, что не было герба (печати) до Петра, неверен в расположении ружья, неверен относительно герба с оленем.

Нетрудно предположить, что он также неверен и в истории с пьяницей — прообразом печати. А представить, что Петра пусть и в простой одежде, но имеющего неординарный вид — рост 2 метра 4 сантиметра, небольшую круглую голову с дёргающимися усиками, узкие плечи и маленькие ступни ног, — казак, как любой военный человек, обладающий острым глазом и цепкой памятью, мог не узнать, просто невозможно!

В 1909 году П. Н. Краснов в своей книге «Картины былого Тихого Дона» повторяет байку о пропойце, но пишет, что на вопрос Петра «А что, есть в войске Донском герб? Ему отвечали, что на отписках донских атаманов из древнейших времён ставилась войсковая печать: иногда олень, пронзённый стрелой, иногда казак верхом на бочке. Петру понравился второй герб, и он приказал его так рисовать: на бочонке сидит казак, нагой до пояса, поднявши над головою ружьё. Герб этот был в войске с 1709 года до 1805 года, почти сто лет...» [4].

Евграф Савельев в 1915 году так описывает эту историю: «Новая печать, пожалованная "за верную вашу к нам, Велик. Госуд., показанную

Константин Родиславович Чернявский, скульптор, Заслуженный художник РФ, г. Москва

службу", была с изображением казака, сидящего верхом на бочке (с порохом), в правой руке держащего ружьё, а в левой кальян. Впоследствии казаки стали толковать, что казак, сидящий на бочке, голый, сидит на бочке с вином и в левой руке держит не кальян, а чарку. Казаки это неожиданное пожалование приняли за насмешку и прикладывали эту печать только в отписках в "приказы", на войсковых же грамотах весь XVIII в. прикладывали свою старую печать с оленем, пронзённым стрелой» [5].

А в 1918 году в своей статье он опять подчёркивает, что на печати бочка с порохом и добавляет:

«Историк восемнадцатого века (2-й половины) А. Ригельман („История о донских казаках") почему-то назвал казака, сидящего на бочке, голым и держащим в левой руке рог, а на бочке отметил стоящую чарку, тогда как в указе Петра 1-го ничего этого нет.

Печать эта не понравилась донским казакам, по всей вероятности, потому, что неправильное толкование „голый казак с рогом и стоящей пред ним чаркой на бочке с вином" порочило честь казачества, показавшего всему миру своей многовековой исторической деятельностью совсем противное» [6].

Сведений о негативном отношении к печати в XVIII веке, то есть в период её действия, не сохранилось, а неприятие её значения (пьяный казак) обострилось в XIX веке, когда и родилась эта байка и стала культивироваться среди верхов как российских так и казачьих.

Может быть, Пётр I сам и запустил среди своего окружения такую трактовку значения печати, что казаки вечно пьяные, голые, но с оружием, чтобы ему, государю, служить. А царские прихлебатели, а за ними и советские исследователи, подхватили это «объяснение». Кому-то важно было доказать, что казаки — это пьяный, звероподобный, неуправляемый сброд, поголовное уничтожение которого после революции не только оправданно, но просто необходимо.

Байка стала жить уже своей жизнью и обрастать подробностями.

Вот как пересказывают эту легенду Л. А. Новак и Н. Г. Фрадкина: «В Черкасске на улице Пётр I увидел пьяного, по пояс голого казака, с ружьём в руке. Подойдя, царь спросил, почему он пропил всё, кроме ружья. Казак, не поднимая головы и не видя перед собой царя, ответил, что с оружием он государю и Войску Донскому честь и славу добудет и одежду у врага возьмёт. Петру понравились слова казака, и он приказал учредить гербовую печать Войска Донского с изображением сидящего на бочке голого по пояс казака с ружьём в одной руке и рогом полным вина, в другой» [7].

По поводу этого опуса возникает сразу несколько вопросов: это как же надо было напиться, чтобы не поднимать головы и никого не видеть (но при этом слышать и понимать), да ещё и твёрдо держать, не проливая ни капли, рог, полный вина?

Удивляет неосведомлённость исследователей в казачьих традициях. В-частности, в отношении к спиртному — в походе, в военное время употребление и в малых дозах спиртного каралось смертью («в куль, да в воду»), а в мирное время руководствовались поговорками «пей, да дело разумей», «пей, да меру разумей», «не тот казак, кто много пьёт, а тот, кто свою меру знает». Архивные документы показывают, что пьянство появилось на Дону лишь в конце XIX века, да и то «благодаря» целенаправленной царской политике спаивания народа, ведущую своё начало от того же Петра, узаконившего государственную монополию на спиртное, откуда и пошло название у казаков кабака — «монополька».

Дальше. Сама ситуация какая-то маловразумительная. Почему Пётр обратил внимание именно на этого казака? Если он один был в стельку пьяным среди прочих трезвых казаков, то почему это исключение изобразили на гербовой печати, где должно быть нечто сугубо характерное, а не исключительное?

При внимательном рассмотрении печати образца 1704 года тоже возникают вопросы. Откуда видно, что казак пьяный? Даже наоборот — сидит прямо, как на коне, крепко держит фузею и шапка набекрень не сбита. В другой руке не кальян, как требовал Пётр, и даже не полный вина рог, иначе он был бы изображён расширяющейся частью вверх, а с удивительной точностью изображённый рог-натруска, используемый в то время для зарядки огнестрельного оружия (версию о том, что это всё-таки «кальян» см. ниже). Почему это вдруг винная бочка? Да и располагать под сенью креста пропойцу на бочке с «зелёным змием» в православном государстве было бы, по меньшей мере, странно, даже для Петра. Но, если следовать логике изображения остальных предметов, вполне понятно, что бочка-то с порохом, а это одновременно говорит о бесстрашии казаков и об их славе как непревзойдённых подрывников и пиротехников, неоднократно подтверждённой и при взятии и обороне Азова, и с Петром и без него [8].

Значение изображения на печати становится самоочевидным — казачество это христиан-

ские воины, презирающие смерть и богатство, владеющие сабельным и ружейным боем, подрывных дел мастера, готовые к бою.

Ещё вопрос — почему казак полуголый (без рубашки)? Да потому, что самые завзятые казаки шли в бой, скинув верхнюю одежду, чтобы, во-первых, показать врагу презрение к смерти и бесстрашие, и во-вторых, чтобы просто сберечь одежду.

Непонятно, почему казачьи историки не возмутились, а приняли на веру анекдот о пьяном казаке?

В XIX — начале XX века казачество было настолько сильно, имело такую значимость в жизни России, такую популярность в народе, такие боевые заслуги перед Отечеством и другими народами и государствами, что и казаки и историки воспринимали байку о пропойце-казаке как комариный укус — хотя и неприятный, но ничего не значащий.

Но теперь надо вспомнить, что в истории казачества нет ничего малозначащего. После революции большевики объявили казачество, по сути, вне закона, подлежащим поголовному истреблению (директива Оргбюро ЦК РКП (б) «Об отношении к казакам», 24 января 1919 г.), а когда это не получилось, стали действовать иначе — потихоньку, исподволь менять восприятие облика казака.

В ход пошли и ложные теории о том, что казаки это сплошь беглый люд, разбойники, воры, грабители, изменники, бескультурные, с низкой моралью недочеловеки, пропойцы и пьяницы, психология которых сходна «с психологией некоторых представителей зоологического мира» [9]. Вот тут и пригодился этот анекдот с Петром.

Можно объяснить и замечание Е. П. Савельева о нелюбви казаков к печати. Здесь важен факт, что утвердил эту печать именно Пётр, от которого казаки после его жесточайших расправ с булавинцами, после отторжения от Войска Донского казачьей кровью добытых земель, после упразднения выборности атамана и многого другого не ждали от царя-преобразователя ничего хорошего.

Вот рассказ А. Ю. Осыкина, бывшего многие годы сотрудником Аксайского краеведческого музея.

«Во время посещения Петром Первым города Черкасска казаки ознакомили его с фортификационными сооружениями вокруг казачьей столицы. Кроме земляных валов было множество (более 50-ти) подземных ходов (галерей), которые тянулись от города в степь и которые (и валы и ходы) были напичканы бочками с порохом. В случае нападения врагов казаки могли в любой момент и в любом месте произвести взрывы и отогнать, обескуражить или уничтожить противника. Бочки делались одноразовыми и в целях экономии железа укреплялись жгутами из лозы, что и видно на печати. Да ещё причина обернуть лозинами и даже верёвками, чтобы, когда катили бочку, не возникла искра от удара металлического обода о камни. Технология взрыва такова — в бочке был порох крупного помола; чтобы её взорвать, в отверстие, которое делалось не посередине и не в днище, как у винной бочки, а как изображено на печати, вставлялась запальная трубка (брандер-трубка). В неё насыпался более мелкий, используемый для ружей, порох, который и насыпает казак из пороховницы-натруски. Что касается кальяна, то, скорее всего, в то время так называлось специальное приспособление-замедлитель (наподобие бикфордова шнура) в виде кожаного рукава. Из кожи сшивалась длинная трубка, которая тлела (как современный кальян), замедляя время взрыва и давая возможность подрывнику отойти на безопасное расстояние.

Если говорить о кресте, который изображён над головой казака, то подобный крест в то время являлся знаком рыцарства, а казаки тех времён иначе как степными рыцарями себя и не мыслили. Кстати, именно подобное изображение креста стало впоследствии, почти через 100 лет прототипом Георгиевского креста, столь любимого казаками».

Почему так важно именно сейчас раскрыть подлинное значение старинной печати Войска Донского? Ведь что такое печать Войска? Она стоит в одном ряду с гимном, флагом и гербом. То есть является основополагающей составляющей в жизни, поведении и формировании как отдельного индивидуума, так и общества в целом, осознании себя в прошлом, настоящем и будущем.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Скульптурная композиция «Донской казак на бочке с порохом» создана мною на основе нового прочтения и трактовки старинной печати донских казаков, утверждённой Петром Первым в 1704 году. Досконально изображая все детали одежды, вооружения и атрибутики, я старался передать исторически верный и правдивый образ бесстрашного воина, презирающего смерть, одновременно готового к бою и преисполненного куражом и весёлостью.

Казак на пороховой бочке (печать Войска Донского). Скульптор К. Р. Чернявский. Бронза. 2018 год

На пороховой бочке казак сидит прямо, как на коне, крепко держит фузею и рог-натруску, на боку казачья сабля, на голове казачья папаха со шлыком, на груди старинный православный крест, в правом ухе — серьга.

Вверху бочки в отверстие установлена запальная трубка; на земле, возле бочки сложены ядра разного калибра. Законы восприятия скульптуры требуют, чтобы она была интересна со всех сторон, поэтому сзади под бочкой лежит небольшая пушка; на боку у казака фляга с родниковой водой, за поясом старинный казачий нож. Всё это вместе взятое ещё раз подчёркивает, что казачество — это христианские воины, презирающие смерть и богатство, владеющие сабельным и ружейным боем, подрывных дел мастера. Установка такой скульптуры восстановит историческую справедливость, изменит понимание казачества в истории и его современное значение.

Профессионально сделанная с точки зрения искусства скульптуры, грамотная с исторической точки зрения и достоверностью атрибутики эта скульптурная композиция станет поистине украшением любой станицы или города Донского края. Объяснения экскурсоводов смогут увлечь гостей Дона, пробудить интерес к истории казачества, дать новый взгляд на его роль в истории и современной жизни России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822—32 годах. Новочеркасск : Обл. войска Дон. тип., 1891.

2. Ригельман А. История или повествование о донских козаках, отколь и когда они начало своё имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч., собранная и составленная из многих вернейших российских и иностранных историев, летописей, древних дворцовых записок и из журнала Петра Великаго, чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана 1778 года. М. : в университет. тип., 1846. С. 142—143.

3. Броневский В. История донского войска. Ч. 1. СПб. : Тип. экспедиции заготавливания гос. бумаг, 1834. С. 273—274.

4. Цит. по: *Краснов П. Н.* История войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М. : Вече, 2011. С. 139.

5. Цит. по: *Савельев Е. П.* Древняя история казачества. М. : Вече, 2002. С. 399.

6. Савельев Е. П. Печать Всевеликого войска Донского //Дон. ведомости. 1918. 16 (29) нояб. № 59. С. 3.

7. Новак Л., Фрадкина Н. Как у нас-то было на тихом Дону. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1985. С. 122.

8. Сухоруков В. Историческое описание Земли Войска Донского /Коммент., доп., вступ. ст. Н. С. Коршикова и В. Н. Королёва. Ростов н/Д. : ГинГо, 2001. С. 197—198.

9. Борьба с Доном // Известия ВЦИК. 1919. 8 февр.

ЕДИНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аверин Евгений Михайлович (1894 — 1985), инженер-геодезист, эмигрант 82
Аврамов Анатолий (1887 — ?), эмигрант 82
Авьерино Николай Константинович (1872 — 1948), скрипач, альтист, дирижёр 118
Авьерино Николай Михайлович (1801 — 1889), композитор духовной музыки 118, 124
Аксёнов, хутор Цимлянского р-на 5
Алексеев Виктор Семёнович (1893 — ?), музыкант, эмигрант 82
Алексеев Николай Николаевич (1879 — 1964), философ, правовед 146, 151
Алпатов Филипп Данилович (1898 — ?), эмигрант 82
Американская администрация помощи (англ. American Relief Administration, ARA) —негосударственная организация в США (1919 — 1930) 9, 10
Андреев Василий Захарович (1904 — 1988), инженер, эмигрант 82
Антонов Олег Михайлович, историк 5 — 11
Арехян Михаил (1889 — ?), эмигрант 83
Арцибашев Николай (1905 — ?), музыкант, эмигрант 83
Асмолов Владимир Иванович (1860 — после 1917), ростовский купец, благотворитель 106

Б

Базилевский Пётр Александрович (1855 — 1920), предводитель дворянства Московской губернии 37, 40, 42, 46
Байков Андрей Матвеевич (1831 — 1889), городской голова Ростова (1863 — 1869, 1884 — 1889) 105, 109 — 110
Баклановская, ст-ца Дубовского р-на 5, 8, 9, 10
Баташёв Александр Михайлович (1831 — 1889), почётный гражданин г. Ростова-на-Дону, гласный ростовской городской думы 104 — 106
Бегинин (Семён) Симеон Яковлевич (1905 — 1945), управляющий на фабрике Bata (Хорватия), эмигрант 83
Белоусов Алексей Кузьмич (1895 — 1975), адвокат, театральный режиссёр, эмигрант 83
Белоусов Николай (1907 — ?), эмигрант 83
Беляева Елизавета Николаевна (1889 — 1986), хранительница воспоминаний о потомках декабриста В. Л. Давыдова 36 — 43
Богатырёв Алексей Степанович (1888 — 1963), эмигрант 83 — 84
Богачёв Владимир Владимирович (1881 — 1965), геолог, палеонтолог 98 — 100
Богаевский (Воробьёв) Николай Николаевич (1907 — 1989), поэт, историк, художник, эмигрант 83
Богоевский (Богаевский) Андрей Антонович (ок. 1874 — 1931), участник Степного похода, эмигрант 83
Богословский Евгений Васильевич, физик 149, 151
Богоявленская, ст-ца Константиновского р-на 5, 7 — 8
Бойко Андрей Леонидович, историк 95 — 100
Болдырев Степан Степанович (1901 — ?), эмигрант 84
Броневский Владимир Богданович (1784 — 1825), писатель 165, 168
Бударин, хутор *ист.5*
Булычёв Николай Васильевич (1899 — ?), электротехник, эмигрант 84
Быкадоров Иван Афанасьевич (1903 — 1985) биолог, эмигрант 84

В

Вадковский Фёдор Фёдорович (1800 — 1844), декабрист 38
Валуйскова Ольга Владимировна, архивист161 — 164
Вальтер Юлиана (1892 — 1972), эмигрантка 84
Васейко Иван Иосифович (1894 — ?), эмигрант 84
Васильев Александр Александрович (1885 — 1945), эмигрант 84
Ващенко Виктор Алексеевич (1949 — 2019), краевед, г. Миллерово 47 — 49
Вегерин Василий Иванович, преподаватель педагогического колледжа 73, 76
Верхнекудрюченская, ст-ца Усть-Донецкого р-на 6, 7, 9
Весёловское водохранилище 51, 53, 55
Власенков Фёдор, протоиерей, эмигрант 84
Войско Донское
— печать 165 — 168
Волгин Вячеслав Петрович (1879 — 1962), историк, общественный деятель 150
Волочаевский, пос. Орловского р-на 52 — 53, 55 — 57
Волошинова Любовь Феоктистовна, архитектор, краевед 134 — 141
Волчков Евгений (1900 — ?), эмигрант 84
Воронкова Вера (1875 — ?), эмигрантка 84
Высоцкая Елена Петровна, генеалог 100 — 116

Г

Гермоген (Максимов) Григорий Иванович (1861 — 1945), митрополит, эмигрант 84 — 85
Говоров Александр Владимирович (1880 — 1956), врач, эмигрант 85
Говоров Василий Владимирович (1892 — 1973), эмигрант 85
Говоров Николай Владимирович (1889 — 1979), эмигрант 85
Голод (1921 — 1922) 5 — 11
Голоколосова Регина Георгиевна (1924 — ?), эмигрантка 85
Горская Евгения Николаевна (1840 — ?), урожденная Кузмина, дочь ростовского городского головы Н. И. Кузмина, эмигрантка 102, 111, 114
Горский Борис Павлович (1894 — 1975), участник Добровольческой армии и ВСЮР, правнук ростовского городского головы Н. И. Кузмина, эмигрант 111

Гридасова Женета Петровна, журналист 17 — 21
Громов Авелий (1903 — ?), эмигрант 85
Грубмайр Инна Ивановна (1969), филолог, исследователь русской эмиграции в Загребе (Хорватия) 80 — 81
Губарев Борис Степанович (1903 — 1995), офицер, эмигрант 85
Губарев Николай Степанович (1901 — ?), врач, эмигрант 85
Губарев Павел Степанович (1905 — ?), эмигрант 85

Д

Давыдов Василий Львович (1780—1855), русский офицер, поэт, декабрист 41
Давыдов Иван Фёдорович (ок. 1897 — 1923), унтер-офицер Русской армии, эмигрант 85
Давыдова Александра Ивановна (1802 — 1895), жена декабриста В. Л. Давыдова 38 — 39, 42 — 46
Давыдовы-Переслени, род 36 — 42
Детские дома (1921 — 1922) 7
Димитров Пётр Агапович (1926 — 2016), председатель исполкома Пролетарского районного совета депутатов трудящихся г. Ростова-на-Дону 161–164
Домбровский Борис Сергеевич (1887 — 1937), горный инженер 95, 99
Донская Антония (1895 — ?), портниха, эмигрантка 85
Донская государственная публичная библиотека — отдел краеведения 76 — 77
Донская духовная семинария (1868 — 1920), г. Новочеркасск 61 — 64
Донская область (1920 — 1924) 5 — 11
Донской Василий (1900 — ?), эмигрант 85
Донской временник, краеведческий альманах (1993 —) 77
Доронин Валериан Владимирович (1907 — ?), нженер, эмигрант 85
Дорохин Валериян (1907 — ?), инженер, эмигрант 85
Дубовой, хутор ст-цы Верхнекундрюченской Усть-Донецкого р-на 6
Дувакин Николай (1901 — ?), геодезист, эмигрант 85

Е

Екатерининская, ст-ца Белокалитвинского р-на 6
Елатанцев Григорий Иванович (1885 — 1988), врач, эмигрант 86
Елатанцев Ростислав Григорьевич (1929 — 2009), эмигрант 86
Елатанцева Ольга Константиновна (1904 — 1983), врач, эмигрантка 86
Епихов Николай Николаевич (1874 — 1972), генерал-майор, эмигрант 86
Ермаковская, ст-ца Тацинского р-на 6, 8
Ермолов Николай Петрович (1903 — 1979), эмигрант 86
Ефименко Георгий Прокофьевич (1921 — 1992), учитель, краевед, с. Синявское 24 — 31
Ефремовская, ст-ца *ист.* 5 — 6

Ж—З

Жариков Григорий Михайлович (1894 — 1970), подпоручик, эмигрант 86
Жеребков Николай Алексеевич (1875 — 1937), почётный мировой судья 1-го Донского округа, эмигрант 86
Жеребкова Анна (1914 — 1944), эмигрантка 86
Жеребкова Елена Фёдоровна (1885 — 1941), эмигрантка 86
Живая природа степи, ассоциация 55, 56, 58, 60
Зайцева Наталья Николаевна, библиограф 76 — 77
Захаревский Сергей Васильевич (1879 — 1930), участник Степного похода, эмигрант 86
Земляков Андрей Андреевич (1894 — 1982), эмигрант 86 — 87

И

Иванков Иван М., эмигрант 87
Иванов Василий Яковлевич (1888 — ?), эпидемиолог, эмигрант 87
Иванова Мария (ок. 1890 — 1931), эмигрантка 87
Иконописание 61 — 64
Ильинский, хутор Нижнекурмоярской ст-цы ист. 5
Исаев Иван Петрович (1898 — 1960), инженер-лесотехник, эмигрант 87
Ишевич Григорий (1897 — ?), музыкант, эмигрант 87

К

Казарова Нина Акоповна, историк 144 — 145
Каледин Гавриил Николаевич (1890 — 1950), эмигрант 87
Калинин Михаил Иванович (1875 — 1946), советский государственный и партийный деятель 149
Калников Георгий (Афиниянович?) (1879 — ?), эмигрант 87
Кампе Франсис (? — 1852), французский музыкант, педагог 124 — 126
Камышевская, ст-ца Цимлянского р-на 5, 7, 8
Карайчев (Караичев) Яков Руфович (1894 — 1969), капитан, эмигрант 87
Каргальская, ст-ца Волгодонского р-на 5, 8
Киндий Минодор Михайлович (1916 — 1974), инженер-строитель, эмигрант 87
Кладбища
— Загреб, г. (Хорватия) 82 — 94
— Ростов-на-Дону, г.
— — Братское кладбище 134 — 141
Кнорринг, фон Карл Густав (1813 — 1871), барон 110 — 111
Кнорринг, фон Клавдия Николаевна (1837 — ?), урожденная Кузмина, дочь ростовского городского головы Н. И. Кузмина 110

Князьков Василий Георгиевич (1890 — ?), эмигрант 87
Ковалёв Михаил Антонович (1903 — ?), эмигрант 87
Козаков Евгений Алексеевич, учитель иконописания в Донской духовной семинарии (1912 — 1916) 63
Колкатин Александр (1898 — ?), эмигрант 87
Константиновск, г. 5, 9
Королёв Владимир Николаевич (1940 — 2005), историк 31 — 35, 78
Космаенко Александр Порфирьевич (1888 — 1945), дирижёр, эмигрант 87
Космаенко Иван Порфирьевич (1882 — 1951), полковник Генерального штаба Русской армии, эмигрант 87 — 88
Костенко Николай Тихонович (1879, 1874? — 1942), прокурор, эмигрант 88
Краеведение историческое 76 — 80
Краеведческие конференции, семинары
— Современная краеведческая периодика России. Опыт и перспективы развития *(Москва, 1 марта 2019 г.)* 68 — 71
— Исторический некрополь России как часть отечественного культурного наследия: проблемы изучения и охраны *(Москва, 24—25 мая 2019 г.)* 71 — 75
— Константиновские краеведческие чтения имени А. Кошманова *(Константиновск, с окт. 2008)* 77, 80
Крапивин Анатолий Михайлович (1906 — ?), эмигрант 88
Краснов Андрей (1900 — 1976), эмигрант 88
Краснов Пётр Николаевич (1869 — 1947), писатель, донской атаман (3.05.1918 — 2.02.1919) 141 — 144, 165
Кривошеин Апполон Константинович (1833 — 1902), городской голова Ростова-на-Дону (1874 — 1878) 103 — 106
Крюков Михайло (Михаил?) (1880 — ?), эмигрант 88
Кудрявцев Николай (1902 — ?), эмигрант 88
Кудрявцев Николай Александрович (1899 — ?), эмигрант 88
Кузмин Лев Григорьевич (1883 — 1920), внук городского головы Ростова-на-Дону Н. И. Кузмина 110
Кузмин Николай Иванович (? — 1886), городской голова Ростова-на-Дону (1878 — 1883) 100 — 110
Кузнецов Пётр Михайлович (1872 — ?), эмигрант 88
Кузнецова Мария (1876 — ?), эмигрантка 88
Кумшацкая, ст-ца Цимлянского р-на 5, 7, 8
Курдюмов Иван Николаевич (?1896 — ?), агроном, эмигрант 88
Кутепов Александр Сергеевич (1781 — 1855), архитектор 129 — 130

Л

Ладыженский Александр Михайлович (1891 — 1972), историк права 144 — 151
Ламанов Борис Макарович (1920 — ?), эмигрант 88
Ламбакис Анка (Анна?) Харлампиевна (1903 — ?), эмигрантка 88
Лебедев Александр Фёдорович (1882 — 1936), профессор Ростовского университета (1917 — 1930) 147 — 148, 150 — 151
Левицкий Михаил Андриянович (Адрианович) (1894 — 1953), эмигрант 88
Лисицын Константин Иванович (1882 — 1933), геолог 97, 99
Лубский Анатолий Владимирович, историк 75 — 80
Лукьянов Аркадий Павлович (1896 — ?), химик, эмигрант 88
Луценко Ирина Степановна (1904 — ?), эмигрант 88
Лысенко Николай Георгиевич (1907 — 1985), эмигрант 88
Лысов, хутор (Волгоградской обл.) 95 — 100
Людоедство (1921 — 1922) 8, 147
Лященко Пётр Иванович (1876 — 1955), экономист 150, 151

М

Маврогордато (урожд. Авьерино) Виктория Николаевна (1835 — 1923), пианистка 117 — 125
Маврогордато Матвей Стаматьевич (1860 — 1941), предприниматель, музыкант 116 — 122
Максименко Людмила Ивановна, журналист 130 — 134
Максимов Семён Иванович (1897 — ?), врач, эмигрант 88
Максимов Фёдор Иванович (1892 — ?), врач, эмигрант 88 — 89
Манастырсков Иван (ок. 1888 — 1927), ветеринар, эмигрант 89
Маневич Борис Исаакович (1910 — 1992), кинорежиссёр, кинооператор 64 — 67
Мануйлов Александр Аполлонович (1861 — 1929), министр просвещения во Временном правительстве 145, 146, 150, 151
Маныч, пос. Орловского р-на 50, 56
Маныч-Гудило, озеро 50 — 54, 55 — 56
Мариинская, ст-ца Константиновского р-на 5, 7
Маркинская, ст-ца Цимлянского р-на 5 — 6, 8
Марченко Дионисий Андреевич (1895 — 1968), участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, эмигрант 89
Меркулова Екатерина (1903 — ?), врач, эмигрантка 93
Микула Антонина (1887 — 1985), эмигрантка 89
Мининков Николай Александрович, историк 31 — 35, 75 — 80
Миноранский Виктор Аркадьевич, зоолог, эколог 50 — 60
Мироненко Алевтина (1913 — ?), эмигрантка 89
Мироненко Людмила Тихоновна (1914 — ?), эмигрантка 89
Митрофан (Симашкевич; 1845 — ок. 1930), протоиерей 61 — 62
Молчанов Александр Васильевич (1888 — ?), эмигрант 89
Монетов Василий Тимофеевич (1898 — ?), эмигрант 89
Мордовин Симеон Николаевич (1897 — ?), инженер-электротехник, эмигрант 89
Мордухай-Болтовской Дмитрий Дмитриевич (1876 — 1952), математик 148 — 149, 151
Морозов Тимофей Саввич (1888 — 1921), старший сын миллионера С. Т. Морозова 147, 151
Морозова Ольга Михайловна, историк 141 — 144
Мрихин (Мрыхин) Димитрий Филиппович (1898 — 1945), священник 89
Музей П. И. Чайковского (г. Клин) 43 — 45

Н

Надтока Елена Михайловна (1957 — 2019), журналист, правозащитник 17 — 23
Нахинов Александр (1917 — ?), эмигрант 89
Некрополь см. Кладбища
Немерчук Михаил Андреевич (1896 — ?), эмигрант 89
Нефёдов Александр Васильевич (1874 — 1928), генерал-майор , эмигрант 89
Нечаев Иван (1901 — ?), эмигрант 89
Нижнекундрюченская, ст-ца Усть-Донецкого р-на 9
Нижнекурмоярская, ст-ца *ист.* 5, 7
Никитин Сергей Алексеевич, главный специалист Бюро судебно-медицинской экспертизы г. Москва 113 — 115
Николаевская, ст-ца Константиновского р-на 5, 7, 8
Никольский Михаил Захарович (1910 — 1958), геодезист, эмигрант 89
Никольский Пётр Захарович (1897 — 1945), участник Степного похода, эмигрант 89 — 90
Новочеркасск, г. 152 — 161
Новочеркасский музей истории донского казачества 78, 95 — 100

О

Общество охотников и рыболовов (Орловская район. обществ. орг)., пос. Орловский 58
Ознобишин Егор (Георгий) Андреевич (1837 — ?), художник 130 — 134
Орловский р-н
— опустынивание земель 51

П

Палеонтологические находки (Область войска Донского, 1912 г.) 95 — 100
Памятники истории и культуры
— Новочеркасск, г. 20 — 23
Парадиев Анатолий (1887 — ?), священник, эмигрант 90
Парамонов Николай Елпидифорович (1876 — 1951), предприниматель, меценат 141 — 144
Пашиньян Карп Григорьевич, фотохудожник 36 — 46, 64 — 67
Пашкова Марта (1901 — ?), эмигрантка 90
Первый Донской округ (1921 — 1922) 5 — 11
Переслени Евгений Владимирович (1860 — 1942), внук декабриста В. Л. Давыдова 36 — 46
Пётр I (1672 — 1725), царь всея Руси (с 1682 г.), император 165 — 168
Пигарев Иван Тарасович (1888 — 1974), эмигрант 90
Пичахчи Александр Павлович (1886 — 1954), полковник, эмигрант 90
Полынов Борис Борисович (1877 1952), почвовед, геохимик, географ 97, 99
Польская Ольга Александровна (1898 — 1938), эмигрантка 90
Поляков Всеволод Платонович (1878 — 1951), офицер 14-го Донского казачьего полка, эмигрант 90
Поляков Иван Алексеевич (1886 — 1969), генерал-майор, эмигрант 90
Понеделкова Татьяна Ивановна, журналист 47 — 49
Пономарёв Павел Тимофеевич (1898 — ?), эмигрант 90
Попов Василий Григорьевич (1906 — 1945), инженер-геодезист, эмигрант 90
Попов Иован (Иван?) (1870 — ?), священник, эмигрант 90
Попов Пётр (1900 — ?), священник, эмигрант 90
Попов Харитон Иванович (1834 — 1925), создатель Донского музея в Новочеркасске 95, 98
Православлев Павел Александрович (1873 — 1941), геолог и палеонтолог 97 — 100
Пролетарское водохранилище 51
Пушкадия-Рыбкина Татьяна Витальевна (1929), исследователь русской эмиграции в Загребе (Хорватия) 80 — 81
Пушкин Александр Сергеевич (1799 — 1837), поэт 37 — 41

Р

Резанов Фёдор (ок. 1888 — 1929), эмигрант 90
Ремонтненский р-н
— опустынивание земель 51
Ренненкампф, фон Анастасия (ок. 1879 — 1937), эмигрантка 90 — 91
Республика Калмыкия
— опустынивание земель 51
Ригельман Александр Иванович (1714 — 1789), военный инженер, историк 133, 165 — 166, 168
Ровный Алексей Иванович (1891 — ? 1963), врач, эмигрант 91
Ровный Пётр Иванович (1900 — 1949), инженер-химик, эмигрант 91
Розанов Маркиан Давыдович, учитель иконописания в Донской духовной семинарии (1885 — 1898) 62
Романенко Михаил Тихонович (1897 — 1971), офицер Русской армии, врач, эмигрант 91
Романовская, ст-ца Волгодонского р-на 5, 7, 8
Ростов-на-Дону, г.102 — 108, 163
Ростовский, государственный природный заповедник 50 — 60
Ростовский собор Рождества Пресвятой Богородицы 127 — 130
Рубан Геннадий Мефодьевич (1922 — 1998), участник Великой Отечественной войны 13 — 17
Рубан Мефодий Андреевич (1894 — 1972), участник Гражданской войны 12 — 17
Русинова Анфиса Григорьевна (1914; 1924? — 1993), эмигрантка 91
Рыковский Илья (1900 — ?), эмигрант 91

С

Савельев Евграф Петрович (1860 — 1927), историк, журналист 34, 165 — 167
Савченко Юлия (1894 — ?), эмигрантка 91
Сарандинаки Юлия Николаевна (1840 — 1911), урожденная Кузмина, дочь ростовского городского головы Н. И. Кузмина 102, 110, 113 — 114
Сарандинаки Яков Маргаритович (1850 — 1919), редактор-издатель газеты «Русский стяг» (Москва) 110, 113 — 115
Саринов Димитрий Александрович, 1905 — 1982), музыкант, эмигрант 91
Саринов Михаил Александрович, 1903 — 1978), инженер-химик, эмигрант 91
Семёнова Ольга Валерьевна, историк, культуролог 12 — 17
Семикаракорск, г. 6, 8, 9
Семиколенов Георгий Федорович (1892 — 1972), эмигрант 91
Скорик Александр Павлович, историк 152 — 161
Смирнова Александра Геннадьевна, историк, краевед 68 — 75
Соколов Николай (1875 — ?), эмигрант 91
Соломонов Иван Евсигнеевич, учитель иконописания в Донской духовной семинарии (1899 — 1906) 62 — 63
Станкова Валентина Филипповна (1899 — 1963), эмигрантка 91
Стенченко Кузьма Львович (1901 — ?), эмигрант 91
Стрепетов Владимир Михайлович (1898 — 1972), эмигрант 91 — 92

Т

Таганрог, г.
— история 123 — 124
— музыкальная жизнь 118 — 121, 124 — 126
Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник
— коллекция де Боттари 112 — 114
Терновская, ст-ца Цимлянского р-на 5, 7 — 8, 9
Тодыка Раиса Артёмовна, журналист 24 — 31
Тон Константин Андреевич (1794 — 1881), архитектор 128 — 129
Траилин Анатолий Александрович, (1868 — 1940), генерал-майор, эмигрант 92
Траилин Сергей Александрович (1872 — 1951), композитор и пианист, эмигрант 92
Туников Пётр (188? — ?), эмигрант 92

У—Ф—Х—Ц

Усть-Быстрянская, ст-ца Усть-Донецкого р-на 7
Фёдоров Сергей Севастьянович (1895 — 1945), участник Степного похода, эмигрант 92
Филипповская, ст-ца см. Маркинская
Фролов Иван (1875 — 1950), эмигрант 92
Хазаров Давид Иванович (1901 — 1962), эмигрант 92
Харченко Михаил Фёдорович (1888 — ?), эмигрант 92
Хоменко Иван (ок. 1891 — 1943), музыкант, эмигрант 92
Хорунженко Павел (1895 — 1942), эмигрант 92
Цауер Михаил (1899 — ?), эмигрант 92
Церковников Евгений Тимофеевич (1904 — 1985), химик-органик, эмигрант 92 — 93
Цимлянск, г. 5, 8, 9
Цимлянская, ст-ца см. Цимлянск
Цимлянский, природный заказник 59
Цимлянское водохранилище 59, 79
Цыкин Константин Петрович (1894 — 1951), эмигрант 93
Цымбал Алла Августовна, старший научный сотрудник Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника 112 — 122

Ч—Ш—Щ—Ю—Я

Чайковский Пётр Ильич (1840 — 1893), композитор 42 — 45
Чеботарёв Андрей (1954 — 2018), историк, эмигрант 93
Чеботарёв Борис Владимирович (1908 — 1962), эмигрант 93
Чеботарёв Владимир Степанович (1879 — 1928), инженер, эмигрант 93
Чекин Алексей Валентинович (1948 — 2014), директор заповедника «Ростовский (1995 — 2005) 54 — 55, 57 — 58
Чекунов Борис Алексеевич (Александрович?) (1898 — ?), эмигрант 93
Чернявский Константин Родиславович, скульптор 165 — 168
Чума (1921 — 1922) 5 — 11
Чертковская, ст-ца Морозовского р-на 5 — 6
Шадрина Алла Валерьевна, историк 61 — 64, 127 — 130
Шваст Александра Петровна (1899 — ?), эмигрантка 93
Шерстнев Евгений Иванович (1887(1897?) — ? не ранее 1970), врач, эмигрант 93
Широков Иван Захарович (1847 — 1928), генерал-лейтенант, эмигрант 93
Шишлов Василий Васильевич (1868 — ?), генерал, эмигрант 93
Штавдакер Лариса Александровна, библиограф 70, 76 — 77, 80 — 81
Щеголев Василий Алексеевич (1890 — 1952), эмигрант 94
Юрченко Фёдор Фёдорович (1890 — ?), эмигрант 94
Ющенко Александр Иванович (1869 — 1936), психиатр 146, 149, 151
Яблочков Тихон Михайлович (1880 — 1926), профессор Донского университета 149 — 150, 151
Ягич Паула (Павлина?) (1890 — 1977), эмигрантка 94
Яковлев Иван Григорьевич (1903 — 1997), инженер-лесотехник, эмигрант 94
Ярошенко Сергей (1899 — ?), эмигрант 94
Ящеры *ист.* 95 — 100

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БиГ — Босния и Герцеговина
БУ — Белградский университет
ВВД — Всевеликое Войско Донское
ВСЮР — Вооружённые силы Юга России
ВТШ — Высшая техническая школа, г. Загреб
ГАРО — Государственный архив Ростовской области, г. Ростов-на-Дону
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, г. Москва
г. р. — год рождения
ГЖД — Государственная железная дорога
ДАОО — Государственный архив Одесской области, г. Одесса
ЗУ — Загребский университет
КСХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев (1 декабря 1918 — 3 октября 1929), затем Королевство Югославии (3 октября 1929 — 29 ноября 1945)
КЮА — Королевская Югославская армия
м. — место, местечко
НГХ — Независимое Государство Хорватия (10 апреля 1941 — 9 мая 1945);
НОА / НОАЮ — Народно-освободительная армия (Югославии)
НОД — Народно-освободительное движение
РГАДА — Российский государственный архив древних актов, г. Москва
РГБ НИОР — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, г. Москва
РГВА — Российский государственный военный архив, г. Москва
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва
РГИА — Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург
РПЦЗ — Русская православная церковь за рубежом
сл. — слобода
ТГЛИАМЗ — Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, г. Таганрог
ХПЦ — Хорватская православная церковь
ЮНА — Югославская народная армия
DAZG — Državni arhiv u Zagrebu / Государственный архив города Загреба
HDA — Hrvatski državni arhiv / Хорватский государственный архив
HNK — Hrvatsko narodno kazalište / Хорватский государственный театр
NOV — Narodno oslobodilačka vojska / Народно-освободительная армия (НОА)
NSK — Nacionalna i sveučilišna knjižnica, Zagreb / Национальная и университетская библиотека, г. Загреб
POJ — Partizanski odredi Jugoslavie / Партизанские отряды Югославии

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В краеведческом альманахе «Донской временник» печатаются не публиковавшиеся ранее материалы. Приветствуются оригинальные статьи, содержащие результаты научных исследований.

2. Подписанная автором(ами) рукопись представляется на электронном носителе. Текст должен быть в формате Microsoft Word, с расширением *.doc. (гарнитура Times New Roman, кегль 12, интервал — одинарный). Страницы не нумеруются. Фотографии должны быть выполнены в форматах tiff или jpg (отдельным файлом) с разрешением не менее 300 dpi.

3. Объем статьи не должен превышать 1 а.л., включая список литературы, таблицы и подрисуночные подписи, 5—6 рисунков или фотографий.

4. Материал следует присылать по электронной почте на адрес: donvrem@yandex.ru

5. При оформлении статьи Автор(ы) должны учитывать, что

- название статьи, фамилия и инициалы автора/авторов должны быть набраны заглавными буквами, используя при этом ту же гарнитуру, что и основной текст (Times New Roman) и кегль 12;
- не допускается размещение фрагментов текста, позаимствованных из Интернета;
- ссылки помещаются в конце статьи в виде Примечания и имеют сквозную нумерацию. Отсылки в тексте документа заключают в квадратные скобки. При необходимости отсылки могут содержать определенные идентифицирующие сведения: имя автора (авторов), название документа, год издания, обозначение и номер тома, указание страниц.
- Библиографическое описание должно соответствовать ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления»; Библиографические ссылки должны быть выполнены в соответствии с ГОСТ Р. 7.0.5-2008.

6. К рукописи статьи Автор(ы) прилагает сведения о себе.

7. Рукописи не рецензируются и не возвращаются авторам.

8. Редакция оставляет за собой право на сокращение объёма материала и его литературную правку.

ДОНСКОЙ ВРЕМЕННИК

Выпуск 28

Учредитель ГБУК РО «Донская государственная публичная библиотека»
Ответственный редактор Штавдакер Л. А.

Вып. 28. Сдано в набор 01.10.19. Подписано в печать 11.11.19.
Дата выхода в свет — 2019 год. Тираж 250 Заказ № 100

Адрес редакции и издателя: 344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 175 А.
Донская государственная публичная библиотека. Тел.: 264-35-68, e-mail: donvrem@yandex.ru

Отпечатано в типографии ООО «Донской издательский дом»
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 170.
Тел./факс: (863)280-88-78, 8-928-214-22-88, 8-928-111-84-08, e-mail: donidom@mail.ru

Е. В. Переслени, внук декабриста В. Л. Давыдова

Е. Н. Беляева. 1913 г.

Е. Н. Беляева —
сестра милосердия. 1914 г.

Е. Н. Беляева. 1984 г.
Фото К. Г. Пашиньяна

Выступление И. С. Козловского в музее П. И. Чайковского в 1959 году. г. Клин. Фото Е. А. Халдея

Виды из Красной книги Российской Федерации и Ростовской области

Колпица на гнезде

Черноголовый хохотун Фото С. В. Толчеевой

В Ассоциации «Живая природа степи»

Американский родственник двугорбого верблюда — лама в питомнике Ассоциации «Живая природа степи». Фото В. А. Миноранского

Серые гуси на водоёмах Ассоциации «Живая природа степи». Фото С. В. Толчеевой

Фотографии из коллекции де Боттари

Яков Маргаритович Сарандинаки.
Рим. 1876 год

Яков Маргаритович Сарандинаки. Рим.
1880-е годы

Николай Маргаритович Сарандинаки.
Рим. 1880-е годы

Супруги Яков Маргаритович
и Юлия Николаевна Сарандинаки.
Рим. Конец 1870-х годов

Юлия Николаевна Кузмина,
в замужестве Сарандинаки.
Рим. 1876 год

Юлия Николаевна Кузмина,
в замужестве Сарандинаки.
Рим. 1880-е годы

Клавдия Николаевна Кузмина,
в замужестве фон Кнорринг.
Рим, 1870—1880-е годы

Евгения Николаевна Кузмина,
в замужестве Горская.
Рим, 1870—1880-е годы